

**Книга бытия моего. Дневники и
автобиографические записки. Том II
епископ Порфирий (Успенский)**

1844 год

МАЙ 1, Понедельник. От утра до полудня писал я дневник свой запоздалый 24-мя часами, не считая ночного времени.

НВ. В патриархии есть своя фабрика для выделки восковых свеч. Я покупал для себя свечи. Есть также и винный завод в небольшом размере.

МАЙ 2, Вторник. Путешественник со временем привыкает ко всем неудобствам и неприятностям страннической жизни; да и что значат они пред тем удовольствием, которое он чувствует при виде новых сцен природы, при встрече с невиданными людьми, при взгляде на их лица, одежды, нравы, художность. А какие-нибудь тысячелетия древности поглощают все его внимание и, воскрешая в памяти его древний мир, делают его хоть не всеведущим, но многознающим¹. Эти два побуждения, т. е. удовольствие и знание повлекли меня в Хеврон, Хермель, Маон, Ютту, Газу, Аскалон и в их окрестности, не смотря на то, что стращали меня и разбоями, и смутами в тех местах. Я нетерпеливо хотел видеть хоть снаружи место покоя Авраама, Исаака и Иакова; я предполагал найти значительный развалины в Ютте и увериться на месте, что в этом левитском городе жил Захария со своею женою Елизаветою, и что здесь Пресвятая Дева Мария имела свидание с нею. В Газу, Аскалон и другие филистимские города меня влекли и воспоминания исторические и вместе желание составить хоть слабое понятие о том, как отпечатались следы существования филистимского загадочного народа. В этих городах и в их окрестностях я чаял найти следы особенной заботливости филистимлян об устройстве вместилищ воды, которую они, кажется, признавали символом зиждительного начала в природе. Полный этих мыслей и чаяний я отправился сегодня из Иерусалима в Хеврон ровно в 7 часов, утром. Со мною было шесть человек, из коих только три были вооружены. Было ветрено и очень холодно. Подъезжая к Ильинскому монастырю, я любовался живописным его местоположением. Древние стены его проглядывали сквозь масличные деревья; два холма, казалось, скрепляли их справа и слева. По закону человеческого зрения, деревья, холмы и здание

сливались в одно целое, которое разделилось, разрознилось, разметалось по приближении к обители. Минувя ее, я взглянул на ложе дивного пророка, углубившееся под ним в скалистом камне, на котором он спал. Это ложе видом своим походить на геометрическую фигуру эллипсис и довольно неглубоко образовалось в камне. Странно, что это чудо чудное, диво дивное осталось вне стен монастыря, и даже довольно не близко от него. Надобно полагать, что первый строитель сей обители не слышал и не знал предания о пророке, заснувшем на семь камне и разбуженном ангелом, и что благочестие-суеверие², ищущее чуда и знамения в каждом камешке палестинском, придумало легенду по устройстве монастыря для привлечения в него богомольцев, которые, прибыв в Палестину, ходят на богомолье только туда, где показывается какое-либо диво. В Св. Писании не упоминается о подобном диковинном спании Илии Пророка, да и в самом монастыре не верят сему. Что ж после сего ложе в камне? Такая же игра природы, как и каменный горох, собираемый за сим монастырем по въезде из лощины на возвышение, на левой стороне от дороги, на больших плоских каменных наплывах. За Ильинским монастырем панорама вдруг становится обширнее, величественнее и не нагляднее. Направо вдали опустевший и развалившийся монастырь Феодосия, пред вами Вифлеем, – радость души, любящей Иисуса; вправо за ним мечется в глаза дойка-титка природы, – гора Иродион, и за нею оструаются дымчатобеловатым течением воздуха зубчатые верхи гор, стерегущих Мертвое море. За этим морем и за Иорданом облава, как снег, лежать на горах недвижно. Небо и земля сближаются, горы восходят; юдоли нисходят; каменные утесы выглядывают из-за роскошной зелени дорог. У ног изгибается древний испорченный водопровод по вогнутой стороне склона горы; и вы, спускаясь по сему склону, жалеете о погибшей образованности в Палестине и побраните беспечное турецкое правительство.

В Хеврон можно проехать чрез Вифлеем; но прямая ближняя дорога пролегает мимо гроба Рахили. Мы отправились по этой дороге. Нынешний памятник над могилою матери

Иосифа и Вениамина построен недавно; и архитектурой походит на обычные турецкие часовни четырехугольные с куполом, кои магометане строят над своими святыми. Время разрушило тот столп, который воздвигнул Иаков над прахом своей любимой жены. Но место ее погребения есть тоже самое, которое и ныне показывают; ибо оно недалеко от Вифлеема и на пути к нему. Эта местность оправдывается сказанием библейским³, и в свою череду подтверждает оное. Памятник, созданный Иаковом над прахом Рахили, долго стоял на своем месте. О нем упомянул Моисей, что он уцелел до его дней⁴. У пророка Иеремии⁵ Рахиль подымает голову свою из могилы и, видя, что все потомки сына ее Вениамина отведены в плен, плачет о них. В эту эпоху, без сомнения, разорен был столп над нею; но вениамиты не забыли места ее погребения и по возвращении из плена. Развалины столпа указывали им это место. Не знаю, восстановили ли они древний памятник, или нет: только память о праматери переживала века и сохранилась до наших времен. Гроб Рахили есть место вечного покоя красоты и любви; вот почему он доселе уцелел. Но разве не было других красот во Израили? Разве любовь Иакова к Рахили была сильнее всякой другой любви? Отчего ж не уцелели памятники других жен? Оттого, что они не были праматери народа. Людям свойственно хранить что-либо редкое, неповторимое, чрезвычайное, а не обычное, ежедневное. Три гроба женские известны в Святой Земле: гроб Сарры, супруги отца верующих, Авраама, гроб Марии, Матери Бога и Человека, и между ними гроб Рахили, женщины необыкновенно любимой, — женщины, за право владения, которою любовь работала 14 лет, и к которой она не охладевала до самой ее смерти. Таким образом памятник любви человека к красоте земной доселе сохраняется между двумя священными памятниками благодати Божией, дивно произраставшей в Сарре и Марии семя жены, долженствовавшее стереть главу змия.

Оставив за собою Бетжалу и ее роскошные масличные сады, мы скоро доехали до прудов Соломоновых. Пока люди наполняли мехи и водоносы свои чистою и холодною водою, я спустился вниз мимо двух верхних прудов. Воды в них было почти столько же, сколько видел я при вторичном обозрении их⁶.

Богатые водоемы; но при беспечности правительства вода не доходит и до Вифлеема и пропадает в горах и юдолях⁷. От прудов мы стали подыматься на горное возвышение. Я искал глазами, направо и налево от дороги и по ней, того водопровода, который идет будто бы из Хеврона к Иерусалиму. В самом деле, на лево от дороги, не так далеко, но и не близко от нее, я заметил искомый водопровод который изгибался по склонам гор. Но не долго я мог следить за ним; он пропал у меня из виду на другой стороне верховья той глубокой дебри, внизу которой стоят развалины какого-то девичьего монастыря. Мне кажется, что отсюда из-под диких скалистых высот и вытекает вода; и напрасно думают, что вода проведена из Хеврона. Что это за девичий монастырь? Кем он основан и когда разорен? Не знаю, и никто здесь не знает. Арабское название ничего не поясняет; ибо оно значить: Девичий монастырь. От него остались только четыре стены. Он построен был в диком ущелии, выше которого начинается прямая долина, ведущая на юг к Хеврону. Эта долина не глубока, но довольно широка и вся покрыта нивами. Пшеница выколосилась, но еще не начинала желтеть. Проехав вдоль сей долины, мы приблизились к развалинам какой-то деревни, на которых паслись черные козы. Я не мог добиться толку у проводников своих касательно этих развалин. Мне называли их таким именем, которого нет на карте Робинсона, хотя он проехал по этой же дороге. За этими развалинами горы Иудеи переходят почти в ровную высь, кой где уставленную приземистыми, кругловатыми холмами. Недалеко за развалинами, с возвышения представился взору Хул-хул или мечеть, построенная над каким-то магометанским пророком Ионою. Спустившись с сего возвышения, которого склон покрыт был разнородными кустарниками, мы спешили с коней и отдохнули немного подле закрытого водоема, который по форме своей показался мне новизною; ибо над водою дождевою устроен круглый, ровный, немалый каменный намет в роде крышки на круглый футляр; и в одном боку сего намета есть отверстие с верху до уровня земли; чрез это отверстие видна была вода и оттуда достается она для поила скота. Я не смотрел в это отверстие; не знаю почему, любопытство

оставило меня на этот раз. «Не во всякую же яму заглядывать», думал я. Подобное устройство садовых водоемов видел я и в Хевроне, в огородах. Отдохнув тут немного, мы переехали довольно широкое поле и поднялись на возвышение, усаженное масличными деревьями и потом опять спустились в низменность. Но я не буду описывать всех повышений и понижений: это очень скучно, утомительно да и бесполезно. Лучше сделаю, если замечу, что здесь дорога, направо и налево, покрыта развалинами деревень. Казалось, эта страна пережила людей. Когда эти люди скрылись отсюда? Когда их жилища обратились в развалины? Быть может, со времени последних переселений евреев опустела сия страна; быть может, огонь и меч Саладина истребил все в этих местах. Замечательно, что и природа уныла там, где нет человека. Без него она не только не развивается, но мертвеет, цепенеет подобно тому, как государство без царя слабеет и клонится к разрушению. За час пути до Хеврона мы остановились подле придорожного фонтана, который арабы называли ед-Дируе. Вода течет бойко из обделанного отверстия в большое каменное корыто, из которого выливается и теряется в соседнем поле. А начало свое берет она тут же, из под каменной скалы, в которой есть искусственные небольшие пещеры, сделанные каменносечцами. Близ сего фонтана, немного повыше, стоят развалины здания. На вопрос мой: «что это за здание?» – арабы, исторгавшие волчцы из соседнего поля, отвечали, что тут был хан. Но я не удовлетворился их ответом, ибо развалины смотрят не ханом. Статься может, что в древнем здании помещался когда-либо и хан. Но огромность камней, из коих кладено здание, продолговатый вид данного и воспоминание историческое, будто здесь крещен был евнух, заставляют думать, что здесь была церковь, и фонтан находился внутри базилики или, по нашему, в паперти. Внутренность сего здания была переделана впоследствии и загромождена мусором разным, и потому трудно было угадать план сего здания. Напротив сих развалин, по правую сторону дороги, на возвышении торчал значительный кусок башенной стены. Арабы называли эти развалины Бетшур. Стало быть это – остатки древнего Вефсура, который существовал во время

Иисуса Навина⁸, укреплен был Иероваамом, и которого жители принимали участие в обновлении стен Иерусалима после плена Вавилонского.

Евсевий и Иероним⁹ утверждают, что в вышеупомянутом источнике крещен был евнух царицы кандакийской. А ныне показывается другой источник под именем источника Св. Филиппа недалеко от Крестового монастыря. Какое предание вернее? И которое место надобно признать за место крещения евнуха! И тот и другой источник находятся на дороге в Газу; там и здесь есть развалины, – свидетели жилья людского и предания людского. Очень трудно решить этот вопрос; впрочем, я более доверяю Евсевию и Иерониму, нежели нынешним монахам-невеж(д)ам; да и дорога к Газе чрез Вифлеем и Вефсур гораздо удобнее для колесничной езды, нежели дорога, ведущая к источнику Св. Филиппа. Притом из сказания книги Деяния Апостолов¹⁰ видно, что две дороги вели в Газу из Иерусалима; и одна называется ἔρημος, очевидно, в противоположность другой, не похожей на нее. Если ἔρημος перевести – пустынная, степная дорога, то евнух ехал на Хеврон и крещен был близ Вефсура в упомянутом источнике, ибо эта дорога действительно пустынна, степна; вся горная возвышенность пред Хевроном и за Хевроном на юг походит на степь взволнованную; посему не мудрено, что и дорогу по ней называли степною. Но дорога от Иерусалима к источнику Св. Филиппа и отсюда в Газу идет по горам и долинам, весьма не ровна и крайне скалиста по местам; эта дорога не могла получить название ἔρημος. Наконец, предание о крещении евнуха в источнике Св. Филиппа подозрительно уже и по тому, что этот источник находится не в дальнем расстоянии от Иерусалима. Что за диковина, что все священные события случились близ Иерусалима? Что за диковина, что и Филипп крестил евнуха близ же сего города? Видно, что в темные века монахи иерусалимские, услышав название: источник Св. Филиппа, вообразили, что тут и крещение происходило: и эта догадка была им на руку; ибо близко было водить туда поклонников и собирать с них деньги.

Отдохнув немного подле источника, мы поспешили в Хеврон. Древний Хул-хул остался влево. Мечеть или надмогильный памятник над каким-то пророком Ионою показался мне похожим на мечеть Еленской горы. Миновав развалины деревни Курбет-ен-Назара, в которой жили христиане, как это показывает самое имя ее, мы стали спускаться в Хевронскую долину. Вдали, направо от дороги, мне указали зеленый дуб Мамврийский; он показался мне маловатым и молодым, но это была ошибка зрения, ибо дуб, как увидим ниже, очень стар и величествен. Вся долина Хевронская, по обеим сторонам мощеной дороги, усажена виноградниками. Виноград уже отцвел и на нем завязались грозди. Здесь, как и вообще во всей Иудее, виноградники возделываются несколько иначе, нежели в Одессе. Здесь нет кустов виноградных, а от каждого корня пускается один ствол, который разрастается в толщину небольшого дерева. Этот ствол снизу до верху гол, а в верховье разделяется на несколько отростков или лоз, на коих уже и растет виноград. Все эти корни садятся рядами и поддерживаются нарочными тычинами. Таким образом, виноградный сад походит на деревянную школку, в которой леторосли выбежали вверх так аршина в два и инде в три. По краям, составляющим границы садов, огороженных камнями живыми, обыкновенно, торчат старые, высокие и толстые стволы, как бы деревья виноградные. Если они разрастутся летом, то под их тенью можно укрываться от жара солнечного и покоиться, и наслаждаться прохладой. Все виноградники обработаны весьма чисто; аллеи прорезываются плужками; былие и всякая трава исторгается и выбрасывается поверх ограды. Вся земля под виноградниками красновата и глиниста. Каждый сад имеет свою сторожевую башню или четвероугольный домик. Ныне будет обильный урожай винограду; ибо, сколько мог я заметить, очень много гроздов завязалось на каждом стволе. Ровно полчаса мы ехали садами до самого города по дурной мостовой, очень похожей на петербургские мостовые и способом мощения, и дурнотой. На правой стороне от дороги, между садами, есть источник, который называли мне источником Сарры. Он обделан в виде

фонтана; и вода падает из него тонким ливнем в каменное корыто.

Странно¹¹..... Около самого города, с этой стороны, начинаются сады масличные, и под маслинами нивы, засеянные пшеницею, которая хотя и выколосилась, но была еще весьма зелена. Хеврон вдруг представляется взору из-за масличий по той и другой стороне долины, и потому не производит того общего резкого впечатление, которое в душе остается в виде рисунка при взгляде на города открытые. Хеврон надобно рассматривать по частям, чтобы составить о нем понятие. В 2 часа пополудни мы въехали в какие-то ворота и по узкой улице потянулись к еврейскому кварталу, где по письму иерусалимского еврея, мне должна быть отведена лучшая квартира в доме еврейском. Улица загромодилась жидами и арабами, которые сбегались зевать на наш поезд. Долго мы ждали приюта подле ворот, ведущих в жидовский квартал. В эти минуты подошел ко мне один еврей и начал говорить со мною по-русски, но довольно плохо; и между нами произошло сильное недоразумение. Я спросил его скороговоркою: «Есть ли у хозяина садочек». Он посмотрел на меня испытующим и как бы укоряющим взором, и отвечал: «Есть одна маленькая». – «А можно ли поставить в нем палатку и ночевать»? – «Помилуйте, как это можно, да ведь она маленькая». – «Да неужели садочек так мал, что нельзя поставить в нем и палатки»? – «Да она не более 2 лет». – «Да о ком ты говоришь»? – «Я говорю о дочке хозяина». – Все мы засмеялись. – «А я говорю о садочке. Я спрашиваю, есть ли у хозяина сад, в котором растут деревья». – «Э, помилуйте, какой сад может быть здесь у еврея. Извините, я думал, что вы спрашиваете дочек». – «Господь с тобою. Я приехал сюда поклониться Аврааму, Исааку и Иакову и супругам его, а о дочках ваших и не думаю». Оказалось после, что этот еврей есть здешний школьный учитель. Не мудрено же, что между нами произошло недоразумение; все господа учителя всегда с первого разу что-нибудь сокрут или не поймут; самое простое представляют они мудреным, не расслушают, да и врут. Наконец нас позвали в квартиру, и мы кое-как добрались до нее по

разным тесным закоулкам жидовским. Квартира оказалась довольно изрядна. Дом принадлежит старой жидовке, которая говорит изрядно по-русски. Она живет в нем с двумя внуками женатыми, и Бог благословил ее правнуками. Невестки ее очень молоды и миловидны; меньшая, можно сказать, красавица; она взята сюда из Табарии; когда она говорит или улыбается, то лицо ее выражает особенную нежность и приятность. Редко можно встретить такую прекрасную женщину. Все семейство отличается необыкновенною белизною тела. Малолетняя правнучка Залма будет в свое время дивная красавица. После закуски и краткого отдыха я спросил хозяина: «дома ли мусселим и нужно ли послать к нему фирман или одно пашийское буюрди, чтобы вытребовать у него проводников для завтрашней поездки?» Хозяин отвечал мне, что мусселим в городе и что довольно показать ему одно буюрди, и сам вызвался сходить к нему и попросить проводников, присовокупив, что он служит у него драгоманом для немцев. Сзади его стоял в горнице тот же самый учитель, с которым произошло у меня недоразумение; и он желая знать, – кто я таков, – чтобы он умел доложить о мне мусселиму, спросил меня: «а позвольте узнать, – какой вы артикель»? Вопрос его рассмешил меня. Но он продолжал: «Извините, нам хотелось бы знать, какой вы артикель, полковник или генерал». – «Генерал», отвечал я громко и шуточно, без всякого чванства и желания блеснуть пред евреями. Но они приняли поддельную монету за истинную и, как после оказалось, наделали мне хлопот и издержек лишних. Хозяин сбегал к мусселиму и, показав ему буюрди иерусалимского паши, без сомнения прибавил, что он имеет у себя в доме не простого путешественника, а московского генерала и епископа. Надобно здесь заметить, что иерусалимский еврей в рекомендательном письме своем к хевронскому еврею почтил меня титулом епископа. Вот мусселим сошел с ума от московского гостя, собрал своих старшин человек 5-ть, и вместе с ними пришел навестить меня. Сколь ни неприятно было его посещение, но я должен был принять его, досадуя на всех жидов и на все чины генеральские, и на свою неосторожность и шутку, с какою я пожаловал себе в

знаменитого путешественника. Я принял мусселима, его брата и высоких сановников его с европейскою учтивостью и азиатскою важностью, в черной шляпе, загнув вверх переднее поле ее, и в арабской черной попоне, точь-в-точь похожей на попоню мусселима. Все мы уселись на полу, на разостланном ковре. Мусселим поздравил меня с приездом и спросил о моем здоровье. Я благодарил его за посещение и, взаимно спросив его о здоровье, сказал ему, что я очень рад познакомиться со знаменитым начальником Хеврона.

– Для чего вы приехали сюда? спросил меня этот начальник.

– Для того, отвечал я, чтобы поклониться издали гробам Авраама, Исаака и Иакова, полюбоваться Хевроном и познакомиться с мусселимом оного.

Между тем хозяин подал шербет в синей стеклянной кружке. Мусселим из учтивости подал его мне, а я, откушав немного, подал ему, и таким образом шербет переходил из рук в руки. Потом пили кофе и закурили трубки. Все это происходило в молчании. Я кусал свои губы и не знал, как отвязаться от дорогого гостя, который не в пору был хуже татарина.

– Что у вас в Московии, все ли спокойно? спросил меня мусселим.

– Слава Богу; все спокойно, отвечал я. Царь наш премудр и всемогущ; народ ему повинуется, как отцу; все живут в тишине и изобилии.

– А сколько всего народу в Московии

– Да 70 миллионов. При этом известии мои дорогие гости выпучили глаза.

– А сколько войска?

– Миллион. – От вторичного удивления глаза выпятились у них, как у раков.

Говорил я мусселиму о нашей морской силе, о больших и красивых городах, о железных дорогах; езда без лошадей, посредством огня и паров, показалась ему изумительною. Наконец я попросил его дать мне проводников.

– А куда вы поедете завтра? спросил он.

– Я намерен обозреть некоторые местности занимательные для нас христиан, именно Зиф, Хермель, Маон и Ютту.

– Вы будете рисовать эти места?

– Нет. Я только взгляну на них. Я человек ее мирской, а духовный, и хочу видеть эти места для того только, чтобы сверить их положение с описанием их в наших древнейших св. книгах.

– Вот брат мой проводит вас, сказал мусселим, и хотел еще закурить трубку; но я встал со своего места, и он догадался, что ему пора идти домой. Мы расстались, условившись в часе выезда завтра утром.

Мусселим хевронский, туземный араб, мал ростом, толст, приземист. В жилах его течет черная горячая кровь идумейская. Взгляд больших черных глаз его суров и не приятен. Он важничает как паша, даром что ходит в одной белой рубашке без порток и в черной арабской попоне. Арабы и жидаы прозвали его черным верблюдом, *майро кармало*. Он весьма кровожаден и корыстолюбив. При вторжении Ибрагима-паши в Палестину он восстал против него, но был взят с бою и отослан в Акру на крепостную работу. Паша простил его; но лишь только он возвратился в Хеврон, опять поднял оружие против Ибрагима, опять был разбит им и убежал за Иордан, где и крылся до низвержения власти египетского вице-короля. Ибрагим конфисковал все его имение. Возвратившись из-за Иордана, он собственными руками разрубил на четыре части предместьника своего и самовластно сделался мусселимом. Порта признала его власть в награду за его верность султану, и теперь он сделался бичом для всех жителей Хеврона и страхом окрестностей. Золото есть его божество. Он собирает его всеми несправедливыми способами. Тысячи жалоб на него поступают паше иерусалимскому; но мусселим всегда остается прав, потому что нельзя же обвинить и наказать человека, который приезжает в Иерусалим не с голыми руками. Жиды вопиют на небо против него. Он грабит их, когда захочет. Хозяин, у которого я остановился на квартире, рассказывал, что, когда он построил свой дом, мусселим явился к нему и требовал с него 10 червонцев турецких за то, что осмелился строить дом без его

позволения, хотя в это время сам он скрывался за Иорданом. Жид уклонялся от платежа, извинялся бедностью. «Больше заплатишь», сказал ему гневно мусселим, выходя из его дома. И в самом деле, на другой день собрались к жиду, один по одному, девять братьев мусселима и разная чиновная сволочь его и забрали из дома все дочиста, так что жид лишился более, нежели на 900 пиастров.

Избавившись от мусселима, я пошел поклониться усопшим патриархам и позевать в городе. Впечатления свои обобщу вместе с повторенными и более проясненными впечатлениями от сих предметов при общем описания Хеврона.

МАЙ 3, Среда. – Утром в 6 часов мы выехали из ворот Хеврона. У большого городского пруда примкнули к нам проводники, посланные мусселимом, два на конях и один пеший. Он сдержал свое слово: отправил со мною своего брата; этим он хотел оказать мне уважение; но избави Бог от таких почестей арабских, ибо они обходятся здесь дорого. Следуя за проводниками по Хевронской долине, оттененной старыми, но роскошными масличиями, я любовался видом ближней горы, которая, казалось, замыкала долину и преграждала нам дорогу. Эта гора имеет три прекрасные круглые возвышения, из коих среднее немного выше боковых; все три возвышения равно отстоят одно от другого и соединяются между собою вогнутыми как бы нарочно вырезанными искусною рукою перешейками. Правду сказал Премудрый¹², что Бог создал все по мере, весу и числу. Точная мера соблюдена была Им и при образовании сей горы. Если бы усадить ее снизу до верха деревьями и виноградниками и на среднем темени построить павильон, или летний домик, или церковь, то эта гора представила бы из себя такую картину, которою не насытились бы очи. По мере приближения к ней, она постепенно как бы поворачивалась все налево и давала нам дорогу. Такое оптическое обольщение, радуя душу, несколько поясняло мне слова Спасителя¹³ о переставлении гор и слова Давида: путь неправды отстави от Мене¹⁴. Такие метафоры могли быть высказаны только в Палестине, где одни и те же горы странным образом кажутся то близкими, то отдаленными, то движутся, то стоят, то замыкают

дорогу, то открывают ее. Объезжая сию гору, я любовался виноградными садами, разведенными в долине и на покатостях гор; и с этой (южной) стороны сады тянутся на далекое пространство от города. Белое вино, выделяемое христианами из хевронского винограда, весьма крепко, душисто и приятно. Я пил это вино у вифлеемского митрополита и в самом Хевроне, у хозяина. Миновав гору, мы ехали сначала между засеянными полями, а потом все уже степью, которая очень походит на степь Херсонской губернии, ибо она так же, как и эта, немного взволнована; вместо наших курганов виднеются круглые невысокие холмы: жилья нигде нет; взор объемлет далекое пространство; мало зелени и еще менее воды; ни лесу, ни кустарника, – все везде пустынно и дико; дорога привольна, широка и ровна, и по местам обставлена большими камнями для того, чтобы путник не сбился с нее. На этой горной степи было очень холодно. Темные облака быстро неслись по всему поднебию с юго-запада и порой капали; но спустя час с лишним по выезде нашем они пронеслись все, куда их ветер зазвал. – «Что за развалины на этом холме, и как их называют здесь?» – спросил я пешего проводника, который очень хорошо знает все окрестности. – «Это – Телль-Зиф, – отвечал он; а вот впереди видите ли Кастро под холмом; тут Хермель и Маон; а направо отсюда, вот за теми деревьями, – Ютта (Ятта)». – «А, вот где находился Зиф, так часто упоминаемый в Библии, и особенно в истории Давида»¹⁵, – говорил я сам себе, и своротил немного с дороги для обозрения глубокой древности.

Налево от дороги в Маон стоит уединенный покатиный холм. Окрестность его покрыта густым слоем белого камня, какой будто кто-нибудь на темени холма приготовил каменистый раствор белого цвета и вылил его, и эта жидкость огустела у холма. В этом слой и под ним есть натуральные пещеры и искусственный систерны и ямы: знак людского жилья. Но кучки развалившихся зданий лежат на самом темени холма. Так как эти развалины снизу показались мне мелочными, то а не рассудилось мне въезжать туда. Но теперь я крайне жалею о том, что у меня устало на этот раз любопытство. Не было со мною товарища, с которым я мог бы соперничать в обозрении

древностей. Мой о. Григорий весьма не любопытен: ему бы только поесть и попить хорошо в дороге, а там и сям лежи хоть какие дорогие развалины, ему нет дела до них. Я утешаюсь, по крайней мере, тем, что видел и записал местность Зифа; а история его читается в Библии. Сейчас разгибаю итальянский перевод Библии, потому что славянский отослан мною в Царь-Град вместе с другими книгами, и собираю в кучку все библейские сказания о Зифе.

В книге Иисуса Навина¹⁶ Зиф упоминается в числе горных городов, доставшихся по разделу племени Иудину, и упоминается вместе с Маоном, Хермелем и Юттою. И поныне все эти четыре места составляют, можно сказать, один околоток. Из Зифа видны все его соседи. – Недалеко от Зифа в степи был лес, в котором Давид укрывался со своею дружиною от преследования Саула. В этом лесу Ионафан имел свидание с ним и укрепил его надеждою на Бога, и говорил ему: «не бойся, ибо рука Саула, отца моего, не достигнет тебя, и ты воцаришься над Израилем» и пр. Но зифеи, узнав, что Давид скрывается в крепостце, в лесу, уведомили об этом Саула, который находился на этот раз в Гавае. Все движения Саула известны были Давиду; и когда он узнал, что Саул гонится за ним к Зифе, тогда он перешел в степи Маонския, где хитрыми движениями укрывался от дружины царской¹⁷.

От Зифа проехали мы прямо к Хермелю (в юго-восточном направлении от Хеврона) по ровной дороге, обставленной по бокам большими камнями. Судя по названию местности, я воображал, что Хермель есть гора, хоть несколько похожая на Кармил. Ничего не бывало. Хермель есть не что иное, как развалившийся, рассыпавшийся городок, который был построен в степи, напротив Маона. Ныне стоит полуразвалившееся высокое здание, как бы четвероугольная башня, и подле него небольшая впадина, в которой лежат обломки колон. Надобно думать, что тут была небольшая крепость, ибо есть следы рва и остатки древней стены в виде контрофорса. На северной стороне этой крепости видны развалины домов. По обеим сторонам оной есть глубокой лощины, из которых в одной устроен большой водоем; в нем было несколько воды. Не

забыть бы сказать, что под вышеупомянутую башню есть ход подземельный. Мне кажется, что тут есть или пещера для укрытия скота, или систерна. Сойти туда я побоялся без свеч, коими не запасаюся.

Хермель, по сказанию Иисуса Навина¹⁸, достался племени Иудину по завоевании Земли обетованной. Здесь было богатое имение Навала Маонитянина. В здешних степях паслись его три тысячи овец и тысяча коз. В Хермеле, обыкновенно, стриглись его овцы и козы; и было где держать их, ибо около Хермеля и Маона очень много натуральных пещер, удобных для стойла овец и коз. Однажды во время стрижки овец Давид, гонимый Саулом, послал своих сподвижников к Навалу с поклоном. Навал принял их очень грубо, и Давид наказал бы его жестоко, если бы не спасла его жена, благоразумная и доброликая Авигея¹⁹.

Напротив Хермеля и не далеко от него высится один холм; между этим холмом и Хермелем лежат небольшие развалины. Сколько можно судить по уцелевшему фундаменту и по остаткам стен на нем и по колоннам, лежащим среди здания, то надобно полагать, что тут был потешный дом или, лучше, галерея открытая, в которой праздновали стрижку овец, – этот сельский праздник. Под этим домом есть также с боку систерна четвероугольная, либо пещера для стойла скота. Этих развалин здешние арабы не называли Маоном; это название они усвоят соседнему холму, на котором были здания, лежащие теперь в развалинах. Я объехал кругом весь этот холм снизу до верха. Можно сказать, что весь он ноздреват и состоит из пещер под камнями. Есть тут и систерны.

По усмотрению всех сих мест, я приказал поставить палатку между Хермелем и Маоном, подле развалин. Было еще рано. Пониже нас кочевали бедуины. Кочевье их состояло из 50 черных палаток. Они зависимы от хевронского мусселима, и потому старшина кочевья взял к себе брата мусселимова. Лишь только мы успели закусить кое-что, явился к нам в палатку шейх кочевья и просил нас к себе в гости. – «Я заколю молоденького ягненка для вас», – говорил он. Я отказался под тем предлогом, что уже пообедал. – «Как, настаивал шейх, как, вы поставили

палатку в виду моего стана, и я не заколю ягненка для таких дорогих гостей?» – Я уклонился от угощения авраамского и, узнав, что у шейха двое малолетних детей, просил его принять два большие апельсина. Он принял и ушел в свой шатер. Не более часов двух мы отдыхали под палаткою. Желая подробнее осмотреть Ютту, я приказал готовиться к дороге и выючить лошадь, а сам пошел навестить шейха кочевого. Посидев минут пять под его гостеприимным шатром и подарив ему червонец турецкий, я раскланялся с ним и с его бедуинами. Он провожал меня до моего становища. Арабы довольно учтивы, и эта учтивость есть единственный остаток их древней образованности.

Дорога от Маона к Ютте пролегла на северо-запад. Скоро мы прибыли к этой деревне. Она служила главною целью моих поисков за Хевроном. Существовавшем каких-нибудь развалин значительных я хотел удостовериться в том, что здесь, в этом левитском городе, жил Захария, и что здесь происходило свидание Марии с Елизаветою. Эта мысль явилась в голове моей еще в 1831 году, в июне месяце. В это время свирепствовала холера в С.-Петербурге, и я жил в Тверском подворье у преосвященного Григория, архиепископа тверского. В его домашней библиотеке я нашел Священную историю Ветхого и Нового Завета на немецком языке, написанную Эвальдом²⁰. В этой истории я прочитал, что свидание Пресвятой Марии с Елизаветою происходило в городе Ютте, и что в Евангелии Луки²¹ надобно читать тексты «взыде Мариам в Горняя со тщанием во град Иутту», а не во град Иудин. С тех пор я думал и верил, что в Иутте жил священник Захария, ибо этот город, по указанию книги Иисуса Навина²², был сделан городом священническим и находился в горной стране Иудеи, в числе горных городов племени Иудина. Могло стать очень легко, что при печатании греческого текста вместо двух букв ττ поставили δ, и вышло 'Ιουδα, а не 'Ιουττα, а поставили δ по неразборчивости рукописи. Такая ошибка могла вкрасться очень легко; ибо древнейшие рукописи греческие писания весьма неразборчиво: двойные буквы в них сокращались или означались под крючковатою главною буквою. Я видал эти

рукописи, сам копировал некоторые слова, и потому верю в замену двух тт буквою ђ. Как бы то ни было, но вот представился мне случай быть в Ютте и поверить сказание священной местностью.

Въехав в селение, я спросил феллахов: «есть ли какие-нибудь древности или старые развалины в их деревне?» Они отвечали мне отрицательно. Но я так упорно веровал в свое мнение, что не положился на слова поселян, и решился объехать всю деревню и кругом оной в той надежде, авось либо наткнусь я на какую-нибудь колонну, или капитель, или увижу остаток древней стены, или, по крайней мере, несколько больших тесаных камней. Шатаюсь по самой деревне, я смотрел в оба, но не открыл ничего древнего; заметил только, что перед каждым домом есть небольшой двор, в который ведет дверь, построенная в стене в виде арки. Подле одного дома заметил в стене в виде таких арок 3; и мне показалось, как будто они составляли преддверие храма. Но это был мгновенный обман, ибо все здание ново и очень обыкновенно. Наконец один феллах сказал мне, что на краю деревни есть много пещер: не угодно ли будет мне осмотреть их. Он надеялся получить от меня бакшиш. «Веди меня туда», сказал я с живостью. И что же? Я наткнулся на остаток древнейшей стены, кладенной из больших тесаных квадратов. Сердце мое забилося от радости сильнее. Я соскочил с коня и в восторге антикварном обнял верхний камень стены и поцеловал его, не зная еще, что тут за развалины. Сидевшие тут феллахи почли меня сумасшедшим; а иные говорили, что я приехал отыскивать сокровище в древних развалинах. Весь поезд мой остановился подле стены; а я один побрел в развалины и стал изучать их. Полагая, что на этом месте был дом Захарии, и что в лучшее время христианства предание выстроило тут церковь, я искал алтаря, но признаюсь, не нашел его. Сначала показалось было мне алтарем одна стена несколько кругловатая; но так как она обращена на север, да и от западной стены проведена к востоку с небольшим уклонением на север такая поперечная стена, которая совсем отнимает вид алтаря у стены северной, посему я должен был искать алтарь в другом месте, но нигде не находил даже

оснований оного; ибо вся восточная часть здания совершенно разрушена и даже не видно оснований его, между тем как западной стены большой кусок уцелел. Вообще развалины не представляют ничего целого, и потому я опишу их по частям, начиная с западной, более уцелевшей, стены и следуя по плану²³ и по буквам на нем означенным.

a. Большой кусок стены сажени в полторы вышиною, а может статься, и выше. Стена кладена из больших тесаных квадратных камней без цемента. Она приложена к холму, так что нынешняя поверхность ее немного выше дороги по за-стене. Вообще все здание стояло под холмом, и потому нельзя почитать его крепостцою. Все крепостцы в Палестине были на холмах и на темени гор. За стеною, на дороге, валяются две обезображенные капители, – свидетели, что тут когда-то были и колонны.

bbb. От этой стены на северо-восток загибается другая стена той же кладки.

сс. От северного угла западной стены, там, где начинает загибаться северная стена, протягается внутренняя стена к востоку той же кладки и той же тески камней. Эта стена совершенно загадочна.

d. Под сею литерою означена какая-то позднейшая пристройка, сделанная, вероятно, феллахами, и развалившаяся.

e. Близ северо-восточной стены выкопана цистерна с узким горлом.

IA2
V

f. Отсюда удобно можно войти внутрь двора. Но тут нет никаких признаков ворот; да и не могло быть, если тут был ход к алтарю.

gg. Направо от входа во двор протягается от востока к западу правильное здание, кладенное из небольших камней, и следовательно, позже главного старого здания. Есть вход в него, но он был заперт. Мне кажется, что тут или стойло для скота, или амбар складочный.

h. Во дворе есть натуральная пещера небольшая, но и не малая. Она не так глубока. Вход в нее загроможден камнями.

ii. Около сей пещеры стоят остатки древнего здания, кладенного из больших тесаных камней. Я входил по каменной лестнице и сквозь щелочку двери рассмотрел, что внутри есть закопченные своды и что тут живут феллахи.

k. С боку сего здания, под древними сводами, находится стойло для скота.

II. Под литерами сими воображай двор или пустопорожнее пространство, впрочем, неровное, вероятно, загроможденное развалинами.

Думать надобно, что на этом месте был дом Захарии, впрочем, построенный на древнейших развалинах или ханаанского, или идумейского капища. Потом на месте его дома устроена была церковь небольшая, впрочем, с удержанием жилища Захарии, Елизаветы, Иоанна и Марии, которая пребывала тут 3 месяца, или монастырь. Время и люди разорили и обезобразили святое место.

Я оставил Ютту довольный найденною древностью, но вместе и не совсем довольный полуясным ее значением. На вопрос мой, что это за развалины, феллахи отвечали «мы не знаем; верно, тут было какое-нибудь еллинское здание». Такой ответ я слышал неоднократно от арабов. Они невежи. Случается, что и невежи сохраняют предание о местностях, но невежи туземные. А палестинские арабы суть переселенцы.

Еще засветло мы приехали в Хеврон. Спустя полчаса пришли мои проводники за деньгами. Выслать им деньги за двери значило бы оскорбить их гордость, а за оскорбление получить и мщение. Итак, надлежало принять их в комнату, как дорогих гостей, и поговорить с ними о том, о чем, как будто они и не проводники. Я повиновался обычаю страны: усадил моих гостей на ковры; хозяин попотчевал их шербетом и кофеем; мы поговорили о своей поездке; и наконец, я встал и разделил деньги по рукам: пешему дал 20 пиастров, конному 27, а брату мусселима 42 пиастра. Все они вышли вон. Брат мусселима объявил чрез хозяина, что я мало дал ему за труды. Полагая, что мое даяние как-нибудь да принято будет, я поспешил. Но спустя несколько минут мой гордый проводник прислал мне назад два червонца и приказал сказать мне, что он ничего не

требует за труды. Я принял деньги, но не раз почесал в затылке. Было явно, что и мусселим, и брат его обиделись малою наградой за безопасные проводы. Обида их показалась мне странною. Я находился в их руках, и, опасаясь лишиться всех денег из-за каких-нибудь трех-четырех червонцев турецких, послал чрез своего каваса 4 червонца к брату мусселима. Он принял их с благодарностью и угостил каваса кофеем. У меня отлегло на сердце; ибо, разбойник, он мог выслать дюжину бедуинов на дорогу, и они ограбили бы меня, и я не нашел бы и суда, и расправы. На чужбине, где люди не люди, а кровожадные звери или плотоядные птицы, нельзя ссориться с ними. Пожалеешь пиастра, лишишься всего кошелька, а, пожалуй, и жизни.

МАЙ 4, Четверг. Рано поутру пошел я со своим кавасом еще раз обозреть внимательно место покоя Авраама, Исаака, Иакова и супруг их. Сегодня, как позавчера, я обошел его с трех сторон. За мною следили фанатики-арабы; в их лицах и взорах выражалось зверство. Казалось, они растерзали бы нас на куски, если бы мы дерзнули перейти заветную черту на лестнице с южной стороны. Я хотел было войти немного повыше, но один араб заскрежетал зубами и загородил мне дорогу. Я испугался. Подробное описание сего дивного памятника я изложу ниже.

Возвратившись домой, я только что начал писать свой дневник, как уждать беду! Хозяин доложил мне, что пришел мусселим и хочет видеть меня. «Надобно дать ему подарок, – примолвил жид; еще позавчера он приходил к вам за деньгами; и сердился на вас за то, что вы ничего не дали ему и бывшим с ним старейшинам». Ужас, как досадно было мне на этого мусселима; я проклинал его, но должен был принять его во избежание горшаго зла. На этот раз он привел с собою только двух старшин. Рассчитывая, что приветливость, и ласковый прием, и привольный разговор о предметах, относящихся к быту арабскому, с примесью маленькой незаметной лести, смягчат немножко суровую душу араба и заронят в нем хоть искру расположения ко мне, я беспрестанно говорил с ним, то расспрашивал его о хозяйстве здешних жителей, то хваля его лошадь, которую я видел вчера на пастбище, то величая

порядок в городе и безопасность по дорогам в околотке, управляемом им; а сначала поблагодарил его за проводников и несколько раз повторил, что арабы очень добрые и учтивые люди и что я полюбил арабскую нацию всем сердцем и всею душою. Дикий араб не мог догадаться, что я принял на себя личину. Моя улыбка заставляла и его улыбаться. При моих похвалах, расточаемых ему и всему арабскому народу, он не раз прижимал свою руку к сердцу, к устам и к челу, и этим выражал мне свое удовольствие. Но как я ни хитрил, как ни лицемерил, а не избавился от бакшиша. Хотя я и не дал ни парички мусселиму в комнате, но за то принужден был вынести 100 пиастров за ворота. И это было вот как. Лишь только мусселим переступил за двери комнаты моей, сказал хозяину, что если я ничего не дам ему, то он с него потребует 5 червонцов. Бедный жид побдеднел, испугался и тотчас объявил мне непреклонную волю мусселима. «О, вей мир, кричал еврей, помилуйте меня!» Мне жаль стало еврея, и я тотчас побежал к воротам со своим кавасом, где мусселим стоял и дожидался от меня подарка, и вручил ему 100 пиастров или 5 червонцев. Металлическая душа, душа заржавелая в корыстолюбии! Он принял от меня деньги после короткой, легкой отговорки, да еще и пересчитал их. Я извинялся пред ним незнанием обычаев страны и своею бедностью. Наконец мы расстались. Возвратившись в комнату и побранив порядком черного верблюда и всех подобных ему скотов, я опять принялся было писать свой дневник; ан за первым горем последовало другое. Вдруг шибко распахнулась дверь комнатная, и ко мне ввалило человек 5 нежданных гостей, все шейхи городские, одетые богато, и все вооруженные пистолетами; в числе их был и брат мусселима. Один из них, мужчина молодой, белокурый и очень красивый, вошел с такою гордостью, дерзостью, наглостью, что, признаться, сердце мое забилося болезненно. Пока они усаживались и закуривали трубки, я изъяснил свое горе о Григорию, но скороговоркою. «Быть беде, отвечал он мне, повесь голову и сложив руки крестом на груди своей. Давайте деньги; пришли разбойники; не дадите, на дороге ограбят; да еще и убьют всех нас». «Убить не убьют, сказал я ему, а гости

хуже татар, плотоядный птицы». Потом приняв на себя личину равнодушия и беззаботности, я говорил с гостями своими, не помню о чем. Расставшись со мною, они за порогом сказали хозяину, что они приходили ко мне за подарком. Хозяин сунулся было ко мне с требованием денег, но я велел ему сказать им, что я человек бедный и что у меня нет денег для подарков столь знаменитым особам; дать им мало и тем огорчить их я не желаю; а дать много я не в состоянии. Мой жид пересказал им мой ответ, да и прибавил, что мы действительно должны быть все бедны, потому что четверо съедают одну вяленую рыбу и пьют горячую воду. Хоть этим он и обесчестил меня в глазах арабов, но бесчестие это было спасительно для моего кармана. Арабы ушли и оставили меня в покое. Верно, им совестно было брать деньги с людей, которые вчетвером едят одну рыбу. Но чтобы избавиться от дальнейших посещений, я ушел из дому в жидовскую синагогу. С роду своего я не бывал в синагогах; в Одессе жил я 10 лет, а ни разу не видал, как молятся жида. И вот в Хевроне в первый раз в жизни довелось мне посетить еврейский молитвенный дом и укрыться в нем от арабских пиявок. Здесь две синагоги, и обе очень бедны. Жида сидели на бедных скамеечках в фарисейских одеждах полосатых с кожаными коробочками на лбу; покачиваясь, читали свои молитвы. Уныло их богослужение. Старый раввин стоял среди комнаты, подле аналогия, огражденного сверху балясами, и свивал и развивал ремень коробочки своей с законом. Жалко было мне смотреть на этих евреев, которые пришли сюда из далеких стран терпеть всякое горе, лишь бы умереть и быть погребенным подле Авраама, Исаака и Иакова. По излучистым закоулкам, грязным, вонючим кой как я добрал до своей квартиры²⁴..... После обеда один старый араб, который был у меня в оба раза вместе с мусселимом, прислал своего писца-жида требовать с меня подарка за то, что он приискал мне проводников для завтрашней поездки. Желая как-нибудь отвязаться от разбойника, я сказал жиду, что завтра дам бакшиш, когда увижу проводников. К счастью, никто более не беспокоил меня денежными требованиями; а я на просторе изливал свою досаду и свой гнев и на турецкое правительство,

и на мусселима, и на его сподвижников, и на всех арабов. «Вот учтивые разбойники! Вместо того, чтобы грабить проезжего на дороге, они идут к нему в квартиру с учтивым визитом; и за то, что сказали ему: добрый день, доброго здоровья желаем, надобно давать им червончики. Видно, арабы себе на уме! Даром они не расточают своих разговоров: приходят в гости, Едят, пьют, да еще и деньги берут с хозяина или с его постояльца. А что ты сделаешь с ними? Не дашь денег, прибьют и ограбят. О, Ибрагим-паша! Славно ты проучил было этих бездельников. Во время твоего правления они не смели своевольничать и грабить деньги с иностранцев. А теперь? И с самого султана они сняли бы штаны и папучи. Сиди, султане, в своем серале и играй в жмурки со своими одалисками. Скоро настанет время суда и гнева Божия над тобою и над твоим пророком. Луна тускнет; коран не читается; меч Османлиса ржавеет; штаны Магомета износились, и стыдно прицепить их к санджак-шерифу; отрепье, ветошь уже не может возбудить того фанатизма, который чуть было не покорил всей вселенной аравийскому лже-пророку».

В четыре часа пополудни мы отправились посмотреть на дуб Мамврийский и на дом Авраама, который, по словам здешних евреев, построен из камней огромной величины. Не более получаса мы ехали шагом в северо-западном направлении от Хеврона до священного дуба. Это дерево – исполин! Сколь обыкновенным оказалось оно издали, столь гигантским представлялось вблизи. Я изумился, видя перед собою огромное и весьма старое развесистое сеннолиственное дерево. Коренной ствол его в объеме будет толщиной слишком в 7 аршин. Из этого ствола выросли четыре огромнейшие сука, которые толщиной поспорить с лучшим столетним дубом. Два из них выросли направо в горизонтальном положении; один торчит вверх, и один налево в том же положении. Бесчисленные густые ветви склоняются от них почти к самой земле, как будто они ищут матери своей, и составляют натуральную палатку кругом коренного ствола, так что под этим дивным навесом могут укрыться от солнечного зноя или от дождя до 300 человек и даже до 500, если они

станут потеснее. Было всех 5 суков, но один срублен для мельницы. Все дерево весьма зелено; листья его жестки, мелкие, узки и к концу немного заострены. Дерево, по расположению своих сучьев, представляется трисоставным, так сказать, тройственным; ибо одни ветви склонены направо, другие налево, а середина наполнена прямыми ветвями и сучьями. Но нигде нет промежутка. Дерево в трисоставной целости своей есть единое целое, симметрически и сплошно растущее по всем направлениям. В нем замечательна не столько высота, сколько вогнутая наклонность ветвей. Подле сего дерева есть другие того же рода, но гораздо менее, можно сказать, слишком обыкновенны. Стало быть подобных деревьев было тут и очень много; да и в Св. Писании под именем Мамврийского дуба надобно понимать целую рощу или лес дубовый. На удачу бросаю здесь мнение свое об этой роще. Я и сам не знаю почему, а думаю, что эти дубы пересажены из другой части света или из другой страны, и что от одного дуба разрослась целая роща так, что ветви его склонялись к земле, врастали в нее и делались корнями новых деревьев. И таким образом Мамврийская роща была плод одного дуба и представляла вид взволнованного или, точнее, навесного леса непроницаемого. Можно было жить и ходить в нем только под сводами сучьев. Не знаю, современно ли Аврааму виденное мною дерево. Могу сказать только то, что оно весьма старо. Статься может, что под этим деревом Авраам угощал трех дивных странников; ибо его древность, огромность и особенная свежесть служат доказательством какого-то особенного благословения. Есть в природе дерева, который переживают тысячелетия. Что мудреного, если и Мамврийский дуб дожил от Авраама до Порфирия и проживет еще тысячу другую, если молния не раздробит его, или если человек не истребит его? Стоя под этим величественным дубом на зеленой мураве и любуясь его роскошною жизнью, я верил в простоте сердца, что я наслаждаюсь вечернею прохладой под дубом Авраамовым. Надобно быть под этим благословенным деревом, чтобы верить. Ей, ей, это дерево чудное. Лучи солнца, склонявшегося к западу, играли с зеленью листиков и рисовали кисею на мураве. Мне

так понравилось это место, что я остался бы тут на всю жизнь, устроив обитель из скиний для иноков. Мы принимали бы тут странников, омывали бы им ноги и угощали бы их, чем Бог послал. Главными занятиями этих иноков были бы молитвы за нечестивые города и странничество по всему белому свету для всемирной проповеди об истине. Не забуду я до гроба Мамврийского дуба и, если удостоюсь быть в лоне Авраама, то и там напомню ему, что я видел на земле то святое место, где он удостоился зреть Господа и беседовать с Ним.

От Мамврийского дуба мы возвратились назад по той же дороге до того места, где мы поворотили к нему на запад, и проехали отсюда прямо на север, сперва по лощине мимо сеяний, готовившихся к жатве, потом сквозь пролом в стенке древнейшего разрушенного водопровода (в этой стенке под подводною частью я заметил несколько окон узких, кои были прозорны, и устроены, вероятно, для красоты). Тут деревня Насара оставалась у нас вправо. Наконец по склону и верховью гористому мы (взобрались) до дома Авраамова.

Едучи к сему памятнику седой древности, я воображал, что увижу в самом деле развалины, похожие на дом. Ничего не бывало. На горной равнине, обставленной со всех сторон милovidными невысокими холмиками, в северной части оной и в самом средоточии стоит огромный правильный квадрат или четыре стены, складенные из огромнейших камней. Внутри ничего нет и не было, кроме ровной земли. Стены, западная от ворот, вся южная и часть восточной, стоят не более сажени вышиною над уровнем земли; прочие же части немного выше сего уровня, а северная стена почти вся загромождена землею и кучею камней, оставшихся от разрушенных сторожевых хижин. Камни суть разной величины: самые большие в две сажени длины, в полсажени вышины и в аршин толщины. Прочие приближаются к ним мерою. Все эти камни обтесаны с обеих сторон весьма гладко и чисто, но без кайм по сторонам. Все они кладены один на другой без извести, без свинца, вообще без всякой скрепы. Они держатся своею тяжестью и огромностью. Но что особенно замечательно в этой стене, так это двуличность оной; вся она состоит из двух рядов камней, кладенных вдоль, а

не в поперек стены: один ряд камней составляет наружность, а другой параллельный ряд – внутренность стены, и между ними двумя параллельными рядами малый узкий промежуток наполнен мелковатыми камнями. В западной стене второй внутренний ряд камней не весь уцелел, именно близ отверстия, занимавшего место дверей или ворот, нет камней; верно, они увезены. В этой западной стене, ближе к дверному углу, оставлено место незакладенным шириною с большой камень. Тут не было никаких ворот, никаких дверей, а просто было отверстие, чрез которое ходили. Вся отделка стены показывает хорошее искусство каменосечения и кладку Правильную, прямую, чистую, под зодческий отвес. В югозападном углу устроен круглый, широкий колодец, выложенный теми же камнями, но малой величины, и с особенным изяществом. Заметно, что этот колодец когда-то был покрыт огромными камнями, и черпали воду лишь из малого горла; но теперь он полураскрыт. Воды в нем было довольно много, но от неупотребления она застоялась. Подле колодца есть каменный помост и древнейшие каменные корыта для поила скота.

С первого взгляда мне представилось это здание недоконченным; потом я подумал, что тут была овчарня. Но в ту же минуту я выбросил из головы эту мысль, и она утонула в загнившемся колодце. Сбыточное ли дело, чтобы для овец построены были четыре голые стены из огромнейших камней с таким удивительным искусством? Видно, что здание никогда не имело ни крыши, ни сводов, ни внутренних загоронок. Какой же хозяин, самый богатый и прихотливый, задумал бы загонять своих овец за одну ограду, которая могла защитит их от хищных зверей, но не от дождей и холода? – Потом мне померещилось, что тут был цирк или арена для гладиаторов. Но только померещилось, ибо нет исторической заметки, чтобы Ирод, или кто-либо другой из еврейских патриархов, или римляне устроили около Хеврона цирк; да и самое устройство не позволяет думать об этом. Не в таком виде строились цирки римские. Если бойцы или звери сражались в середине нашего квадрата, то где же народ смотрел на кровавое зрелище? Ужели на стенах? А ни внутри, ни около квадрата не видно ничего, кроме чистого

вспаханного поля. – Всего менее можно было полагать, что тут был дом Авраама, ибо он век свой прожил в скинии. Оставалось думать, что здание или не dokonчено, или растаскано. Но и эта дилемма не устояла на судище рассудка антикварного. Если это здание назначалось или для жилья, или для богомолья, и не было закончено, то не понятно, почему вся площадь квадрата пуста, почему нет в ней ни фундаментов для внутренних отделений, ни основ для столбов, на которых могла бы утверждаться кровля, ибо не возможно, чтобы на таком большом квадрате, выведенном вверх высоко, был утвержден каменный свод или купол; никакой архитектор на свете не в состоянии смастерить подобного купола. Если же это здание было закончено и разрушено, и потом растаскано, то, судя по массивности его кладки и по обширности, надобно полагать, что оно было весьма высоко и огромно. Но что за диковина, что при разрушении его внутренность квадрата вся осталась незасоренною? Ни внутри, ни извне стен нет ни одной кучки сору, нет ни одного заброшенного, оставленного камня, нет ни одной колонны, ни одной капители? Так ли разрушены Кесария, Атлит, Аскалон, Бальбек? Все значительные развалины загромождены обломками, кучами земли и мусора. Ужели разрушительная рука человека или времени раздавила мнимый Авраамский дом и вычистила самые развалины? Долго старался я угадывать значение и назначение виденной мною древности, и она осталась бы совершенно загадочною для меня, если бы не помогла мне ученость. Тут на деле испытал я, что сущую правду выражает наша старинная поговорка: ученье свет, а не ученье тьма. Состоя при венском посольстве, я в досужные часы занимался изучением и древнейших памятников архитектуры пеласгической, римской, сарацинской по книгам; и вот это изучение пригодилось мне в Хевроне. Помню, что пеласги, из Азии и даже из Палестины переселившиеся чрез Малую Азию в Грецию и потом в Италию, Сицилию, Испанию, – пеласги, современные Аврааму, строили жертвенники открытые из огромнейших камней; на основах этих жертвенников построены впоследствии храмы языческие, обращенные в свою чреду в храмы христианские. Эта памятка вдруг озарила мой рассудок, и

я увидел пред собою открытый жертвенник, созданный Авраамом, по сказанию книги Бытия²⁵, около рощи Мамврийской. Тогда объяснилось мне все темное и загадочное. Вся площадь квадратная назначена была для народа, колодец для омовения жертвенных животных. Впрочем, я полагаю, что в самом средоточии площади стоял самый жертвенник, вероятно, созданный, по обычаю того времени, из живых камней без всякой связи; посему-то он и не уцелел, а осталось только открытое место жертвоприношение. Этим открытием я обрадован был более, нежели Александр Великий завоеванием Персии, нежели Цезарь обладанием вселенной, нежели Пифагор открытием гипотенузы в квадрате. Никто не может возразить мне против моего мнения. По книге Бытия священные места для жертвоприношений Авраама были Хеврон, Вефиль и Вирсава. В Хевроне была дубовая роща, и в Вефиле она была; ибо сказано в книге Бытия, что кормилица Ревекки, Девора, была погребена в Вефиле под дубом, который и называл Иаков дубом плача²⁶. Подобный лес, должно быть, был и в Вирсаве. В Вефиле сохраняются остатки древнейшей стены, на которой впоследствии строили храм, и древнейшего пруда. В Вирсаве я не был, но надобно справиться с описанием Робинсона, который посещал это Св. место.

Все поле, на котором стоит св. древность Авраамского времени, ныне вспахано; а заметно, что прежде тут были виноградники; ибо довольно много тут развалившихся сторожевых хижин. Эти хижины сперва я принял было за деревню; но, всмотревшись в их расположение, почти параллельное по окраинам поля и выходящей из него мелкой долинки, и вспомнив, что подобных четвероугольных сторожек и теперь много в виноградниках, я открыл их настоящее значение. Переехав все поле по прямой линии от Аврамова жертвенника, мы наткнулись на следы жилья человеческого, именно на глубокие систерны для воды, и мелкие круглые систерны для виноделия, и на фундаменты зданий. Вероятно, тут было чье-нибудь имение, в котором выделялось вино. Итак, это поле сперва было занято Мамврийскою рощею, потом виноградниками, и ныне оно вспахано для засеяний. Поле не

раз переменяло свой вид; а дивный жертвенник стоит и будет стоять века, если человек сам не разорит его.

По каменистой дороге мы подъехали к самой первой части города, раскинутой на левом склоне горы. Дома были у ног наших. Тут спуск с горы весьма затруднителен и даже опасен по каменистости и уродливости своей. Но между огромнейшими камнями растут роскошно молодые фиговые деревья, ибо под этими камнями есть красная земля. Эти камни здесь так же, как и около Иерусалима, суть загадочные окаменения поверхности земной.

Мы приехали в Хеврон часов в 7½ пополудни.

Хеврон, едва ли не древнейший (из) всех городов на земле, построен частью в приятнейшей широкой долине, а большею частью по склонам гор, окаймляющих сию долину, так что самая середина долины занята дорогою, садами, огородами, а на правой и левой стороне оной стоят кварталы города. Лишь только въедешь в Хеврон, тотчас направо и налево дороги представляются взору дома; они составляют как бы небольшое предместье города, ибо за ними вдоль по обеим сторонам юдоли ничего нет кроме садов масличных. Большая часть зданий городских находится на левой стороне долины. В другом конце города, направо, есть так же небольшой квартал. Таких кварталов арабы насчитывают 12, а гиды 8, а мне казалось не более 6-ти. По правую сторону долины, между въездным и выездным предместиями, нет никаких зданий, кроме могильных; тут под масличиями и на чистом поле гуляет народ и пасутся ослы. Все дома в Хевроне весьма высоки. Улицы извилисты, тесны и мрачны. Базар довольно длинен и походит на все восточные базары своими сводами, лавками, прилавками, темнотою и грязностью. В городе есть несколько стеклянных фабрик, точнее сказать, несколько больших и малых печей, помещенных в закопченных и грязных поддомиях. Около этих печей сидит по несколько черных арабов изможденных, которые выделывают стеклянную посуду. Я был в двух заводах; в одном делают только стаканы и кувшинчики синего цвета, в другом – браслеты. Все изделия очень просты; напрасно кто искал бы в Хевроне стакана граненого, или позлащенного, или магазина

стеклянного. Впрочем, с хевронских заводов сбывается весьма много изделий, и они составляют главный род прибыточной торговли, и следовательно заработка низшего бедного сословия арабов. Но если я не ошибаюсь, если не изменяет мне память, хевронские стеклянные заводы суть отцы заводов венецианских. Из Хеврона крестоносцы вынесли искусство литья и приготовления стеклянной посуды, которая продавалась сначала весом золота, равным весу стекла. В Хевроне есть две редкие древности: два пруда, большой и малый, и надгробный памятник над останками патриархов Авраама, Исаака и Иакова, обращенный в мечеть.

Малый пруд находится подле единственных ворот, чрез которые въезжают иностранцы. А за ним, по одной линии, но с промежутком, устроен другой большой пруд. Оба пруда четверугольны, выложены камнем и оштукатурены. Оба они были полны воды, протекающей в них чрез подземные водопроводы из гор. В большом пруде, по углам, я заметил четыре лестницы. По словам евреев, этот большой пруд весьма глубок; глубины в нем до 9 аршин.

Устройством своим он совершенно походить на Соломоновы пруды, и потому думать надобно, что около этого водоема Давид приказал повесить убийц Иевосфея²⁷. Стены обоих прудов немного выше уровня земли. В воде я видел множество каких то водяных мелких животных. Так как большой пруд устроен в средоточии долины, подле дороги, и так как кругом его нет никаких зданий, а есть пустопорожья, то около него собираются шейхи покурить табаку, помолчать или поговорить о разбое и неповиновении законной власти. Не раз я видел тут мусселима и шейхов. А женщины ходят наслаждаться чистым воздухом и беседую на могилы своих родных. Харем и кладбище суть единственные места разгуля восточных женщин, как будто они осуждены существовать между ложем и могилою. Гадаю, что эти женщины должны быть очень вялы, глупы, ничтожны и вонючи.

На левом южном конце Хеврона, повыше городских зданий, на горном склоне построен огромный памятник над могилами патриархов Авраама, Исаака и Иакова, – памятник редкий,

таинственный, доступный одним магометанам и редким счастливым из христиан европейских. Он имеет вид параллелограмма правильного; ибо на наружных стенах, северной и южной, я насчитал по 8 пилястр, кроме углов, а на восточной и западной по 16-ти пилястр, равномерно отстоящих одна от другой. Пилястры покоятся на высоком цоколе и потому не высоки. Все здание снизу до верха и с пилястрами складено из огромных плотных тесаных камней; они почернели от времени, но, кажется, в своем начале были беловаты, желтоваты или синеваты. Теска камней весьма гладка; кладка их изящна и симметрична. Каждый камень, огромный и неогромный, имеет по всем четырем окраинам несколько углубленные широкие канты. Эти канты в общей массе придают стене вид шашечной доски. Замечаю, что подобная обделка камней зрится и в восточной древней стене Иерусалима. Там и здесь один вкус, одно правило, один каменорезец. Внизу камни огромнее, кверху менее, если не обмануло меня зрение. Ни с одной стороны нет окон, а только с востока должен быть вход: это настоящий глухой, темный, надгробный памятник. С южной стороны есть широкая лестница каменная с полукруглым предлестничием, имеющем вид церковного амвона, с 9-ю ступенями во всю полукруглость его, выложенными красноватыми каменными плитами, привезенными, без сомнения, из каменоломней Чермного моря. Это предлестничие полукруглое выдается вне главного здания. По помосту сего амвона тотчас дойдешь до высоких и широких дверей с сарацинским огибным сводом, вечно отверстых, потому что нет дверных полотнищ. Сквозь эти двери видна вся горная наружная стена патриархальной усыпальницы (так буду я называть сие св. место) с ее пилястрами, видна так же и вся лестница каменная довольно хорошая, идущая все вверх. По этой лестнице ходят в усыпальницу; но дверей, ведущих в нее, я не видал; вероятно, они устроены в восточной стене. Лестница сия устроена между стеною усыпальницы и стеною какого-то другого здания, пристроенного к ней в поздние времена, кажется, во время крестовых походов. Мне позволено было войти чрез вышеупомянутые двери на небольшую площадку,

обозреть стену и посмотреть сквозь небольшую дыру, проверченную в ней. Но я ничего не мог рассмотреть; я думаю, что мусульмане смеются над европейцами, когда позволяют им смотреть в эту дыру, которая едва ли проходить насквозь чрез стену. Тут я сосчитал число пилястр и рассмотрел изящество кладки и огромную величину камней. Я хотел было подняться повыше, но зверский араб заступил мне дорогу; глаза его страшно засверкали; уста свелись судорогою; он заскрежетал зубами и замычал²⁸. Я струсил и пошел на противоположную сторону, т. е. северную, которая совершенно открыта для взора, потому что тут есть проулок между домами и усыпальницею, ведущий согладатая по косогорью снизу наверх и сверху на низ. Но прежде, нежели буду говорить о северной стене, замечу, что в уровень с южною стеною, от юго-западного угла ее идет прямо другая стена совсем другой кладки и малой величины камней. Это – крепостная стена, пристроенная римлянами к усыпальнице, как то доказывает римская теска камней. Наружная отделка этой крепостной стены по местам обвалилась. На углу ее стояла башня. Замечу также и то, что вся западная стена усыпальницы видна только с противоположной горы, а близко не видна за крепостными старыми зданиями. За то вся северная стена усыпальницы открыта и видна ясно. Около этой стены так же идет наверх каменная лестница, но она – уже южной и без амвона, а от улицы огорожена по косогорью каменною стеною дурной кладки из малых камней. Мне кажется, что эта лестница пристроена уже мусульманами. Вход на нее – чрез двери без полотнищ с сарацинским огивным сводом. Я не видал, чтобы кто-либо ходил по этой лестнице; да и вид ее показывает, что она запущена и брошена. На северной стене так же, как и на южной, выложены 8 пилястр. Взобравшись по косогорью вдоль северной стены, я поворотил направо и установился против середины восточной стены. Она попорчена была немного и замазана мусульманами в одном месте во всю вышину ее. Тут я насчитал 16 пилястр. Надобно сказать, что и с этой стороны усыпальница загромождена каким то поздним зданием, вероятно, крепостным, и потому видна только верхняя часть стены. Это

здание стоит внизу, под горою, так что зритель стоит выше кровли его. Следовательно, гора здесь усечена, но когда? Думаю, что она усечена еще тогда, когда строилась тут усыпальница; ибо подобный усечения скал заметны около гробниц в Иосафатовой долине. Думаю, что при постройке усыпальницы уравнено все косогорье, и оставлена неприкосновенною только та пещера, где покоятся Сарра и Авраам, Исаак и Ревекка, Иаков и Лия. Около восточной стены, в некотором расстоянии от нее, поближе к северо-восточному углу, стоит старинный купол с пролетными окнами изящной архитектуры. Евреи и проводник мой, патриарший кавас, который был два раза внутри заветной мечети в правление Ибрагима-паши, уверяли меня, что под этим куполом в особом месте погребена голова Исава. Свежо предание, а верится с трудом! На всех четырех стенах, выше пилястр, нет никаких карнизов, что крайне удивило меня. Вероятно, они были, но так как мусульмане надстроили гладко все четыре стены несколько выше и побелили их, а старые стены оставили в прежнем их виде, то, может статься, они попортили, стесали карнизы. Побеленная надстройка составляет странный и резкий контраст с древними почерневшими от времени стенами. Крыши не видно; но посреди кровли, вдоль всего здания, от севера к югу, выведен низкий этажик, покрытый свинцом; вероятно, отсюда проходит свет внутрь мечети. На северо-западном и юго-восточном углах выведены глупые минареты в диагональном положении к целому зданию. На днях с одного минарета свалился крикун и расшибся смертельно. На восточной стороне, по горе, видны развалины, вероятно, крепостных зданий.

По уверению патриаршего каваса, внутри потолок и колонны такие же, как и в вифлеемской церкви; стены подбелены; в поле есть отверст, чрез кои спускаются зажженные лампы в пещеру, где собственно и находятся гробы патриаршие. Туда не сходят даже и самые мусульмане. Тот же кавас уверял меня, что гробище Иакова находится не в этой пещере, подле гробищ отца и дела его, а наверху, около стены; ибо он жил и умер в Египте, и потому, как чужестранный, не удостоен был погребения на ряду с Авраамом и Исааком.

Еврей, сопровождавший меня в первый раз около усыпальницы, рассказывал мне, что один главный и богатый шейх, молясь в этом Св. месте, уронил драгоценный перстень чрез отверстие в самую пещеру. Жаль было ему потери; хотелось достать перстень, да нельзя было сойти туда, потому что и правоверным запрещается вход в самую пещеру. Вот, он подговорил одного еврея слезть туда и достать перстень, но с условием, чтобы он решился на добровольную смерть за то, что ему представился случай поклониться и облобызать самые гробницы патриархов. Еврей согласился умереть, достал перстень и умер под острым мечем; и никто не знает, что там в пещере, потому что еврей не имел времени поведать. – Выдумка ли это, или был, но она сильно характеризует веру еврея и самопожертвование даже до смерти за веру.

Кто строил эту таинственную усыпальницу? Говорят, Св. Елена. Напрасно так говорят, ибо архитектура сего здания решительно не того века, в который жила Елена, и не римская, а сирийская. Есть древнейшие христианские храмы в Палестине, но они совсем не так построены. Да и что это за церковь без окон, без дверей, без алтарей? Эту усыпальницу построила, точно, Елена, да не мать Великого Константина, а та царица из Адиабене, что в Сирии, которая приняла веру иудейскую, и богатую казну свою иждивала на устройство дворцов и гробов. Неразборчивость темных людей, живших в темные века, смешала одну Елену с другою. Но у науки есть свой факел, озаряющий тусклое прошедшее. Усыпальница Авраамова есть чистое произведение архитектуры сирийской или иудейской в великолепную эпоху Иродов, царей иудейских. Отличительный характер этого зодчества составляет особенное, ему одному свойственное, каменосечение с широкими кантами или линиями по всем четырем краям огромного камня.

Арабы – мусульмане составляют главное народонаселение Хеврона, восходящее выше 10 тысяч душ. Они – больше фанатики, ненавидят христиан и евреев. Ездя по Палестине, нигде в городах я не видал, чтобы мусульманин молился на улице там, где застиг его час обычной, узаконенной молитвы. Но в Хевроне не раз представлялось мне это зрелище набожности

мусульманской. А где правоверные слишком молятся пророку, там они очень злы. Когда я обозревал усыпальницу, то они из-за всех углов озирали меня диким взглядом, и я боялся плюнуть на землю и проглатывать свою слюну. Для фанатических последователей аравийского лжепророка жизнь гяура все равно, что жизнь комара: удар – и смерть, и суда нет над могилою странника! – Здешные магометане владеют садами, и пашнями, и стеклянными заводами. Вина они не выделяют; но продают виноград христианам и евреям, и эти уже делают вино.

Когда Ибрагим-паша завладел Палестиною, то бунтовщики и непокорные его власти все собирались в Хеврон и укрывались в укрепленной мечети. Есть у здешных арабов предание, что никто из правоверных не может и не должен обращать оружие против священной мечети. Надеясь на это предание, бунтовщики думали спастись от преследования и гнева Ибрагима святостью места, но он направил свои орудия против мечети, приказал стрелять, и бунтовщиков не стало.

В Хевроне есть малое общество еврейское. Оно состоит из 200 душ, включительно с женщинами и с детьми. Редкие из них родились в сем городе. Большая часть из них переселилась из России, и говорят по-русски чисто и складно. Все они очень бедны и живут подаяниями, присылаемыми из разных всесветных кагалов. Когда Ибрагим-паша овладел Хевроном, тогда солдаты его ограбили евреев дочиста, так что все они, мужчины и женщины, и дети, укрывались в домах своих совершенно голые, без рубах, доколе евреи других городов не прислали им милостыни и одеяния. У них есть две синагоги весьма убогие; одна из них будто бы стоит на том месте, на котором Авраам молился²⁹. Здешные евреи ходят также поклоняться гробу Авенира, полководца Саулова, убитого Иоавом³⁰; этот гроб, по их словам, находится в доме одного араба, и к нему допускают за деньги. Каждый день их можно видеть подле Авраамовой усыпальницы, у юго-западного угла. Тут женщины, дети, мужи, старцы припадают челом к холодным камням и творят молитву. Умилительна эта вера чад Авраама, изумительно их терпение. Бросив все выгоды жизни, решившись на все бедствия, не боясь самой смерти, они собираются с

разных концов вселенной в Иерусалим, в Табарию, в Сафад и Хеврон, чтобы жить здесь в глубокой бедности, страдать, плакать, лишь бы удостоиться великой милости Божией, т. е. погребения в отчизне их предков великих, в земле, освященной стопами их пророков дивных. Не знаю, какой народ может сравниться с еврейским в твердости веры, в терпении и в единокровии. Сознаю и исповедую, что это народ Божий, это тот камень, на который, по слову пророка Захарии³¹, прозирают семь очес Божиих.

.....³²

МАЙ 5, Пятница. – Утром в 7 часов мы выехали из узких ворот Хеврона в сопровождении двух вооруженных людей, отправленных мусселимом, и потянулись один за другим в северо-западном направлении к Бет-Жибрину, древнему Бетогабрису или римскому Елевтерополису, которого положение и развалины хотел я видеть. Налево от дороги виден был дуб Мамврийский, и я еще раз любовался его трисоставною, густою зеленью, и молил Бога Авраамова, да благословит мое странствие и да пошлет нам ангела-водителя и хранителя от всякого зла и лихого человека. Скоро священный дуб скрылся за возвышением, на которое мы взобрались. Почти ровная горная высь представилась взору, и мы ровно час ехали по ней до первой долины, спускающейся к ровному полю прямо на запад. Во все это время нас занимал своим враньем проводник, которого я взял из Иерусалима для всего путешествия, – чистый египтянин, цветом лица и душою бронзовый, безбородый, кровожадный, впрочем, услужливый. Он не любит евреев. «Однажды, говорил он, на дороге из Табарии в Сафад я с тремя товарищами своими напал на безоружных жидов и их жен, которых было душ с 10. Мы потаскали их с верблюдов и отняли у них все, что они имели, и пустили их голыми. Жидовки кричали: «а-я-я-й», и заливались горячими слезами; а нам весело было смотреть на них и слушать их визг. Порядочную добычку получили мы и промотали. Я не знаю, продолжал разбойник, за что султан терпит этот народ. Я давным-давно изрезал бы всю Иегуду и детей их разбил бы о камень. Когда-нибудь я непременно убью их старого учителя, да одну иудейку

молодую и двух или трех иуденят, и потом пойду в Мекку на богомолье. Ведь всякому из нас хочется быть в раю. А как мне попасть туда? Я сделаю лестницу из трупов иегудейских». – «Да за что ты ненавидишь этот народ?» – спросил его о. Григорий, который и переводил мне его буйные речи с турецкого языка. – «Как за что? Они хитрые люди, разбойники, обманывают нашего брата. Когда-нибудь я отмщу им, разолью кровь их по дороге, разбросаю плоть их по камням». Мне страшно стало. Сердце мое дрогнуло. «Вот какого проводника дал мне паша иерусалимский», – думал я, и сотворил святую молитву: «Господи помилуй евреев». – «А знаете ли, за что сердит он на евреев, сказал один хевронский проводник. Вчера он был с нами в кофейне. Собралось туда же несколько жидов и они смеялись над его сивою лошадею, у которой, как видите, только кожа да кости. Стыдно пашийскому воину, говорили они ему, ездить на такой кляче; она годится лишь для еврея; и шуткою просили его продать им лошадею. Он рассвирепел на них, как лев, и изрубил бы какого-нибудь жида, если бы мы не удержали его и не выгнали евреев из кофейни. Вот за что он злится на них». – Все мы засмеялись. А он продолжал дышать злобою и мщением на них. Жалки и чудны эти евреи. Все народы не терпят их; а они живут между всеми народами. Мои проводники ни за что в свете не хотели есть жидовского хлеба, которым я запасся в Хевроне, хотя этот хлеб был очень хорош и вкусен. Даже патриарший кавас, православный христианин, во все пребывание мое в Хевроне, не дотронулся ни до хлеба, ни до кушанья, изготовленного жидовскими руками. Это азиатское остервенение веры против веры поразило меня. Какие сильные страсти, какие неискоренимые предубеждения у восточных жителей, думал я. Магометане, иудеи, христиане чуждаются друг друга, считают нечистыми друг друга и боятся даже прикосновения взаимного. На почве восточной вырастают огромные деревья, горят вулканы, бьют горячие ключи, дует жгучий самум, течет в жилах горячая кровь; мудрено ли, что кипят здесь страсти, каменеют предрассудки, уродуются понятия?

По прошествии часа пути мы стали спускаться в долину, ведущую почти прямо к Бет-Жибрину. Эта долина не имеет своего имени. Ее скорее можно назвать горною лощиною, чем долиною; ибо она узка и инде переходит в ущелие. Она постепенно понижается почти до самой деревни Теркумие, и потому чем ниже съезжаешь по ней, тем выше становятся горы, окаймляющие ее. Очень приятна эта лощина, потому что бока гор густо покрыты разнородными и разнообразными кустарниками, а чело и темя гор увенчаны хвойными деревьями. В некоторых местах, особенно в середине Лощины, эти деревья вместе с кустарниками совершенно закрывают каменистые бока гор и одевают их своею свежою и роскошною зеленью. Итак, не один Кармил богат растительною жизнью: и в горах Иудеи эта жизнь цветет на пользу человека. Нигде я не заметил жилища человеческого, и только в одном месте, на правом боку лощины, огородники возделывали грядки для овощей, или для табаку, или для хлопчатой бумаги. Помнится, час с лишним мы спускались по лощине. Подле деревни Теркумие, древней Трихомии, которая осталась у нас влево на холме, лощина вдруг переходит в широкую долину, обставленную уже не горами, а холмами. Виды переменяются. Холмы обнажены, но за то по обеим сторонам дороги широкой, ровной и гладкой красовались богатые нивы, на которых пшеница и ячмень уже подспевали к жатве. Вместе с долиною, среди оной, извивается и опять выравнивается русло высыхающего потока. В более глубоких и удобных местах этого русла можно было бы удерживать воду; но малочисленное народонаселение и невежественное правительство не могут и не умеют здесь пособлять природе и удобствам жизни. По мере приближения к Бет-Жибрину долина расширялась более и более, и что удивительным показалось мне, пшеница и ячмень совершенно вызрели и уже сжаты. В Хевроне и в окрестностях его я оставил нивы еще зелеными; а здесь они или готовы к жатве, или уже совсем пожелтели. Все эти нивы возделаны поселянами деревень Дженибера и Дер-Нахаса, кои в недалеком расстоянии друг от друга и от Бет-Жибрина построены на холмах, налево от дороги. Их нет на карте Робинсона; но я отметил их места.

Наконец, спустя 5 часов ровной и, можно сказать, небойкой, медленной езды, мы разбили свою зеленую палатку в виду Елевтерополиса, под одним старым и ветвистым масличием. День был жаркий и безветренный. Тут решились мы отдохнуть и пообедать.

Отдохнули. Пообедали. От удушья и бесчисленного роя мух не возможно было оставаться под палаткою. Мы поместились у широкого и покатистого корня маслины. Под тенью оной было спокойнее и немножко прохладнее. Направо и налево, вдоль по крепостному рву, в котором мы сидели, виднелись развалины и манили меня к себе. Развалины весьма привлекательны и поучительны. Неложные свидетели отжитого людьми быта и страдания, они связывают прошедшее с настоящими занимают наблюдателя своими особенностями, невидалью, заставляют его гадать, припоминать, сравнивать минувшее с преходящим. Кто видел две-три различные развалины, тот пожелает видеть все. Не великое дело спрашивать живых людей о былою.; но допросить камни немые, услышать их ответ, узнать их хозяина, значение и назначение, – вот мудрость, и в от наслаждение. Люди лгут, камня говорят правду. Люди умирают, развалины переживают?» тысячелетия. Между людьми живешь настоящим, ходя по развалинам, живешь прошедшим, и каким иногда? Напр: целый римский мир вмещается в душу. – В виду моем были развалины римские. Сколь ни утомлен был я ездой, удушьем, но собрал свои силы и стал передвигать свои ноги. Не успел я сделать и пяти шагов, и вот вижу, бежит ко мне из деревни хевронский проводник мой, машет рукою, чтобы я не шел далее, и что-то ворчит. «Беда стряслась, – заговорил он всем нам; вон, на верблюде везут убитого поселянина этой деревни. Он убит в соседней деревне (будет кровопролитие. Здесь и там вооружаются); видно, идет война, льется кровь». – «Да как и за что он убит?» – спросили мы его. – «Не знаю еще, вот, побегу и расспрошу». – Спустя несколько минут в самом деле привезли труп и тотчас на сельском кладбище начали копать могилу. Поднялся рев, вой его родных, жены и детей. Мы побоялись приблизиться к могиле, потому что вся деревня населена магометанами.

– Ну, батюшка, избавились мы от одной беды и набрали на другую, – сказал мне о. Григорий. Улетели от хевронских ястребов, да наткнулись на здешних коршунов.

– Мы – пчелки Божии, – отвечал я ему, – а ястребы и коршуны не едят пчел.

– Красны слова ваши, да и кровь впереди.

– С нами Бог (отче. Не бойся)! Узнаем наперед, в чем состоит дело, а потом будем тужить или думать, куда ехать вперед или назад.

Оказалось, что покойный ходил сегодня из Бет-Жибрина в соседнюю деревню, к своему родственнику, который известил его, что общая коза их, купленная ими складчиною пополам, родила ягненка. Они заспорили между собою о том, кому из них владеть козою и кому ягненком. От спора дошло до драки и смертоубийства.

– Итак, еще не скоро последует мщение, мы успеем еще убраться отсюда, покуда родственники убитого будут совещаться между собою и с шейхом об отмщении. Не скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, – сказал я о. Григорию, и пошел со своим кавасом обозревать развалины. К нам подошел один араб, православный христианин из Бетжалы, который ежегодно приходил сюда работать на поле, и повел нас в развалины.

Доныне сохранилось довольно хорошо четвероугольное здание, построенное в виде крепости с выступными четвероугольными башнями. Двор загроможден обломками и мусором. Налево со входу в сей двор есть в стене полузаваленная дверь, чрез которую мы вошли сперва как бы в сени узкие, а потом в церковь чрез небольшую боковую дверь оной. Церковь кладена из того же желтовато-ноздреватого камня, как и все здание. Купола в ней нет и не было, а во всю длину ее полукруглый свод составляет ее потолок. Там, где надлежало бы быть алтарю, устроен ход, впрочем, сбоку изнутри здания. По стенам церкви, недлинной и неширокой, видны места, где стояли колонны; те части стены, к которым прислонены были колонны, обкладены лучшими камнями, т. е. более плотными и чище обсеченными. Таких колонн было по

четыре на стенах в известных равных расстояниях. Выше колонн, на той стене, которая обращена во двор, есть места, как бы для стояния людей назначенные, в роде домашних хор, и устроенный в виде полукружий. Я догадывался, что по-за этой стене должна быть внутренняя крытая лестница, по которой ходили и на верх здания, и в хоры церковные; и в самом деле, эта лестница была тут; теперь ступеней нет: она или завалены мусором и землею, или разрушены. Она устроена была в виде узкого глухого коридора с островатым сводом. И теперь еще видно, что по этому коридору всходили наверх, потому что он построен в возвышающемся наклонном положении. Церковь освещена была окнами узкими с одного бока. За внешнюю стену этой церкви я нашел четыре торчащие колонны из белого простого камня, и в одной части стены сей заметил заложенный ход в церковь. В последствии ли проделан был этот ход или в начале; вынесены ли эти колонны из церкви или они доселе стоят на своих местах и дают знать, что тут было здание; это решит весьма трудно. Не менее трудно определить и характер, я хотел сказать, значение всего здания. Если римляне строили его, то, очевидно, тут была крепость. Статься может, что во время восторжествовавшего христианства крепость сию хоть и оставили, но учредили в ней кафедру епископскую и устроили церковь, ибо имена пяти епископов Елевтерополиса сохранились в актах и подписях соборов, начиная от никейского до иерусалимского, бывшего в 536 году. Все это здание обведено было глубоким крепостным рвом, которого бока обкладены были камнями, как это и поныне заметно. Этот ров окружал не только цитадель, но и весь город; от цитадели он далеко тянется, по северной стороне города, почти в прямой линии с запада на восток. Около цитадели он еще довольно глубок, но чем далее идет на восток, тем более мелеет от того, что со временем завален был, потому что за рвом начинаются пашни и сады масличные. Следя вдоль сего рва на далекое пространство от цитадели, я набрел на древние ворота крепостные, которые устроены были в виде низменной арки; в первый раз я видел такие ворота. Они складены из больших и толстых тесаных камней. Почти против этих ворот, за рвом,

сохранился колодец, выложенный камнем. Не забыть бы сказать, что по этой стороне города я заметил следы и другого рва. Не мудрено, что тут были двойные укрепления, потому что с этой стороны город более открыт был нападению неприятеля по причине широкости долины, между тем как противоположная южная сторона города, на которой ныне стоят деревянные дома, гориста. – Весь город старинный протянулся более в длину, чем в ширину. Вероятно, он укреплен был стеною со всех четырех сторон, но я обозрел только северную и восточную стороны и цитадель, на северо-западном углу города. На всем обозренном мною протяжении видны только куски фундаментов для башен и стен. В самой цитадели я обозрел только церковь; прочих частей четвероугольника обозреть я не посмел, потому что тут были женщины с ребятишками. Но чрез прозоры я заметил кой-где своды нижнего этажа и как бы аркады.

При обозрении этих развалин один малый сказывал мне, что на днях здешний шейх нашел в развалинах какие-то бумаги и сжег их. Варвар! Ванда! Сей грех не простится ему ни в сей век, ни в будущий. Это грех против науки, против знания. А знание есть отблеск всеведения Божия; следовательно, это грех и против самого Бога и Его Духа Святого.

Другой мальчик, лет 7, как только увидел на мне окуляры, обшитые красным сафьяном, испугался, побежал к матери и закричал. Чтобы успокоить его, я тотчас поднял на лоб свои окуляры и умильно стал смотреть на мальчика своими глазами. Тогда на диком личике его выразилось удивление, а когда я опять надвинул свои окуляры, то он засмеялся. Итак, я останусь в памяти сего мальчика человеком чудным с четырьмя глазами, из коих два переходят с места на место и два остаются неподвижными.

Бет-Джибрин на арабском языке значит: дом исполинов. Это название есть самое древнее. Стало быть и здесь находились исполинские сыны Енака. жившие в Хевроне.

Этот город стоит в самом устье долины, ведущей к Хеврону, и в челе поля, простирающегося к морю.

Вчера предположено было ночевать в Бет-Жибрине. Но так как произошло смертоубийство и можно было опасаться

тревоги, то я и решился проехать до деревни Суккарие, – тем охотнее, что еще оставалось часа три с лишним до захождения солнца.

Ровная дорога от Бет-Жибрина до Суккарие пролегает по степи. Вся степь была покрыта созревшим хлебом, и подобила золотому морю. Нивы, оставленный в пару, украшены были разнообразными цветами; впрочем, цвет белый господствовал. Мы проехали мимо двух деревень, если не ошибаюсь, мимо Морессы и ел-Кубайбе. Поселяне уже начинали жать. Здесь, как и в новороссийских степях, приходят на жатву и из дальних деревень.

Тихо мы доехали до Суккарие. Но и пред закатом солнца, хотя не хотя, поставили свою палатку близ деревни. на сжатом поле. Деревня была в опасности от набегов бедуинов, которые, незванные, непрошенные, расположились кочевать здесь на степях и, если удастся, ограбить деревни и сжатый хлеб. По требованию поселян, иерусалимский паша прислал 100 конников для охранения их деревни; и они лагировали в своих палатках на кровлях деревенских домов, а ночью разъезжали в околоте Суккарие и хранили от разбоев и потребление хлеба. Это был единственный военный лагерь, разбитый на плоских крышах. Весьма неприятно было иметь ночлег в таком опасном месте. Начальник военной команды, по просьбе моей, прислал мне своих четырех вооруженных людей; и они, вместе с моими четырьмя проводниками, стали на страже кругом палатки, заряди в свои оружия. Наши лошади, связанные путами и привязанным к ногам трех извозчиков наших, провели ночь около палатки же. Как ни успокаивал нас начальник сторожевого отряда, но мы решились не спать во всю ночь, дабы при первой тревоге вскочить на коней и держаться где-нибудь в деревне (в безопасном месте) или за деревню вне выстрелов. Вся наша надежда была на Бога, защитника и покровителя невинности. С наступлением ночи страх наш увеличился, ибо ночь была крайне темна; сильный порывистый ветер качал палатку и грозил сорвать ее с места; на беду из-под соломы вылезали и вылетали разные букашки, жуки, пауки, черви. Точно мы были в осаде от этих воздушных бедуинов. Всего более боялись мы

скорпионов и смотрели в оба. Это была страшная ночь в моей жизни: страх от разбойников, страх от насекомых. Всякий раз, когда сторожевые мои перекликались между собою и стреляли, сердце трепетало больно. И не в такое время не приятен выстрел мирному иноку; но слышать военный клич и выстрелы в бурную ночь под палаткою, в час опасный, когда ждешь смерти, нет ничего хуже на свете. Сколь ни ободряли мы друг друга рассказами подле кипящего самовара, но не раз приходилось вздрагивать и не раз, оправившись от страха, повторял я стих Еврипида:

τί πὸτ' αἴρομαι ἔννυχος οὕτω
δείμασι φάσμασι...³³

Более всего напугала нас большая полевая мышь, которая, почуяв съестное, закралась в нашу палатку и подползла к подушке о. Григория. Почуяв, что какое-то животное пробирается к нему сквозь солому, он испугался, вскочил, закричал и наступил ногою на то место, где солома шевелилась. «Змея, змея»! закричал я и позвал на помощь каваса. Животное издавало голос под ногою о. Григория, и мы, оправившись от страха, узнали, что это полевая мышь, а не змея. Кавас проколол ее своим небольшим кинжалом и спровадил за палатку. А мы торжествовали победу свою над полевым животным с мехом.

МАЙ 6, Суббота. – Часа в два за полночь мы опять вскипятили самовар и подкрепились чаем. Русский самовар в путешествии есть и друг, и лекарь. Хвалю и славлю человека, который изобрел такое драгоценное сокровище. В этом занятии прошло часа полтора. Потом сон преодолел меня, и я заснул с час. В 6-м часу мы сняли стан свой и поехали в Газу, благословив Бога, сохранивший нас от огня и меча и нашествия иноплеменников. А стражи мои благословляли Аллаха за то, что он неожиданно послал им по червонцу.

Выехав за Суккарие, мы сбились с дороги в необозримой степи и немалое время блуждали между кочевьями бедуинов. Степь здесь холмиста. Почти за каждым холмом разбиты были черные палатки сынов восточных, так три, четыре. Вот люди, подумал я дорогою. Прошли тысячелетия, а они все те же, да те

же. Во времена судей Израилевых они наезжали со своими стадами и занимались грабежом и разбоями так же, как и ныне. И кто знает, сколько еще веков будут они дерзновенно селиться пред лицом всех своих братии и тревожить их своею дикостью и своим правом обладания всею землею, кому бы ни принадлежала она другому. Что это за народ? Откуда он пришел в аравийские и африканские пустыни и степи? Или тут же он выродился из песку в тот день, когда Бог сотворил мужеский пол и женский³⁴ как гласит св. книга Бытия? Есть ли какие древнейшие предания у сего народа о происхождении своем? Мы не знаем этих бедуинов: их быт, их предания, их нравы не известны нам. А они стоят внимания уже и потому, что они не походят на нас. Мы презираем их, а они презирают нас. Но на канве всеобщей жизни человечества они составляют особый узор, вытканый из черных и грубых нитей жизни. Всевидящее око Божие прозирает и на этот узор, и Его неисповедимая воля оставляет его не убеленным. И эти бедуины суть чада Отца небесного, и чада более угодные Ему, чем развратные парижане или ³⁵. Не бережет ли их Провидение на показ всем царствам и для вразумления, что землю Божию должны владеть частично все люди..... И не вдохнет ли в них дух силы и брани Господь Савваоф в определенную годину, не соберет ли их во едино грозное воинство Свое, не соединит ли их духом единомышления и не пошлет ли.....³⁶

О чем вы задумались, – спросил меня о. Григорий, подъехав ко мне, когда дорога сделалась шире.

– А вот, об этих бедуинах, которые кочуют здесь, в Сирии, в Аравии, в Африке.

– Э, батюшка, стоят ли они того, чтобы вы сквернили свою душу думками об этих цыганах.

– Безгрешные думы не сквернят души, отче!

– Правда ваша, И бедуины суть люди Божии.

– Люди, на челе которых начертано: мы загадка. И подлинно, отче, история этих пастухов таинственна. Неизвестно их начало; и кто может знать, не блистательную ли будущность готовит им Провидение?

– Этим цыганам?

– Да, этим цыганам. Не из жгучих ли степей Аравии явился Магомет и покорил полсвета Корану? Кто знает, может быть и под этими черными шалашами родится новый великан мысли, новый преобразователь народов, дряхлеющих под наитием ложных верований, понятий, нравов, обычаев и разврата? Сила Божия в немощи совершается. Теперь бедуины стоят на самой низшей ступеньке в лестнице народов, но Бог силен оправдать слово Иисусово: *последнии будут первии*³⁷.

– Богу все возможно. Если Ему угодно, то Он и цыган сделает первыми народами.

– А знаешь ли, отче? У нас на Св. Руси народ думает, что цыганы будут сподвижниками антихриста? Есть ли такое предание у болгар?

– Не слыхал. Болгары говорят только, что цыганы ковали гвозди для распятия Иисуса Христа.

– Это новость для меня. Если они ковали гвозди для Христа, так скуют и для христиан. Цыганы в старинные годы воровали детей христиан и пожирали их. Так же, они или не имеют никакой веры, или знают с дьяволом; итак, не мудрено, что диавол, этот антихрист, назнаменует их своею печатью; и они отмстят христианам за то признание и унижение, которое они испытывают теперь.

– А что это за народ – цыгане? Откуда они?

– Одни ученые думают, что они индейцы, другие выводят их из Египта; а недавно в Германии один немец, Даумер его прозвание, доказал, что они суть переселенцы из Америки.

– О-то, дьяволы! Да как же они забрались к нам из Америки?

– Конечно, не на пароходах, а на судах парусных.

– Стало быть они были образованы?

– Видно так, да вследствие расторжения их гражданственности и общежития они одичали и попятились назад. Богачи делаются нищими, философы сходят с ума, силачи делаются немощными; что же мудреного, если и целый народ, вследствие каких-либо ужасных переворотов природы, раздробляется, разбегается, грубеет, дичает и пятится назад?

Было время, когда новейшие философы считали дикарей Америки и Африки первосозданными людьми, а в наше время ученые думают, что это попятившиеся назад люди вследствие какого-то непостижимого, неведомого проклятия Божия.

– А как люди попали в Америку?

– Люди никогда и ни откуда не заходили в Америку. Они родились там.

Разговаривая о том, о сем, мы нечувствительно доехали до деревни Бурейр. Нечего было смотреть здесь. Небольшая деревня состояла из хижин. Мальчишки бегали или совершенно голые, с одним красным фесиком на голове, или покрытые сзади, от шеи до поясницы, овечьими кожами. Иные из них были обрезаны, а другие нет.

На пути от Бурейра до Симсима извивалось сухое русло потока Симсим. Не именем ли Сампсона назван сей поток? Подле колодца деревни Симсим мы отдохнули немножко и подкрепили себя хлебом и солью. Около колодца были поселяне, поселянки и нагие ребятишки. Я искал между ними физиономии филистимские; (но) напрасно.

Наконец, в 11-м часу дня мы прибыли в Газу и остановились в доме православного христианина Авраама Джегшена. После обеда я спал до вечера сном Сампсона, а за час до заката солнца ездил к морю и выкупался в нем. Мне хотелось видеть на берегу морском древний Маюм, в котором жил сладкопевец Козма, сочинитель нескольких церковных песнопений. Но ничего не было на том месте, кроме одной турецкой мечети над гробом какого-то мусульманского святого. Пески забросали и погребли под собою (пристань газскую) древний Маюм.

МАЙ 7, Воскресенье. – Еще до восхода солнца началась обедня в здешней православной церкви. Я молился вместе с газскими христианами. Обедня отправлялась на арабском и греческом языках, а учитель здешней приходской школы, живавший в Вифлееме, пел и по-русски *«Господи помилуй»* и *«Святы́й Боже»*. Я удивился, когда, против чаяния, услышал родные слова. В Газе, на границе Азии и Африки, слышать в церкви звуки русские! Да это отрада душе русской и награда за скорби жизни страннической. По окончании обедни я

приложился ко гробу Порфирия Газского, а в алтаре священник дал мне облобызать и малую часть его мощей в серебряном ковчеге. К сожалению, от этих мощей, по беспечности и неопрятности священника, исходил дурной запах. Гроб Св. Порфирия, весь каменный, приложен к стене, подле северных дверей алтаря. На нем нет никаких украшений и не горит неугасимая лампада. Прежде этот гроб стоял у правой стены, но нынешний архиепископ газский перенес его к северным дверям. Он открыл гроб и нашел в нем лишь несколько костей, но не весь остов. Может статься, по временам открывали гроб и уносили части мощей; посему-то архиепископ и не нашел их в целости. Во время крестовых походов была, так сказать, мода на мощи; так не удивительно, что останки и Порфирия Газского крестоносцы разнесли по всему западу Европы. В церкви я заметил, что женщины, облобызав иконы, касаются одним пальцем до иконостаса или до царских дверей и потом целуют этот палец, либо изображают им знамение креста на лице. Эти женщины принимали мое благословение. По выходе народа из церкви я обозрел ее со вниманием. Церковь сия, во имя великомученика Георгия, довольно велика, не широка, но длинна и темна; она глубже уровня земли; архитектура ее весьма проста, ибо вся церковь состоит из двух длинных параллельных стен и двух коротких поперечных с тяжелым глухим сводом на них. Полинялые, почернения и лишившиеся по местам штукатурки стены придают ей вид мрачный и скудный, хотя в свое время она блистала и мраморными большими колоннами, приставленными к стенам, из коих спаслись только две посреди церкви, одна против другой. Пред женским отделением устроены две каменные крестильницы: одна для крещения возрастных, а другая для младенцев. Вся церковь содержится нечисто. В алтаре и везде валяются кувшины, бутылки, черепки; все везде покрыто пылью и грязью. Когда я спросил хозяина, который гораздо умнее и сведущее своего попа, почему церковь их освящена во имя Георгия, а не Порфирия, то он в ответ рассказал мне следующее чудо.

«Сначала церковь носила имя Св. Порфирия, до утверждения здесь магометанской веры, но случилось, что

турки, – бездельники, воры, захотели обокрасть все лучшее в церкви, проделали отверстие в крыше и своде и спустили туда вора. Он собрал все серебро и все, что было лучшего, завязал в узел, и только что хотел привязать его к веревке, которою подняли бы его наверх соучастники его, как вдруг откуда ни взялся воин на белом коне с кошем в руках и пронзил им вора. Сего воина видели сверху и прочие воры и разбежались. На другой день огласилась смерть магометанина в христианской церкви и арабы истребили бы всех христиан, если бы спасшиеся воры не признались в своем грехе и не сказали, что церковь была заперта, и что воин, поразивший их соучастника, не был земной воин. С тех пор христиане признали, что сей воин должен быть великомученик Георгий, и посвятили ему церковь свою».

Я не отрицаю сего предания, но вместе думаю, что эта церковь едва ли когда носила имя Св. Порфирия, ибо он сам священнодействовал, проповедовал и был погребен в ней. Архиепископ газский говорил мне, что эта церковь обращена была из языческого капища. Я верю ему, потому что она по наружности своей весьма древна, да и в постройке ее есть признаку что она строена не в века господства христианства: это – заложенные горизонтально колонны в стенах и выдающиеся наружу одною округлостью своею. Подобных колонн нигде вы не увидите в церквях, строенных христианами, между тем как увидите их в развалинах Аскалона, Кесарии, Атлита. Архиепископ называл и бога языческого, которому поклонялись газиты, именем Арна. Любопытно прочесть житие Св. Порфирия; будет досуг, прочитаю и помещу оное в своих записках³⁸ Церковь эта обнесена оградой, в которой рядом с нею стоит мечеть. Иконостас в ней стар и весьма плох.

Напившись дома чаю, мы пошли в здешнюю главную мечеть, обращенную из христианской церкви, освященную во имя Иоанна Предтечи. Здешний кади дал нам позволение войти в нее в сопровождении двух молодых и значительных магометан. Сперва нас ввели в обширный двор, устланный мраморными кусками разной величины, цвета и формы. Три стороны двора обстроены открытыми галереями, впрочем

низкими и в дурном турецком вкусе. В этих галереях арабы молятся летом, а зимою – в главной мечети. Среди двора есть цистерна и, кажется, крещальница мраморная. Мечеть немного выдается во двор. У бокового входа в нее мы иззули сапоги свои и в одних чулках обошли ее молча и наблюдая. Магометане обнажили церковь от всех украшений и заложили алтари. Но стены, своды, арки с колоннами, двери, вообще все расположение ее, остались целы; только правая стена (я веду счет от входа в церковь чрез западные двери) была разрушена, и арабы возобновили ее, но построили вкривь да вкось. Церковь была трех-престольна или, как говорит в Палестина, трипостасна. Каждая ипостась оной отделялась рядом легких и красивых аркад, украшенных изящными колоннами из белого мрамора, кои и поныне стоят на своих местах. Над этими колоннами поставлены в верхнем просветном этаже другие подобные колонны. Все здание великолепно, симметрично, просторно, светло. Западная огромная дверь сделана из дерева в старинном тяжелом вкусе. Она была заперта; мне кажется, что на ней были резные фигуры, но магометане сгладили их; посему-то дверь представляется попорченною. Весь пол выстлан в церкви плитовым белым камнем. Она построена была в лучший век византийского зодчества и, следовательно, очень древна. Думаю, что ее воздвиг Юстиниан. Обзорение этой священной древности мне стоило 65 пиастров, – около 15 рублей.

По обозрении мечети я пошел позевать по городу, в надежде, авось не набреду ли на какую-нибудь древность, развалину, колонну. Меня провожал здешний священник. На пути к тому месту, где показывают гроб Сампсона, встретились со мною мусселим и кади. Раскланявшись с московским редким гостем, которого хозяин мой выдал им за величайшего мудреца и государева близкого слугу, они спрашивали меня о моем здоровье и благополучном приезде и просили к себе в гости. Я отвечал им тою же учтивостью и уклонился от посещения их под предлогом обозрения города и краткости времени, которое могу я провести в нем. Гроб Сампсона показывают в какой-то убогой магометанской молельне. Она была заперта, и я не добивался

видеть ее, потому что уверен был во лжи, взведенной на покойного Сампсона, который, как повествует книга Судей³⁹, погребен был совсем в другом месте, именно между городами Соре и Есфаолом, в усыпальнице Маноя, отца его. Отсюда мы повернули направо и взобрались на какую-то высокую, безобразную земляную насыпь. Священник говорил мне, что это место называют Сампсоновым. Итак, не тут ли стоял храм Дагона, которого два столпа потряс сильный назорей и под развалинами которого умер он вместе с 3000 праздновавших филистимлян и их жен и детей? Одно разрытие насыпи могло бы решить сей вопрос. С этой насыпи очень хорошо виден весь город и его ближние окрестности. Помещаю здесь заметку о местоположении его, и виде, и состоянии.

Нынешний город Газа отстоит на $\frac{3}{4}$ часа верховой шаговой езды от моря и построен на ровном месте, но гораздо выше уровня моря. Он разделяется садами на две главные части. Нет в нем никаких замечательных зданий, ни древних, ни новых, исключая главной мечети, о которой я говорил *выше* и православной церкви. Все дома весьма обыкновенны. От крепости, разоренной Наполеоном, остался один небольшой кусок толстой стены, на котором построено что-то в роде голубятни. Напрасно кто стал бы искать водопроводов, развалин языческих храмов, которые стояли здесь еще в начале V столетия, или остатков тех стен и башен, кои выдерживали пятимесячную осаду Александра Великого и годовое obleganiye Александра Иакова. Я видел одну гранитную колонну, лежащую на дороге. Отторгнутая от здания одна колонна ничего не говорит. Может статься, она служила украшением портика или двора знаменитого храма, посвященного критскому Юпитеру. Вся Газа кругом на весьма далекое пространство окружена садами. Можно сказать, справедливо, что здесь находятся единственные масличные рощи, сплошь тянущиеся верст на 7 в длину, и множество финиковых деревьев. Эти рощи и финики насажены в крупном песке, который без них задавил бы собою и город. Вообще все растущее около Газы посажено и садится в песке. Огороды простираются до самого моря. Нельзя не удивляться трудолюбию и терпению жителей Газы. Помнится

мне, что какой-то султан египетский или визирь его насадил масличный лес около Газы, и с тех пор он разросся и составляет удобство и выгоду для города. Ни залива, ни пристани Газа не имеет. Берег изменист, если эти камни не суть остатки древнего молла. Когда я купался в море, видел одну парусную лодку, которая вдали качалась на якоре, ожидая нагрузки пшеницы. Ее подвозили на верблюдах и ссыпали на песке около сторожевой палатки. По этому можно судить, что за торговля здесь морская. Жители Газы занимаются большею частью садоводством и выделкой женских украшений серебряных или, точнее сказать, имеющих один вид серебра. С кургана, на котором я стоял, показывали мне на лево в холмистой линии один бугор повыше других. Поп говорил мне, будто тут стояли те ворота, кои Сампсон унес на своих плечах, и что тут был монастырь во имя пророка Илии, в котором жили святители газские. А теперь на этом месте стоит какая-то магометанская молельня, над гробом их святого. Судя по положению нынешнего города, никак нельзя угадать объем, величину и положение древней Газы, ибо все окрестности забросаны песками. Главное народонаселение Газы составляют магометане-арабы. Евреев здесь нет. Православных христиан не более 40 семей. Ни католики, ни ушаты не проникли сюда. Здесь семейный дом есть таинственная, неприступная святыня для мужчин и туземных, и иностранных. Кому нужно войти в дом или выйти из дома, тот непременно должен попросить позволения у хозяйки или, лучше, дать ей знать об этом предварительно, дабы она могла иметь время спрятаться сама и спрятать своих дочерей. Этот строгий харем соблюдается даже и в христианских семействах, да еще как? Хозяин наш, старик лет 60-ти, убеленный сединами, и его сыновья сами не иначе выходят и входят со двора и в дом, как с ведома хозяйки. И мы подлежали этому карантину. Нужно ли было достать воды, или поставить самовар, или выйти, надлежало чрез черных невольниц дать знать. Один работник 30 лет служить в доме хозяина, а еще не видал лица его жены и дочерей. Нигде нет такого харемного фанатизма, ни в Иерусалиме, ни в Дамасске. Христиане свободно отправляют здесь богослужение и празднуют свои свадьбы весьма шумно, с

ликами, криками и бубнами в продолжение целой недели по ночам. В бытность мою хозяин выдавал свою племянницу замуж; и вот в соседнем доме жениха целые ночи проведены были в ликовании. Хозяин наш живет на дворянской ноге; по богатству своему, он пользуется общим уважением в городе. Жены феллахов не иначе выходят из дома или из города, как закрыв свой нос и рот каким-то покрывцем, униженным по краям разными мелкими монетами. Этот покрывец висит с носу немного ниже подбородка и придает лицу женщины вид морды меделенской собаки. У феллашек этот покрывец запачкан, замаран и весь напоен потом. Ужасно отвратительно смотреть на них. Они носят синие рубахи.

Небольшая мечеть подле православной церкви построена над прахом одного грека, который потурчился и завещал свой дом под мечеть, лишь бы в ней похоронили его. Совесть его тревожила до конца жизни, и он решился хоть лечь в земле подле христианской церкви и тем спас ее от разорения.

Хозяин наш имеет большую семью, которая вся живет под его надзором. Пять сынов его, Халил, Сулейман, Иоанн, Рафаил и Пантелеймон, все высоки ростом, стройны и ровны, как здешние пальмы-финики. Я любовался их цветущим здоровьем и красотой. А мой Иван говорил мне, что он украдкой посмотрел сквозь глиняные трубочки, вставленные на дворе вверху стен, и видел там таких красавиц, каких еще он сроду не видывал. – «Это ангелы, а не девицы и женщины. Все они пришли к невесте, живущей в доме хозяина. Может быть, есть еще здесь семейства от плоти и крови древних филистимлян. Не даром Сампсон предпочитал филистимлянок еврейкам. Жена нашего хозяина имеет рыжие волосы. Мимоходом я заметил это. Этот цвет волос служит решительным доказательством в филистимском происхождении. Итак, я могу похвалиться, что видел филистимлян. Не могли же они все исчезнуть. Народы и племена никогда не пропадают. Они переменяют имена, смешиваются с другими племенами, делаются подвластными другим народам, но сами не исчезают. Напрасно, напр, восклицают ученые: где римляне, где македонцы, где ханаане? Они существуют, только под другими именами. Нет Римского

или Македонского правительства, но племена есть. Газский священник имеет рыжеватые усы; это – Голиаф. Он просил меня совершить таинство крещения над его новорожденным сыном; но я не мог взяться за это дело по неимению книги, да и по неумению крестить детей. А здесь не водится, чтобы сам священник крестил своего ребенка; призывать же из Яффы или из Иерусалима трудно и дорого. Таким образом, у священника остается некрещеным сын, и чего доброго, и умрет некрещеным, если Бог не пошлет ему прохожего иеромонаха.

Вечером старик Джегшен по секрету объявил мне, что иерусалимский французский консул ведет переписку с здешними главными арабами и предлагает им покровительство Франции и свое ходатайство пред пашами и Портою во всех случаях и нуждах. Арабы этому рады. Верю Джегшену, потому что консул действует также и в Иерусалиме. По словам хозяина, установлена и почта этим французом между Газою и Иерусалимом. «И сына моего старшего, говорил старик, он приглашает в свою службу и обещает ему звание агента или вице-консула французского; но я, покаме жив, не позволю ему брататься с французами. Он завел дружбу с одним здешним французишкой, и за это я браню его каждый Божий день. Уж если быть консулом так русским; уж если служить, так служить православному царю Николаю (да продлит Бог его лета и да дарует ему всякое благословение)». Видно было, что старику очень хотелось быть агентом нашего консульства и передать это звание и своему семейству. Я обещал ему ходатайствовать за него в Бейруте и в константинопольской миссии. Старик, казалось, помолодел, налил по стакану отличного газского вина и предложил тост за здоровье Государя. Лишь только мы подняли стаканы кверху и потом чокнулись, на небе прорезался светозарный краешек новой луны. Старик первый заметил ее и сказал: «вот и желание благоденствия России явилось на небе»; – «и вашего будущего заступничества здесь за русских покровников и за здешних православных христиан»! – примолвил я. Все сыновья его присутствовали тут; и я, желая поколебать их выгодное мнение о Франции, выставлял резкие недостатки французского правительства и парижан, напр.: их

безверие, безнравственность, их торговлю в Алжире костями арабов, добываемыми на кладбищах, их хвастовство, неудачи и подлость в ведении дел. Старик, желая придать своему дому более веса, хвалился древностью своего рода и своим влиянием на Заиорданье, где у него есть родные.

По моему мнению, учреждение агентства русского в Газе было бы полезно как для русских поклонников, которые заходят сюда из Египта, так и для здешнего православного общества. Хоть и не велико это общество, но все надобно смотреть на него, как на зерно, из которого может развиваться огромное дерево. Старик Джегшен может с честью исполнять должность нашего агента; ибо кроме того, что он говорит и пишет по-турецки и по-арабски, у него есть состояние, и он будет служить без жалованья из одной чести и для общего блага.

В 11-ть часов ночи я расстался с хозяином дружелюбно и выехал из Газы по дороге в Аскалон. Было темно и прохладно. Почти вся дорога тянулась между масличными садами. Проехали мы по мосту чрез высохшее глубокое русло Симсима, миновали деревни Этнейд, Барбару, и к самому рассвету благополучно прибыли к развалинам Аскалона.

* * *

МАЙ 8, Понедельник. – Желая обозреть эти развалины, я отпустил весь поезд свой в соседнюю деревню Джору. При мне остались только два вооруженных человека. Я просил их отдохнуть и ожидать моего приказанья, а сам отшатнулся от них на вержение камня и сел на зыбучем песке, засыпавшем высокую стену подле разрушенной башни. Солнце еще не взошло; утренняя тонкая светотень покрывала обширные развалины, как кисея закрывает труп изношенной женщины. Ничем не возмущаемая тишина царствовала и в поднебии Аскалона, и на его море; и мне казалось, что я сидел на верховье огромной провалившейся могилы, в которой время истлило и кости, и пепел, и которую буйные ветры засыпают зыбучим песком. Силою воспоминания я воскресил тысячелетнюю жизнь Аскалона; в одной душе моей, как в волшебном зеркале, отражались разные видения и призраки, кои сталкивались, сшибались и разлетались; а другая душа, как

соглядатай, внимательно созерцала эти видения и эти призраки, и довольна была своим созерцанием. Казалось, проходили предо мною филистимляне огромные, могучие; они закутаны были в мантии, и потому я не мог рассмотреть их обличий, но я слышал говор их: они все грозили на евреев. Один юноша преследовал прекрасную женщину; для спасения своей чести она бросилась в море и тотчас обратилась в рыбу. Я вспомнил, что это – Деркетто, мать вавилонской царицы Семирамиды, которой здесь посвящен был великолепный храм. Но кто это грабит богатства сего храма? – А! это всесветные скитальцы, скифы. При величайшей тишине слышны были два голоса: один неся к небу, другой с неба: «Мечу Божий! доколе будешь сеци? Войди в ножны твои и упокойся». – «Как ему упокоиться, когда Господь послал его против Аскалона».⁴⁰ Один из разговаривавших был невидим, а другой носил милоть пророческую. На короткое время являлись христианские святители в митрах и воспевали Христа; но лишь только умолкли их сладостный песнопения, слышались крики муэдзинов и шопотные восклицания: Аллах! Аллах! А кто это в царском венце и в порфире входит в Аскалон с торжеством, как победитель? Крестоносец Балдуин III. Но меч Божий еще не напился крови и не упокоился: он опять не раз посек жителей Аскалона; и гнев Божий, наконец, расшиб его крепкие стены, и уже некому было создать их.

Отдохну в немного, я сел на своего черного коня и объехал кругом весь Аскалон. Он построен был в виде почти правильного четвероугольника и со всех сторон обнесен был весьма высокими и необыкновенно толстыми стенами, башнями, глубокими рвами. У берега морского стена приделана была к природной высокой скале, образовавшейся из окаменелых песочных слоев, и поныне видны остатки сей стены, уже разорванной временем, землетрясениями и орудиями людскими. Эти стены складены были из камней на извести и чистом морском песке с ракушками и пронизана была впоперек каменными синими колоннами, закладенными в стену в лежащем положении, так что или целым боком колонна выставляется наружу, или только окружим своим. Эти колонны

едва ли не были отлиты на заводах. Огромнейшие куски свалившихся башен торчат на берегу, и ни воздух, ни вода морская не в силах раздробит их. С этой стороны рва не было; не видно так же и следов пристани; стало быть Аскалон никогда не был морским торговцем. Прочие стены, – северная, восточная и южная, построены были на тех же песочных холмах, господствующих над западною скалою; посему-то эти стены кажутся выше западной. Но ныне все рвы затянуты песком по обвалам крепости, да и уцелевшие куски стен и башен уже едва видны из-под песка, который здесь бугрится по ту и другую сторону стен, так что можно свободно въезжать и спускаться туда и сюда. Эти стенно-башенные куски, кой-где торчащие на трех сторонах опустелого города, казались мне заржавелыми зубцами в железном венце, из которого уже многие зубцы совсем вывалились. Стены кладены были из небольших тесаных камней. Думать надобно, что в основу их положены были огромные камни. Внутри города теперь ничего нет, кроме огородов, в которых арабы разводят овощи, поливая их из колодцев. Среди сих огородов торчат кой-где камни, куски стен, фундаменты; но все это не стоит внимания и не дает понятия об Аскалоне. Осмотрев развалины, я примкнул к своему поезду, который ожидал меня за деревнею Джарою. От северной стены Аскалона до этой деревни я ехал все между садами и огородами. В садах воспитываются все фруктовые деревья: финики, персики, абрикосы, яблоки, смоквы и пр. Нигде в Палестине я не видал таких богатых и обширных садов, как в Газе и Аскалоне. Подкрепив свои силушки, чем Бог послал, мы поехали в Азот. Солнце поднялось уже на четверть небосклона. При безветренности становилось весьма жарко. Вся дорога от Аскалона до Азота пролегает по равнине между масличными садами, нивами и овощными огородами. Близ деревни Хамазне видны фундаменты казарменных зданий, едва начатых Ибрагимом-пашею и брошенных вместе с магазином, наполненным строевым лесом. Мне говорили арабы, что Ибрагим выкопал тут колодец и обстроил его комнатами кругом сверху до низу, так что лошадь можно свести для пойки к самой воде. Я не был в этом чудном колодце. Может статься, вода

открылась близко и около нее построены казармы. Деревня Медждед (Магдала) славится в здешнем околотке красотой местоположение и здоровым поднебесьем. Нельзя отнять у нее этой славы. Приближаясь к Азоту, мы задыхались от жару и от бесчисленного множества мелких насекомых, которые лезли в рот, и в нос, и в глаза, и кусали тело довольно чувствительно. Арабы спасались от них, завернув в платок свои головы и лица; но при удушье от жара я никак не мог подражать им; лишь только накину платок на лицо, стану задыхаться, и потому я принужден был во всю дорогу непрерывно и быстро отмахивать платком вредных насекомых. А бедные лошади стонали от разных насекомых и рвались под седоками. Едва-едва добрались мы до Азота и, не заезжая в деревню, остановились для отдыха подле колодца, под развесистым фиговым деревом. Но и тут насекомые не давали нам покоя. К счастью начал дуть ветерок, и мы зажгли солому и, сев под дымом, спаслись от них. Тут я почувствовал, что ноги мои ноют и зудят; лишь только я скинул сапоги и чулки, ужаснулся: ноги мои от ступней до колен покрыты были бесчисленными красными пятнышками и распухли. Я сначала подумал, что это приключилось от купания, но так как ноги были чисты выше колен, да и на руках подобные пятна были только на кистях, не закрываемых рубахою, то я догадался, что в Газе съели меня скиппы; я был на границе Египта! Теперь я знаю, какое мучение терпели египтяне, когда по молитве человека Божия являлись облака скипп. Чтобы избавиться от зуда, я влез на колодец и подставил свои ноги под желоб, а феллаху приказал черпать воду и лить ее в желоб. Что за приятность освежиться холодною водою в день удушливый! Чувствует отраду, блаженство самое тело и выражает оное сладостным трепетом. Я приехал в Азот для того, чтобы обозреть его оком археолога. Но до древностей ли тогда, когда сам походишь на развалину! Я предпочел сон археологическим поискам и под дымом заснул часа полтора. «Пора ехать в Ремли», – говорил мне о. Григорий, будя меня за руку, – «скоро ударит два часа пополудни». – «Велите вьючить мула и седлать коней, – отвечал я, поедем». Сели все на коней и потащились, молча повеса головы, ибо жар, чувствовалось,

увеличился; мы ехали, как будто между разложенных огней по обеим сторонам дороги и под паром, которым обдавало нас сверху. Воздух не имел ни малейшего течения и наполнился сухими парами, так что они, как тонкий туман, покрывали все: и поднебие, и горы, и доли. В теле мы чувствовали необыкновенное расслабление, как будто все части его не имеют взаимной связи и существуют порознь. Все это происходило от палящего зноя африканского, который, по свойству теплоты, разрежал воздух и струился по всем направлениям. Проводники наши, два индейца, один белый, другой черный, замолчали, как рыбы; между тем как все утро напевали свои монотонный песни, сухие, как песок. Много деревень попадалось по дороге и виднелось в отдалении; но от усталости душевной и телесной я не мог обращать внимания на них и даже забыл их имена. Крайне не доволен я своею поездкою от Аскалона до Ремли; приехал я за несколько тысяч верст, чтобы видеть древний филистимский город Азот, был подле него, видел какое-то большое разрушенное здание, похожее на хан, и, сказать правду, не видал Азота, потому что в голове нет ясной идеи о нем, о строениях, о местоположении. Как это ни горько, но что-ж делать? С бунтовщицею- природою не сладишь; зажарясь и запарясь в ее огромной и душной печи, не сможешь держать ни пера, ни листа бумаги; да и мысль слабеет в этом пару. До Ремли я ехал, как чурбан, привязанный к лошади. Было уже поздно и темно, когда я лег, как полумертвый, на мягкую постель в прохладной келье.

МАЙ 9, Вторник. Весь день пролежал я на постели, потому что не мог ходить от опухоли ног.

МАЙ 10, Среда. Опухоль прошла от припарки водою, в которой сварена была свежая ромашка. Это лекарство сам я предписал себе. Когда я ехал еще в Ремлю, то вдруг пришло мне в голову лечить свои ноги ромашкою, и я приказал собрать ее. Природа сама себя пользует и душа есть лучший врач своего тела.

Во время обеда и ужина прислуживал нам копт, нанятый игуменом. Он наряжен был в шелковые платья по случаю вступления в законный брак с одною коптскою вдовою. В этом

наряде он будет ходить целую неделю, а потом оденется в лохмотья. Везде человек сам себя обманывает! Этот копт говорит, что в Египте единоверцев его довольно много и что у них есть монастыри мужские и женские. Они владеют монастырем Антония Великого. А патриарший кавас Апостоли рассказал, как он, года два назад тому, удалствовал в Вифлеемской церкви и выгнал из оной коптов. «В праздник Рождества Христова, во время нашей обедни, – говорит кавас, – копты служили в своем приделе свою обедню, и так раскричались, что заглушали наше пение и чтение. Митрополит вифлеемский два раза посылал к ним своего монаха и приказывал им стихнуть. Сначала они поумолкнули, а потом опять раскричатся; тогда митрополит в третий раз послал меня, и я закричал на них, разогнал их плетью, а сосуды и все облачение их разбросал по полу. Так им и надобно, прибавил он, – они еретики, служки антихриста». – «Что же митрополит похвалил тебя за такое святое дело?» – спросил я. – «Он дал мне поцеловать свою руку и был доволен мною, как нельзя лучше».

В 10 часов ночью мы выехали из Ремли в Иерусалим. К нам присоединилось человек 12 арабов и греков и одна сербка, которая, по ходатайству нашей миссии, назначена иерусалимским патриархом для жительства в русском Екатерининском женском монастыре.

МАЙ 11, Четверг. – Рано утром мы прибыли в Св. Град благополучно. Тотчас по приезде нашем сделалась сильная буря и разрешилась малым дождем. Весь день я спал. Сон есть истинное благодеяние Божие для человека. Во время сна он перерождается, юнеет, крепнет, умнеет, добрееет. Сон есть дивное таинство природы, обновляющее все силы человека, телесные и духовные.

МАЙ 12, Пятница. – Я уже в Иерусалиме, но дневник мой доехал только до Хеврона.

МАЙ 13, Суббота. – Свежие воспоминания мои о Зифе, Хермеле, Маоне и Ютте переданы этому дневнику.

За ужином о. Григорий рассказывал мне, что сегодня после вечерни посетил его один из патриарших певчих, молодой и бойкий иеродиакон, и говорил много невыгодного о России,

именно: Россия есть страна необразованная, варварская, единственная в целом свете родина невольников и рабов, которых бьют и продают наравне со скотами; Россиею управляет не столько царь, сколько вельможи его, и вера поддерживается в ней не епископами, а полуграмотными монахами, живущими в монастырях; без них давно бы она узрела свет истины.

– В этом иеродиаконе водятся блохи, сказал я о. Григорию. Он ругает наповал всех своих епископов и монахов; он не верит благодатному огню; и откуда бы набраться ему такими завиральными понятиями о России? От него пахнет чужим душком.

– Он хвалился мне знакомством своим с членами англиканской миссии.

– Понимаю и боюсь. Эти господа успели внушить ему невыгодные понятия о нас и о нашей вере. Грязня нас, они чернят и всю восточную веру. Теперь новая мысль блеснула в моей голове, именно: англиканская миссия постарается потихоньку, понемножку, хитренько подорвать православие в самой патриархии в молодом поколении. Хитрая и верная стратегема! Бить в цель, стрелять и попадать в сердце – да это славное удалство!

– Архимандрит Иоиль, по моему мнению, батюшка, есть чистый англиканец. Он не пройдет мимо дома епископа Александра не поклонившись; увидит его или жену его на гулянье за воротами, непременно встанет с места и отвесит ему или ей поясной поклон; а ему подражает вся молодежь. Сколько раз я видал это за воротами городскими, куда как вы знаете, вся патриархия ходит гулять и зевать на жидовок. Мне думается, что Иоиль получает жалованье от англиканской миссии и служит шпионом.

– Один Иуда здесь удавился. Что мудреного, если и другой, и третий Иуда явится здесь? Боюсь я этих англичан. Здешне монахи никогда не могут иметь общения с католиками, потому что между теми и другими длится старая вражда, решается старый вопрос, подновляются старые страсти. Но англичане никогда не обижали их; англичане ласкают их; они так

образованы, богаты; их епископ живет, как примерный семьянин; о членах миссии ничего не слышно, кроме доброго и похвального... Сколько выгод на их стороне! Как не дружиться с ними! Кому не светло и не тепло подле солнца? Но увы! Эти солнца обожгут клобуки и мантии монашеские. Знакомство с англичанами сперва произведет тяготу в душе иноческой, которая видит, что есть и другая вера, и другой лучший образ жизни, потом скуку и разочарование. Этого зла я ожидаю, как бури после затишья, ибо где духовная пища для молодых иноков? Где те образцы, которым они подражали бы, по крайней мере, в подвигах благочестия? Жить во тьме и под палицею архиереев корыстных, чувственных, управляемых герондиссами! – да такая жизнь есть смерть для молодого инока, который чувствует в себе стремление к усовершенствованию, который вперил бы свой ум, алчущий познаний, в созерцание веры и ведения!

– И я вижу опасность, батюшка. Вообразите, теперь все бросили учиться, никто не ходит к иеромонаху Дионисию слушать Катихизис.

Этим грекам слаще всякого Евангелия, всякого Златоуста, какой-нибудь Гомер, или Демосфен, или Плутарх. Если не будет здесь учреждена духовная семинария или академия и если не будет упрочено учение на прочном и обширном основании, то не быть добру.

– Да откуда взять им учителей?

– Над вашим вопросом задумаешься. Греки афинские или константинопольские – так опасны! Того и гляди, что попадется в учителя ученик Феофила Каира; из Куру-Чесме посылают греков в Париж для высшего образования, и эти полу-парижане чему доброму могут научить? На острове Халки в раннем детстве убита жизнь религиозная в школьниках старого хрыча Варфоломея. Но Бог воздвигает учителей от камней сих. Здесь надобно приняться за малолетних детей и их постепенно вести в храм веры и ведения. Иеродиаконов и больших молодых послушников учить поздно! Пусть одни машут кадилами, а другие служат старцам. Истинно-православное образование здешнего духовного юношества могла бы породить только

российская духовная миссия. Вместе с нашими малолетними певчими учились бы и архиерейские, и арабские ребята. Семинария при нашей миссии с дополнительными академическими курсами была бы превосходным рассадником будущих проповедников и учителей в Палестине.

– Вашими устами медь пить, сказал о. Григорий.

– Ах, отче, в этой груди, в этом сердце много ревности о спасении и благоденствии арабского народа.

МАЙ 14, Пятидесятница. Бог удостоил меня сегодня отслужить обедню в часовне Гроба Господня вместе с архиепископом газским. Жертвенником служил Гроб, а престолом тот камень, который отвален был ангелом от двери Гроба. На этом камне положена была богатая серебряная дека с прекрасным изображением Снятия со Креста под чернь и с чеканными ликами четырех евангелистов по углам и другими фигурами и цветами, тоже чеканными. Эта дека пожертвована была Ванькою Мазепою. Вверху оной есть надпись под чернь славянскими буквами: «Иждивением ясневельможного Иоанна Мазепы Российского Гетмана», а внизу на латинском языке: «Sumptu illustrissimi Ducis Johannis Masepae Rossiae». Вот судьба Мазепы, подумал я; в России его проклинали, а здесь молятся о упокоении души его и прощении и оставлении грехов его. Не знаю, что действительнее пред Богом: наше ли торжественное, всенародное проклятие, или здешние молитвы. Верно, ни то, ни другое. Бог воздал и воздает ему по делам его, а не по нашему хотению.

Молитва на Гробе Господнем, как я заметил за собою, делается всемирною. Молиться не только за христиан, но просить Бога о просвещении и спасении и ариев, и магометан, и язычников.

МАЙ 15, Понедельник. Я слаб здоровьем. Страдаю от бессонницы. Дневник мой едет далее.

МАЙ 16 – 19. То хворал, то продолжал дневник свой.

Сегодня посетил меня бывший игумен Белемендского монастыря Афанасий и доставил мне опись имений сей обители.

МАЯ 20 Из Газы прибыл сюда в Иерусалим молодой Джегшен с тем, чтобы отправиться со мною в Бейрут и

возвратиться оттуда в Газу уже с двумя серебряными булавами, кои, обыкновенно, носят консульские кавасы впереди. Чрез архиепископа лиддского я вразумил его, что определение его в агента русского не может совершиться слишком скоро. Нужно терпение.

МАЯ 21. Болен.

МАЯ 22. Окончил дневник свой.

МАЯ 23, Вторник. Сегодня утром послал я о. Григория к армянскому патриарху Захарии навеститься о его здоровье и сказать ему, что я еду в Саввинский монастырь и что при обозрении библиотеки обращаю внимание на армянские книги, и по возвращению в Иерусалим сообщу ему свое замечание о числе и состоянии этих книг. При этом случае, – наказывал я о. Григорию, – примолвите патриарху, что я крайне жалею, что греки не позволяют ему осмотреть эти книги, и скорблю о неприятных отношениях их к армянскому духовенству и народу. Смотри по восприимчивости и откровенности патриарха, присовокупите и то, что я крайне желал бы иметь истинное и верное понятие об обидах, какие причиняют греки армянам, ибо истина доходит в Россию иногда в превратном, а большую часть в искаженном виде. Если патриарх согласится поверить мне страдания своей церкви от греков, то я останусь в большом выигрыше; ибо греки теперь составляют для меня записку об армянах; если составят подобную записку и армяне о греках, то сравнение показало бы истину. Старик Страбон правду говорил: «Ἀπαντα τὰ αἰνίγματα λύειν ἐπ' ἀκριβὲς οὐ ῥᾶδιον τοῦ δὲ πλήθους τῶν μυθευομένων ἐκτεθέντος εἰς τὸ μέσον, τῶν μὲν ὁμολογούντων ἀλλήλοις, τῶν δ' ἐναντιούμενων, εὐπορώτερον ἅν τις ἐξ αὐτῶν εἰκάσειε τ' ἀληθές»⁴¹.

Мой расторопный и умный о. иеродиакон сбегал к патриарху, повел разговор на турецком языке, как нельзя лучше, и принес мне следующий ответ его высоко степенства: Между греческим и армянским духовенством длится старая вражда, которая при малейшем поводе вспыхивает, вводит нас в судебные процессы и истощает нашу казну. Ни та, ни другая сторона не может уступить и покориться; ибо если греки замолчат, то турки обвинят их; если мы не будем действовать,

то мы останемся в подозрении у турок. Честь обеих наций и честолюбив требует бесконечных распрей и тяжб. Армянский патриарх не знает, к кому прибегнуть для защиты: к константинопольскому ли посланнику, к русскому ли синоду и царю, к Богу ли. Он желает, по крайней мере, одного, чтобы константинопольская миссия не решала споров по одним доносам греков и выслушала бы и армян. Патриарх говорил также, что если бы русское правительство назначило сюда консула, или архимандрита, или архиерей для постоянного пребывания, но только не грека, а истинно русского, православного, то пребывание его было бы истинное благодеяние для обеих враждующих сторон. Армяне согласны прибегать к суду сего посредника, лишь бы избавиться от вмешательства турок и от огромных расходов, доводящих тех и других до нищеты и долгов. Равным образом патриарх соглашается составить краткую записку о притеснениях, терпимых армянами от греков, и вручить ее мне. В заключение он просил меня обедать к себе сегодня в 4 часа пополудни. «Я получил свежую рыбу из Яффы, – говорил патриарх; она не будет сладка мне, если я не скушаю ее вместе с о. архимандритом.

Если он любит меня, то придет ко мне». Армянский патриарх говорил, что англиканский епископ Александр посвятил двух апостолов и пошлет их на проповедь по Палестине.

Нельзя было отказаться от такого дружеского приглашения. В назначенный час я пошел с о. Григорием, не смотря на то, что принимал по утру содовые порошки. Мне весьма интересно было поговорить лично с патриархом по-братски, по-монашески, и узнать наверное: составит ли он для меня желанную записку.

Патриарх ожидал нас в летних своих келлиях и принял с радушием Авраамским. На этот раз приготовлены были стулья для сидения. Это доказало мне внимательность патриарха к моему неумению сидеть по-азиатски; и эта мелочь обличила в нем доброе расположение ко мне. Азиаты до обеда говорить об обыкновенных предметах, и уже за столом начинают рассуждать, рассказывать былое, важничать, судить и рядить. Я

знал этот обычай, и потому до обеда вел прерывчатый, разноцветный разговор.

После обычных взаимных вопросов и ответов о здоровье, я говорил патриарху о своем путешествии по южной и западной Палестине и о желании издать в свет описание Палестины. При этом случае патриарх рассказал один анекдот на счет европейских путешественников в Палестине и описателей оной. «Один милорд рекомендован был мне (говорил он) и остановился в нашем монастыре. У нас был один мальчик, который говорил немножко по-итальянски; милорд расспрашивал его о том, о сем и, между прочим, о числе армянских патриархов. Есть три или четыре патриарха, отвечал ему мальчик. И милорд написал в своем журнале: Есть три или четыре патриарха армянские. От патриарха узнал я, что в Эрзеруме ныне находится не более 1000 домов армянских: да и эти семьяне прибыли туда из разных мест Турции, потому что там есть консульства, от которых можно иногда получить защиту от гонения турок. Старые жители Эрзерума убежали в Россию в последнюю войну России с Торицею. Когда объявлена была эта война, тогда турки напустили курдов против армян, и эти разбойники предавали все мечу и огню в Армении. По словам патриарха, Эчмиадзинский монастырь довольно обширен, но загроможден старинными зданиями, и потому не виден. По изъяснению его, Эчмиадзин значить: явление Господне.

За обедом патриарх сам подал повод к разговору дельному и весьма интересному для меня.

– Скажите мне, святой архимандрит, не намерено ли русское правительство послать сюда духовную миссию или одну духовную особу?

– При отъезде моем из Петербурга, я слышал противное от членов синода, отвечал я притворно, видя, что старик желает пытать меня.

– Все нации имеют здесь свое духовенство, своих молитвенников у Гроба Господня; почему бы одни русские не хотели назначить сюда своих святых старцев?

– Наши иерархи говорят, что в Иерусалиме есть единоеверное духовенство греческое; для чего же присылать

туда русское? Впрочем, что касается до моего мнения, то я думаю, что весьма полезно было бы здесь учредить русскую духовную миссию.

– Греки суть ваши единоверцы; это справедливо. Но эти единоверцы пренебрегали русскими более, нежели болгарами и молдаванами. Давно ли русские не имели, где главы преклонить, и валялись по улицам? Давно ли устроены для них Феодоровский и Екатерининский монастыри?

– Нам хотелось не Феодоровского, а Авраамиевского монастыря, который, как вы знаете, стоит подле храма, на самом лучшем месте, на площади. Но греки не дали нам этой обители. Мы покровительствуем им, защищаем, высылаем им деньги ежегодно; а они не захотели дать нам лучшего монастыря или, точнее сказать, лучшего места.

– Государь или синод ежегодно высылает им деньги, сказал патриарх и покачал головою; на лице его выразилась горькая мина. Он высылает их на подарки туркам; высылает для того, чтобы давить, душить беззащитных армян.

– Вините греков; не обвиняйте России. Она высылает милостыни, а не подарки туркам.

– Я не обвиняю России, но желаю, чтобы при судебных сделках наших с греками константинопольская миссия, по крайней мере, требовала бы и выслушивала бы благосклонно и наши оправдания, и наши представления. Нас не спрашивают, нас обвиняют; шлют фирманы в защиту греков; а мы вымаливаем фирманы для защиты собственной; потом обе стороны идут судиться у турок и сорят деньги ко вреду собственному. Вот наша история, вот наша жизнь!

– Я уверен, что истина доходит до нас в превратном или в искаженном виде. Когда она дознается настоящим образом, тогда правительство наше, гражданское и духовное, готово уважать просьбы армян и решать их справедливо и беспристрастно. Позвольте мне подтвердить мои слова одним важным фактом. Покойный патриарх ваш Иоаннес просил Государя о том, чтобы не печатать в русских книгах старинных хулений на армянский народ, доставшихся нам в наследство от греков. Что же? Государь передал это в синод, и синод

предписал всем цензурным комитетам не печатать впредь этих зло хулений. Стало быть в России ласкают, любят, уважают армянский народ и духовную главу оногo. Поверьте, что многое истинное не доходить до слуха правительства. Если бы угодно было вашему высоко степенству удостоить меня доверием и сообщить мне, какие именно терпели вы и терпите притеснения от греков, то я передал бы матушку-правду своим митрополитам и другим гражданским важным сановникам.

– Не угодно ли, мы передадим вам ваши бумаги?

– Нет, бумаг ваших я не возьму, а устные справедливые жалобы ваши рассказал бы, кому следует, для умиротворения двух церквей, греческой и армянской (Не думайте, что только в Стамбуле известны ваши споры и брани с греками. Они доходят и в Россию). Я люблю правду и не люблю полу истины. Вот, в прошлом году я был в Одессе; вдруг получено было одним важным сановником письменное горестное известие, что армяне прибили в храме православного вифлеемского митрополита; это известие посредством переписки раздалось по всей России; и вот составилось общее мнение о том, что армяне суть смертельные враги грекам и готовы бить их, уродовать их. Но кто в этом случае прав и кто виноват был? Или точнее спросить, кто был зачинщик? Может быть, сам митрополит? Но мы не знаем этого; никто из ваших не писал в Россию и не пояснил этого дела.

– Я избран был патриархом незадолго до того времени, когда египетский паша Мегмет-Али завладел Палестиною. Когда власть его утвердилась здесь, тогда я отправился в Египет на поклон к новому властелину. Но греки успели предварить его на счет моего приезда и дать ему знать, что армяне убили одного человека в храме Гроба. Когда я прибыл в Египет, тотчас узнал об этом наущничестве и клевете греков. К счастью моему, Али-паша принял легко эту клевету и сказал: «во время войны тот и молодец, который рубит другому голову». Но по следствию оказалось, что греки убили армянина.

Я понял, к чему патриарх рассказал это происшествие. Он хотел дать мне почувствовать, что Вифлеемский митрополит

был зачинщиком; но греки писали в Россию о нем, как о мученике.

– Ежели здесь бывают пересуды, толки, переиначения дела, то как узнать истину нам, живущим в отдаленном севере?

– Наши тяжebные дела с греками известны посланнику.

– Да посланник не составляет целой России. В России, как во всяком образованном государстве, есть общественное мнение.....⁴² беспристрастно судить о ваших тяжбах и уравнивать честь и выгоды греков и армян.

– Да как мы можем задать тон общему мнению в России на счет наших страданий от греков?

– Есть средства для достижения сей цели, напр.: Бог послал к вам какого-нибудь русского, стоящего внимания и доверия вашего и имеющего обширные знакомства; поведайте ему свое горе, свое терпение, даже свои ошибки или капризы; а он перескажет их другим, другие третьим, – и вот составитb общее мнение, сказал я улыбаясь и предложил тост за здоровье его высокостепенства. Мы осушили стаканчики и обменялись учтивостями. Потом патриарх, продолжая разговор, начал рассказывать бывшее.

– Наше прошедшее есть темный и неисходный лабиринт. Вынести из этого лабиринта все темные дела, клеветы, тяжбы и показать вам, это не возможно. Я вам представлю на вид лишь несколько обид от греков: слушайте и судите. Когда еще жив был яффский консул Мострас и находился в Иерусалиме во время сбора поклонников всех вер и всех наций, нам нужно было служить в Гефсимании. В законный час иеромонах наш и диакон отправились вместе с народом нашим в Гефсиманскую церковь и полагали, что греки уже кончили свою службу. Но что же оказалось? Они еще и не начинали ее, а в темных уголках изволили угощать друг друга кофеем и розалиею. Наши пождали минут 15 и начали роптать на греков. Желая предотвратить смятение или кровопролитие, мы дали знать Мострасу, и он сам, незамеченный в толпе нашего народа, ожидал, чем дело кончится. Спустя час греки начали свою службу, и народ наш нетерпеливый, грубый, должен был дождаться конца. Едва, едва Мострас и мы могли успокаивать

волнующийся народ. Не явная ли это обида? И не опасное ли это дело? К чему нарушать обычай промедлением, совершенно незаконным, и раздражать народ?

Ныне у нас нет и быть не может мира с вифлеемским митрополитом; ибо он делает несносные пакости нашим. Напр. во все время нашей службы нарочно прикажет растворить окно в нашем собственном приделе и для чего же? Для того, чтобы ветер задул наши лампы, или свечи, или, когда нет ветру, для того только, чтобы показать нам, что он хозяин в целом храме. Не обидно ли это? Кто сомневается в том, что он хозяин храма? Если ж мы и постояльцы или наемщики у него, то и в этом случае он не должен обижать нас и своевольничать на половине храма, уступленной нам по воле султана. Я непрестанно проповедую своим: терпите ради Христа, подражайте Христу, Который страдал от врагов Своих. Но я не в силах сделать своих безответными страдальцами. И они люди, и они имеют свои слабости, свои страсти и свое рассуждение о том, что право и что не право.

Греки в Вифлеемском храме имеют несколько входов и выходов, как это вам известно. А нам не дозволяют иметь ключа даже от дверей, ведущих в собственный наш придел. И этого мало. Когда у нас идет служба и когда мы застелем пол циновками и коврами, по нашему обычаю, тогда вифлеемский митрополит запрет все прочие двери и пускает богомольцев чрез наш придел; они топчут и грязнят наши ковры, мешают богослужению, кричат, шумят толкают наших стоящих на коленях. Не обидно ли это?»

Главный большой купол храма, как вы видите, протекает; мы и католики предлагаем грекам свои пособия для починки его; они не хотят наших денег, отвергают нас. А мы им не уступаем, и вот турки наживаются деньгами, которые мы собираем, случается, и с русских подданных.

Мы встали из-за стола и перешли в гостиную. Продолжая разговор, я спросил его:

– Здешние патриархи ведут ли переписку о тяжёбных делах своих с греками с патриархом эчмиадзинским? Просят ли его совета или ходатайства?

– Эчмиадзинский патриарх есть духовная глава армянской церкви, это правда. Но в старые годы власть его была так слаба, (что) он не имел никакого влияния на здешние дела и потому писать к нему было бы бесполезно.

– Но со времени приобретения Эчмиадзипа русскими патриарх имеет власть, и может писать министрам, синоду, царю нашему.

– Может. Но он должен посылать свои просьбы чрез военное начальство. А Бог знает еще, захочет ли пересылать их главный генерал?

– Однако ж я знаю, что просьбы его доходят до слуха и ока царева. Пишите к нему и просите его заступничества за вас пред царем нашим

– Я вижу, сказал патриарх, что вы искренно говорите и желаете мира и благоденствия армянской церкви. Буду и я искренен с вами. Мы не можем вести переписки с эчмиадзинским патриархом, дабы не ввести себя в подозрение у турецкого правительства и дабы не обидеть вашего константинопольского посланника. Наши письменные сношения установлены издревле. Мы сносимся с нашим константинопольским патриархом, а он с вашим посольством. Переменить этот порядок и не благоразумно, и не должно.

– Скажите, ваше высокостепенство, католики не обижают вас?

– Не можем пожаловаться на них. Если бы мы ладили с греками, то католики не имели бы здесь силы.

– А на Голгофу допускают вас?

– Голгофа издревле принадлежит нам. Но греки нас вытеснили оттуда, и мы не можем там священнодействовать; по древнему обычаю, только посылаем туда свечу в каждую пятницу, да и ту не сами зажигаем. Однажды я взошел на Голгофу почти в конце обедни греческой, вот подошел ко мне монах с тарелкой. Я не далъ ему ни парички и сказал: деньги вы любите собирать и на Голгофе, а пустить, так не пускаете нас сюда для молитвы. Монах отворотился и заворчал на меня.

– Васъ не пускают на Голгофу; как же копты и абиссинцы служили там ночью, в пятницу на великую субботу? Я видел и

слушал их.

- Не может быть, отвечал патриарх.
- Я вас уверяю.
- Я вам удивляюсь.
- Может статься, это были униаты?

Наконец, мы расстались. Но лишь только я сошел с лестницы, вспомнил, что патриарх хотел показать мне подарки Петра Великого и Екатерины Великой, и я воротился. Государь подарил большой архимандритский крест с Распятием на круглой финифти посреди креста, а государыня прислала золотого двуглавого орла (вершка в 2 вышиной и шириной) с цепочкою для ношения на груди. Этот орел удивительно искусно и живо сработан. Голова и ноги его сделаны под чернь. А в крыльях приподнятых, но не распущенных, в глазах, в хвосте вставлены мелкие красные рубины, – от этого орел кажется красным; в груди же вставлен небольшой крест из каких-то белых камней, кажется, из топазов. Этот орел двуличневый: на ту и другую сторону одинаково отделан и украшен. Патриархи носят этого орла на персях во время богослужения. Его высокостепенство не помнит имен тех патриархов, которым присланы были сии царственные подарки.

МАЙ 24, Среда. – Владения филистимлян простирались от Гефа и Газы до Ямнии и Аккарона и, может быть, выше Иоппи. На всем этом побережье я надеялся найти хоть какие-нибудь особенные следы их быта и не нашел. Этот народ есть неразрешимая загадка в истории. Колыбель и гроб его окружены таинствами, и он прошел по земле, не отпечатлев и следов своего существования ни на суше, ни на море. До нас дошли только имена главных городов пяти княжеств филистимских. Если бы этот народ был самобытный и торговый, как финикияне, то он оставил бы, по крайней мере, искусственные пристани на море, как финикияне оставили их в Яффе, Тире и Сидоне. Однако же нельзя сказать, чтобы им не известно было мореплавание, ибо они переселились в Палестину из Кафтира, т. е. с острова Крита, и переселились, разумеется, на кораблях. Может быть, филистимы были не народ, а купцы критские, имевшие свои конторы в Газе, Аскалоне, Азоте и в прочих

местах. Из Крита приходили сюда и отходили корабли, и потому не для чего было делать и пристаней. Не даром Газа носила имя критского законодателя Миноса (Впоследствии филистимские колонии, вероятно, сделались независимы и от Крита и имели своих князей). Хотя в Св. Писании и говорится, что они имели своих царей, но под этими царями должно разуметь начальников колоний, которые в древности имели достоинства княжеские. Связями их с Критом можно объяснить и то, что филистимы так долго были страшны для евреев. Верно, кто-нибудь помогал им, что евреи не могли одолеть их ни при Сауле, ни при Давиде. Как конторщики и колонисты, они не оставили после и величественных памятников.

По всему побережью филистимскому в Бетжибрине. Сукарие, Буреире, Симсима, Газе, Аскалоне, Азоте колодцы устроены одинаковым и весьма простым образом и одинаков способ вытаскивания воды или посредством кувшинов, навязанных на две веревки, или посредством меха. Широкий верх колодца высоко поднят от земли; от отверстия его проведен крытый или некрытый желобок, по которому вода стекает в каменный оштукатуренный бассейн четверо-угольный, состоящий в связи с корпусом колодца; а из бассейна, посредством дыр внизу, она стекает в каменные корыта для поила скота. В этом бассейне оmyваются и люди. Что касается до вытаскивания воды, то она получается или силою верблюда, вертящего шестерню, или силою человека, тащащего воду верёвкой. В первом случае на баран колодежный, приводимый в движение шестернею, накладываются две веревки, кои связываются по концам; к этим веревкам, увитым соломой, часто привязаны большие глиняные кувшины, и они по одной веревке спускаются в колодец за водою вверх дном, а выходит оттуда с водою по другой веревке вверх горлом, и как только кувшин станет перекачиваться чрез баран, вдруг вся вода выльется из него стремительно или в бассейн, или в желоб. Этот способ весьма прост и чрезвычайно выгоден; ибо вода непрестанно льется из кувшинов, которые выходят один за другим. По нашему способу не скоро дождешься бадьи. Достача воды силою верблюда посредством кувшинов есть уже выдумка

искусства. Но в Филистимии есть самый древний и чрезвычайно простой способ доставать воду. Он состоит в следующем: позади верхового узкого отверстия (бывает и боковое, широкое с аркой, но чрез него не таскают воды) небольшой, но толстый мраморный чурбан прикрепляется неподвижно к двум толстым деревянным брусам, ниспускающимся к заднему краю колодца и там прикрепленным. Эти два бруса торчат над колодцем, как два прямые рога, обращенные вверх тупыми концами, а вниз за колодец концами острыми. На мраморный чурбан закидывается просто (а не обвертывается около него) один конец длинной веревки, который колодежник привязывает к меху, а другой привязывается к рогам вола или коровы. Лишь только колодежник спустит мех с веревкой, вол потащит веревку по прямой линии, до размеренного предела, и вода вытащена. Мех водоносный есть не что иное, как большая выделанная круглая кожа, которой все края подняты кверху и пронизаны веревкой, так что она, как кошелек, и распускается и стягивается по этой веревочке. Посему колодежник может и задерживать воду в мехе и выпускать ее понемногу. Все виденные мною колодцы очень древни, и во время язычества обделаны были щегольски. Отверстия их, желоба, корыта, приступки, все это обделано было белым мрамором, которого куски и ныне сохраняются. Подле сукарийского и симсимского колодцев я заметил тонкие колонны из белого мрамора. Стало быть, эти колодцы были отделаны с изяществом. Не забыть бы сказать, что все колодцы находятся вне селений. Что бы все это значило? Что это за вкус, что это за охота украшать колодцы мрамором, и (притом) белым? Почему колодцы устроены вне селений, на открытом поле? – Думаю, что всему этому была причиною языческая религия филистимов, которые почитали воду, как элемент творческий. Сии-то колодцы я считаю единственными остатками быта филистимского, ибо подобных колодцев нигде нет в Иудее и Сирии.

МАЙ 25, Четверг. – Ужасная весть пронеслась сегодня по городу. В храме Гроба Господня найден мертвый новорожденный ребенок, брошенный не известно кем в нужном месте. Турки узнали об этом и производили следствие, но

виновница или виновник не открыты. Думать надобно, что ребенок или родился тайно в жилых комнатах монахов греческих, или армянских, или католических, или подброшен был к виновнику его жизни; но для сокрытия преступления задушенный был брошен в нечистое место. Боже великий, как слаб человек! И Гроб возлюбленного Сына Твоего не вразумляет его, и подле Святого Гроба сего человек готов сделать ужасные преступления... Бросаю перо. Завтра поеду молиться в Саввинский монастырь.

Эту весть подтвердил и петро-аравийский митрополит Мелетий, которого я навестил сегодня вечером.

Я спрашивал сего митрополита: «есть ли униаты в Иерусалиме»? Сначала он сказал: «нет», а потом, подумавши, отвечал, что есть и что к числу их принадлежат секретарь паши и под консул французского консула. Оба эти сильные ушаты, пользуясь покровительством и паши и Франции, строят себе церковь тайно, под предлогом гостиницы для богомольцев.

Надобно узнать это дело обстоятельно.

МАЙ 26, Пятница. – Наконец настал день, давно искомый, давно желанный, в который я мог полететь и почить в пустыни Св. Саввы, бегая от малодушия и от бури и чая Бога спасающего. Утром в 5 часов я выехал, перекрестясь, за Яффские ворота Св. Града и спустился в долину Гигон, пресекаемую во всю ширину ее каким-то древним водопроводом. Из этой долины, по обогнутии юго-западного угла Сиона, дорога пролегла по долине Гинном, понижаясь постепенно к потоку Кедронскому. Вся эта долина усажена деревьями фиговыми и масличными и ныне не представляет ничего такого страшного, по чему бы можно было называть ее: Гееною огненною. Сторона ее, противоположная Сюнской горе, скалиста обрывиста и дика; тут есть древняя гробовые пещеры⁴³. (Приехал) сюда я в 2 часа. Весь день прошел в рассматривании Саввинской диковинной обители. Удивление, – вот какое чувство сегодня господствовало в душе моей! Я удивлялся величественно-дикому местоположению Савванского монастыря, и подвижничеству сего сурового инока и потом

смирению и послушанию Иоанна Дамаскина, коих жизнеописания не раз прочтены были мною.

МАЙ 27, Суббота. – В двенадцати стадиях (1¼ ч. пути) от лавры Св. Саввы, на северо-востоке от оной, есть так-называемая Кастеллийская гора, на которой Св. Савва устроил киновию. Эта гора была тогда пуста, необитаема и непроходна по причине неудобного восхода на нее и страшилищ, там бывших; ибо на ней гнездилось множество бесов, которые устрашали мимо ходящих различными мечтаниями. Преподобный же Савва, имея Бога помощника, взошел на эту гору и, окропив ее со всех сторон елеем, взятым от Св. Креста, и оградив себя крестным знамением, как неодолимую стеною, провел на ней целую Четыредесятницу. Сначала повседневно он имел брани с бесами: они нападали на него иногда в образе зверином, иногда в виде гадов и птиц и производили вопль и крик страшный, так что преподобный, как человек, устрасился и помыслил уйти с горы. Но Тот, Который некогда укрепил Антония Великого в подобной брани с духами злобы, явился и сему угоднику Своему и повелел дерзать и противостоять козням диавольским силою крестною. С того времени блаженный жил на горе небоязненно, далече от себя прогоняя все страхи и привидения молитвою и знамением крестным. При конце же великого поста, во время ночной молитвы, бесы воздвигли последнюю и большую паче первых брань против него, так что казалось, вся гора колебалась. Но святой нимало не устрасился и творил молитву; тогда бесы возопили: «О, нужда! Что мы терпим от тебя, Савва? Не довольно ли с тебя населенного тобою потока (Огненного)? Не довольно ли тебе пещер, камней и той пустыни, которую ты сделал обитаемою? Но ты и сюда пришел, чтобы выгнать нас из нашего жилища; вот уже мы отходим, не возмогши противиться тебе, имеющему помощника Бога», и тотчас с великим рыданием и воплем и с шумом великим отлетели от горы в ту-же ночь в образе вранов. Преподобный Савва, возблагодарив Бога за прогнание бесов, отправился в свою лавру праздновать вместе с братией наступающий праздник Воскресения Христова. А после праздника опять пришел в Кастеллию с несколькими отцами и

начал созидать келии. Очищая место, они обрели под холмом пространную и высокую храмину, чудным камением убранную; очистив и украсив ее, они обратили ее в церковь и освятили. Таким образом, возникла небольшая киновия. Св. Савва собрал в нее несколько братии и управление оною вручил некоему пустыннику Павлу, подвизавшемуся долго с Феодором, учеником его. Но Павел скоро почил от дел своих; тогда Феодор принял управление и поместил в киновии брата своего Сергия и дядю своего Павла, которые после него были настоятелями в Кастеллии и, наконец, епископами в Айле и Амафунте. Отец Савва имел великое попечение о новой киновии и помещал в ней иноков добродетельных и искусных, а мирским людям, желающим принять сан ангельский, и юным послушникам не позволял жить ни здесь, ни в лавре. Для них он устроил другую, малую киновию на север от Кастеллии, в роде школы иноческой, и поместил в ней искусных наставников, которые новоначальных поучали монастырскому житию и правилу. Под их руководством эти послушники изучали Псалтырь и весь чин молитвенного пения и все иноческие уставы, поощрялись к духовным подвигам, и старались хранить ум свой от мирских суетных воспоминаний и противиться злым помыслам, и поучались отречься от своей воли, быть послушными, кроткими, смиренными, молчаливыми, бодрыми и осторожными. Кто добре успевал в таких началах иноческого жития, того преподобный Савва вводил в большую киновию или в лавру, а иных, наипаче юных, отсылал к преподобному о. Феодосию. Для Кастеллийской киновии он купил два странноприимные дома: один в Святом Граде, близ башни или крепости Давидовой, а другой в Иерихоне⁴⁴.

Узнав от саввинских монахов о существовании остатков Кастеллийской киновии, я вознамерился посетить эти развалины и видеть другое место подвигов Освященного. Утром, в 5 часов, я выехал из монастыря с несколькими старцами. Нас провожал молодой и легкий, как серна, инок Христофор, который знает все окрестности так хорошо, как свои пальцы на руках. Дорога пролежала в северо-восточном направлении от Саввинского монастыря сперва между горами вдоль высохшего русла, по

которому иногда течет вода в Огненную реку, потом по высотам сих гор, постепенно поднимающимся к небу. Все эти горы образованы из известняка и почти совсем голы: ни одно деревцо, ни один кустарничек не приосегают раскаленного чела их, лишь кое-где заметно иссохшее и пожелтевшее былье травное. Впрочем, если бы здесь перепадали почаще дожди, то на этих горах могли бы расти виноградники. С высот их в утреннем легком тумане виднелось Мертвое море и величественные горы заморские. Четырьмя отдельными грядами сии горы лежали наискось по восточной стороне Мертвого моря, или как четыре косвенные темно синие лучи земли от северо-востока упирались в край сего моря. Эти горы и это море казались нам так близки, что вот рукою достать, аж не тут-то было, – до них довольно далеко. Глаза наши – обманщики. Я думаю, что первый скептик родился в горах. ибо нигде нельзя лучше разувериться в истинности чувственных впечатлений, как в горах. По прошествии трех четвертей (часа) езды мы наткнулись на древний водопровод, проведенный к Кастеллийской горе откуда-то с севера по окраинам гор. Никто и даже Христофор не знает начала этого водопровода. Он появляется нечаянно на дороге к Кастеллии и то уклоняется от нее, то совпадает с нею. Когда мы взбирались на самое темя гор, тогда он остался вправо гораздо ниже нас; а когда мы спустились или лучше сказать, сошли оттуда пешие по едва проходимому отвесу горному и очутились на последней стремнинной выси, у подошвы коей вдруг неожиданно расстилается ровное поле, тогда мы опять наехали на водопровод, и уже по нему добрались до самой Кастеллийской горы, нечувствительно спустившись немного ниже чела сей горы.

Кастеллийская гора принадлежит к числу тех диковинных Палестинских возвышений, кои особенным положением и образованием своим возбуждают в человеке сильное любопытство и заставляют его любоваться собою. Она имеет некоторое сходство с горою Иродион и особенно с Фавором. Как Фавор, вдруг она вырастает гигантом на западной стороне обширного поля, почти ровного и лишь слегка взволнованного. Это поле расстилается у подошвы ее, как ковер пепловидного

цвета. Прежде росли виноградники на этом поле, а ныне ничего на нем нет, ни кустика зеленого, ни травки-муравки. Кастеллийская гора выдвинулась в это поле тремя сторонами: северною, восточною и южною, и только западною стороною примыкает к кряжу горному, лежащему вдоль поля, как к родной своей матери; и в этом отношении она походит на Фавор, который одною стороною соединен с Назаретскими возвышениями, а с прочих сторон отдельно возникает из Эздрелонского поля. Кастеллийская гора, как Фавор, постепенно кверху суживается. Самая вершина ее очень не велика. Весь восточный бок ее чрезвычайно скалист, и неприступен, и непроходим: некоторые огромнейшие камни от землетрясения сдвинулись с мест своих, а прочие скалы торчат во всю высоту горы и застилают дорогу; эти скалы, как и вся гора, вулканического образования; они кажутся по цвету как бы пропеченными и обгорелыми. С южной стороны гора весьма поката, лишь верх ее скалист, а весь бок или склон выровнен. Западная и северная стороны весьма отвесны и почти обрывисты, но не скалисты и не высоки, потому что соединяются с родными горами-перешейками. Виды с темени сей горы чрезвычайно живописны. Взор не может насытиться ими. Вдали, на востоке, виден весь огиб Мертвого моря, в которое впадает Иордан, и за этим морем четыре гряды горные, как четыре темно синие луча земли, с северо-востока падают и упираются в окраины Мертвого моря. На север видна Иорданская долина, обставленная горами, и часть Иерихонской равнины. У ног зрителя расстилается ровное поле, которое на северо-востоке и особенно на юго-востоке окаймляется бесчисленными зубчатыми конусными холмами, как платье кружевами, борами и разными вычурными вздутыми накладками. Это поле имеет вид хорды, потому что с севера, протягаясь на юг, загибается на запад. Оно так открыто, что ни птица, ни зверек не укроется от взора соглядатая. Удачно избрана сия гора для постройки на ней крепости, от которой она получила и название свое, ибо кастеллум с латинского значит: крепость. Предание гласит, что эту крепость построил Ирод, великолепный царь иудейский. Верю преданию. Крепость здесь

весьма нужна была для предупреждения набегов за иорданских арабов и для содержания их в повиновении. Водопровод, множество глубоких цистерн, устроенных в южной стороне горы, остатки башен на северо-западном верхнем углу горы и на юго-западном нижнем углу оной, множество мозаичных камешков белых, коими выстилались полы и стены, водопроводные каналы, по коим вода разделялась в цистерны, большой акведук, упирающийся в гору немного ниже чела оной с западной стороны, устроенный частью на обесеченной скале, частью на кладеной стене в прорыве скалы, два глубокие пруда и колодец круглый, высеченные по левую сторону водопровода из скалы, и один большой пруд по правую сторону онаго, самый водопровод, проведенный сюда из дальних гор с севера, большею частью сокрытый в окраинах гор, а ближе к крепости в двух местах открыто проведенный по искусственным каменным стенкам – все это доказывает, что тут была крепость, и что она строена была царскою щедрою рукою. Не монахам дать горе военное название; имя Кастеллий они нашли уже готовое. Не монахам устроить водопровод и 15 глубоких цистерн, ибо им неизвестно было инженерное искусство. Думать надобно, что эта крепость разрушена была римлянами во время войны их с евреями, и с тех пор оставалась в развалинах до того времени, когда Св. Савва устроил тут киновию. В жизнеописании его сказано: По празднице же прииде паки в Кастеллию, и нача очищати место и келии созидати. Отсюда видно, что гора загромождена была развалинами; иноки расчистили место для своих келий и строили их из готовых камней; в горе они нашли готовую храмину и для церкви.

По прибыли сюда все мы спешились подле стены водопровода, упирающегося в гору немного ниже чела ее и разделяющего ее на две равные части. Эта стена высечена частью из гребня натуральной скалы, частью складена из камней, именно в середине скалистой стены, без сомнения, от того, что тут скалистый гребень был ноздреват и мог всасывать в себя воду. Эта стена ныне попорчена и у самой горы разорвана; но на поверхности ее еще сохраняются инде следы оштукатуренного желоба, по которому вода бежала открыто в

потаенный канал на юго-западный угол горы и отсюда разделялась по цистернам. Вся эта водопроводная стена будет в ширину не более 1½ аршина, а высота ее различна: к окраине горы она меньше, а в середине больше, так напр., около полутора или двух сажен, да и то с правой стороны, а левая сторона ее поставлена на уровне глубоко обтесанной скалы, и потому оттуда кажется высокою. Надобно сказать, что до устройства водопровода и крепости гора соединялась западною стороною своею с соседними горами и горным кряжем, как бы перешейком. Для того, чтобы сделать гору крепости совершенно отдельною и круглою, надлежало уничтожить этот горный кряж, вырезать его и обратить в крепостной ров. Так и сделано было. Весь кряж, соединявший гору с запада с соседними горами, был вырезан весьма глубоко; и лишь для водопровода оставлен гребень его, да для дороги к горе остов его, так что этот остов составляет род натурального моста, по обеим сторонам которого находятся страшные глубины и пруды, высеченные из этого же кряжа. Стена водопровода устроена вдоль северной окраины этого моста, а потому здесь она весьма высока, если смотреть на нее из глубины, из прудов. От сей стены до южной окраины моста есть дорога не узкая, но и не широкая, или, точнее сказать, самый мост. Если вы влезете на стену и встанете лицом к Кастеллийской горе, то налево у вас будет ров крепостной с двумя прудами, а направо мост, ведущий в крепость, и тот час за мостом также ров с одним огромным прудом. Словом сказать, вместо подъемного крепостного моста оставлен узкий остов скалы, который, как перешеек, соединяет гору с соседними горами, и на окраине сего-то остова-моста устроена водопроводная стенка, о которой говорил я выше. Если бы вырезать совсем и эту стенку, и мост-остов, то Кастеллийская гора осталась бы островом неприступным; разве с величайшим трудом с помощью штыка можно было бы взобраться на нее с поля только по южной стороне. За о. Христофором я кой-как ползком, бочком, с твердым посошком вскарабкался на эту гору с западной стороны: так она отвесна здесь и едва ли не сделана такою искусством. На весьма малой вершине ее ничего нет, кроме двух не слишком глубоких

цистерн, в кои дождевая вода накапливалась с крепостного здания и стен. По окраинам сей вершины заметны фундаменты стены, особенно на северо-западном углу. Я воображал, что найду тут огромные камни, как на горе Иродион, и остатки какого-либо здания, но ничего не нашел. Впрочем совершенное исчезновение крепостной стены и крепких зданий не удивило меня; я тотчас догадался, что еще во время Св. Саввы камни перенесены были частью для постройки его лавры, частью для устройства иной малой киновии на полунощной стране от лавры для мирских людей и безбрадых юношей, частью для строения монастыря над тою пещерою, которую Св. Савва нашел в 10 стадиях от своей лавры, на стране северной, вскрай Кастеллии. Это малое строение и поныне видно внизу под одною горою, налево от дороги к Кастеллии и довольно близко от нее. Что касается до того, что ныне не видно и следов келий иноческих, то и это не удивительно. Киновия была разорена до основания арабами-магометанами, как разорена новая лавра, слывущая под ложным названием обитель аввы Харитона. На юго-западном углу горы, немного пониже чела ее, о. Христофор показал мне усыпальницу, высеченную в скале в роде погреба. Я слез туда кой-как по-верх двери, заваленной мусором и землею. Усыпальница не велика, оштукатурена и побелена. На стенах я не видал никакого изображения святых и никакого креста. Вся усыпальница необыкновенно суха, ибо в нее проникает свет и свежий воздух. В полу оной устроено от 6 до 8 четверугольных каменных оштукатуренных ящиков; все они были полны костей человеческих, между коими один небольшой череп или молодого, или мелкого ростом человека очень хорошо сохранился. Все эти кости желты и чисты, как янтарь, и, что крайне удивило всех нас, издают от себя весьма приятный запах. Мы нюхали их нарочно, и всем нам показалось, что от них исходить благоухание. Благочестивое усердие заставляло некоторых лобызать сие кости. Вся усыпальница, чувствовалось, была наполнена благоуханием, похожим на запах кипариса, так что мне сделалось тяжеловато от остроты вони. После я догадался, что приятный запах заносило туда ветерком от одного бессонного растения, похожего на мелкую полынь, но

издающего запах кипариса. Я приказал нарвать его, и сохраняю для памяти. Напитались ли кости этим запахом, или сами в себе заключают пахучее свойство, не знаю. Саввинские монахи и все поклонники считают эти кости святыми мощами, и носится между ними предание, что многие из поклонников брали сии мощи и потом нехотя возвращали их на место, потому что взявшему их становится дурно. Не значит ли это, что эти кости заключают в себе вредное свойство? Может быть, они принадлежали умершим от чумы. Возможное ли дело, чтобы от мощей святых люди верующие получали вред и боль? Ужели Бог прославил эти кости благоуханием для того только, чтобы они покоились в своих местах без всякой пользы людям? Люди похищали мощи, напр.: венециане украли мощи Св. Саввы, однако ж им не было дурно. Думать надобно, что эти кости точно иноческие, но не св. мощи. Отсюда мы спускались постепенно ниже по южной стороне горы и по направлению к востоку находили большие и малые цистерны; с юго-восточного угла спустились еще немного ниже и по направлению на запад нашли также разные цистерны, из которых одна весьма глубока и обширна. Эта цистерна обделана была из готовой натуральной пещеры, как то доказывает свод и стены ее натуральные и только оштукатуренные. Против этой пещеры, на склоне, мы нашли остатки мозаики, сделанной из крошечных четверугольных белых камешков. Стало быть, тут была та храмина, которую Св. Савва нашел под холмом, – храмина, как пишется в житии его, великая, чудным камением красне устроенная, имущая пространство довольно, и покров высок. В этой-то храмине, по очищении ее, устроена была церковь. Недалеко от нее находится другая усыпальница, также полная костей и черепов человеческих, весьма хорошо сохранившихся. Вся она высечена из скалы и не оштукатурена. Она состоит из двух отделений, высеченных одно за другим в глуби скалы и ниже одно другого. В первом отделении, составляющем род сеней, ничего нет; а в другом, в которое мы едва, едва пролезли сквозь узкое и малое отверстие, недавно открытое поклонниками, которые вытащили из него камень, в другом, говорю, отделении находятся кости, о которых то же мнение, как

и о первых. В эту усыпальницу вносили умерших, и потом по прошествии двух или трех годов выносили уже одни кости их в верхнюю усыпальницу, лучше обделанную. К самой подошве южной стороны горы я не сходил. Там сверху видно было основание с остатками стен четверугольной башни, в середине которой, по словам Христофора, находится глубокая цистерна. Среди развалин он нашел малую медную монету, на которой впрочем ничего нельзя разобрать. Я отдал почистить ее Ивану, а он, черт бы его побрал, потерял ее. На юго-западном углу горы, ниже чела оной, сохранилась часть канала или, лучше, подземной искусственно выложенной со сводом трубы, чрез которую вода текла из водопровода и наполняла цистерны. Вообще, признаки жилья человеческого находятся только на южной, западной и частью северной сторонах. Хотя и тут гора почти отвесна, но сообщение между кельями могло существовать посредством лестниц. Если бы можно было раскопать бока этой горы, то, вероятно, нашлось бы много монет, а статься может, открылись бы и свитки рукописные. По кратком отдыхе у стены водопровода, мы сели на коней и возвратились благополучно в Саввинский монастырь. Ни один араб не попал нам на встречу по дороге туда и обратно.

МАЙ 28, Воскресенье. Ровно в полночь заблаговестили к утрени. Я победил свой сон и дремоту и пошел в церковь. Утренняя вместе с обеднею продолжалась ровно 6 часов. Едва, едва я выстоял в церкви: молитва моя была молитва дремлющего. Да и монахи продремали всю утреню.....⁴⁵ ибо иное число святых в VII веке, иное в десятом, иное в XIV столетии.

ИЮНЬ 4, Воскресенье. Почти весь день я отдыхал в своей келье после усиленных трудов своих в пыльных библиотеках. Все части тела болят от утомления, от сидения, от наклоненного сгибания, от ползания, от лазания.

Вечером я зашел в келью о. Григория, дабы поговорить с ним о том, о сем, о чем придется. К нам пришли два иеромонаха, о. Иоасаф, духовник саввинских иноков, и о. Дионисий, иеромонах из иерусалимской патриархии, приехавший сюда погостить и пошататься около Иордана и

Мертвого моря. О. Дионисий доставил мне письмо агента нашего в Яффе. при котором приложена была им копия с ответа здешнего французского консула касательно моей палатки, затерянной графом Шуленбургом. О. Иоасаф рассказал кое-что о похождениях одного иеромонаха в Заиордании. Этот иеромонах знал несколько ремесел, и потому заиорданские арабы, нуждаясь в его художничестве, почитали и любили его и сами провожали его от места до места, куда ему угодно было идти. Он составил описание своих походов и послал оное в Смирну для напечатания, но, не известно, почему, оно осталось ненапечатанным. По смерти его здесь остался подлинник его сочинения, но затерян, так что трудно отыскать его. По рассказам сего иеромонаха где-то в Заиордании есть источник воды, который выливается из головы и пасти какого-то животного. Эта пасть устроена так, что если кто невзначай подавит верхнюю челюсть, то она сомкнется с другою так плотно, что вода перестанет течь, и с величайшим трудом и искусством надобно снова отворять эту пасть. Там же где-то в одной пещере, находящейся в неприступной скале, находится нетленное тело человека, лежащего на одной руке, а другою держащего какую-то книгу. Вход в эту пещеру прежде был закрыт, ибо пчелы сделали в нем свой улей. Но кто-то выстрелил пулею в птицу и не попав в нее, пробил дыру в улье; когда оттуда потек медь, тогда стрелок, потешаясь, выстрелил туда еще несколько раз. Товарищи, которым он объявил свою находку, кой-как подмостились туда и, полагая: нет ли там сокровища, разломали улей; но их взорам открылся лежащий там человек с книгою; они испугались и от страха попадали. С тех пор идет предание, что никто из людей не может войти в эту пещеру. Любопытные лишь издали могут видеть в ней нетленного человека с книгою. Однажды художник о. иеромонах вместе с иеродиаконом своим остановился ночевать в черной скинии одной вдовицы. «Где твои сыновья?» – спросил он старуху. – «Пошли воровать», отвечала она с гордостью, ибо воровство считается у арабов доблестью. – Старуха имела одну дочь; и так как самой ей приглянулся молодой иеродиакон, то она и стала упрашивать его остаться жить у нее в скинии и

жениться на ее дочери. «Ты просишь невозможного», – говорил ей иеромонах, – «этот человек не может и не должен жениться во всю жизнь; ибо он дал Богу обет жить девственно до самой смерти. Он такой же монах, как и я; а монахи по нашему закону никогда не женятся и живут, как девицы». – «От кого же они рождаются, коли не женятся?» – спросила простодушная старуха. – «Когда умрет монах, то спустя девять месяцев из могилы его рождаются новые монахи, иногда два и три, иногда один», – отвечал ей иеродиакон. Старуха изумилась и, почитая своих гостей людьми чудными, людьми Божьими, постаралась угостить и успокоить их, сколько можно, лучше. – По словам художного о. иеромонаха, долго наблюдавшего быт арабов, этот народ высоко ценит три добродетели: гостеприимство, целомудрие и воровство, которое почитается отвагою, доблестно. Кто побывал в палатке араба, и с кем он разделил свою хлеб-соль, тот почитается уже как бы родным. Волокитства не слышать между арабами. Женщина или девица может одна идти небоязненно и свободно, куда угодно. Никто не дерзнет обесчестить ее даже словом. Если бы какая девица потеряла невинность без брака, то отец из своих рук застрелил бы ее.

Смиренный духовник Саввинской обители, о. Иоасаф, родом критянин, давно подвизается на трудном поприще духовной жизни; и за его святость почитают его не только греки, но и арабы-мусульмане. Он знает по-русски, и иногда служить обедни на славянском языке для русских иноков. Он выучился русскому языку у русского монаха, которому он поручен был на послушание, искушение и обучение. Его старанием недавно (года три тому назад) приобретен виноградник в долине, ведущей к Вифлеему; ибо у каждого поклонника он вымаливает по два, по три пиастра на виноградник, и всякий дает их ему охотно, потому что пользуется очень хорошим вином. В самом деле, вино Саввинское отменно хорошо, чисто, приятно и крепко. Цвет его золотист. Видно, что монахи умеют выделять и хранить его. О. Иоасаф говорил мне, что виноградные кисти долго выдерживаются на солнце; водяные частицы испаряются из них более или менее, и потому вино выделяется и крепко, и чисто, и долго сохраняется. Когда зашел разговор об арабах,

которые считаются крепостными Саввинского монастыря, то о. Иоасаф сообщил следующее понятие о них. Когда благочестивый царь Юстиниан устроил обители Св. Саввы и друга его Феодосия Киновиарха, тогда же приказал перевести из-за Иордана четырех шейхов с их семействами и родственниками и поселить их на земле, принадлежащей обоим монастырям, с тем, чтобы они обрабатывали ее и отправляли другие службы монастырские. Все эти арабские семейства были христиане. По разорении монастыря Св. Феодосия, два племени присоединились к двум крепостным племенам Саввинского монастыря, который и вносил за всех их подати мусульманско-арабским правителям Иерусалима. В одну годину, тяжкую для христиан, все эти четыре племени приняли веру магометанскую. Могила шейха, который первый подал им пример соблазна, и доселе сохраняется при дороге близ Саввинского монастыря. Вероятно с их пор все эти арабы завладели монастырскою землею и перестали служить обители; но, почитая себя хранителями оной, начали требовать за то взноса податей в каждый год. Саввинский монастырь, действительно, вносил за них подати до утверждения власти Ибрагима-паши в Сирии и Палестине, который отменил древнее право арабов и заставил их самих трудиться и вносить установленный подати. Но за то с сих пор арабы, крепостные Св. Саввы, вместо стражей монастыря сделались разорителями оного. «Они почитают себя обиженными, – и справедливо! – говорил о. Иоасаф; – ибо до Ибрагима они получали из монастыря хлеб еженедельно (по 8 малых хлебцов на большого и по 4 на дитя), на своих животных перевозили все нужное для монастыря, равно и поклонников, получали с каждого из них по 3 пиастра в воротах монастыря, и провожали их на Иордан и Мертвое море, и за то получали плату; равным образом монастырь вносил за них подати; за то они хранили монастырь и не обижали поклонников. А теперь, со времени возвращения турецкой власти, они опять требуют податей. Мы не даем им ни хлеба, ни податей, и не требуем их животных для перевоза провизий и поклонников: за то они делают нам пакости, останавливают и грабят нашу провизию, не пускают поклонников, не позволяют монахам нашим собирать

дрова. Теперь они не требуют с монастыря ни хлеба, ни чего другого, а просят только, чтобы монастырь вносил за них ежегодно только 6000 пиастров подати, и желают утвердить свое согласие в мегкеме. Но наместники не решаются на это, опасаясь как бы и другие арабы в Вифлееме, в Абогоше и в других местах не потребовали бы взноса податей по прежнему».

Это дело крайне запутано. Саввинские арабы ничего не работают для монастыря, а просят уплаты податей. По видимому, это не справедливо; ибо они владеют монастырскою землею, получают с нее посевы, пасут на ней скот, да еще с монастыря же требуют денег, по крайней бедности своей. Правда, они хранят монастырь от нападения других арабов, и им, как стражам, следовало бы давать деньги или вносить подати, ибо самый монастырь и его достояние стоят дороже 6000 пиастров. Но возобновить для них это право, значить возобновить подобное же право и для всех прочих арабов, как христиан, так и мусульман. А это крайне убыточно. Подавать им 6000 пиастров в роде милостыни – также опасно, ибо той же милостыни потребуют и другие арабы. Остается избрать среднюю дорогу, т. е. нанимать их животных для перевоза тяжестей и поклонников, нанимать их самих для разных работ, предоставить им право провожать поклонников на Иордан – и за все это, возвышая цену так, чтобы они почитали монастырь своим благодетелем, без которого они обойтись не могут. При умном и благоустроенном правительстве они не смели бы требовать податей и хлеба, потому что вполне пользуются монастырскою землею. Но что ж прикажешь сделать с турецкою властью, которая права пишет мечем на песке?

ИЮНЬ 5, Понедельник. – Рано утром я отслужил обедню в малой церкви, устроенной в келлии преподобного Иоанна Дамаскина и освященной во имя его, и после обедни панихиду за упокой своих родных, друзей и знакомых на гробе Св. Саввы. Потом посетил русского архимандрита Арсения, который года четыре живет здесь безвыходно или, точнее сказать, содержится, как невольник. Кстати здесь рассказать кратко историю его жизни.

Он родился в старом Черкаске на Дону от благородных родителей. Как казак, как природный воин, он отбывал военную службу и получил ордена. После отставки ему захотелось сходить на богомолье в Иерусалим и в св. гору Афонскую. Сия гора показалась ему раем и он постригся в монахи в одном из тамошних монастырей и вскоре посвящен был в иеромонаха. Отсюда увлекло его желание служить при Гробе Господнем. Когда сгорел храм Воскресения и когда обновление его, по разным обстоятельствам и препятствиям, ввело святогробское братство в неоплатные долги, тогда иеромонах Арсений патриархом отправлен был в Россию за сборами всяких подаяний. Бог благословил его прошения и труды. В Москве и Петербурге он собрал множество вещей, потребных для церкви, и более 100000 рублей ассигнациями. Этого мало. Будучи знаком с любимым кучером покойного императора Александра I, как с земляком, он успел посредством его подать лично прошение сему государю об учреждении Иерусалимского подворья в Москве, и в своем прошении указал на одну упраздненную церковь подле Арбатских ворот, которую и умолял обратить в подворье с прилегающею к ней землею. Прощение его было исполнено тем скорее, что Арсений успел напомнить государю, что по отчислении Бессарабии к России, покойный патриарх иерусалимский подарил Русскому царству все имения Гроба Господня, находившиеся во вновь приобретенной земле. По словам архимандрита Арсения, сей государь хотел вознаградить уступку патриарха иным образом, но сперва военные обстоятельства, а потом смерть сего государя послужили препятствием к сему благому делу. Архимандрит Арсений не только приобрел, но и устроил Иерусалимское подворье, купив для него пять доходных домов в Москве. «Богатую пристань завел я. – говорил он мне; – из этой пристани святогробцы могут высылать свои корабли, т. е. своих сборщиков, по всей России и отправлять в Иерусалим богатые подаяния». И подлинно, много добра сделал о. Арсений для святогробского братства. К сожалению, он употреблял иногда нехорошие средства к достижению своей цели; за то страдает и поныне в каменном горячем мешке, т. е. в

Саввинском монастыре. Он обаял одну богатую вдовицу в Москва так, что та ради Христа и спасения души своей продала все свое имение и деньги вручила Арсению, который обещался взять ее с собою в Иерусалим и там сделать ее игуменью, и поить, и кормить ее до смерти. По обстоятельствам или по нерадению, он не мог исполнить в скорости своего обещания, и вдовица, оставшись без куска хлеба, подала на него просьбу митрополиту Филарету, в которой и уличила его в неустойчивости в своем обещании и в хитром лишивши ее всего имения. Вследствие сей просьбы все имение возвращено было вдовице, а виновный сослан был в Суздальский монастырь, который для монахов есть тоже, что Сибирь для мирян. Спустя несколько годов он покусился убежать из сего монастыря, и уже стал перелезать через стену по веревке, но, как на грех, стена оказалась высока, а веревка – коротка. Проболтавшись на воздухе, он оборвался в ров и повредил себе ногу, так что не мог встать с места. Стража тотчас заметила его и возвратила в монастырь, где он и лечился целый год. Хромота доселе осталась доказательством его побега неудачного. Как уличенный преступник и пойманный беглец, он оставил бы и кости свои в Суздальском монастыре, но патриарх иерусалимский Афанасий сжалился над ним, и чрез посредство архиепископа фаворского Иерофея, сбиравшего милостыню в России для уплаты долго в казны святогробской, возвратил его в свою патриархию, но не как русского архимандрита, а как иерусалимского. Но часто случается в этом мире тревожном, что человек избегает одной беды и нагоняет другую. Подобное случилось и с о. Арсением. Прибыв в Константинополь к патриарху, он стал требовать от него разных разностей: то половины доходов с иерусалимского подворья в Москве, то вещей, собранных им в прежние годы, и сильно докучал нашей константинопольской миссии. Чтобы избавиться от хлопотуна, патриарх польстил ему: обещался произвести его в сан петро-аравиского митрополита, с тем, чтобы он был его наместником и вместе духовником русских поклонников, и даже подарил ему и Служебник архиерейский и отправил его в Иерусалим. Наш старец в восторге переплыл бурное море и прибыл в Иерусалим в твердой надежде, что он

будет митрополитом. Но здесь ему сказали, что от патриарха получено предписание отправить его в Саввинский монастырь для вечного спасения души и для покоя изнуренного трудами тела его. Таким образом о. архимандрит Арсений из Суздальского монастыря попал в иерусалимскую Сибирь, – в обитель Св. Саввы, где и проживает! уже четыре года безвыходно. Ему не позволяют выехать оттуда даже на поклонение в Вифлеем и в Иерусалим. Мне крайне жаль его. Лишение его совершенной свободы есть уже крайняя жестокость, обида и черная неблагодарность. О. Арсений столько добра сделал для святогробской братии и в возмездие получил неволю, бесчестие и презрение. Он вопиет на небо; он уже не ищет никаких почестей и желает только, чтобы ему дозволяли свободный выезд из монастыря. Но о нем никто и не думает в здешней патриархии. Наш консул Базили презирает его. Жаль мне его: он такой глубокий, изможденный старец, жизнь его целомудренна и трезвенуа; не только вина, даже чаю не пьет он. Я обещался ему ходатайствовать за него пред обер-прокурором синода и пред митрополитами и просить ему свободы. Он просился было со мною в Россию, но я решительно отказал ему в этом, и вразумил его, что в России уже не примут его. Тогда он просил меня исходатайствовать ему, по крайней мере, свободу в Палестине. Сердечный, он уже немного помешался в уме; так, например, уверял меня, что Иордан течет одним рукавом в рай, а другим в Киев, потому-де, что один русский поклонники, купаясь в сей реке, уронил свою чашку и потом нашел ее в Клеве, где она сама выбросилась из колодца одного монастыря, который с тех пор и стали прозывать Иорданским. Он говорил мне также, что Иордан течет в Индии чрез отверстие в одной горе. «Однажды случилось, – говорил он мне важным тоном старца, – Иордан стал полнеть, полнеть, выливаться из берегов своих и затоплять одну долину. По окраине сей долины в это время шел верблюжий караван с хлопчатою бумагою. Арабы, желая спасти свою скотину, отрезали тюки и сами с верблюдами взобрались на горы, а тюки по течению воды дошли до отверстия, чрез которое река проходит в Индию, и загромоздили его. Вот сделался потоп, а в

Индии засуха. Тогда шейхи индейские догадались, что верно кто-нибудь заколотил горное отверстие и остановил Иордан, прибыли туда и нашли тюки. Шестами, баграми они вытаскали их и таким образом опять пропустили иорданскую воду». О. Арсений уверял меня, что и в Китае, и в Африке живут славяне. Он собирается проповедовать им Евангелие, лишь бы выпустили его из монастыря.

Напившись, чаю в келье о. Арсения, я пошел осматривать агиазму Саввы Освященного, пещеры Ксенофонта и детей его Аркадия и Иоанна и самый ров, по которому редко когда протекает так называемая Огненная река. Со мною пошли игумен монастыря, русский схимник Савва, один послушник и мой Иван. Из столовой мы спустились в хлебопекарню, и отсюда чрез боковую, узкую и малую железную дверь, по подъемной деревянной лестнице, сошли на окраину скалы, на которой утверждена главная церковь монастырская. Каменная поворотная лестница, устроенная по склону горы, привела нас на самое дно дебри, и по этому дну мы скоро добрались до агиазмы, обретающейся в небольшом и низком гроте, который приходится как раз под алтарем большого храма. За о. Саввою я полез в этот грот и, согнувшись в дугу, не без труда добрался до св. воды. Она просачивается чрез верх и стены гротца и каплями собирается в узкий колодчик не более 10-ти ведер ежедневно. Вода чиста и годна для питья. Незаметною струйкой она вытекает из гротца и образует на дне высохшего русла между камнями небольшую лужейку, в которой уже утоляют жажду свою дикие звери и небесные птицы, кои все живут в большой дружбе с Саввинскими иноками, как это расскажу я после. В житии Св. Саввы сказано, что он просил Бога дать воду его лавре, и на другой день утром увидел дикого осла, который копытом своим бил по скале на том месте, где ныне находится агиазма, и потому догадался, что тут должна быть вода, ибо ослы суть лучшие указатели воды. Стало быть, гротец обделан уже руками иноческими. Насытившись, умывшись водою, мы поворотили назад, и вдоль дебри и русла пошли к пещерам, в которых подвизался отец с двумя сынами своими: это Ксенофонт с Аркадием и Иоанном. Сильный жар в этой

котловине задушил бы меня, если б порой не навевал тощий ветерок. Для расслабленного зноем тела он был тоже, что благодать для души здешнего пустытника, томимой искушениями. Грешник грешное и сравнение делает. Подпираясь костыльками, сделанными из иорданского дерева, тихонько мы добрались до крутого поворота дебри с юга на восток. Самый угол поворота немного забегают на запад, и в этом-то углу, на середине высоты скалы, и поныне видна келлия, в которой подвизался Св. Ксенофонт. Она разрушена, а ход к ней, высеченный в южной и западной стороне дебри, чрезвычайно труден и в одном месте прерван, так что надобно класть доску на прерывен. Нельзя было и думать добраться до кельи; я посмотрел на нее снизу и заметил, что келья была прислонена к скале, как птичье гнездо; а старцы говорили мне, что там есть пещера и цистерна, в которую дождевая вода стекала с вершины скалы; место стока ее и теперь заметно. Недалеко от отца своего подвизался Аркадий в большой и высокой пещере, образованной природою в южной стороне дебри. Я полез было в эту пещеру по косогорью, но раскаялся и едва, – едва сполз в глубь дебри; так труден и опасен восход к сей пещере, что дрогнуло тело мое, убоялась и душа моя. Под пещерою Аркадиевой к скале прикладена каменная стенка, вероятно для поддержки передней части пещеры. Мой Иван лазил в самую пещеру и говорил мне, что она весьма высока и дика. Почти напротив сей пещеры, на другой стороне дебри, в скале, видится пещера Иоанна. Все эти три убежища так расположены, что отец каждый день видел своих сыновей и разговаривал с ними, не выходя из своей кельи. Несколько минут стоял я неподвижно в глубь дебри и обращал взоры свои то на келью отца, то на пещеры его сыновей, и дивился самоотвержению их и духу того времени, когда люди любили подражать житию ангельскому. Вся дебри преисполнена пещер; но предание не сохранило имен тех отшельников, которые, неизвестно для мира и ведомо для Бога, спасались, у совершались в богоугодной жизни. Здесь-то ангелы служили своим братьям человеко-ангелам; но здесь была работа и для дьяволов. Добро и зло видела эта дебрь. По высохшему руслу ее текла Огненная река;

по ребрам ее пролетали ангелы и бесы в пещеры пустынно-жителей. Желая знать, Далеко ли простирается эта ужасная каменистая дебрь, я прошел вдоль русла ее от Ксенофонтовой пещеры прямо на восток до того места, где она поворачивает на юг, и по южному направлению ее до поворота ее опять к Мертвому морю; здесь эта дебрь переходит в обыкновенную долину и теряет свою каменистость, но далее к Мертвому морю, по уверению монахов, опять становится по местам каменистою. Зная, что горы, по всему протяжению Палестины с севера на юг вдруг поднимаются высоко над тою взволнованною зубчатою высью, которая прилегает к Иорданской равнине, я предполагал, что и Саввинская дебрь восточным концом своим выходит на эту же высь и тут теряет и глубину свою, и дикость свою, и мое предположение оправдалось; ибо где эта дебрь, как сам я видел, оканчивается, там начинается обычная взволнованная высь меловая. Я очень доволен был тем, что мое предположение оправдалось. По всей этой дебри растет довольно много акридов и капорцев. Чем далее к Мертвому морю подвигался я по дебри, тем выше становились акриды и переходили в кустарник. Сими-то акридами, т. е. листьями, питался Иоанн Креститель. Листья вкусны и солоноваты. Из них монахи готовят отличный салат. По моему приказанию, Иван вырезал для меня порядочный сук сего растения с листьями, и я сберегу его для показа ученым богословам в России, которые думают, что Предтеча питался саранchoю. Даже вместо меда дикого он употреблял корень растения, которое называется здесь мелагри; и этот корешок сбережен мною. Вкусом он сладковат. Саввинские монахи правы тем, что усвояют Предтече род пищи, которую он находил сплошь да рядом и которая прилична его пророческому и постническому сану. Статочное ли дело, чтобы строгий постник Иоанн ел саранчу? Закон Моисеев запрещал есть все нечистое; Иоанн ли, сын священника, стал бы есть такую гадость, как саранча? Иоанн ли стал бы услаждать гортань свою медом, хоть и диким, но все-таки сладким? Мед дикий (мелагри) есть растение, так же, как и акриды.

На обратном пути о. Савва рассказывал мне, как он два раза зачумился и вылечился от страшной болезни.

– Назад тому несколько лет, – говорил он, заикаясь по природе, – жил я в патриархии. Послушание мое было печение хлеба и просфор. Однажды стало слышно, что в Иерусалиме появилась моровая язва, т. е. чума. Все мы заперлись в монастыре. Люди умирали в городе, а мы, слава Богу милосердному, все оставались живы и здоровы. В один день пришли русские поклонники к воротам патриархии; им нужно было переговорить о чем-то с драгоманом. Но так как он не понимает по-русски, то он и пригласил меня передать ему, чего желают русские; а я в это время только что вынул из печки просфоры, – удались, как нельзя лучше, на славу. Я подошел к воротам, стал говорить с поклонниками; откуда ни взялся ветер и поддул полу чьей-то одежды, так что она коснулась моего колена. В ту же минуту я почувствовал сильную боль в коленке, и, кончив переговоры, побрел в свою келью. На коленке оказался чирий твердый, как пробка. Я стал догадываться, что это чума, но для большего удостоверения или разуверения попросил к себе русскую монахиню Улиту, которая тогда ухаживала за одним расслабленным монахом, а ныне игуменьей в русском монастыре, вспомнив, что она умеет распознавать чуму и истреблять ее. Она выучилась этому секрету в Казани от своей матушки. Вот, матушка Улита пришла, посмотрела на болячку мою, пощупала и вдруг закричала: «Саввушка! у тебя самая ядовитая чума. Вот и я, верно, заразилась ею». Но Господь ее помиловал. Тогда она наказала мне шилом проколоть чирей насквозь крестообразно и в дырочки пустить тоже насквозь сулемы на игольных ушах, и потом прикладывать листового табаку, растворенного в дегте. В патриархии узнали о моем зачумлении и выслали меня в один дом, а матушку Улиту – в другой. Я очень слаб был, а при патриархии служил привратником один русский крестьянин, толстый и здоровый; вот я позвал его к себе, поднес ему большой стакан водки и попросил его вынести на себе мою постелишку и мешок с хлебом и просфорами, от которых отчурелись монахи. Он перекрестился, хватил водки стакан,

выпил другой взвалил на свои плечи мои мешки. Мы дошли до назначенного дома. Он ни мало не заразился от меня. Спустя несколько дней я выздоровел, стал есть, и пить, и спать хорошо. Однажды мне вздумалось сходить на Силоамский источник и отмыть от колена нечистоту. Лишь только я вымыл колено и ногу, вдруг почувствовал ужасную боль в ребрах, и догадался, что меня опять схватила чума, которая, надобно сказать вам, любит воду и по воде добирается до человека. Едва-едва я добрел до дому и слег в постель. Под мышкой образовался чирей, и я семь дней и семь ночей лежал на постели без пищи, без сна, как полумертвый; одно только чувство было во мне, – чувство необыкновенной слабости: душа как бы выходила с каждым дыханием. Я исповедался и причастился Св. Таин и готовился умирать, потому что некому было проткнуть мой чирей шилом и пустить туда сулему, а самому мне неудобно было сделать это. Но, Бог помиловал меня грешного. В седьмой день пришел ко мне один знакомый мне араб, и я умолил его проткнуть чирей и впустить туда сулему. От этого лекарства опять я выздоровел: из чирья вытекла вся желтая, как янтарь, материя.

– А больно было тебе, когда шилом прокалывался чирей? – спросил я его.

– Нет; ведь чирей-то, словно пробка, отвердел, так что с трудом можно было вытащить назад шило. Я не чувствовал никакой боли в оба раза.

– Бог тебя любит, о. Савва. Он спас тебя от лютой смерти, чтобы ты послужил здешней обители.

– Благодарю Бога моего. Когда я лежал в чуме, дал Богу обет перейти из патриархии в Саввинский монастырь. Бог услышал мою молитву; и вот уже 13 лет я тружусь в обители Св. Саввы и никогда не бывал болен; хоть бы голова заболела. А из патриархии-то насилу-насилу отпустили меня: все довольны были тем, что я пек хорошие хлебы и просфоры. Тогда я был в чести, а теперь и знать не знают Саввушку патриаршие монахи и не кланяются. Да Бог с ними! Я не требую их поклонов; так говорю только с вами. Было времечко тяжелое, – продолжал о. Савва; – когда в патриархии все монахи обнищали, тогда

молодые диаконы и послушники приходили ко мне и кланяясь просили у меня хлеба. «Да белого-то хлеба нет у меня», говорил я им. А они просили: «О. Савва, дай нам хоть корочку черствого черного хлеба». И я наделял их; мне жаль было их сердечных.

– Да как же так обеднели все монахи, что уже ничего не могли иметь, кроме общего хлеба насущного? – спросил я словоохотливого старца.

– Когда повысили патриарха Григория, – отвечал он. – и когда греки воевали с турками...

Тут я прервал его речь и попросил всех сесть под навесом скалы и отдохнуть немного. Все мы уселись. На вершине противоположной стороны дебри сидел орел и спокойно смотрел на нас.

– Ну, продолжай, о. Савва, – сказал я ему.

– Так вот, когда повысили патриарха Григория и когда греки воевали с турками, в течении девяти или десяти лет поклонники не приходили на богомолье ни к Гробу Господню, ни к Св. Савве. В патриархиях не было ни копейки денег; наместники занимали у арабов, у жидов и давали большие проценты, – 60 на 100; наконец никто уже не стал давать и в займы, потому что не чем было платить долгов. Армяне смеялись над греками и говорили, что у них больше золота, чем у греков чечевицы. Тогда наместники сделали определение в синоде, чтобы все живущие в патриархии, от архиерея до последнего послушника, внесли все свои деньги, кто что имеет, в общую казну; кто утаит их, тот будет анафема-проклят; и это определение прочитано было всем нам в церкви. Тогда я, убоюсь проклятия, отдал 20000 левов, кои хранил на смерть. Многие отдали все, что имели, а некоторые не дали ни парички, и все время ворчали на наместников, зачем они наложили проклятие. Мы, победнее-то, все повиновались, а богачи-то и роптали.

– Тут я вспомнил слова Спасителя: «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богачу войти в царствие небесное»⁴⁶

– Много натерпелись мы и в монастыре Св. Саввы, – продолжал благословенный старец.

– Расскажи мне страдания твои и братии; простая повесть твоя слаще мне меда, – сказал я о. Савве.

– С тех пор, как повысили патриарха Григория в Царе-Граде, поклонники перестали ходить сюда, и Саввинский монастырь обеднел так, что уже не оставалось в нем ни полушки, а надобно было еженедельно раздавать хлеба, кроме братии, арабам, которые считаются крепостными рабами монастыря, по одному хлебу на душу в день и по четыре хлебца на неделю каждому малолетке. Назад тому лет 13 или 12 (не помню хорошо), я уже перешел сюда из патриархии и был экономом, а на игуменстве-то сидел Агапит, ныне архимандрит в патриархии. По недостатку муки я приказал печь хлеба гораздо поменьше для арабов. Они недовольны были, и угрозами требовали хлеба прежней обычной величины. Однажды они ворвались в монастырь и заграбили все вещи из церкви и из келий. Увидев меня, они бросились ко мне и требовали хлебов большей величины. Один араб кричал на меня: «он эконоом, он и виноват», – и вдруг ударил меня по голове дубинкою своею; кровь полилась ручьем и я упал без чувств на помост церковный, подле гроба Св. Саввы. Нечестивые, расхитив монастырь, остались в нем хозяевами, и попеременно жили в нем под предлогом стражи, угрожая совершенным разорением его, если не будут уплачены их подати и если монастырь не будет продолжать кормить их по-прежнему. Но монастырь не имел ни полушки, патриархия так же. В такой крайности наместники патриарха решили перевести отсюда всех иноков в монастырь Св. Креста подле Иерусалима и оставить наш монастырь пустым на разорение арабам или на произвол судьбы. Игумен наш ушел в патриархию; духовник иеромонах Иоасаф отдал мне ключи монастырские и скрылся, Бог знает, куда. Мы остались, как овцы без пастыря, и плакали день и ночь, вопияли к Богу и к Св. Савве о помиловании. Наконец, нам дано было знать, что нет возможности сберечь монастырь и что за нами пришлют верблюдов рано в воскресенье. Убитые горестью, мы плакали по обители, как по родной матери. Расставаться не хотелось с раем своим; верить не хотелось, чтобы не исполнилось обещание Богоматери, данное Св. Савве,

что обитель его никогда не опустеет и не разорится. Наконец, приехали за нами верблюды. Мы ринулись все в церковь и оросили пол горячими слезами. Все молчали и только плакали, и безутешно смотрели друг на друга. – «Я умру здесь, а не выйду отсюда», – сказал я в горести души моей. – «Умрем, а не пойдем отсюда», – повторили все прочие, и посланный должен был воротиться.

Мы обрекли себя на смерть; наше обречение уважено было наместниками, и они оставили нас в райских кельях, и, знают они, как сохранили монастырь от разорения, утолив кровожадных арабов деньгами и хлебом.

«Когда Ибрагим-паша стал управлять Палестиною, – продолжал старец, – тогда нам было хорошо. Он не брал податей с монастыря и заставил самих арабов вносить их и кормиться своим хлебом. А для обороны монастыря посылал еженедельно 8 солдат, которые и жили в другой башне и кормились своим хлебом. Тогда мы отдохнули и начали поправляться, потому что поклонники стали приходить и подавать милостыню Св. Савве. Но радость входит в одну дверь, а горе в другую. Арабы взбунтовались против Ибрагима и осадили его в Иерусалиме. В это время и наши холопы взъярились на нас и с оружием в руках требовали податных денег за прошлые года и хлеба, а солдат уговаривали уйти к ним и обещали им поделиться с ними деньгами и женить их на своих дочерях. Но они не сдавались на их обещания и на их выстрелы отвечали своими пулями. Мы кормили своих защитников, потому что смена не приходила из Иерусалима. Наконец когда Ибрагим-паша восторжествовал над своими врагами, и наши холопы усмирились; но стража неусыпно берегла нас, пока Ибрагим ушел опять в Мисир».

Мы встали и полегоньку добрались до своих келий.

Часа в три пополудни я помолился в большой церкви, приложился к честным главам Ксенофонта Аркадия и Иоанна, облобызал гроб Св. Саввы и простился с братиею, вручив духовнику 500 пиастров милостыни. Лишь только я стал выходить из первых ворот и подниматься по лестнице к выездным воротам, вдруг зазвонили колокола; братия

проводила меня за ограду и напутствовала молитвами и благодарениями. Я оставил их обитель не без сожаления: понравилось мне это убежище от мирских мечтаний, злоделаний и сует. Эта обитель для ветхого человека есть гроб, а для нового – рай.

NB. – По долине, ведущей к Иерусалиму от Св. Саввы, растут акриды, но мелко, на расстоянии часового пути.

NB. – Спустя час езды от Саввинского монастыря, налево от дороги, на горе, видны развалины обители Св. Феодосия Киновиарха. Тут встречаются две дороги, ведущие к Иерусалиму: одна бойкая, по которой ездят все поклонники, и другая проселочная, проторенная феллахами.

ИЮНЬ 6, Вторник. – Неугомонно писал во весь день и ночью свой дневник.

ИЮНЬ 7, Среда. – Посвящаю несколько часов описанию обители Св. Саввы и ее местности. Ручаюсь не за богатство и роскошь рисунка своего, а за его верность.

Иосафатова долина, от Силоамского источника склоняющаяся на восток и извивающаяся между меловыми горами, на пространстве верст 14^{1/2} несколько расширяется и мелеет в полуверсте монастыря Св. Саввы, подле так называемого, монашеского базара, и тут же вдруг, совершенно неожиданно, перехватывается такою дикою и вместе величественною дебрию, которой едва ли подобная на земле находится. В сей-то дебри и укрыть монастырь Св. Саввы. Эта дебрь составляет одно целое с сим монастырем и до постройки его сама была много пещерною обителью, и потому желающему иметь понятие о лавре Св. Саввы надобно наперед живо представить себе образ этой пустынной дебри. Она придает лавре величие и несравненную, единственную в мире пустынность, изумляющую поклонника и нежданым появлением своим, и огненностью своею.

В полуверсте от лавры есть небольшая наклонная площадь, обставленная со всех сторон горами. На ней еще видны основы разоренного строения. Эта площадка называется монашеским базаром, оттого что древние отшельники, населявшие ближние пещеры, сбывали тут свои рукоделья в каждую субботу и

покупали себе необходимо-нужные вещи. К этому базару сходятся три дороги: одна из Иерусалима, другая от Иордана и Мертвого моря мимо меловой горы, имеющей вид длинной палатки, утвержденной на двух подставках, и третья, ведущая в лавру. По долине Иосафатовой, по временам, стекает сюда поток Кедронский, а по дороге Иорданской – поток безымянный, и оба эти потока впадают в лаврскую дебрь и образуют, так называемую, реку Огненную – Πύρινος ποταμός. При соединении с их дорог и сих потоков начинается винтообразно дивная дебрь или каменный ров, единственный в своем роде. Этот ров есть не что иное, как расселина каменной скалы, разорванной и раздвинутой силою огня и землетрясения. По глуби и по окраинам этого рва точно протекла когда-то Огненная река. Скала треснула, расселась и, раздвинувшись, образовала из себя ров, так что обе стороны его соответствуют одна другой своими выпуклостями, и впадинами, и поворотами. Если бы другая сила природы сдвинула и сжала эти стороны, то они пришлись бы одна к другой, как приходятся стороны наудачу разорванной бумаги, и не осталось бы и следа существования рва. Чем далее он идет к лавре и за лавру, тем глубже становится. Бока его состоят из огромнейших каменных пластов, горизонтально и уступами лежащих один на другом, так что инде ров принимает вид амфитеатра. Эти пласты инде ровны и гладки, инде высываются и разорваны расселинами. Все они имеют вид частью обгорелого, частью пропеченного ржаного хлеба. Весь ров извивается и инде под прямым углом поворачивает с юга на восток и с востока на юг. Бесчисленное множество больших и малых пещер натуральных заметно в обоих бокам рва; и в сих то пещерах спасались тысячи отшельников по примеру Св. Саввы, который первый поселился здесь в пещере, и доныне сохранившейся; ее показывают на противоположной стороне от лавры, наискось главной церкви. Судя по общему взгляду, можно сказать верно, что бока рва отвесны; но над ними загибаются вверх скалы и соединяются с соседними горами. Напротив лавры гора, высящаяся немного позади рва, имеет три темени. Все бока рва голы, дики; но в самой глуби его, по обеим сторонам русла потока, растут

акриды и капорцы и другие травяные низменные кусты. Русло потока белизною камней, выбоинами, промоинами, рытвинами своими обличает сильное стремление воды которая собирается здесь в дождливые годы. До лавры и далеко за лаврою ров имеет одинаковое образование; однако ж, как я упомянул выше, он оканчивается не слишком далеко за лаврою и переходит в площадь, похожую на монашеский базар. Монахи уверяли меня, что он снова продолжается до самого Мертвого моря, но сам я не видал его, и потому не знаю, так ли дико и в таком ли виде он тянется к морю, в каком он существует около лавры. По западному верховью рва, от начала его до лавры, недавно проложена дорога, высеченная в скале и окаймленная по рву низменною каменною оградой, кладенною, как здесь водится, из мелких и толстых живых камней без всякой извести.

В этом рву, почти на равном расстоянии от его начала до его прерыва, выше упомянутого мною, к западному отвесному боку его пристроена знаменитая лавра Св. Саввы. В сем боку, частью природою, частью искусством, углублена площадь как раз на середине высоты рва с узким отводом вдоль скалы. Она выработана в виде неправильного тупоугольного треугольника и несколько выдается в ширь рва. Как со дна рва она возникает отвесно, так и по окраинам своей ровной поверхности она обставлена совершенно отвесными скалами. Если бы отнять все искусственные лестницы и переходы, кои теперь ведут на эту площадь, то ни с верху рва, ни с низу рва нельзя было бы попасть на эту площадь. Для сравнительного пояснения этой особенной местности с не нахожу ничего лучше, как кисть правой руки, ребром поставленную несколько вдоль и несколько наискось края стола так, чтобы между четырьмя пальцами и большим пальцем, оттянутым поперечно в отношении к ним и несколько загнутым назад, виднелась на столе площадка в вид тупоугольного треугольника. Три нижние пальца, лежащие один на другом, и частица ладони соответствуют природной скале, окаймляющей площадь, а четвертый палец – стене, выведенной по сей скале; большой же палец, под которым надобно воображать скалу, соответствует, также стене. Из сего сравнения видно, что по верхним окраинам рва построены стены; они

высоки, толсты и гладки, и обе начинаются у одной высокой четверугольной башни, которая построена была Юстинианом царем для обороны лавры. По нашему сравнению, эту башню надобно вообразить на ручной кисти выше полу-дуги, образуемой верхними пальцами, именно между костями большого и указательного пальцев. Если стать у подошвы сей башни лицом ко рву, то правая стена, соответствующая указательному пальцу, идет от башни вдоль окраины свалы, обставляющей площадь, а левая стена, обозначаемая большим пальцем, спускается прямо в ров до половины и с севера загораживает, лавру от врага и местника. Если бы кто влез на эти стены и посмотрел бы вниз в лавру, тот увидел бы весьма большую глубь и совершенную отвесность стен и скал. Юстинианова башня, составляющая верхний угол треугольника, весьма высока и крепка; стены ее очень толсты; кверху она немного суживается; на ней нет ни крыши, ни главы, а есть терраса или площадка. Она построена была для защиты лавры, а ныне в самом низу оной есть потаенный ход в одно подземелье, в котором монахи могут укрываться от арабов, а в самом верху устроена библиотека для хранения древних греческих и славянских рукописей на пергаменте, и над нею жилье для сторожевого монаха, который свешивает оттуда хлеб в корзине для голодных арабов, – крепостных рабов лавры, и веревкою, протянутою вниз к колоколу, дает братии сигналы о приезде богомольцев или о привозе съестных припасов. Внутри этой башни устроена хорошая каменная лестница, но она нарочно не доведена до библиотечной комнаты, из которой спускается на нее подъемная деревянная лестница, дабы никто из арабов не мог попасть на самый верх башни в случай осады лавры. Сторожевой схимонах, о. Савва, с которым я познакомил дневник свой, живет на самом верху башни и имеет при себе большое старое ружье, которое, при взгляде на него приводит в смех, потому что оно очень ветхо и испорчено. Когда о. Савва хочет стрелять из него, утверждает его между камнями, потом щипчиками берет с жаровни своей уголек (есть у ружья и кремь и замок, да не действуют), кладет его на заржавелую полку, и ружье вдруг бацнет так, что вся Аравия вострепещет от

выстрела о. Саввы. Когда я кончил обозрение библиотеки, то о. Савва в память сего события при мне с четверть часа заряжал свое древнее ружье, минут пять утверждал его, направить дуло к Мертвому морю и потом угольком зажег его. Боже ты мой! как грохает мое смешное ружье, да как повторился грохот его в соседних горах, так куда арабам сражаться с о. Саввою. Один страх от грохота рассеет толпы осаждающих, а ведь им не видно снизу, что о. Савва угольком зажигает порох в ружье. Он сказывал мне после выстрела, что в лавре есть около 15 таких ружей, да все попорчены. «Да мы и не думаем защищаться ими, промолвил о. Савва; у нас есть понадежнее защитники: Божья Мать да Св. Савва». Около подошвы сей башни есть цистерны с водою, пчельник и небольшие искусственные террасы, сбегające на низ, в ров, в которых воспитываются гранаты и другие деревца, а более овощи. Тем приятнее видеть зелень на отвесах голой каменной скалы, чем менее ее ожидаешь тут. Эти террасы о. Саввы драгоценнее всяких садов Семирамиды. В лавру ведут двое малых железных ворот, верхняя и нижняя. Войдем теперь с благоговением внутрь ограды и сойдем вниз на площадку по хорошей лестнице, устроенной из чистого белого камня.

Ровная площадь, как и вся лавра, имеющая вид треугольника, составляет средоточие лавры. На окраине оной, выдающейся в ров, построена большая и высокая церковь во имя Благовещения. Круглый и светлый купол ее приосенен честным крестом. Восточные и южные наружные стены ее во всю высоту их подперты многими каменными, весьма толстыми контрофорсами, и так часто, что между ними оставлено весьма узкое пространство для освещения храма продолговатыми и узкими окнами. Эти контрофорсы придают церкви особенный вид: кажется, будто вся она состоит из массивных четверогранных сплошных столпов. С трех сторон церковь совершенно открыта, и только с северной стороны примыкают к ней разные крытые ходы, кельи и другие покои. Пред главною дверью, ведущею в церковь, есть род просторного навеса, составляющего одно целое с храмом, или род открытой паперти, по бокам коей устроены каменные скамейки для

сидения. Эти двери и вообще весь портал не имеет ничего замечательного, кроме греческой надписи, означающей год обновления храма и имени обновителей⁴⁷. О. Савва указывал мне на одну икону, повышенную около дверей церковных, как на редкость; на ней изображена Богоматерь, причащающая из св. чаши Савву и других монахов. «Такой иконы нет у нас в России», – примолвил св. старец. Внутренность храма очень обыкновенна. Замечаю только, что он светел, не широк, но длинен; по обеим сторонам его поставлены каменные пилястры, как ребра, и на этих пилястрах написаны разные святые. Живопись крайне дурна. Замечательно только то, что лица изображены весьма суровы и сухи; страшно или, лучше, неприятно смотреть на них. При взгляде на них я всякий раз вспоминал свое детство: бывало в старинных церквях на родине лики святых не столько пугали меня, сколько предостерегали от шалостей; как взгляну на них, а они так и смотрят на меня грозно. Я забегу в сторону церкви, а Святой Николай и туда смотрит; я – в другую сторону, а он и там видит меня. Я закрою свои глазенки, ан мне слышится, он говорит: «смотри же, Костя, не шали, учись и будь умен, да молись Богу и слушайся отца и матери»; иногда он протвердит мне все заповеди и все добрые наставления родителей и учителей. Сначала я очень боялся Св. Николая, а после немножко попривык к нему и, казалось, иногда он смотрел на меня уже и поласковее. Таково было действие суровой церковной живописи на мою маленькую невинную душу. Хорошо делали старые люди, что вносили в церкви иконы суровые, а не жеманные, как ныне. При сем воспоминании я написал бы теперь целую теорию православной церковной живописи, да откладываю этот подвиг до другого времени; теперь пора продолжать описание лавры Св. Саввы. Иконостас в церкви блестит позолотою; иконы в нем довольно изрядны: все они писаны в России. Большие паникадила пожертвованы также в России. Все полукружие алтаря, по обе стороны центрального окна, расписано ликами евангелистов и святых в колоссальном виде. Помоста алтарный выстлан большими белыми каменными плитами. Лучшее украшение храма составляет плащаница, шитая золотом по темно фиолетовому

бархату. Она стоит среди церкви на правой стороне под стеклянным чехлом. Ее привез сюда из Москвы русский монах, которого здесь называют продромом. Он живет в лавре, и ему она обязана самою лучшею утварью церковною и ризницею. В сей церкви, направо от входа, есть маленькая комната, в которую ведет узкая деревянная лестница; тут помещена часть драгоценных рукописей греческих на пергамене. Этих рукописей не показывают иностранцам.

По обратном выходе из церкви, тотчас представится взору небольшая восьмиугольная каменная часовня с круглым каменным же куполом, которого величина не соответствует объему часовни. Она построена над гробом Св. Саввы, который находится под полом площади. А в самой часовне поставлен род гроба из мраморных плит только для обозначения места погребения угодника Божия. Кто хотел бы видеть самое место его погребения, тот должен слезть в одно отверстие, сделанное на площади, и войти в усыпальницу иноческую, которая находится тут под площадью подле места упокоения мощей Св. Саввы. Впрочем, его мощей нет: они унесены были в Венецию во время крестовых походов. Загробная большая картина в часовне изображает успение и отпевание преп. Саввы. По стенам ее висят небольшие иконы, напоминающие некоторые события в жизни Св. Саввы, напр.: причащение его Богоматерию, видение им огненного столпа над пещерою и пр. Весь купол занят изображением огромного лика Спасителя. Под площадью, как я сказал, есть усыпальница иноческая. Она состоит из двух отделений. В одном кладут тела на пол без гроба, в одних мантиях, а в другое собирают уже одни кости сих тел; таким образом, в этой усыпальнице всегда есть место для погребения усопших.

За часовнею площадь суживается. Если вы станете лицом к углу, то налево у вас будет огромная комната, назначенная для приема поклонников, — чистая и убранный коврами и подушками в азиатском вкусе, а направо малая церковь во имя святителя и чудотворца Николая, устроенная в натуральной, большой пещере в скале. Из этой-то пещеры Св. Савва видел возносящийся в небо огненный столп, когда еще подвизался в

другой пещере на противоположной стороне рва. После видения он устроил в ней церковь. В сей церкви сохраняют за железною решеткою и показывают множество черепов тех отшельников, которые избиты были в пещерах и в лавре злобными агарянами. О. Савва рассказывал мне, что один франк давал большие деньги за один череп; но так как монахи не решились отдать ему сих мощей, то он украл их и скрылся из монастыря. «Для чего он украл священную головку? – спросил меня простодушный Саввушка. На что она ему, когда он не верит в мощи святые?» – «Есть франки, – отвечал я ему, – которые ездят по всему свету и собирают травы, цветы, козявки, мушки, таракашки, букашки, а иные собирают человеческие черепа, так по охоте, на показ другим, и особенно обучающимся врачебной науке. Эти любители черепов сравнивают их между собою, замечают разницу в их образовании, сложении, выпуклости или впалости, и по этим приметам думают угадывать: кто какую склонность имел главную, кто был вор, кто был пьяница и пр.»

– Ах, они басурманы! – воскликнул Саввушка. У самих-то у них должен быть череп уже собачий, коли они охотники до человеческих черепов!

Близ часовни Св. Саввы новая каменная лестница с железными перилами ведет в две верхние кельи, устроенные в скале письмоводителем иерусалимского синода, простым монахом Анфимом. Обе кельи уютны и убраны просто и опрятно. Из задней кельи есть потаенный ход за стену монастырскую. В зимнее время в них спокойно и тепло жить, но летом невыносимо жарко и душно.

Направо от церкви с площади ведет лесенка в продолговатый огородец, в котором иноки воспитывают салат, перец и два-три гранатовый дерева. Это местечко есть самое лучшее в лавре. Оно обставлено с одной стороны высочайшею отвесною скалою, по которой идет стена, а с другой – низменными нужными пристройками, за которыми уже глубокий ров. Скала вся обнажена и чрезвычайно дика; по местам пласты камней, особенно вверху под стеною, висят на ничесом. Во время землетрясения они могут упасть и задавить, загромоздить весь садочек. Тут росло большое финиковое дерево, но не так

давно оно срублено монахами вследствие спора с болгарскими поклонниками, которые уверяли иноков, что именно это дерево посажено Св. Саввою, а иноки указывали им на другой финик, который одиноко растет у подошвы северной стены. Чтобы болгаре не оспаривали более подлинности сего второго финика, они срубили не священный финик, а ствол его и теперь валяется подле его корня. Как жаль этого финика! Он служил украшением лавры и отрадою для очей, утомленных видом камней, и отражением от них горячих лучей солнца. Но что делать? В таком споре лучшим доказательством истины могла послужить только секира. Если монахи не пожалели финика, который был другой и последний, стало быть это дерево действительно не то, которое посажено самим Св. Саввою. В огороде зелень и деревца растут привольно и роскошно на наносной земле; ибо монахи каждый вечер поливают их дождевою водою из ближней цистерны. В бытность мою на гранатовом дереве видны были и цветы, и завязавшиеся плоды. Свежая зелень его составляла разительную противоположность с каменистою скалою, подле которой он растет. А стручковый перец, воспитываемый здесь, походит на кустарничек, потому что он уже три года растет на корнях и дает плоды, и разросся леском. Я заговорился об огороде Саввинского монастыря по тому, что он в этой дикой пустыне, в этом пекле есть диво дивное. Прошедши вдоль огорода, очутишься у лестницы, которая ведет на террасу; тут есть цистерны и прекрасная комната, назначенная для приема франков. Эта комната построена на самой окраине отвода площади, и вид из нее открывается в ров, и на противоположную гору, и в самую лавру. Она просторна, светла и вся убрана довольно роскошно коврами и подушками в азиатском вкусе. В этой комнате я жил в бытность свою в лавре. При ней есть отдельная большая кухня и другая малая комната. Это место в связи с огородом есть самое веселое в лавре. Добрые иноки выбрали для себя темные пещеры и кельи, а гостям предоставили светлую, велию горницу постланну, убранну: отшельник снисходителен и внимателен к слабостям и потребностям людей мирских. Между этою комнатою и кухнею ее устроена каменная лестница о 20-ти ступенях, по которой

выходят на кровли сих зданий и на террасу, снабженную цистерною. Эта терраса составляет уже предел лавры с южной стороны, и потому она обведена стеною с этой стороны, которая примыкает к главной стене, оканчивающейся здесь на скале. За этою стеною находятся следы армянского монастыря, в котором с благословения Св. Саввы подвизались армянские иноки, бывшие тогда православными. На сей террасе каменная немалая лестница проделана к отвесной скале, и по ней русский инок о. Кирилл, отставной солдат нашей гвардии, два раза раненный под Кульмом – в руку и в живот и украшенный прусским крестом, восходит в свою келью или, лучше, в скалистую пещеру, в которой подвизался сам Св. Савва. При сем замечу, что русские занимают все крайние углы лавры: на башне в западном углу живет Саввушка, в южном углу – Кириллушка, а в северном – о. архимандрит Арсений, и эти кельи, по преданию, достаются все уже русским. Кстати сказать здесь несколько слов и об о. Кирилле. Он очень беден. Прусский принц Альберт, посетивший лавру, увидев на нем прусский крест, расспрашивал его о Кульмской битве и, довольный его ответами, подарил ему 3 червонца турецкие, по нашему 12 руб. О. Кирилл, прослужив лет 18 в полку, так привык к военной дисциплине, что и поныне, нося ряску и клобук, ходит маршем и выпятив грудь вперед, поворачивает глаза направо и налево, а клобук снимает и надевает, как кивер, как будто по команде. И все это он делает по привычке, ненамеренно, без всякого сознания: так сильно военное воспитание! И под клобуком узнаешь русского воина; а как только увидел о. Кирилл ружье у проводника моего, тотчас взял его в руки и сделал на караул со всею отчетливостью и вытяжкой старого русского солдата.

Там на южном конце лавры, высоко в скале, находится пещера Св. Саввы. В эту пещеру ведет узкий коридор, высеченный в скале. Самая пещера состоит из трех отделений: в одном устроена была малая церква во имя Св. апостолов Петра и Павла, в другом сохраняется доселе опальная пещера Св. Саввы, в третьем живет о. Кирилл. Все эти отделения, с некоторыми изменениями, составляли жилище Освященного.

Алтарь церкви, прилаженный к скале, теперь заложен и наполнен камнями, потому что арабы однажды опустились по веревке чрез стену, проделали отверстие в этом алтаре и потом чрез коридор пещеры ворвались в лавру. Но доселе еще сохраняются лики святых на том месте, которое заменяло иконостас сего алтаря. Пол пред алтарем украшен был мозаическими камешками, кои и поныне видны. Спальная пещера Св. Саввы очень мала; в нее влазят сквозь единственное небольшое отверстие, обделанное камнями в виде окна. Вся эта пещера составляет единственную святыню правого отдела лавры. На одной же высоте с пещерою Св. Саввы есть и другие две небольшие пещеры, в которых и поныне живут иноки, как птицы в гнездышках.

Перейдем теперь в другой отдел лавры, по левую сторону церкви.

Вся эта половина лавры, начиная от церкви почти до самой подошвы Юстиниановой башни, загромождена равными монастырскими пристройками к скалам и пещерам. При беспорядке этих пристроек трудно было бы внести порядок в описание их; и потому, не упоминая о множестве коридоров, лестниц, келий и разных служб, я скажу несколько слов лишь о замечательных отделениях этой половины, идя снизу кверху.

К левой наружной стене церкви, почти во всю длину ее, пристроена темноватая комната; она назначена для общих иноческих молитвословий. Из этой комнаты спускаются в монашескую трапезу, в которой замечательны два длинные стола, сделанные из беложелтоватых каменных плит с таковыми же каймами, и потому неподвижные. Подле сей трапезы в пещерах устроены и кухня, и хлебопекарня, и прочие надобные отделы; в кухне, подле самой печи, есть глубокая цистерна, полная воды. На крыше кухни и трапезы иноки в воскресные и праздничные дни пьют кофе и водку, по уставу своему. От братской трапезы по окраине обрыва, обшитой стеною, доходят до малой церкви во имя Иоанна Златоустого, которая устроена в скале, грозно нависшей в ров. От той же трапезы, повыше хода к Златоустовской церкви, но параллельно с ним, есть ход к чудотворному финику, который посажен был руками самого

Освященного Саввы и который ежегодно приносит обильные плоды. Если какая бесплодная женщина, после сорокодневного воздержания от брачного ложа и умеренного пощения, съест один финик, а другой даст мужу своему, то она непременно родит сына или дочь. Посему эти финики покупаются поклонниками дорогою ценою, добровольно вносимою. Если бы кто дерзнул украсть подобный финик, то у него и плодоносящая жена сделается бездетною. Этот финик довольно высок, и не толст. Он растет у самой стены северной в нарочно обделанной терраске. Тут же подле финика келья, которую называют патриаршею, потому что ее построил патриарх Досифей; в этой келье есть цистерна с холодною водою. Вот приволье! Вот приволье для о. архимандрита Арсения, который живет в этой келье невольником! Если возвратиться назад от сей кельи в молитвенную, прибочененную к церкви, и по каменной лестнице взбираться до башни, то на этом пути приглянутся боевые часы и три колокола, единственные во всей Палестине, в которые отцы благовестят и звонят; выше в левой стороне метнется в глаза приемная зала для сановников патриархии; еще повыше войдешь в церковь, устроенную из кельи Иоанна Дамаскина и освященную во имя его. Эта церковь состоит из двух отделений: в одном, меньшем, помещается алтарь с клиросами, в другом, большем, иноки слушают обедню. В сем последнем отделении, у западной стены, поставлен род гроба Иоанна Дамаскина и за гробом икона, изображающая его погребение; но могила его находится тут же в натуральной пещере, и туда можно сходить сквозь узкое отверстие, сделанное в полу. Иоанн Дамаскин – великое имя! Он смиренно спасался в лавре и погребен в ней. Какой поклонник не зайдет помолиться у гроба праведника, который украсил церковь столькими и такими песнопениями, кои улаждают, просвещают, согревают, окрыляют верою, любовью и надеждою душу православную. В сей церкви замечателен большой образ, недавно привезенный из России: обручение Св. Екатерины с младенцем Иисусом. Малое отделение церкви с алтарем расписаны: на стенах и потолке изображены пророки. Монахи, взирая на сих пророков и не понимая, что такое написано у них на теменах голов их, – что-то в роде воронки,

обращенной вниз, – спрашивали меня о значении этой воронки, и я растолковал им, что плохой живописец написал так странно чаши или фиалы Божии, означающие духовное помазание свыше и дар пророчесственный. Иноки очень довольны были моим объяснением, а мой добрый Саввушка повторил два раза русскую поговорку: «ученье – свет, а не ученье – тьма», и увещевал меня подражать Дамаскину в вере и жизни святой. Еще выше на пути к Юстиниановой башне есть малая церковь во имя Св. великомученика Георгия; в ней сохранилась часть мозаики на полу. Около этих церквей в разных местах, вверху и внизу, устроены малые кельи иноческие.

За оградой монастырскою отдельно под горою стоит другая высокая и крепкая башня. Она построена сербами и болгарами. В ней есть небольшая церковь. В сей башне помещают путешественниц; ибо в самую лавру вход женскому полу запрещен. Недалеко от сей башни показывают развалины той иноческой школы, в которую Св. Савва принимал избирающих иноческий сан и в которой они выдерживали искус и учились житию иноческому и вместе грамоте и наукам. На западной стороне от лавры торчат горы; одна из них выше других и своим острым верхом разделяет облака, так что одна часть их пойдет на юг, а другая на север, и лавра часто остается без дождя, тогда как кругом идут дожди. Иноки не так-то любят эту гору.

На север от лавры, в расстоянии часа езды, есть гора, которую иноки называют: βουνὸ τῆς Παναγίας – горою Владычицы. Там подвизался Св. Савва и имел видение, в котором Богоматерь повелела ему переселиться в одну из пещер, находящихся в каменном рву. Я не был на этой горе; но о. Христофор уверял меня, что там есть небольшие развалины.

В лавре Св. Саввы ныне спасаются старцы разных наций: русские, молдаване, болгаре и большею частью греки. Они трезвенны, целомудренны и трудолюбивы. Один стол у них общ, а все прочее они имеют свое, как-то: одежду, постель; им не запрещается держать в кельях свой кофе, сахар, водку и вино. Итак в лавре нет строгого общежития и полного самоотвержения и нищеты произвольной. Впрочем, благодать Божия почивает на ней.

Я любил смотреть на лавру в сумраке ночном при сиянии звезд небесных. Тогда церковь, скалы, стены, ров – все это сливалось в одну величественную твердыню и говорило памяти: эта твердыня от начала доныне служила оплотом православия в Палестине. Я переносился в тот бурный век, когда Халкидонский собор произвел столько прений, соблазнов, расколов в христианском мире и пролил много крови, и мне казалось, – из многочисленных пещер выходили старцы, закутанные в черные мантии, и собирались на монашеском базаре вместе со старцами Евфимия Великого и вслед за ними и Св. Саввою шли в Иерусалим отстаивать Халкидонский собор и его православие; мне слышалось, как эти старцы в один голос и такт повторяли слова Св. Саввы: «кто не признает четырех соборов (Никейский, Константинопольский I, Ефесский и Халкидонский), как четырех евангелистов, тот анафема!» Синее небо узкою полосой покрывало пустынный ров и звезды на нем ярко блестели; и порой мне мнилось, что это не звезды, а души иноков, подвизавшихся в сей дебри. Когда спадет звезда с неба и пролетит по поднебесью, я сотворю молитву: *Св. Савва, моли Бога о нас*. Ударит ли часовой колокол, гул его долго звучит и трепещет в горах, а душа тотчас подумает: так долго в мире остается память праведника. Ровно в полночь большой колокол сзывает старцев на молитву: в тиши, во тьме ночной, словно духи, бредут они тихо, неслышимо в церковь и там изливают души свои пред Богом. Слышатся вздохи грешников. Слышится и веяние небесной благодати, очищающей и освящающей кающиеся души. Здесь ночью тишина имеет свой престол: ничто не нарушает ее, – ни всплеск крыльев птицы, ни крик шакалов, ибо иноки днем накормят их хлебом, и они спят ночью мирно и тихо⁴⁸.

ИЮНЬ 8⁴⁹, Четверг. – В ожидании обещанной в патриархии исторической записки о неприязненных действиях римского и армянского духовенства на Св. местах, я решил осмотреть некоторые окрестности иерусалимские, имеющие известность библейскую, как-то: Гаваон, Массифу, Ветхорон, Раму, Веероф, Лузу и пр. и пр., и посетить христианские православные

деревни, принадлежащие Иерусалимской патриархии, как-то: эн-Арик, Бир ес-Зет, Джифну и Тайпе. Решено и сделано.

Вчера наняты были 4 лошади и выпрошен у паши один конник дней на 7-мь, и предположено было выехать из Иерусалима очень рано утром. Но первые выезды всегда сопровождаются какими-нибудь неприятностями; и на этот раз я принужден был ожидать целый час лошадей и пашийского конника, а промедлить утренний час в Палестине, где невыносимо жарко, весьма не выгодно. Однако в 6 часов мы выехали. Мне хотелось утром обозреть неби-Самуил и оттуда спуститься в ел-Джиб (Гаваон), потому что весьма труден и утомителен въезд в эту деревню, а утренняя прохлада несколько облегчила бы его. Но, вероятно, взволнованный гневом, я невнятно рассказал Апостоли, куда надобно ехать прежде и куда после, и он взял направление на Бетханину и ел-Джиб, миновав возвышение Seórus. В задумчивости и в той уверенности, что поезд наш идет, куда надобно, я не справлялся с своею картою, и уже близ Бетханины увидел, что неби-Самуил остался у нас влево. Опять досада, опять размолвка! Недовольный собою, недовольный Апостолием, я приказал ехать в ел-Джиб, отложив посещение неби-Самуила уже на обратном пути в Иерусалим.

Дорога в Бетханину довольно трудна. Видно, что она когда-то была делана, но испортилась. Спуск, в глубокую долину Бетханинскую по каменистому косогорью, весьма не удобен и крайне утомителен. Того и гляди, что лошадь поскользнется о ступени, когда-то высеченные в скале, и с седоком повалится и расшибется о каменные ребра скалы.

В Бетханине нет ничего замечательного. Жители арабы-мусульмане заняты были молотьбою хлеба на ровном гумне, выработанном из скалы, и едва удостоили нас взглядом. Знать, на всех гумнах в свете работают, а не зевают на прохожих иль проезжих.

Долина Бетханинская близ деревни и далее к ел-Джибу не широка; бока ее довольно круты и весьма скалисты. Около Бетханины и вверх по склону горы, на которой неби-Самуил

высится к небу, растут масличные деревья. Кое-где в глубинах долины распаханы были тощие нивы.

До Бетханины мы ехали ровно час и столько же до ел-Джиба. Дорога пролежала между обнаженными скалами до самой деревни Бир-Небала, построенной на темени круглого высокого холма. Отсюда долина вдруг переходит в большое и ровное поле, которое окружает ел-Джиб со всех сторон, особенно с востока и северо-запада. Проезжая Бир-Небалу и подвигаясь к ел-Джибу, я чаял найти тут текучую воду, потому что в Св. Писании⁵⁰ не раз упоминается о большой воде близ Гаваона; но подле дороги заметил только малое и узкое ложе, по которому пробегает вода дождевая. «Здесь близко должна быть текучая вода», – сказал я Апостоли. Он отвечал: «Несколько раз проезжал я по этой дороге и не видал воды, да и не слыхал, чтобы здесь был какой-либо поток или родник». Так как я полагал, что ел-Джиб есть древний Гаваон, и так как текучую воду считал безошибочным признаком существования здесь Гаваона и оправданием своей догадки, то и не поверил своему проводнику, и велел ему спросить женщин, исторгавших, а не пожинавших скудные и низкие классы: есть ли здесь неточная вода? – «Есть подле деревни», – отвечали они. Я обрадовался не менее, чем Пифагор, решению своей топографической задачи, и нетерпеливо желал видеть гаваонскую воду, пить ее и умыть ею горячее лицо свое. А о. Григорий непрестанно шутил над проводником: «Брате, напейся гаваонской водицы, да помни, что здесь есть источник. Видишь, люди в России знают, что есть на свете деревня ел-Джиб и что жители ее пьют текучую воду, а ты бываешь в деревне и думаешь, что здесь вода родится в кувшинах». – Скоро подъехали мы к самой основе холма, на котором выстроена деревня, и я заметил одну женщину, вылезавшую из-под скалы с большим кувшином воды. Тут поезд наш остановился. От радости я спрыгнул с лошади и тот час пролез в небольшое отверстие, из которого вышла гаваонитянка, и спустился вниз по каменной попорченной лесенке. «Батюшки светы! какой большой водоем!» – сказал я, и эхо моего голоса раздалось под плоским сводом его. Я сел на приступке и позвал Апостолия и

одного гаваонита, который впрочем ничего не знал о водоеме и говорил только, что он весьма древен.

– А глубок ли водоем? – спросил я его. Знаком руки он показал на свою грудь, и тем дал знать, что воды в нем по груди человека.

– А куда ведет эта лестница, которую вижу я, вот, в левом углу?

– Слыхали мы, отвечал феллах, что на холме был большой город, и что из этого города ходили по этой лестнице за водою.

– А не знаешь ли, как звали этот старый город?

– Мы называем его Куфр⁵¹

Услышав сие название, я подумал было, что тут рядом с Гаваоном стоял город Кефира. Но я обманулся созвучием; ибо, как после узнал, арабы все развалины называют куфр, т. е. местом поганым, потому что они застроены были людьми не их веры.

– Уменьшается ли вода здесь?

– Прибавляется в дождливое время.

– Не заворачивается ли водоем направо и вода не идет ли издалека? – спросил я его, потому что свет не освещал правой стены его.

– Тцу, тцу, тцу! – отвечал феллах, щелкая языком в оттопыренные и сжатые губы и мотая головою; – так обыкновенно они выражают свое отрицание.

* * *

Водоем Гаваонский иссечен внутри твердой скалы в виде продолговатой четверугольной комнаты с отвесными стенами; естественный свод его ровен, как потолок. В левом углу, напротив зрителя, выработана из скалы лестница, по которой сходили из города за водою. Ныне этот вход закрыт землею, так что и следа его не видно на поверхности водоема; за то проломан другой узкий и неудобный вход с противоположной стороны. Как только пролезешь сюда, тот час очутишься на каменной испорченной лестнице. Налево от нее есть канал, иссеченный в скале; но теперь он так завален, что нельзя наследовать его. Видно, что вода вытекала (статься может, и ныне вытекает) по этому каналу, но куда? – Неизвестно⁵².

Водоем глубокий и высок; воды в нем много, и вода прозрачна и хороша; она стоит спокойно; не заметно в ней ни течения, ни пузырения, и не слышно капанья. По прозрачности и неподвижности воды он походит на родник Иезреельский, но гораздо менее его объемом. Подле сего водоема ничего нет на улице.

Налюбовавшись Гаваонским родником, я взобрался со своим проводником на ту часть холма, на которой был старый город. Бока его обделаны в виде террас и изораны; вершина его покрыта масличным садом. Нигде не нашел я ни одного фундамента, ни одного камня, который свидетельствовал бы, что тут было когда-то жилье человеческое: так разорено место.

Весь этот холм не высок, и не крут, а полог и длинен; он состоит как бы из двух круглых холмов, соединенных между собою перешейком, который не ниже их, но уже. На полухолмии, обращенном к неби-Самуил, ныне нет ничего, кроме маслин и террас, а на другом полухолмии построена бедная, немногочисленная деревня ел-Джиб. Это последнее полухолмие весьма каменисто или, лучше сказать, есть не что иное, как огромная обнаженная скала, по которой, от подошвы ее до темени и во всю длину, лежат горизонтально каменные цельные пласты, один выше другого, как бы уступы огромного амвона или амфитеатра. Весь холм отдельно возник из ровной горной выси, которая окружает его со всех сторон, широко расстилаясь на восток, север и запад, и с уживаясь юдолью на юге подле высокой горы неби-Самуильской. Местность ел-Джиба очень красива; с вершины холма видны ближние деревни: Бир-Небала, Кулуалия, Джедире, Бет-Уния. Вся окрестность была покрыта золотистыми жатвами⁵³, и лишь в одном месте вдали небольшой зеленый сад казался оазисом среди этой степи. Самуильская гора пред Гаваонским холмом стоит, как великан пред младенцем. У подошвы сего холма растут виноградники, гранаты и масличия.

Перебравшись с пустопорожнего полухолмия в самую деревню, я остановился подле беднейшей мечети, и сел отдыхать на пороге узкой двери, приказав Апостолию позвать спутников, которые оставались внизу холма подле водоема.

Они явились. К нам подошел шейх деревни и предлагал нам кофе. Я отклонил его предложение и просил его ввести нас в мечеть, обещав ему бакшиш. Слово и дело! Чрез калитку вошли мы в открытый небольшой двор, обнесенный низкими стенами, в коих есть узенькие прозоры для стрельня из ружей. Вся площадка двора есть выровненная скала, которая от времени потрескалась. Напротив входа во двор стоит какое-то старое, малое и узкое здание; в одной половине его стоит гроб какого-то арабского святоши, а в другой, похожей на крытый навес без передней стены, помещена собственно мечеть. Думать надобно, что на этом месте была или фамильная усыпальница, или крепостная башня для защиты перешейки, соединяющего тут оба полухолмия. Кой-где в стенах вставлены довольно большие камни, по виду весьма древние.

Самая деревня, почти вся, помещается в каком-то древнем огромном здании. Так как все это здание загромождено избушками, амбарами, хлевами, то и нельзя было разобрать, что тут было: церковь⁵⁴ или крепость. Судя по признаку римского каменосечения, я полагал, что тут было укрепление на половине дороги между Иерусалимом и Бетхороном.

Действительно ли на месте нынешнего ел-Джиба стоял древний Гаваон⁵⁵, так известный по остановлению солнца? Действительно. Ибо арабское название Джиб есть видоизмененное по свойству арабского языка и укороченное название еврейское: Гиб-еа. По местности ел-Джиб, как Гаваон, приходится в участке племени Вениаминова. По Иосифу Флавию⁵⁶, Гаваон находился в 40 стадиях или 5 римских милях (2 часа езды) от Иерусалима; у него же римский прокуратор Цестий идет с войском к Гаваону из Антипатриды чрез Лидду и Бетхорон⁵⁷; это совершенно согласно с местностью нынешнего Джиба, к которому нельзя лучше и скорее прибыть из Иерусалима, как в 2 часа, и из Лидды, как чрез Бетхорон, отстоящий от него на час не с большим езды; да и поныне сохранились следы римской дороги от Бетхорона до ел-Джиба. Иисус Навин преследовал союзных царей от Гаваона по дороге в Бетхорон. Иначе и быть не могло, потому что, если он, идя из Галгал, отрезал неприятелю дорогу к Иерусалиму, то,

побежденный, он мог отступить только к Бетхорону⁵⁸. – В местах соименных, напр: в Джебе подле Рамы или в Джебе близ Силома, нет текущей воды, а подле ел-Джиба есть немалый водоем; и он решительно доказывает, что тут надобно искать древнего Гаваона. Хотя пророк Иеремия и говорит, что подле Гаваона есть *большая вода*⁵⁹, но св. писатели так выражались всегда, когда говорили о значительном объеме воды, напр: умывальницу в храме Соломоновом называли морем.

НВ. Дебрь Айялонская приходится как раз на запад от Джиба, и потому здесь только Иисус Навин мог сказать следующие слова: *Да станет солнце прямо Гаваону, и луна прямо дебри Елон*⁶⁰.

Итак неоспоримо, что нынешний ел-Джиб есть древний Гаваон. Древний город не существует, нет и следов его; а нынешняя деревня стоит на том месте, где водружена была *скиния свидения*. Потомство! Если Палестина будет в руках какого-либо европейского правительства, то пусть строится храм Всевышнему на месте скинии, стоявшей на скалистом полухолмии.

Довольный своим исследованием, я сел на коня и повлек за собою весь поезд свой к Бетхорону. Было весьма жарко. Если бы не набегал с запада благодатный ветерок, то палящее солнце задушило бы нас своим жаром. Скоро и охотно мы проехали по ровной полевой дороге, любясь рассеянными всюду жнецами и жницами. За полем дорога круче поворачивает на запад и пролегает до самого Бетхорона более по перешейкам, соединяющим хребты соседних гор, чем по горной выси. Вся она была когда-то делана, но от времени и нерадения людского крайне испортилась. Большие камни, сплошь торчащие по обеим сторонам дороги, служат признаком искусственности ее. Без этих камней, без этих верных указателей путник или воин мог сбиваться с пути особливо в темную ночь. Тот час за Гаваонским полем, которое так ровно и приятно, начинается дикое прихолмие, как бы усеянное серыми камнями. Почти в начале сего прихолмия заметны следы немалых развалин или, точнее сказать, кучи и разброси камней, обделанных руками человеческими. Арабы называли это место

именем общим всем развалинам: Куриет, т. е. городом. Не тут ли была Кефира Гаваонская? Камни молчат; люди не говорят; – так узнаешь ли название и быть развалин города или села? Печально посмотрел я на груды камней и, повесив голову, торчал на лошади, которая шагала по камням и скалам к Бетхорону.

– Ну, дорога же, батюшка! – кричал вслед за мною о. Григорий. Все мои косточки болят.

– Соломон делал эту дорогу, – отвечал я, – римляне поправили ее, а турки и арабы испортили. Все на свете не прочно! И эти камни распадаются, дробятся и мертвецами валяются по дороге.

– А скажите, куда мы едем теперь и далеко ли?

– Недалеко, в Бетхорон.

– А что это за обед ворон? Что там было? Какое чудо совершилось? Какой пророк там жил?

Я захотел пошутить над совопросником и стал уверять его, что там жили наложницы Соломона и что мы увидим остатки садов висячих и стоячих искрометов, водометов, кедровых домов, мраморных бань и много других диковинок, изобретенных Соломоном Премудрым в угодность женам. Мой о. Григорий верил и не верил мне и бранил всех наложниц на свете, для которых мудрецы строят развалины, а умники ездят смотреть их, потея в несносную жару. – Наконец, мы подъехали к Бетхорону, и я приказал остановиться под тенью развесистой смоковницы и готовить обед дорожный. – «Так это жилище красавиц Соломоновых?» – спросил о. Григорий, смотря на беднейшую деревню арабскую, стоящую на месте древней Соломоновой крепости. – «Я пошутил над тобою, отче. Здесь не жилали утешницы мудрейшего царя. Но это селение замечательно тем, что оно в первый раз обстроено было правнучкою Ефрема, – Шерою. Как не посетить единственного местечка в Палестине, основанного женским расчетом, или прихотью, или неволею? Потерпи, отче! Меня занимает местоположение сей деревни. В моей памяти толпятся исторические воспоминания. Вы готовьте тут обед, а я пойду осматривать деревню и ее местность». Известно, что

Палестина вдоль берегов Средиземного моря тянется, как равнина, несколько взволнованная. Эта равнина, омываемая морем с запада, огранена с востока горным хребтом, который внезапно поставлен подле нее, как ряд стен, возвышающихся одна над другою. На первом возвышении сего хребта торчит один холм и на маковке сего холма, в виду Ремли и Лидды, стоит арабская малая деревня, называемая Бет-Ор-ел-фока, т. е. Бет-Ор верхний, потому что у подошвы хребта есть Бет-Ор нижний (Бет-Ор-ел-танун). В этом названии слышится библейский Бет-Хорон, который также называется у св. писателей верхним в отличие от нижнего. В нынешнем Бетхороне нет ничего замечательного. Очи млеют при взгляде на бедные избы арабские, построенные из развалин около какого-то длинного здания, в котором помещается и мечеть, и люди, и скоты. Впрочем немного ниже темени холма и ныне видны остатки почерневшей древней стены, складенной толсто из тесаных не больших камней. Кладка так бесхарактерна, что невозможно угадать по ней, чье зодчество произвело ее, – еврейское, или римское, или сарацинское. Как бы то ни было, но это место было укреплено; стало быть, оно почиталось важным в военном отношении. И в самом деле, не будь тут укрепление, тогда не приятельские войска удобно могли бы проникнуть чрез него в Гаваон и Иерусалим. Не даром римляне устроили военную дорогу от Лидды чрез Бетхорон. Здесь дорога к Иерусалиму от Яффы ровнее, лучше и короче, чем та, по которой ездят поклонники; и верблюжьи караваны ходят по этой дороге. – Ниже стены, налево от въезда в деревню, видны остатки большого дождевого водоема, среди которого устроена была цистерна. Когда я бродил по деревне, ни одной души не было в ней: все ушли на жатву. Вид отсюда обширен, разнообразен и приятен. В очи мечется и синее море, и желтое поле, и серая горы- горь. Вдали Лидда и Рамла мелькают в роскошных садах; у ног другой Бетхорон с соседкою Суффой манит под тень своих масличий и смоковниц; везде видны горы и холмы; над ними висит лазуревое небо, а по ним струится белый, прозрачный, жаркий туман.

Не знаю, какой час был на небе, а на земле пробило половина второго часа пополудни. Все мы были сыты и сердиты; всем нам хотелось возвратиться домой и после удушья и усталости проспать всю ночь. Объявлен обратный поход; и вот через час мы очутились опять близ Гаваона, и, не заезжая в эту деревню, промчались по зрелой пшенице, мимо древнего колодца Вир-ел-изет, к подошве горы, на которой гнездится деревня неби-Самуил на месте древней Массифы. Высока, крута, длинна и лыса эта гора; едва мы взобрались на усталых конях своих на самую вершину ее, цепляясь и вращаясь по ребрам ее взад и вперед, но все выше и выше.

Мимоездом я заметил кой-где погребальные пещеры, высеченные в скалах горы. Чьи кости лежат в них? Хананейские или еврейские? Про то знает смерть.

Хотя Массифа долгое время была сборным местом еврейских сеймов в правление судей и царей, но и тогда население ее не было и не могло быть значительно, потому что здесь сначала стояло народное святилище, а после была построена военная крепость. Сюда приходили евреи молиться и сторожить Иерусалим от врагов. По возвращению иудеев из плена Вавилонского горсть иудеев снова поселилась в Массифе и принимала участие в обновлении Св. Града. И ныне население деревни весьма слабо. Едва ли десять арабских семей кроется в лачугах и в просторах, высеченных в скале, о коих я буду говорить после. Когда мы прибыли сюда, не послали ни одного мужчины, ни одного старика; и одна женщина отперла нам двери мечети, в которой стоит мнимый гроб пророка Самуила.

Мечеть есть какое-то высокое обезображенное каменное здание, в котором стены облезли, есть окна, да нет оконниц, и в котором находится много малых пустых комнат вверху и внизу, вероятно, назначенных для мусульманских поклонников.

Мне кажется, что она перестроена магометанами на основании старой церкви крестоносцев⁶¹ Прямо против входа в мечеть, в правой стене ее, есть дверь, ведущая в темный покой: здесь-то внутри деревянной четвероугольной решетки стоит высокий и длинный деревянный гроб с деревянною двускатною кровлею на нем и бронзовыми толстыми шарами на четырех

углах его, как бы булавами. Мусульмане в этом виде, обыкновенно, строят гробы своим святошам и древним пророкам. Стало быть, этот гроб есть изделие арабов. Но действительно ли он стоит над могилою Самуила пророка? И даже правда ли, что сей пророк погребен на этой горе? Арабам верить нельзя без исследования и проверки их мнения или предания. Они почитают гроб Моисея в мечети, слывущей под названием неби-Муса, т. е. пророка Моисея; но кто ж поверит им в этом? Как попал гроб Моисея по сю сторону Иордана, когда он умер и погребен на той стороне, да не известно и место его погребения? Верь после этого арабам и их показаниям. Очевидно, кто-нибудь (из мусульман) в старые годы построил мечеть во имя пророка Моисея из благочестивого уважения к его памяти; и по обычаю поставил в ней гроб, а корыстолюбие имамов и улемов выдало этот напоминательный гроб за действительный невежественному потомству. Тоже самое могло случиться и в неби-Самуил. Дошло темное предание до арабов, что на этой горе часто бывал пророк Самуил, что и верно: кто-нибудь благоразумный построил мечеть в память его, а слепые и хромые стали говорить, что он тут погребен. По Св. Писанию⁶², пророк Самуил погребен в Рамафаим-Цофиме, где он и родился. Посему надобно искать гроб его где-либо в другом месте. А почему же нынешний неби-Самуил не есть древний. Рамафаим? – спросит кто-нибудь. Совопроснику будет ответ, да после: пусть он помолчит немного и послушает, что я видел в нынешней деревне.

С минарета я заметил в деревне остатки одного древнего здания и, спустившись оттуда, пошел осматривать его. На пути к сему зданию попала мне на глаза часть одного необыкновенного фундамента, который овладел моим вниманием. С первого взгляда показалось мне, что он складен из целых скал, ибо чрезвычайно длинными и толстыми представлялись камни между саями их. Я изумлялся и искусству древней механики, и вкусу, и надеждам строителей, которые воздвигали здания вечные. Но путешественник, у которого довольно мало времени для наблюдений, не должен слишком доверять первым беглым впечатлениям своим; если он

не хочет ошибаться в своих замечаниях и других вводить в заблуждение, то он обязан проверять на месте свои впечатления, ощупывая предметы, печатлеющие душу, иль руками, или повторенным видением и усиленным вниманием. Изумление мое было слишком сильно, и потому я усомнился, – точно ли вижу я кладенные руками человеческими массы. Прилежное обозрение высокого фундамента (гораздо выше моего роста) и ощупание спаев несколько переменили мое мнение; оказалось, что эти спаи фальшиво насечены на цельной скале, будто это не скала, а изумительный фундамент, складенный чудными каменщиками, а фальшивая насечка сделана, без сомнения, для показания глазам симметрии кладки фундамента или цоколя с кладкою самого здания, которое, к сожалению, разрушено все до самого основания; лишь два или три камня иудейской (римской) сечки я заметил на фундаменте; они суть единственные свидетели работы и вкуса древних евреев. Виденный мною фундамент – кругловат и очень высок; кругом его обсечена была и вырезана по плану зодчего вся цельная скала, и он остался отдельным; но всего объема его нельзя было видеть, потому что с прочих сторон он завален землею, на которой растут деревья. Что стояло на этом фундаменте? Жертовник ли, дом ли для собраний старейшин Израилевых, арсенал ли для хранения оружия? Не знаю; могу сказать только то, что тут не было башни, потому что здание, судя по его месту, приходилось среди прочих зданий. Думаю, что если бы разрыть и вычистить все это место, то внутри фундамента оказались бы такие же просторы или погреба, какие находятся в другом ближнем (соседнем) здании, которое заметил я с минарета. Это здание, само по себе незначущее, построено на таком же фундаменте, который весь иссечен высоко из цельной скалы, а инде и кладен из огромнейших по длине и толщине камней, выработанных из той же скалы. Сперва я вошел во двор чрез ворота, на коих перекладной огромнейший камень обделан и поставлен руками человеческими. Подобные фальшивые камни (кажется?) заметны и в толстой стене направо и налево от ворот. На правой стороне двора из цельной скалы иссечен большой

простор; тут живет ныне арабское семейство. Прочих частей здания внутри двора теперь не помню хорошо, и потому надобно съездить туда еще раз и подробнее рассмотреть эти замечательные предметы. По выходе из двора тот час налево я входил в другой погреб, тоже иссеченный из скалы, и тут живет арабская семья. Эти большие погреба (кажется) четвероугольны; вместо потолков служат самые скалы, обсеченные внутри и снаружи прямолинейно. Думать надобно, что эти погреба находились под цитаделью и служили или жилыми комнатами для солдат, или арсеналами.

Любопытство мое возрастало. От сих погребов я прошел мимо первозамеченного фундамента несколько налево и наткнулся на другой подобный фундамент, но гораздо ниже первого; на нем разведен огород (sic!). Близ сего последнего фундамента вырезана скала и оставлена четвероугольная небольшая (?)⁶³ площадь, на которой феллахи ныне молотят хлеб.

Кроме сих дивных фундаментов и каких-то незначительных развалин пониже чела горы, направо от дороги в Иерусалим, я ничего не видал. Откуда жители получали и получают воду? (Пруд). Есть ли погребальные пещеры и в каком количестве? (Одну видел). Есть ли развалины на пространстве всей горы? (Мало). Есть ли следы других укреплений на ней? (Нет)⁶⁴ Для решения сих вопросов надобно еще раз съездить в неби-Самуил. Да и таинственная обделка скалистого темени горы стоит повторенного обзора. Решено! Еду опять на гору Самуильскую по окончании своих заметок о поездке⁶⁵.

Съезд с этой горы, по крутости его, весьма труден и утомителен. А лишь только спустились мы в самую глубь, попалося каменистое русло высохшего потока. Насилу выбрались мы на ровную дорогу и, заглянув в царские гробы, поспешили домой. На этот раз поезд наш втянулся в Иерусалим чрез Дамасские ворота.

NB. Замечания свои о том, что неби-Самуил есть древняя Массифа, а не Рама, изложу после вторичного посещения как сего места, так и соседнего, известного под названием Себа и напоминающего Рамафаим-Цофим.

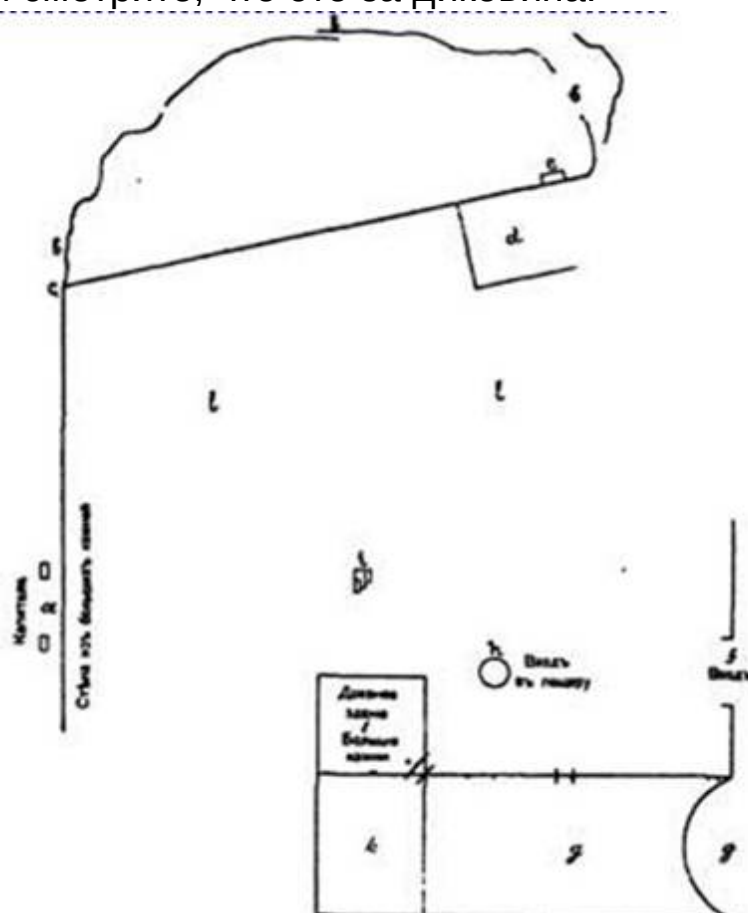
ИЮНЬ 9, Пятница. – Минуло пять часов пополуночи. Я простился с о. Григорием, который за болезни не мог следовать за мною, и на белом коне своем поехал к Яффским воротам. – «Куда прикажете провожать вас?» – спросил меня Апостоли. – «В Раму, Атару, ел-Бире, Вееиль и из Вефиля проводи в эн-Арик и Джифну, где и ночуем у священника или у православного христианина».

(Два часа мы тащились до Рамы и два часа я досадовал на турецкое правительство, которое вовсе не заботится об устройстве дорог). От Иерусалима до Рамы вся дорога усыпана камешками, камнями и утыкана скалистыми пластами. Тяжело лошади, тяжело и всаднику, потому что надобно держаться на стремянах и зорко управлять лошадью, дабы она не споткнулась и не расшибла своего седока. На всей этой дороге нет ничего замечательного. Деревня Сафат весьма обыкновенна. Вероятно она есть тот Суф, о котором упоминается во 2-й книге Царств, IX, 5. Напротив нее островерхий холм и следующий за ним подобный же холм, носящий название Телл ел-фул, заставляют предполагать на них селение; ужели пирамидальные вершники их суть кучи камней, наметанных на важных (знаменитых мертвецов) преступников? Но что это за селения? Верно, в них не случилось ничего важного, и потому они не отмечены в Библии.

Два часа мы тащились до Рамы. Поднимаясь на вершину холма, на котором ныне стоит малонаселенная арабская деревня ер-Рам, я искал взором остатков древнего быта Рамы. Простая колонна, замеченная в начале подъема на высоту, немного порадовала душу, любящую: помянуть дни древние⁶⁶. Поднимаюсь к челу холма и вижу: налево близ дороги древний обветшавший водоем. Он устроен был в роде открытого четверугольного пруда, в который дождевая вода стекала с холма, и может статься, и из соседнего круглого бассейна, на котором надстроен из камней круглый обруб. «Если это Рама, в которой родился и погребен Самуил, – думал я, – то сюда, к этому водоему, приходили с водоносами те девушки, которые указали Саулу дом Видящего Самуила⁶⁷, и отсюда Саул со своим слугою поднимался в город; ибо и мне со своими слугами

еще надобно подниматься на верх холма, чтобы видеть и знать, что там находится». Думать надобно, что этот водоем украшен был колоннадою, и замеченная мною колонна отсюда скатилась на низ.

Поднявшись на скалистую вершину, мы остановились подле развалин одного весьма древнего здания, в котором время и варварство пощадили одно замечательное гробилище. Слушайте и смотрите, что это за диковина.

Шех Ассейн (Хсен). Здесь мечеть, – родника нет; в колодце вода есть, – в колодце, что на дороге.

Сие приземистое здание имеет небольшой, четвероугольный непокрытый двор, несколько углубленный против уровня задвория. Он выстлан каменными плитами и обнесен стенками. У самого входа в сей двор роскошно растет старая раскорячившаяся шелковица (с) и своею тенью прохлаждает любопытного путника, который приехал сюда спросить старые камни: чей Прах они покрывают. На дворе

ничего нет, кроме двух глубоких цистерн (*b, b*) и малой ниши в левой стене (*a*). Замечательно, что и в Гаваоне двор мечети походит на сей двор. Он ведет в усыпальницу, в которой и поныне виден один надмогильный памятник. Усыпальница состоит из двух отделений, означенных на плохом рисунке моем (я не умею рисовать) под буквами *E. F.* Одно отделение построено в виде четвероугольника с восьмью низменными арками, кои подддерживались девятью колоннами. Колонны поставлены в три ряда, и на них- то утверждены своды, а подле стен – арки, так что о каждые две колонны, стоящие у стен, опирается арка. Были ли открыты эти арки или нет, – это решить трудно; теперь они кой-как заделаны. Мне кажется, что они были глухие, а не пролетные, потому что евреи никогда не делали открытых могильных памятников. Что касается до колонн, то они не походят ни на какие колонны в свете, и постановка их – обратная: базисы, грубо обделанные, занимают место капителей; колонны, довольно гладко выработанный из красноватого (беловатого) камня, походят на столбики, потому что вышиною они не больше полутора аршина (семь четвертей с вершком до капители; капитель вышиною 3 четверти), тонки и просто без базисов поставлены на пол. С первого взгляда они кажутся смешными: это подставки, а не колонны, пигмеи, а не исполины. У самого входа в эту странную комнату, под первою левою аркою в стене, вложен могильный памятник, единственный в своем роде. Рисунок лучшее понятие о нем дает, нежели описание мое; здесь я скажу только, что он выработан из твердого камня, положен под уровень стены, и только обозначает место погребения тела, которое должно быть сокрыто в скале, в которой под полом усыпальницы⁶⁸ высечены погребальные пещеры. Другое отделение усыпальницы есть небольшая параллелограммная комната, устроенная из четырех глухих арок со сводом, который обрушился внутрь ее. Нельзя было попасть в нее, и я смотрел внутрь со стены ее. Мне кажется, что под сею комнатою собственно и высечены были, в скале гробилища фамильные; ибо вышеупомянутый памятник приходится в ее стене, да и в северо-западном углу ее торчит другой большой камень, который тескою своею, кругами,

выделанными на нем, и своим местоположением очень походят на первый могильный камень. От этой усыпальницы продолжалось здание, но оно совершенно разрушено; видны лишь одни фундаменты стен его. От угла двора до конца здания я намерял 46 шагов.

Судя по устройству сей усыпальницы, полагаю, что она принадлежала знатному⁶⁹ семейству и что она весьма древна. Не может быть, чтобы она устроена была каким-либо хананеем, ибо евреи не потерпели бы ее в своем селении и разрушили бы ее. Но еврейская ли эта усыпальница?⁷⁰ Нет ли в Палестине подобных ей и преданием усвояемых еврейским знаменитостям? Не говоря о Гаваонской мечети, в которой один двор очень походит на двор Рамской усыпальницы, я привожу в сравнение с нею фамильную могилу Маккавеев, которую показывают на дороге из Яффы в Лидду. Я обозревал эту могилу на обратном пути из Назарета чрез Яффу, и помню, что она со стоит из открытого двора и из двух глухих темных комнат с девятью куполами, из коих в одной стоят совершенно одинаковые по форме и величине и постановке колонны, только что они мраморные; а в другой нет ничего, если не изменяет мне память⁷¹. Теперь я догадываюсь, что и в Рае, может быть, высились девять куполов над сводами (девятый в середине и выше прочих). Сходство в постройке двух фамильных усыпальниц ручается за сходство вкуса и понятий. Не в один век устроены были эти усыпальницы, но люди одной крови и одной веры покоятся в них. Кто ж они? Там предание именует Маккавеев; здесь, если Рама есть родина Самуила или, по крайней мере, его город, в котором он имел дом свой, покоится прах сего великого пророка. Кто сможет доказать противное, что не в этой Рае жил и погребен Самуил, тот должен сказать, чья эта усыпальница. Здесь я считаю не излишним наперед заметить, что она не может принадлежать семейству Киса, отца Саула царя потому что в Св. Писании сие гробище именуется не в Рае, а в другом месте⁷².

По обозрении усыпальницы Самуиловой, я обошел всю деревушку кругом, и вдоль, и поперек. Ничего нет в ней замечательного и древнего. На восточной стороне торчит еще

одна колонна. Избушки складены из развалин старинных зданий, потому что кой-где видны большие камни хорошей тески. Сначала меня удивила малообъемность развалин, но после я вспомнил, что еще иудейский царь Аса приказал перенести из Рамы все материалы для укрепления Массифы⁷³.

В первой книге Царств там, где описываются деяния царя Саула, нередко упоминается, что в Раме находился какой-то Наиот, в котором укрывался Давид между пророками у Самуила⁷⁴. Что это за Наиот? Из рассказа можно заключить, что это было училище пророческое, устроенное Самуилом. Лишь только пришли туда посланные Саула за Давидом, тот час забыли свое дело и начали пророчествовать; пошел туда сам Саул и с ним тоже сделалось. Там же говорится о роще⁷⁵, что в Раме, в тени которой прохлаждался Саул. Эта роща находилась, без сомнения, между Гаваи и Рамою, кои очень близки одна к другой. Я проехал из Гаваи сюда в полчаса.

Рама построена на возвышенном, равностороннем, отлогом, скалистом холме, который имеет вид большой воронки, поставленной на столь широком отверстии и лишенной самой цедилки. Таких холмов много в Палестине: припоминаю Зиф, Гаваон, Таипе, ел-Риммон и пр. С вершины Рамы видны Заиорданские горы и часть моря Мертвого, деревни Бетханина, неби-Самуил, ел-Бире, Вефиль и пр. В самом низу холма, на стороне, обращенной к большой дороге в Неаполис, была каменоломня; вероятно, тут есть и погребальный пещеры. Я не подъезжал к ним близко. А жаль. В две минуты я мог бы обозреть эти каменоломни и узнать, что в них есть. Я торопился в Вефиль.

NB. Жители Рамы заняты были жатвою, и потому в деревне никого не было.

Спустившись из Рамы, мы сначала таскались по засеянным полям и расспрашивали жнецов о местоположении Атары, а потом выбились на большую, ровную, полевую дорогу, по которой ездят в Набулус. Там, где эта дорога начинает пролегать по узкой долине между двумя скалистыми возвышениями, едва заметный развалины носят название Атары и напоминают древний Атароф. Арабы плугом проорали

пологий склон левого возвышения, и между засеяниями торчат кучи камней. В самом начале въезда в юдоль на ребре скалы я заметил остатки кладенной стены с отверстиями в низу оной. Она возбудила мое любопытство. Я въехал к ней и увидел продолговатый пруд, частью высеченный в скале, частью приделанный к ней. Сохранилась каменная лестница в одном углу его. Пруд не блестит отделкою. В нем не было воды.

Не помню и не знаю, что случилось в семь Атарофе; скажу только, что удачно было избрано место для постройки его; ибо он защищал узкую дефилию, ведущую из Вефиля и ел-Бире в Раму, Массифу и Иерусалим и наоборот.

Дорога от Атары до ел-Бире пролегает между двумя цельными скалами, тянущимися параллельно.

В левой скале заметны погребальные пещеры: где есть людское жилище, там есть и кладбище. Внутри этой скалы содержится вода, ибо она просачивается чрез синий камень в верховье горы. Много раз я замечал в Палестине, что где место очень каменисто, там непременно есть вода. Стоило бы только пробуравить боковую скалу, – и вода хлынула бы для напоения жаждущей земли. Первобытные жители Палестины и потом ханаане, потом евреи именно из скал источали воду; сколько родников течет из-под огромных камней или из боков целых скал? Источник Иезреельский берет свое начало в огромном гроте, высеченном в крупнейшем камне, приросшем к Гелвуйской горе; родники эн-Харамие, Силоамский, Эфамский, Св. Филиппа, Бетсурский и многие другие вытекают именно из обнаженных и весьма диких скал. Теперь неудивительным кажется, что Моисей источил воду из камня. Если бы он извел ее из земли, то совершил бы чудо. Но в скалах всегда есть вода: стоило только коснуться до них жезлом, т. е. пробуравить в двух, в трех местах, и вот потекли струи обильные.

Проехав скалистую юдоль, мы очутились на наклонном небольшом поле, покрытом скудною жатвою. Еще несколько шагов, и еще столько, да полстолька, и вот шумящий ливень воды ел-Бирской пригласил нас к себе в гости. Я возвел очи мои на деревню: она все такая же, какою я видел ее 24 Февраля⁷⁶ проездом в Назаретъ.

На западной стороне сей деревни, у подошвы ее, одиноко стоит невысокое чстыреугольное здание, вывершенное мусульманским куполом. Этот купол накрывает темную нечистую комнату, которую назвали мне мечетью. Она построена на четвероугольном, довольно возвышенном от земли подклете, со значительною отступкою от края его напротив деревни. На подклет ведет боковая каменная лестница; а с уровня его – поднял ногу и очутился в мечети. Этот подклет гораздо древнее мечети и устроен лучше, – из больших тесаных камней. Изнутри его течет холодная, сладкая, отменно вкусная вода двумя ливнями, из коих один, обильнейший, падает каскадцем в большое корыто напротив деревни, а другой, тоньше, струится в свое корыто из стороны подклета, обращенной к дороге. Та лицевая сторона подклета, из которой вытекает первый ливень, отделана хотя без украшений, но с некоторым изяществом. Мне кажется, что другой ливень проведен уже мусульманами. Откуда же вода собирается в самый подклет? Судя по высоте ее падения и силе оного, я предполагал что она притекает сюда издалека и из-под значительной высоты. Это предположение заставило меня внимательно обозреть местность кругом всего здания и я увидел у лестницы, ведущей на подклет, закрытый большими камнями канал. «Боже мой, да тут есть водопровод!» – сказал я сам себе, и пошел вдоль канала. Меж закрывных камней видно было течение воды. Скоро этот водопровод скрывается под землю, и я не знал, прямо ли, поворотом ли он доходит сюда из соседних возвышений. Надлежало достать языка. Один поселянин из деревни объявил мне, что водопровод идет под землю прямо на север к высокому островерхому холму, и что под сим холмом находится самый родник. Я очень доволен был этим открытием, и с радости сладко позавтракал у источника и напился из него холодной водицы. Близ сего водоема, пониже его, в лощине, видны верхи толстых стен большого пруда, который, к сожалению, засыпан землею, и в нем теперь воспитываются овощи. Лощина эта спускается все ниже и ниже и в нижней дали виден в ней другой подобный пруд, также засоренный и осененный масличными деревьями. Жаль мне было, что такие пруды, по нерадению

мусульман, остались без употребления. В Феврале (24)⁷⁷ нижний пруд наполнен был водою, а теперь пересох. По огородам, разведенным в лощине и в самых прудах, проводится вода и там пропадает: в Палестине горы источают воду, они же всасывают и поглощают ее.

Около водоема ел-бирянки-старухи, молодые женщины и девицы мыли белье и выколачивали оное деревянными вальками. Вместо мыла они употребляли высушенные вершинки и цветы какой-то травы. Я вспомнил, что в Ветхом Завете упоминается об одной белильной траве, и для любопытства купил этого особенного мыла. Трава на взгляд кажется желтовато-белой и жестка. Приглядываясь к лицам поселянок, принадлежащих к племени бени-харит, я заметил, что они белокожи, и только загорели от солнца; резкая особенность их состоит в том, что рты у всех у них очень малы и красивы; между мальчишками один был совершенно белоголовый и напомнил мне немецких ребятишек, коими я любовался в Австрии. Если бы подольше погостить и почаще разъезжать по Палестине, то можно было бы написать физиогномику разных племен, населяющих этот кусок земли.

От водоема мы поднялись в деревню, и меж развалин и домов проехали до развалин христианского храма, стоящих на северной оконечности деревни. Я уже видел их проездом в Назарет⁷⁸; но они так хороши и занимательны, что еще раз захотелось взглянуть на них и описать их вернее и подробнее. В этот раз я не торопился, – я имел время обозреть развалины снаружи и внутри. От северо-западного наружного угла храма я прошел потихоньку во всю длину северной стены его, складенной из квадратных камней, больших внизу и меньших вверху, и небрежно обтесанных снаружи, так что вся эта стена, цвету обожженного хлеба, кажется принадлежности ничуть изящного здания, но весьма крепкого. Ставши против стены трипостасного алтаря, я получил новое понятие об особенной архитектуре сего храма. Вся эта стена сильно попорчена, именно наружная личина ее отвалена особенно в верховье; отвал при целости углов и внутренней личины алтарей, показывал необыкновенную толстоту стены. Наружность ее

была ровная, потому что в необычайной толщине ее выработаны были внутренние углубления для алтарей. Таким образом церковь построена была в виде продолговатого ковчега, а не в виде креста. В южной стене, совершенно похожей на прочие, есть дверь почти совсем заваленная; я с большим трудом мог пролезть чрез нее внутрь храма. Своды и крыша его упали и наполнили внутренность его, и потому теперь стоят только четыре голые стены, меж коих по уравнию мусора растут пары две гранатов и один толстый ствол виноградика раскинул дугой свои зеленые лозы по верховью южной стены. Судя по архитектуре храма и по некоторому сходству его с уцелевшею церковью в Кириат-Иариме, я догадываюсь, что верх его состоял из такого же невысокого и узкого мезонина с просветами, протянутого во всю длину его, какой заменяет крышу на Иаримской церкви. Так как в этом храме только два весьма узкие окна проделаны в полуарках северной стены, а в боковых алтарных углублениях, кроме среднего, и вовсе не было просветов, то, очевидно, храм освещался сверху из боковых окон мезонина. Почему же не из купола? спросит кто-нибудь. По тому, что расположение алтарей и отношение их к боковым стенам не позволяют думать, чтобы храм вывершен был куполом. Но в середине его надобно предполагать шесть четверогранных столпов, на которых покоился мезонин со сводами; иначе понять нельзя, на чем утверждалась вершина церкви.

Алтарь триипостасен. Среднее главное углубление его больше и вогнутее в толщу стены и немного лучше отделано, чем боковые; ибо в верхней части его над карнизом стоят весьма тонкие изящные колонны. У северной стены еще сохранились три колонны, приставленный к пилястрам, капители их сделаны очень просто: под кантом видятся только толстые и длинные, построенные кверху листы древесные. Поверх карнизов также сохранились две полуарки с двумя узкими оживными прозорами. Вообще северная стена лучше сохранилась, чем южная; а западная загромождена и сильно попорчена. Алтари, стены, колонны, пилястры, арки, окна, двери

обложены шуковыми камнями, обтесанными весьма чисто и гладко и складенными с особенным щегольством. От времени эти камни посинели, и этот цвет и щегольская отделка их придают развалинам некоторую миловидность. Чрезвычайная толщина стен заметна у выхода в боковую дверь в южной стене.

Кто построил эту небольшую, но прекрасную церковь, и во чье имя, и по какому воспоминанию? Предание говорит, что ее построила благоверная и равноапостольная Елена на том самом месте, где Пресвятая Дева, на пути в Назарет из Иерусалима, спохватилась за 12-летним Иисусом и не нашла его в караване. Преданию не противоречит местность, ибо Вироф стоит на большой Назаретской дороге. Хотя Св. Лука замечает, что Иосиф и Мариа были в дороге день и потом хватились своего отрока⁷⁹, а до Вирофа от Иерусалима только три часа езды или ходьбы, но это не опровергает предания, потому что если караван в зимний месяц пасхальный вышел из Св. Града пополудни, после богослужения, после хлопот неизбежных при отправлении в дорогу, то он неизбежно должен был остановиться для ночлега в Вирофе. Таким образом, из-за трех часов потерян был весь день, а он уже считается путевым, так как и ныне за двухчасовую поездку в Вифлеем берут столько же за лошадь, сколько и за целодневную езду. Другой день потерян был Богоматерию на обратное путешествие в Иерусалим и на поиски Иисуса; на третий день нашла его в храме. Итак, весьма вероятно, что ел-Бирский храм стоит на том месте, где любвеобильное сердце Марии стосковалось по пропавшем Ее Сыне. Поклонники проходят в Назарет мимо сей деревни, но не посещают сего св. поклонения по незнанию. Я за всех отмолился на семь месте святе.

Когда я снял план храма и, смотря на небо, молился духом: Пресвятая Богородице, спаси нас, вдруг почувствовал, что кто-то сзади потрепал меня по плечу, говоря по-русски: «что вы тут делаете?». Я испугался и оборотился; предо мною стояли два пашийские нерегулярные солдата. А почему ты заговорил со мною по-русски? – сказал я одному из них, который по обличию показался мне татарин. Почему ты знаешь, что я русский?

– Хоть ты русский, хоть не русский, а все-таки должен уметь говорить по-русски.

– А ты, наверное, убежал сюда из Крыма?

– Никак нет; я родился в Казани, служил на Кавказе в уланском полку и оттуда убежал.

– Что ж? Хорошо тебе здесь?

– Возвратился бы на родину, да боюсь, узнают и сквозь строй проведут.

– Итак, волей неволей останешься здесь?

– Да, придется умереть подле пушки. Я служу первым канониром в Иерусалимской крепости.

Вспомнив русскую пословицу: «не в пору гость хуже татарина» и, желая отвязаться от первого канонира, я дал ему несколько пиастров на водку и вышел из развалин; а он с товарищем своим скрылся в соседнем доме, в котором, обыкновенно, стоят солдаты. Нижние стены сего дома и прилежащих к нему развалин тескою и кладкою камней обличали свою старину: видно, подле церкви был небольшой монастырь или страннопримный дом.

Деревня ел-Бире, занимающая место библейского Вирофа, построена на косогоре, у подошвы высокой толстогодовой горы, стоящей в начале дикой и скалистой юдоли или уад-Сувенит. В этой горе видны каменосечни, из которых взяты камни для стройки Вирофа и церкви. На левой стороне дороги, почти напротив сего селения, высится островерхий холм, из-под которого вытекает вода по каналу. На этом холме заметна воронкообразная груда камней, поросшая былием. Статься может, она наметана была над какими-либо грешником евреем, или над героем, или над воинами, падшими на брани. Может быть это развалины села или города. Полно! Не тут ли был Гаваон, обильный водою? А нынешний ел-Джиб не есть ли Геба, упоминаемая в числе городов колена Вениаминова⁸⁰? Или эта Геба есть Геба Саулова?

Как жаль, что я несколько раз проехал мимо Вирофа, а не забрел на соседний холм его, и не посмотрел, что там за развалины. Придется еще раз съездить туда.

Обозрев древнюю церковь, я поспешил в Вефиль. Мне хотелось иметь понятие о столпе, который, как неподвижный исполин, стоит недалеко от Вефиля и своим фантастическим видом завлекает, манит к себе любопытного путешественника. На этом месте спал Иаков и видел во сне таинственную лестницу, по которой нисходили и восходили ангелы Божии. Как не посетить сего места, как не поклониться там Богу, Который открывает себя людям в сониях и видениях? Недалеко за Вирофом я остановился на короткое время для обозрения древнего водоема, который арабы называют эн-ел-Каса. Этот водоем замечателен по месту и по обделке своей. Налево от большой Набулусской дороги холмится голая серо-беловатая скала. В нижнем боковом отвесе ее вытесан большой водоем в роде большой комнаты, в которой скалистый потолок поддерживается толстым столпом, вытесанным из той же скалы; вход в нее с дороги открыт, и никогда не имел дверей, и не был закладываем камнями. В ней была вода чистая, прозрачная, которая вторила эхо моего голоса меж скалистых стен. Над этим водоемом скала уравнена, как площадка. А в самой окраине скалы выдолблен довольно глубокий жолоб для стока воды, которая в нескольких шагах тут же вытекает из скалы по другому продолбленному глубоковатому каналцу из отверстия, в которое может войти человек согнувшись. Прежде вода из каналца проходила в жолоб и из него в водоем, но ныне она прямо струится из каналца и сочится по скалистой стене на землю, потому что жолоб попортился; да и в самый водоем заходит она уже другим каким-либо путем незаметным; я отведал воды в самом каналце: она отменно хороша и вкусна. Арабский пастушек, который залез в самый родник и мехом черпал воду и подавал ее оттуда для напоения наших лошадей, говорил, что каналец идет недалеко в глубь скалы и что вода близко вытекает из нее. Итак, здесь искусство не много помогло природе. Но кто открыл здесь воду! У кого она выпросилась здесь на белый свет? Может быть, пастухи Авраама и Лота, когда еще не ссорились между собою, обделали этот водоем, который по виду своему кажется весьма древним; ибо здесь вблизи Вирофа и Вефиля Авраам и Лот ставили кущи свои и

посылали на пастбища стада свои; здесь же они и разделились дружелюбно; Лот ушел за Иордан, а Авраам остался у Вефиля. Стоя подле устья родника, я, не знаю почему, вспомнил притчу Господню о богатом и Лазаре.⁸¹ Богач из ада просил Авраама смочить язык его. «Ежели здесь мучительна жажда, то как ужасна должна быть она в огне вечном!» подумал я, и возопил тайно: «Отче, Аврааме! помолись о мне Господу, да поможет Он мне презирать богатства и сладости мира сего грешного и прелюбодейного, да не мучусь в аде подобно богачу евангельскому».

– Лошади готовы, пойдем, – сказал мне Апостоли.

– Подожди. Я отмечу на карте своей положение сего водоема. На карте точка, и я на лошади.

Мы поехали далее и скоро очутились в мелкой лощине и стали подниматься по ней на возвышение, за которым близко развалины знаменуют Вефиль. В верховье лощины, направо от дороги, у скалы два пастуха черпали мехом воду из родника и поили своих длинноухих черных коз. Этот родник называется эн-ел-Акаба. Он скуднее первого и вода в нем хуже и мутнее. И здесь вода истекает из камня!

Подъехав к развалинам Вефиля, я не заблагорассудил бродить по ним во второй раз⁸², потому что хотел сберечь время для поездки в эн-Эрик. Меж куч камней, давно проросших былием, право, не открыл бы я ничего нового и замечательного. Иное дело разрывать развалины, и иное дело бродить по ним с путническим посохом. Я взглянул печальным оком на бедные останки Вефиля, затвердил в своей памяти местоположение сего священного града и спустился вниз для обозрения древнего большого четверугольного пруда. Когда-то он был глубок и обложен каменными стенами; но ныне он заплыл наносною с дождем землею с окрестных покатоств, так что западная стена его вовсе не видна; в северной несколько сохранилось верховье ее; лишь восточная и южная лучше сохранились. Кладка сих стен весьма проста и обыкновенна; не видно ни больших камней, ни изящества в их отделке и кладок. Вероятно, они были оштукатурены, хотя нет и признаков штукатурки. Думать надобно, что ныне видимые стены суть только верховье пруда,

который, должно быть, высечен был глубоко в скале на подобие прудов Соломоновых. Вид сего пруда и кладка стен его напоминают ел-Бирские пруды, и потому надобно усвоить их одному времени и одному художничеству. Ныне Вефильский пруд безводен; только у Северной стены его есть малый водоем, из которого арабы черпали мутную воду и поили ею своих коз и овец. Когда я спросил их, откуда взялась тут вода, самородная ли она тут, или набегают из другого места, то один из них отвечал мне, что вода притекает сюда сверху, и что он знает начало ее. По просьбе моей, он оставил поить жадную скотинку и, прошедши несколько шагов, показал на склоне приземный колодец, которого отверстие завалено было так, что нельзя было ни открыть его, ни бросить туда камешка для знания глубины его и содержимости воды. «Вот отсюда проходить вода вниз», сказал араб. Я не удовлетворился его показанием, и, судя по величине пруда и его надобности, предположил, что под каменистым возвышением, на котором построен Вефиль, был открыт в древности родник живой воды и посредством канала и бассейнов имел сообщение с большим прудом, в котором накоплялась вода для поила стад и на случай нужды. В Хевроне два пруда, три Соломоновы пруда, ел-Бирские два пруда наполнялись и наполняются текучею источною водою; стало быть, и Вефильский пруд наполнялся такою же водою. По опустошении города канал засорился, и потому вода всасывается скалою, и лишь самая малая часть ее промеж сору пробирается в яму, из которой ныне пастухи достают ее мехами, опуская их на веревке. А может быть, она и вовсе не доходит туда (и очень вероятно), что нынешний водоем содержит в себе воду дождевую, и сам есть не что иное, как боковая частица засоренного пруда. Полно! Не была ли посреди пруда огромная цистерна, в которую вода доходила между прочим и из других цистерн, как я видел средипрудную цистерну у подошвы Геродиона? И нынешний водопой, равно как и тот колодец, который указывал мне араб выше пруда, не суть ли запасные водоемы, из коих вода сообщалась в водоем средопрудный? Последнее мнение едва ли не вернее первого, потому что если бы тут был родник воды текучей, то арабы как-

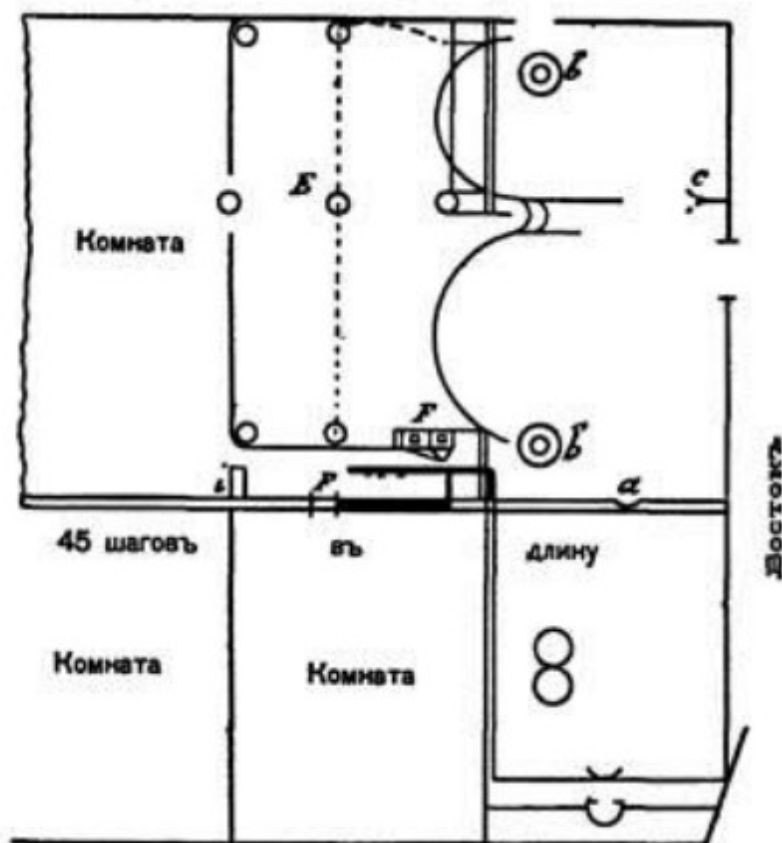
нибудь уберегли бы его для своей надобности. Много в Палестине опустело цистерн, но родники все-таки поддерживаются хоть полу заваленные...

Поднявшись из пруда на возвышение и проехав мимо развалин церкви, от которой уцелела одна часть алтаря, который, в соответствие величине развалин, без сомнения, был триипостасен. я вздохнул и не дерзал мучить себя тайною воли Бога Неисповедимого, Который попустил здесь владычествовать Корану, а не Евангелию. Эта тайна ужасно тягостна для сердца, любящего Евангелие. Отчего все Св. места поруганы, попраны? Этот вопрос мучит душу и неводы, и мудреца. Из этой тьмы лишь один бледный и слабый луч утешения доходит до души, и немножко успокаивает ее: «развалины не сквернят Св. места; сквернят его грешные люди. На св. развалинах нет соблазнов для поклонника. Ветхие обломки проповедуют ничтожность всего земного и возводят душу к созерцанию и желанию вечности, в которой нет уже ни развалин, ни гробов».

На горной выси Св. Земли есть один покатиный к востоку холм скалистый, от которого на юг тянется лощина-долина и совпадает с пустынною и дикою дебрию, – уад-ес-Сувенит (или с библейским Бет-авен). На сем то холме находится Вефиль, – город древний и священный. С двух сторон его, восточной и западной, низятся к югу лощины, соединяющиеся в упомянутой мною лощине-долине, а с севера торчат за ним больше самородные камни странной фигуры. На востоке от него высятся серые верхи гор и фантастический столп Вефильский.

Мимо развалин церкви Вефильской, спустившись в лощину и потом поднявшись на кособорье, скоро мы достигли до Вефильского столпа, который стоит на месте гораздо вышем Вефиля. С благоговением ступил я на землю, на которой было столько откровений Божиих Аврааму и Иакову. Мнилось, что если бы после молитвы уснул я на одном из камней, то удостоился бы видение будущей судьбы Палестины. Но христианин должен ходить здесь верою, а не видением. Его дело не прозревать в будущее, а поминать дни древние и поучаться в делах Божьих.⁸³ Все внимание мое поглощено было особенными, единственными в своем роде развалинами, каких я

еще не видывал в Палестине. Я рассматривал их сперва по частям, потом в целом со всею кропотливостью любителя древностей, особливо, священных, и по рассмотрении снял план их. Не буду говорить здесь, как я изучал эти развалины; не антикварные приемы мои стоят замечания, а самые расселины, сечка и кладка камней.

Предлагаю здесь отдельно особенные признаки здания, из коих составитя общее понятие о нем.

– 1. Материалы здания суть немалые камни, тесанные в виде параллелепипедов, и доныне сохранившие свой натуральный синий цвет, какой замечен в скалах, встречающихся по дороге из Вефиля в Махмас и Гебу. Стало быть, они никогда не были штукатурены, и признаков штукатурки на них не видно; некоторые из них, именно больше дверные косяки, имеют насечные канты и круги, – знак, что эти камни не имели штукатурки.

– 2. Из сих камней кданы капитальным стены четвероугольника точь-в-точь, как кладены стены Авраамова

жертвенника, т. е. ряд тесаных камней положен вдоль фундамента и составляет наружную личину стены, и такой-же ряд на том-же фундаменте) положен параллельно с ним и составляет внутреннюю личину стены, а. между этими рядами пустое малое пространство закладено мелкими камнями или зрится инде пустым.

3. Камни кладены без извести, без цемента.

4. Капитальные стены были немного выше роста человеческого, как это доказывает западная стена, уцелевшая с ее тремя входами и представляющаяся недоконченной, как и стены Авраамова жертвенника.

5. Высокая, четверугольная, полуразрушенная башня, складена из других камней и на извести, что обличает позднее построение ее, да и другим зодчим.

6. Окрест капитальных стен нет и никогда не было никаких зданий ни в близи, ни в дали, что придает сему месту характер какой-то святыни, чтимой народами.

– 7. Поразительно сходство сего памятника древности с Авраамским жертвенником. Здесь и там тот же четверугольник, та же кладка стен, та же видимая недоконченность их, та же цистерна и в том же углу.

– 8. Внутренние пристройки в четверугольнике суть поздняя.

На основании сих признаков я полагаю, что на сем месте патриарх Авраам построил жертвенник по обычаю тогдашнего времени⁸⁴ (в воспоминание утешительного откровения Божия), потому что это место находится как раз между Вефилем и Гаем. Самый жертвенник не существует, потому что он складен был из живых камней; но ограда его с жертвенным кладезем уцелела до нашего времени. В эту ограду с запада входили тремя или четырьмя входами, кои устроены в роде пролетных невысоких дверей. Перекладины на этих дверях суть цельные толстые камни. Как на них, так и на косяках дверей высечены канты или грани и круги с разными украшениями, к сожалению, сглаженными глупыми мусульманами. Такого числа дверей нет в ограде Авраамского жертвенника; но эта разница не важная (Уже Исаак жил не так, как Авраам, напр.: сеял, употреблял

вино; что ж мудреного, если Иаков допустил некоторую незначительную разницу в постройке ограды жертвенника?) Может статься, эти двери пристроены были при Иеровоаме. Из повествования книги Бытия видно, что патриарх Иаков вновь построил жертвенник на месте явления Божия; стало быть Иаковлев жертвенник был на другом месте в Вефиле; вероятно, на том, где ныне видны развалины церкви. По моему мнению, тут же стояло и капище, созданное Иеровоамом для тельца, на что намекаете иудейская теска некоторых камней, вложенных в алтари уже христианского храма (Здесь подле жертвенника Авраамова, у подошвы холма, кстати устроен был и пруд, может быть самым патриархом). Что касается до полуразрушенной башни, которой внутренность завалена и которая издали кажется фантастическим исполином, то разнохарактерность ее зодчества доказывает что на старом основании ее сделана новая постройка. Эта башня, если не ошибаюсь, принадлежит времени владычества греков и была сторожевою, А старое основание ее принадлежит времени владычества западного Рима в Палестине. Вероятно, римляне имели тут сторожевую башню при начале долины Сувенит.

Но действительно ли тут был жертвенник Авраама? Не здесь ли погребена Ревекка, кормилица Рахили? Не думаю; ибо развалины не имеют ничего похожего на могильный памятник. Для чего цистерна подле могилы? Если здесь могила Ревекки, так где же жертвенник, для которого Иаков (Авраам) уделял десятую часть имения? Ужели такой жертвенник был устроен из дерна или из дерева?

С возвышения, на котором стоят остатки жертвенника Авраамова, видно все Иорданье. Следовательно здесь происходило полюбовное разделение земель между Авраамом и Лотом. Здесь Авраам предлагал своему племяннику выбор идти со своими стадами направо или налево, на восток или на запад и пр.

При обозрении местности Вефиля я вспомнил, что недалеко от него должен находиться город Гай, между которым и Вефилем Авраам поставил свою кущу и который взят был Иисусом Навином по завоевании Иерихона. Но изыскание сего

города я отложил на утро и, подкрепив свои силы, чем Бог послал, поехал отсюда по той же дороге к христианской деревне Рам-алле, чтобы достать в ней языка и отправиться в эн-Арик, а оттуда в Джифну на ночлег; ибо эн-Арик не назначен был на моей карте, и Апостоли не знал отсюда дороги к этой деревне, хотя и бывал в ней по другой дороге.

Было ветрено, и мы не страдали от зноя. Скоро Вефиль остался за возвышением; минут на пять мы остановились подле эн-Каса и напоили лошадей своих; взглянул я на Вирофские толстолобые горы, стерегущие долину Сувенит и заметил на них синеватые каменоломни; перекрестился на развалины церкви Вирофской и между селением и холмом поскакал за другими к Рамалле; но на в сем скаку потерял одно стекло из своих окуляров. Потеря невознаградимая. Искали, искали стекла, не нашли, и помчались к деревне. От Вирофа до Рамаллы очень близко. Так как я уже был в этом селении⁸⁵ то и не рассудилось мне останавливаться в нем. Апостоли живо достал языка, и мы пошагали в эн-Арик.

Молодой араб, православный христианин, взятый в проводники, не шел, а летел по дороге каменистой. Вообще все арабы суть неутомимые скороходы; с ружьем на плече, в охобне или в одной рубахе и в изношенных папучах, араб без отдыха идет, шагает, бежит за конным поездом девять, иногда 12 и 14 часов под зноем или под дождем, с куском хлеба и головкою луку в целый день. Не раз я удивлялся их неутомимости, терпению и воздержанно. А один из русских поклонников, присмотревшись к ним, говаривал: «вот говорят и пишут, что святые ходили босыми ногами, в рубищах, и вели жизнь постническую. Если бы только в этом состояла святость, то и нынешних арабов, – босых, нагих, холодных, голодных, – надобно причесть к лику преподобных».

Рамальский араб повел нас по долине, которая чем далее, тем глубже и диче становится; везде каменисто: ребра гор – каменные; по дороге лежат острые камни; горный поток прорыл себе русло между камнями и наделал не проездные рывины. Мы не могли держаться на лошадях, и пошли пешие. Минул час, мы идем все в глубь. От зноя, от усталости, от беспутницы я

потерял терпение и стал ворчать на Апостолия, который уверил меня, что от Рамаллы не так далеко до эн-Арика. А дорога становилась все глубже да глубже и хуже да хуже; я подумал, что мы сходим в ад. Прошло еще полчаса; мы очутились у подошвы самых высоких скал, на небольшом повороте долины более к западу. Тут вид долины переменился; синеватые скалы усажены были масличиями. Чем далее тащились мы к эн-Арику, тем садистее делались скалы и долина и ровнее дорога. Наконец, спустя ровно 2 часа самой утомительной ходьбы, я, измученный, сердитый, сел под тенью гранатов на окраине небольшого пруда, чрез который горный источник струится в сады, и, умыв раскаленное чело свое, залил водою пламень, пожиравший всю внутренность мою. Никогда я еще не мучился так долго и так страшно, как в этой долине. Пусть она останется в памяти моей под именем *долины мучения грешного Порфирия*, который наказал сам себя, *взыскав помыслов многих*. По кратковременном отдыхе я обозрел деревню и ее местность, погулял в тенистых ее садах и, признаюсь, за терпение вознагражден был отменным удовольствием. Ежели нет в Палестине места обильнее родниками, богаче садами, живописнее горами, тенистее, уютнее, приятнее, то эн-Арик есть рай Палестинский.

В глубокой долине эн-Мильхра, меж высокими каменистыми горами, на одной вычурной скале, стоит небольшая арабская деревня, в которой живет 30 семейств христианских и около 150 магометан. Горы от подошвы до вершин покрыты роскошными масличными и другими благородными деревьями; самая долина на далекое пространство не видит солнца под тению дремучих гранатовых садов; нигде крупнее и слаще не растут гранаты, как в сей долине; эти сады и за ними овощные огороды обильно орошаются ручьями, текущими из-под скал и деревни; вода отменно чиста, холодна и приятна; когда-то она наполняла водоемы, устроенные под скалистым подножием деревни, но теперь струится по их дну; под одним большим гротом она стоит прозрачным озерком и пробуждает в душе классически воспоминания о нимфах, нерях, русалках: есть вода им

поплескаться, есть ветви им качаться, есть горы разгуляться (есть люди для обмана). Таково местоположение эн-Арика.

В описании иерусалимского патриаршего престола, составленном монахом Анфимом, сказано, что «в этом селе церковь построена в 1836 году, ибо прежняя разрушена; у здешних христиан нет своего священника, а служит приходящий к ним из Рамаллы»⁸⁶. Я пожелал видеть эту церковь; ключи от нее имела одна арабка, и она колебалась, пустить ли меня в церковь или нет; стыдно, – говорила она в простоте своей, – стыдно показать нашу беднейшую церковь. Ее простосердечная, невинная стыдливость умилила мое сердце, и я сказал ей, что есть на свете много богатых церквей, но я хочу помолиться в их убогом храме. Арабка отперла двери; я вошел и не понимал, куда вошел. Точно, недавно построена небольшая четверугольная комната, но в ней нет ни алтаря, ни иконостаса и ни одной иконы; вместо престола поставлен какой-то каменный столбец и на нем лежат грязные тряпки, коими что-то завернуто, вероятно, рукописное евангелие; от жалости я не хотел и разворачивать их. Сердце мое затрепетало от священной ревности по доме Божию и от священного негодования на патриарха иерусалимского и его наместников за их крайнее нерадение о своей пастве. Я сравнивал стыдливость арабки с их бесстыдством, и чернота их душ и черствость их сердец ужаснули меня. Но их презрение к арабскому племени, рано или поздно, будет отмщено. Есть Судья на небесах! Между тем, как я молился в церкви и думал горькую думу, собралось несколько женщин и детей; мужчины были в поле. Все они подошли к благословенно, и я, знаменуя их крестом, в тайне души моей молил Бога призреть на сие малое стадо и утешить оное украшением их родимого святилища. По выходе из церкви я еще раз полюбовался соседними высотами и садами: в даль к западу извивалась долина и толпились горы, украшенные древами, как кудрями, и озаренные светом солнца, склонявшегося к западу. На вершине одной горы в дрожащем белесвете туманилось селение дер-Безиа.

Пришло время расстаться с ненаглядным эн-Ари-ком и отправиться в Джифну на ночлег. Рамальский араб не знал

дороги отсюда до деревни эн-Кение, а от Кение до Джифны он брался довести нас; посему я пригласить другого араба указать нам дорогу до сей деревни. Прощай эн-Арик! – сказал я, садясь на лошадь, и потом подумал, что если Богу будет угодно назначить мне служение в Иерусалиме для блага церкви Палестинской, то я буду проживать лето в этом райском месте.

Мои арабы пошагали из деревни вдоль правой окраины горы, сначала среди масличных деревьев, а потом по голым камням и скалам. Мы гуськом тянулись за ними на чужих четырех ногах, карабкаясь по камням сюда туда, и все выше и выше на горный хребет, разделяющий две долины, ведущие к Ремли и Лидде, эн-Мильхру и уад эн-Дильб (долина, где много платанов, платан). С сего хребта надлежало спуститься по крутояру в глубь второй долины; спуск так крут, что мы не могли держаться на утомленных лошадях, и, ведя их за повод, сходили вниз пепле. Тут горы столпились и между ними образовались лощины и долины: одна идет отсюда на запад, другая на север, иная на восток. Растительная сила здесь как бы в своем доме. Спустившись прямо в глубь долины, мы опять сели на коней и, немного уклоняясь направо, описали дугу по окраинам долины; по крутости противоположной стороны ее нельзя было подняться прямо вверх из глубины, и потому надлежало объехать ее голову. На противоположной стороне долины дорога пролежала мимо источника эн-Буби. Весьма замечателен сей источник по обилию воды и по дикости скалы, из-под которой он вытекает. Вода большим ливнем бежит из своего родника и с шумом низвергается в долину по камням. По шуму, пене и падению, хотя и неглубокому, можно назвать этот источник единственным водопадом Палестинским, тем более, что в дождливые годы он уже не шумит, а ревет, не льется, а рвется. В скале бело-желтоватого цвету, над родником, выработаны, кажется, искусством, а не природою, гроты с выемами вверху, как бы с полукуполами. Немного ниже этих гротов складен был когда-то большой водоем и оштукатурен внутри. Ныне вода не попадает в него и мимо низвергается, куда ей угодно. Недалеко от сего водопада, на возвышении вправо

от дороги, я заметил развалины. Итак, здесь было людское жилье. Но как ему имя? Не знаю и никто не знает.

От водопада скоро мы поворотили на север и по узкой дорожке, проложенной вверху и на самом краю глубокой и отвесной лощины, шагали к деревне эн-Кение. В лощине, около дороги и по горам, кроме масличий, росло много рожковых деревьев и каких-то кустарников с длиннейшими, зелеными, толстыми иглами, на остроконечии коих растут два стручка, похожие на стручки акации. Эти кусты инде низки, а инде довольно высоки, так напр., сажени полторы, и имеют твердые стволы и ветви, кои все торчат вверх, как щетина на дикобразе. Я не видал такого растения в прочих долинах и на Кармиле. Обогнув голову лощины, мы въехали в сад масличный. Деревня эн-Кение мелькала за садом; эн-арикский араб указал нам ее пальцем и, получив бакшиш за труды, расстался с нами и пошел домой. Мы проехали чрез самую деревню. Она мала и ничем не замечательна. Название ее показывает, что близ нее должен быть родник воды. Но я не любопытствовал видеть его, боясь крайней усталости от помыслов многих, да и день склонялся к вечеру, а нам надлежало далечайше идти.

От эн-Кение мы непрестанно, но постепенно, поднимались на север по долине, которая становилась тем мельче, чем ближе подходила к Джифне. Двои небольшие развалины видел я в этой долине; наш проводник рамальский не знал их названия; одни из них показались мне монастырем; стены его довольно хорошо сохранились. Недалеко от Джифны эта долина перешла уже в горную, довольно ровную высь, покрытую жатвами. По этой выси, обставленной там сям толстолобыми холмами, мы скоро достигли до Джифны. Когда мы въехали в эту деревню, было уже темновато. Нам отвели для ночлега цитадель, – высокий, однокомнатный дом, защищенный рвом и высоким парапетом со стороны входа. Такие дома или башни имеет каждая деревня; в них, обыкновенно, помещаются солдаты, или проездов, или призываемые для защиты деревни. Ночлег был покоен. После утомительной верховой езды, в течение 14 часов, я спал сном богатырским.

ИЮНЬ 10, Суббота. – Утром в пять часов я пошел в церковь в сопровождении шейха и одного священника. Церковь стоит уединенно в садах, в некотором отдалении от деревни. Она построена как обыкновенный дом, без купола, и занимает часть развалин большого храма, который длиною был в 70, а шириною в 60 футов. От сего храма сохранилось лишь несколько колонн, из коих одни стоят, а другие лежат поверженные, и глубокая купель, изученная из цельного камня и внутри имеющая вид креста. Колонны и купель находятся в ограде церковной. Церковь освящена во имя Св. Георгия Победоносца; она очень бедна, но, по крайней мере, в ней есть алтарь с царскими дверями, отделенный каменным иконостасом. Две или три полинялые иконы составляют все украшение сего святилища. В алтаре на престоле и жертвеннике весьма не чисто. Два священника, отец с сыном, служат в этой церкви; их паству составляет 400 семей, населяющих Джифну. Помолившись в церкви и приложившись к св. иконам и к престолу, я просил священников отслужить две литургии за здоровье и за упокой моих родных и подарил им по червонцу турецкому. Они очень умильно стали смотреть на меня. На обратном пути в деревню мальчики и девушки, гнавшие в горы коз и овец, подходили ко мне и целовали мою руку, благословлявшую их во имя Св. Троицы.

В деревне показывают небольшой замок, построенный, вероятно, крестоносцами. Арабы поселились в нем и загромождали его своими перестройками и потому нельзя угадать, где что было: видно только, что замок походил более на дом, чем на крепость. Башня со рвом, в которой я ночевал, вероятно, принадлежала к сему замку.

Развалины другого древнего храма, находящаяся позади деревни, доказывают, что она когда-то была значительным местом. Ни кровля, ни своды его храма не уцелели, не видны и стены под мусором; лишь один полукруглый алтарь и вне его по обе стороны две колонны дают знать, что тут была христианская церковь. Зодчество, как алтаря, так и колонн с капителями совершенно таково же, каково зодчество древнего храма в ел-Бире: та же теска камней, та же чистая кладка и тот же

синеватый цвет их, та же постановка колонн и те же листья накопителях. Стало быть в одно время, по одному плану и, вероятно, одним зодчим построены были обе церкви. Но в Джифне не сохранилось предание ни о поводе к созданию столь изящных церквей, ни о создателях. На месте сей деревни древле стояла Гофна. История сего города до распространения Корана в Палестине пояснила бы мне происхождение сих храмов. Но на этот раз она мне не известна. Надобно снюхаться с Реландом и другими писателями о Св. Земле. А где ж мне взять книг, когда у меня ничего неъ. Dies docebit⁸⁷.

Христианское селение Джифна находится на самой выси гор Ефремовых и построена на левой окраине горной широкой и длинной равнины, обставленной большими круглыми холмами. Домы – изрядны. Напротив и окрест деревни разведены садовые благородные деревья и растут роскошно; за садами желтеют пожатые нивы. Развалины, заметные в садах и около деревни, доказывают, что она была гораздо обширнее. По приятности местоположения Джифны и по здоровому поднебию ее, миссия англиканской епископальной церкви, года два назад, избрала эту деревню для препровождения в ней лета и приобрела покупкою один дом. Но так как миссионеры начали склонять православных арабов к принятию лютеро-кальвинства и посредством подкупа успели уже соблазнить беднейших и легкомысленных, то наместники патриарха, узнав о сем неприязненном действии их, успели посредством турецкой власти выслать их оттуда и перекупить дом. Честь и слава наместникам, бесчестие и хула беспокойным англичанам!

Между тем как я осматривал местоположение и развалины Гофны, лошади были приготовлены для дальней поездки. Раскланявшись с священниками и поблагодарив шейха червончиком турецким, я задумал посетить соседнюю деревню Бир-ес-Зет, в которой вместе с магометанами живут христиане, душ пятьдесят. Мне хотелось видеть их церковь и священника. Эта деревня отстоит от Гофны к западу не более, как на четверть часа езды, и потому отшатнуться в сторону от главной дороги на столь короткое время ничего не стоило. Утро было прохладное, туман разорванными облачками набегал на

соседние холмы и расстился к востоку. – «Съездим в Бир-ес-Зет», – сказал я Апостоли. Сквозь туман прорезываться начал наш поезд, предводимый джифиским христианином, которого я пригласил указать нам дорогу до самого Таипе. От Джифны мы постепенно поднимались выше, потому что Зет находится на вершине горы. Лишь только въехали мы в деревню, нам попался на встречу молодой священник с трубкою в руках. Поведи нас в церковь, – сказал ему Апостоли, – вот московский архимандрит хочет видеть ее и помолиться в ней Богу. – Да церковь наша крайне бедна и не чиста, отвечал смущенный пастырь. Апостоли заставил его идти, куда мне хотелось. Пришли. Мати Божия! Ангелы-Светы! Церковь есть длинная яма, накрытая иссохшими ветвями, свету Божия не видно в ней. Священник засветил свечку, и я, нагнувшись, полез в эту яму. Ничего там нет: ни икон, ни иконостаса, ни утвари, ни риз, для обозначения царских дверей складены из камней два кривые столпа и обмазаны глиною пополам с мякиною. Если бы в этой яме было, по крайней мере, подметено, то душа еще не так сильно скорбела бы о попоранном величии святыни Господней. Но ее страдание было невыносимо при виде ямы, называемой церковью, и ямы нечистой, грязной, и при взгляде на бездельника, которого признать священником заставлял головной убор его. Я скрепил свое сердце и замолчал. Помолись о мне, отче», просил я попа, давая ему червончик вместо милостыни, и вышел из церкви с растроганною душою. Подле нее пашийский конник кюрд – магометанин шумел и кричал на собравшихся христиан и потом на самого попа, увещевая их подметать свою церковь и содержать ее в опрятности. Бабы смеялись над ним, а с попа лился градом пот.

Я сел на лошадь и поехал назад в Джифну. Дорогою горесть овладела моею душою; мне жаль было убогих и страждущих христиан восточных; жаль было этих овец, не имеющих пастырей, этих людей сидящих во тьме и сени смертной. Греческие архиереи презирают их, не думают о них; но воздаст им Господь по делом их! Рано или поздно грянет гром гнева Божия над их головами, и молния сожжет их и с ними все

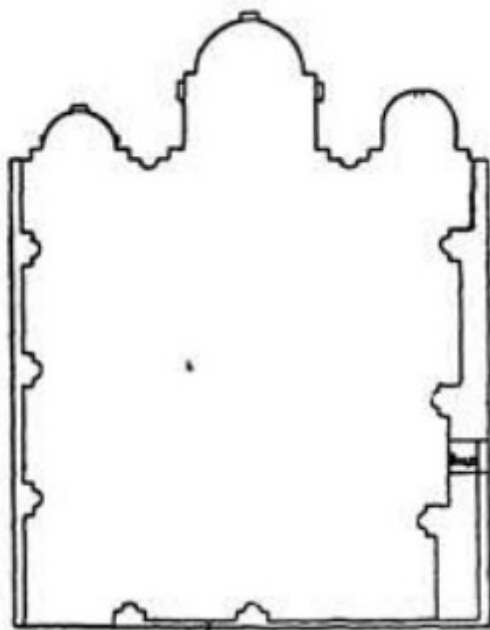
мерзости блудодеяния, лицемерия, корыстолюбия, гордости, немиролюбия, человекоубийства. Оле пастыри Израилевы!

Не останавливаясь в Джифне ни на минуту, мы переехали поперек ее равнину и, обогнув противолежащий ей холм, стали спускаться в ущелье. Повыше устья его, недалеко от дороги, на живописном возвышении толпилось несколько желтокаменных деревенских домов, повитых виноградными лозами; заметны были какие-то древние здания и стены. Как зовут эту деревню? – спросил я проводника. – «Дора», отвечал он, и примолвил, что в старые годы был тут женский монастырь. Более ничего не знал он, и я не знаю ничего более, не знаю: кто основал этот монастырь, православные или латины-крестоносцы. Соседство его с Гофною и древние стены подтверждают слова проводника. Я не заехал в эту деревню, хотя она очень близко находится от проселочной дороги, и только любовался ее местоположением. Дора приютилась за огромным холмом, высящимся против Джифны, на особом косогорье, между высокими, скалистыми круглыми горами, словно желтоватое пятно между грудями. В ущелье под ее косогорьем мы цеплялись за виноградные лозы, нагнувшись оградами по обеим сторонам дороги или, лучше, высохшего русла горного потока. Это ущелье привело нас в узкую долину, которая стелется недолго на восток и под прямым углом поворачивает к северу. Эта долина окаймлена синими скалами, как бы стенами; а при въезде в нее из Дорского ущелья, там сям, по ложу, по бокам, торчат то особно, то группю, вычурные высокие камни, как будто тут была когда-то каменоломня и как будто эти камни нарочно оставлены тут сиротами. Долина была засеяна, жатва поспела, и арабы со своими женами и детьми, припеваючи, пожинали скудные класы и навьючивали их на маленьких ослов своих. Мы проехали по левой скале сей долины, ниже деревни эн-Эбруд, которая осталась у нас в правой руке, и там, где эта долина поворачивает к северу, мы стали подниматься на гору прямо на восток. Подъем вначале был довольно крут. Но после двух-трех поворотов назад-вперед и вперед-назад мы очутились на горной выси покрытой скудными жатвами. Поселянки поспешали на дело свое до вечера, неся на головах дневную

пищу и за плечами – воду в мехах и младенцев в мешках. Я потихоньку напутствовал их благословеньями души моей, потому что и они суть люди Божии. Один ребенок высунул из мешка беленькую головку свою и ручонки, как будто для принятая благословений моих, и смиренно смотрел на поезд наш. Недолго мы шагали по горной выси в прямом направлении с запада к востоку и вдруг очутились на крайней линии ее, где за последними высотами Таипе, Риммона и другими, горы вдруг обрываются к Иордану. Горный поперечник Палестины очень не велик. С горы Элеонской видно Мертвое море, а чрез четыре часа езды, из Бетхорона можно любоваться морем великим и пространным, в котором корабли преплавают⁸⁸. С крайней горной линии мы с трудом спустились вниз и опять поднялись на высокий отдельный холм, на котором находится христианское православное, село Таипе.

На юго-восточном краю холма стоят развалины древней большой церкви. Только что мы подъехали к ним, из калитки высунул голову старый священник, который учил тут сельских детей арабской грамоте; я сказал ему, кто я таков, и просил его ввести меня в церковь. Мой старец приосанился, поправил свой тюрбан на голове и очки на носу и повел меня, куда мне хотелось. Все дети встали с земли и с любопытством смотрели на приезжих гостей.

Церковь во имя Св. Георгия возобновлена в 1837 году на счет казны Гроба Господня. Как простая комната, без купола и даже без окон, она пристроена к северной стене древнего храма. Весьма темно в ней; при свете лампы я заметил, что она не оштукатурена и крайне бедна; хотя и есть кой-какой каменный иконостас, но иконы весьма ветхи, почти без ликов; в царских дверях висит тряпка; на престоле крайне не чисто. Я промолчал, но сердце мое страдало.

По выходе из церкви обратили мое внимание живые храмы Духа Святого, – малолетние дети. Они сидели на полу под навесом у входа в церковь; у каждого в руках был или Псалтирь, или Октоих. Их было тут душ 15. По просьбе моей священник заставил их читать, и все они вместе залепетали своими громкими и дикими голосами. Между ними я заметил крохотных малюток, которые, как птенцы, едва разевали свои ротки, а читали голосисто. Это зрелище растворило грудь мою умилением. В Таипе, в этом безвестном уголке мира, православные деточки напояются млеком слова Божия; священник, их возродитель, есть вместе и учитель их; с детства они свыкаются с ним и связываются узами послушания и даже страха. Священник, по доброй воле, за малую благодарность родителей учит их детей, предоставив свои домашние хлопоты своей помощнице. Смотря на него, я думал и говорил сам себе: вот человек истинно Божий и человек истинно народный; он благословлял супружеское ложе родителей этих малюток; он отродил их благодатию Духа Святого в купели; он же напояет их млеком слова Божия. Я спросил его: «умеют ли дети прочесть наизусть Верую и Отче наш?» В ответ один мальчик без ошибки, церковным тоном, прочитал и символ и молитву Господню. Тогда я от души поблагодарил священника за его

отеческое попечение о сих малых, верующих в Господа Иисуса Христа, просил его наставлять их и в возраст юности и мужества, и подарил ему червончик.

– Мой сын помогает мне в обучении сих детей, сказал мне старец, подводя ко мне мальчика лет 10 или 11-ти. Я благословил его и примолвил: у умного отца бывают и дети умные.

– Велика милость Божия!

– Дай Бог, чтобы сын твой наследовал и священство твое.

– Вашими молитвами.

– А как велика паства твоя, батюшка? Сколько душ православных христиан вручил тебе Бог?

– Кажется, не будет более 200.

– И все добрые христиане?

– Благодарю Бога Моего. В нашем селе искони не было ни турок, ни других еретиков. На кладбище лежат под крестами все – христиане.

Я попросил священника дать мне проводника из поселян, который хорошо знал бы дорогу к Иерусалиму чрез Махмас, Джебу и Анату. Он обещался уговорить самого шейха проводить меня и пошел в деревню; а я стал рассматривать развалины древнего храма и приказал Ивану подать дорожную закусочку.

Храм построен был из белого тесаного камня; потолок и своды его провалились; остались целы одни стены и алтарное углубление. Чистая отделка и кладка камней, правильность и изящество в обработке колонн и капителей (только две стоят на местах подле алтаря, прочие разбиты) доказывают хорошее зодчество и хороший вкус. Не известно, по какому св. преданию построен был сей храм. Догадываюсь, что Таипе есть тот библейский Ефрон или Ефраим, в котором Господь Наш по воскресении Лазаря имел пребывание и из которого за 6 дней до Пасхи прибыл в Вифанию⁸⁹. В воспоминание Его пребывания и построен был изящный храм. Впрочем, эта догадка не имеет никакого основания: она есть чистое предположение, которое не будет стоить никакого внимания, коль скоро кто докажет, что Ефрон находился в другом месте.

НВ. [Не на месте ли гробницы Гедеона построена была церковь?⁹⁰].

Христианское селение Таипе находится на самой вершине высокого холма, отделенного со всех сторон от соседних гор и имеющего вид круглой пирамиды. Дома поселян – обыкновенны. С вершины холма очи видят далеко, далеко на восток и юг; оттуда мечутся и рисуются на глазной сеточке Заиорданские горы, отсюда – кроме ближних видов, – Иродион и неби-Самуил. Я не думал, чтобы из Таипе можно было ясно видеть замысловатую голову Иродиона. Стало быть, Таипский холм водружен на высоком основании. Близ Тайпе высится другой холм, и на нем видны развалины.

Покаме я осматривал развалины и любовался видами природы, священник сделал свое дело и, возвратившись назад, поведал мне, что шейх седлает свою лошадь. Полагая, что он скоро явится для услуг, я простился с добрым пастырем таипского прихода. Благословляя сына его, я спросил его: почему он носит чалму, тогда как все другие мальчики ходят с открытою головою и, к удивленно, узнал, что чалма есть знак его брака.

– Как, ужели такой ребенок имеет жену! возразил я, не веря своим глазам и слуху.

– Я сам обвенчал его, отвечал старик.

– Да сколько лет от роду жене его?

Старик нагнулся и распростер руку свою повыше земли, так на аршин, и тем даль знать, какого росту и каких лет молодица. «Но они не имеют брачного ложа», примолвил он, усмехаясь. Мне стало смешно. Я вынул из кошелька несколько пиастров и дал их мужу – мальчику в награду за обучение детей. Он прыгал от радости.

Ждали, пождали мы шейха, и поехали по дороге к Риммону. Скоро он догнал нас, раскланялся со мною, со всею учтивостью благородного араба, и поехал вперед на хорошем гнедом коне своем. Он одет был в простое, но опрятное пестрое платье; никакого оружия не было при нем; один чубук с трубкою торчал за поясом; это значило, что он – не тронь меня, что он никого не боится, потому что его боятся все. Апостоли дорогою рассказал

мне, что этот шейх умеет читать и писать по-арабски, знает очень хорошо все дороги и все местности; патриархия приглашает его провожать поклонников к Иордану и к Мертвому морю; по видимому, он еще не стар, а ему уже 80 лет от роду; он пережил двух жен, произвел на свет 17 детей, и нынешняя жена его – с будущим. Этот рассказ заставил меня присмотреться к нему внимательнее; он – сухощав, тонок; лицо его – мало, в черной бороде едва заметна проседь; держится на коне прямо и бодро и скачет, как юноша. «Ну, удалой старик, подумал я; не знаю, как назвать его: правилом или исключением природы». Все встречавшиеся по дороге арабы, – жнецы, прохожие, проезжие приветствовали его, и он разговаривал с ними повелительно.

Из Таипе я хотел было проехать по долине уад ел-Эн прямо к деревне Дёр-Дивану; но шейх уверил меня, что та дорога довольно дурна, и с моего позволения взял направление на Риммон. Мы ехали по последнему склону горной Палестины, и потому направо от дороги взор близко ограничивался высокими горами, а налево метался долу и далеко обнимал столпившиеся, как попало, холмы Приорданские и ущелие Риммонские. Кой-где на высотах виднелись одинокие башни. Шейх, указывая рукою на одну из них, говорил мне, что там находятся развалины большего города, но не знал его названия. Что это за город? Не Ефрон ли, в котором Господь укрывался от врагов своих? Я крайне жалел, что ни другим путешественникам, ни мне не удалось проехать по Приорданским пригоркам и долинам. Эта подгорная часть восточной Палестины совершенно не известна науке. А там должны быть местности библейские. Ниже Риммона, к востоку, я искал очами тех ущелий, в коих скрылись 600 вениамитов после страшного поражения их родичей подле Гаваи Сауловой за незаконную жену левита⁹¹; много тут этих ущелий: было где укрыться пораженным упрямцам.

Деревня Риммон построена на самой вершине высокого, круглого и отдельного холма. Она показалась мне объемистее Таипы. Но в ней нет ничего замечательного, и потому я не остановился тут ни на одну минуту, приказав шейху вести нас к

древним гробам, которые находятся на дороге в Махмас. Он знал эти гробы. «Нет ли у вас водки? – спросил он меня. Что-то голова болит у старика, нет охоты потешить вас своим удальством на коне». У меня не было этого зелия, и он, бедняга, напился холодной водицы и, закулив трубку, повел нас к гробам.

Спустившись по крутояру Риммона в долину ел-Азас и переехав ее наискось, мы поднялись на один холм. «Не угодно ли посмотреть здесь большую пещеру под вершиною холма?» – спросил меня шейх. Я отвечал ему, что пещеры уже надоели мне и что я хочу видеть гробы. «Здесь был город Куфря Ната, продолжал старик, – и здесь были избиты Авимелехом семьдесят братьев»⁹². Развалины были ничтожны и не стоили того, чтобы слезть с лошади, и замечание ученого шейха касательно братьев не стоило внимания, потому что кровавая сцена избиения происходила в Еверафе.

Ната не удостоилась археологического внимания, но тень ее бытия отметил я на карте. По съезде с Натского холма скоро показалась деревня Дер-Диван. Мы не заезжали в нее; шейх прямо провел нас к погребальной пещере, которая находится в самом начале долины, сбегаящей в долину ес-Суве-нит. Поезд наш остановился подле пещеры, и я начал свои разыскания на месте, чая найти здесь следы ханаанского города Гая, который взят был Иисусом Навином вскоре по завоеванию Иерихона⁹³.

Мое чаяние основывалось на соображении топографических замечаний в Св. Писании о Гае⁹⁴. Там замечено, что сей город находился близ Вефиля; между обоими этими городами Авраам поставил свою кущу, так что Вефиль оставался у него на западе, а Гай на востоке. Иисус Навин из Галгалского военного стана, который находился близ Иерихона, в одну ночь пришел со своим войском к Гаю и сделал засаду в ущельях Вефиля, а сам расположился с войском против Гая, так что между ним и этим городом была долина. По сим соображениям я умозаключал, что между Римманом и Махмасом напротив Вефиля надобно искать следов Гая, а гробы, признаки жилья, поселяли во мне некоторое убеждение. На этот раз кладбище не печалило, а радовало душу, охотницу помянуть дни древние.⁹⁵ С сими соображениями, как с щупалом, светочем, компасом, я сначала

осмотрел погребальную пещеру и потом скалистый холм, который высится к Вефилю. Пещера выдолблена в цельной скале и вход в нее с востока заложен кругловатым камнем так плотно и крепко, что все усилия наши к вырыванию его остались тщетны. Заметить надобно, что пещера не имеет никакого фронтона и никаких украшений, и что пред заложенным входом высечен также из скалы навесь аршина в 4 длиною и в 1¹/₂ вышиною, без дверей, открытый. За этою пещерою находится древняя каменоломня. Над пещерою и выше по скале нет и признаков человеческого жилья; напротив на южном склоне сей скалы я нашел другую погребальную пещеру. Стало быть, тут было кладбище Гая, и самого города надлежало искать близко в другом месте. Я спрашивал шейха, нет ли тут где развалин. Он прищелкивал языком и мотал своею бритою головою. Напротив осмотренного мною холма находился другой высший, но параллельно с ним взбегающий к Вефилю. Их разделяла долина, покрытая садами. Сличая эти холмы и эту долину с библейским сказанием о взятии Гая Иисусом Навином, я стал предполагать развалины на этом другом холме, но вместе и колебался, думая, что, если подобная долина находится между первым холмом и деревнею Дер-Диван, то Гай придется на осмотренном мною холме. Мне оставалось сесть на коня, взобраться к сей деревне, осмотреть ее местоположение и узнать, что находится между нею и холмом, и я уже решился было ехать, как вдруг, не знаю, откуда взялся молодой и красивый араб на гнедой прекрасной лошади и, увидев наш поезд, спешился и стал зевать на нас. Чрез Апостоли я спросил его, не знает ли он, есть ли развалины на противолежащем холме, и в величайшей радости узнал от него, что в самом верховье того холма находится множество колонн. От радости я готов был расцеловать сего араба. Пошли расспросы.

– Не знаешь ли ты, как называется это место, на котором, по твоим словам, лежит множество колонн.

– Иммид-ауамид.

– Это значит: мать колонн, подсказал мне Апостоли.

– По моему мнению, здесь близко должны быть развалины старого, очень старого города Гая; не слыхал ли ты об этом

городе?

– Не слышал, не знаю.

– А далеко ли отсюда до колонн?

– Близко.

Я попросил его проводить нас до колонн. Сели, переехали долину и по окраинам противоположного холма стали подниматься выше и выше. Я торжествовал в надежде открыть и означить на карте местоположение Гая, и дорогою не опускал без внимания ни одного бугорка, ни одного камешка. Чем выше мы поднимались с востока на запад, тем чаще стали попадаться каменные оградки для поддержания террас, когда-то возделываемых человеческими руками, и тем более стал я уверяться, что если мы взберемся на самое темя горы, то увидим пред собою Вефиль. Так и было. Я на темени! Вефиль – передо мною! Разброси камней, развалины, колонны под моими ногами; итак, Порфирий, ты стоишь на месте Гая! воскликнул я от радости и приветствовал сам себя с открытием.

Все прочие, утомленные жаром, беспутцею, долгою ездой, шли отдыхать, кто на колонне, кто на камне, кто на земле, а я стал рассматривать развалины и колонны. Оказалось, что тут была церковь, ибо основание полукруглого алтаря, обращенного на восток, сохранилось на радость археологам. Ни оводов, ни стен церкви нет; несколько (а не множество) колонн лежать поверженный среди церкви, кто-то потревожил их и скупил; видны лишь цоколи стен наружных и внутренних перегородок. Материалы здания совершенно походят на материалы столпа Вефильского: те же сите камни той же величины и той же тески, колонны цельные из того же камня; есть сходство и в кладке стен, – стало быть, церковь построена была на старых основаниях. Что же бы тут было? Может статься тут было народное святилище несчастных жителей Гая, избиенных Навином; может статься, тут был воздвигнуть Навином жертвенник во славу Бога, даровавшего победу над хананеями. Предание сохранило память о семь жертвеннике, а христианское благочестие на основаниях его устроило церковь Богу Авраама, Исаака, Иакова, Навина. На южной стороне развалин зрится заметанный камнями колодец или цистерна.

Кроме этих развалин нет ничего другого архитектурного, кроме разбросей камней на далекое пространство, – единственных свидетелей разоренного Гая. С вершины холма видны налево высокие дикие горы и ущелья, в которых скрылись ночью засадные войска Иисуса Навина, направо – высокий пепловидный холм (ел-Телл); впереди – Вефиль, взади – Иорданские пригорки.

Обрадованный открытием Гая, я наградил молодого араба, указавшего мне развалины, и по долине между двумя холмами спустился по садам к Гайским гробам. Замечаю мимоходом, что бока холмом суть не что иное, как цельные ровные синие скалы, как бы стены, а сады в долине устроены террасами. Проезжая по этим террасам, не раз я удивлялся крепости и цепкости арабских лошадей, который осторожно спускались с каменных заборов (разумеется не высоких, так в 5 четвертей вышины), складенных из мелких камней и ничем несвязанных, так что камни рассыпались под ногами лошади и валялись за забор, и таким образом делали зыбучую дорогу.

От Гайских гробов мы потянулись к Махмасу, понемножку уклоняясь от дикого ущелья, – отрасли уад ес-Сувенит, и оставляя его в правой руке. На другой стороне ущелья на склонах гор виднелись деревни ел-Кудейра и Бурка. Дорога была не дурна, и мы скоро увидели Махмас.

Подъезжая к этому селению, я вдруг впал в сомнение касательно отысканной мною местности Гая. Память моя работала сильно и представила мне на вид, что хотя я и назначил место Гая на холме, противоположащем тому, в котором находились гробы, и хотя утвердила меня в этом предположении долина, о которой сказано в книге Иисуса Навина, что она находилась между Гаем и его ночным станом⁹⁶, но ту ли долину видел я; может быть есть долина и между гробищным холмом и деревнею Дер-Диван, а местоположения этой деревни я не обозрел, увлекшись первым предположением, подкрепленным найденными развалинами. Таким образом, сомнение закралось в душу и разные помыслы начали колебать ее, как буйные ветры колеблют дубраву. То хотел я воротиться, то двигался вперед; то решался съездить

туда на другой день; в Махмас въезжаю, а душою лечу к Дер-Дивану. В этой борьбе душевной я проехал мимо значительных развалин Махмаса и лишь вскользь мимоездом посмотрел на них. Мне досадно было на самого себя. По моему приказанию, поезд остановился в деревне. Мой кюрд заспорил с мужиками, и чуть было не дошло до драки. Я взял его за собою и отшатнулся на край деревни, откуда хорошо видны были пропеченные скалы уад-Сувенит, дикая дефилея между Махиасом и Гаваи, и в этой дефилее – две отдельные круглые толстолобые скалы, рядом и друг против друга стоящие. При взгляде на эти предметы, помыслы мои еще более растревожились. Полный библейских воспоминаний о Махмасской дефилее⁹⁷ так знаменитой бранями царей еврейских с филистимлянами, я спрашивал сам себя: «где тут два камня, известные в Библии по именам Ваасес и Сеина? Эти камни суть ли эти две толстолобые скалы, коих вершины вижу я у ног моих, или те скалистые бока уад-Сувенит, совершенно похожие на ров Саввинский?» Тогда подошли ко мне, сперва махмаский араб, молодой и красивый мужчина, у которого лицо горело свежим розовым румянцем, потом мой 80-летний шейх. Первый сказал мне, что в их деревне находится до 30 древних цистерн, а, указывая на первую толстолобую скалу, примолвил: «мы называли ее Мириам» Другой, хвастаясь предомноу знанием Св. Писания, уверял меня, что деревня Махмас есть древний Гай. Я не поверил ему, однако ж задумался. Мне пришло на память замечание Геронима о том, что Пресвятая Дева спохватилась за 12-летним Иисусом в Махмасае. Не подтверждается ли это замечание, – подумал я, – названием горы, в которой слышится имя Марии? Но и эту мысль браковал я так же, как и уверение шейха, что Махмас есть Гай. Араб-красавец мог так же, как и шейх-старик, ошибаться, увлекаясь древним, но ложным преданием. Эти помыслы раздражали меня, и я, утомленный трехдневною трудною поездкою, решился съездить в Гай и Махмас в другой раз и исследовать эти места с Библиею в руках. Решимость моя была тверда, крепка, непоколебима, и потому на этот раз я оставил Махмас без внимания и приказал подавать лошадей.

Спустившись в Махмасскую дефилию, мы проехали мимо двух тодстолобых скал. Их вид и положение говорили мне, что это Ваасес и Сеина. Но я не слишком дорожил этим первым, наглядным, как) сказать мимоездным, впечатлением. С трудом мы взобрались на другую сторону дефилии по каменистым и крутоярным ребрам ее и, поднимаясь, скоро увидели древнюю Гаваю, ныне Джебу. Порывистый ветер дул нам в очи. День склонялся к вечеру. Я хотел было проехать из Джебы на Анофоф и Елеонскую гору, но меня устроили необычайною трудностью этой дороги и опасностью остаться вне Иерусалима. Эти затруднения еще более утвердили меня в решимости съездить сюда в другой раз, но уже чрез Анафоф, родину пророка Иеремии. Не останавливаясь в Гаваи, мы проехали прямо к Раме, чрез полчаса достигли до подошвы холма ее (тут есть сады и виноградники) и мимо выехали на большую дорогу, и через два часа въехали в полузатворенные Дамасские ворота. Солнце закатилось за горы Иудеи, стражи готовились запереть ворота Св. Града.

У ворот Феодоровского монастыря сняли меня с лошади, как расслабленного, и едва-едва добрал я до своей кельи. И наука имеет своих мучеников и тружеников.

ИЮНЬ 11, Воскресенье. – Весь день я пролежал в постели, повторяя часто псалом: Господи! да не яростью Твоею обличили мене, ниже гневом Твоим накажешь мене ...⁹⁸ Кости моя сосхошася, слячен бых, смирихся до зела⁹⁹ и т. д.

ИЮНЬ 12. Понедельник. – Обновилась, яко орля, юность моя¹⁰⁰. Раным рано поутру я воспрянул от сна и прочитал в Библии все места, в коих описываются города Гай¹⁰¹, Махмас¹⁰², Гавая Саулова¹⁰³, также десятую главу пророка Исаии, в которой упоминаются селения, чрез кои проходило ассирийское войско от Гая до Иерусалима¹⁰⁴. Оставалось поверить нынешние местности библейскими сказаниями. Сообразно с сими сказаниями я предположил решить сегодняшним путешествием следующие топографические задачи:

– 1. Осмотреть местоположение деревни Дер-Диван и по осмотре определить местность Гая.

– 2. Обозреть Махмасскую дефилию и решить на месте, что надобно разуместь под камнями Ваасес и Сеина, – скалистые ли бока вади Сувенит или толстолобые скалы, наполняющие дефилию; по этим скалам с точностью сама собою определится местность Махмаса.

– 3. Обозреть Гаваи и убедиться на месте, действительно ли тут была родина Саула.

– 4. Иметь в виду марш ассирийского войска от Гая к Иерусалиму и, если возможно, отыскать или, по крайней мере, предположительно указать, где были селения Мигрон, Геба, Галлим, Лаис, Мадмена, Гебим и особенно Ноб, указанные в упомянутом марше.

Наука вызывала меня к решению сих задач, и я, повинувшись ей, отправился в путь-дороженьку утром в 5 часов.

Выехав из Яффских ворот Иерусалима и обогнув весь северо-западный край его вдоль стен, поезд наш у самого северо-восточного угла спустился в долину Иосафатову и, переехав ее наскось, поднялся на гору близ третьей высоты горы Елеонской, известной под именем Галилеи. С этой горы представился вид неожиданный, именно: внезапное и значительное понижение пригорочной линии Иорданской пред главным горным хребтом Палестины, тянувшимся с севера на юг. Казалось, будто пригорки Иорданские когда-то оторвались от того хребта и осели в подземную пустоту. Такое впечатление продолжалось сегодня во весь путь прямо с юга на север. По ребрам горного хребта то поднимаясь, то опускаясь, скоро достигли мы до деревни ел-Исавие, но так что она оставалась в правой руке у нас и почти над нашими головами. Надлежало въезжать в нее по крутояру. Поднялись, приостановились, и между тем, как Апостолы расспрашивал феллахов, где лучше можно проехать в Анафоф, я обнял взором деревеньку и любовался ею хорошим местоположением.

Ел-Исавие, небольшая мусульманская деревня, построена на крутояром склоне, под челом горного хребта, смежного с трехглавым Елеоном, так что поднебие его сзади ограничивается сим хребтом, направо и налево – рукавами оно, протянутыми к востоку, и только спереди простирается далеко и прямо к

Иордану. Из деревни ничего не видно кроме лощин и пригорков Иорданских и дальних гор Аравийских, коих вершины дрожат в туманном бело-свете. Местоположение ее походит на пятно в самой середине полумесяца. Деревенские дома – не дурны. Поверженные две или три каменные колонны доказывают, что здесь была когда-то христианская церковь. Напрасно кто стал бы расспрашивать арабов об этой церкви: они ничего не знают, либо намеренно молчат, боясь смелых европейцев, которые рыщут по Палестине и будто ищут богатых сокровищ в развалинах.¹⁰⁵

Между околотками ел-Исавие и Анафофа естественною границею служит вади ес-Сулейм, которая тут имеет свое начало и протягается с запада на восток. Осторожно спустившись в эту долину и поднявшись из нее по каменистым ее склонам, мы недолго тащились до деревни Анаты. Я предполагал найти здесь остатки церкви во имя пророка Иеремии, который родился в этой деревне, и потому остановился в ней. Но поиски мои остались тщетны; не встретил я ни обломка колонны, ни куска капители, ни полукружия алтарного; лишь одно здание, попорченное и переделанное арабами, показалось мне древним по каменной кладке нижних стен и по величине камней в углах. Оно находится на южной стороне деревни. На расспросы мои арабы отвечали очень грубо, – что они ничего не знают. Заметно было, что они редко видали европейских путешественников в своей деревне, и потому смотрели на меня оком подозрительным.

Деревня Аната находится на горной выси между двумя долинами, – ес-Сулейм и ес-Селам, ближе к сей последней, в расстоянии часа пути от Иерусалима прямо на север. При обозрении ее местоположения не попал на глаза никакой особенный признак, по которому можно было бы сказать: здесь была Аната, – тогда как и камень на камне не остался бы в ней. Самый лучший вид из деревни открывается прямо на восток, откуда мечутся в глаза степенные горы Аравийские и вычурные пригорки Иорданские.

Аната, бесспорно, есть древний Анафоф. Их тождественность доказывается как сходством названий

арабского и еврейского, так и положением их в участке Вениаминовом¹⁰⁶. Здесь-то родился Иеремия, пророк царей и народов¹⁰⁷, и здесь родичи покушались убить его за то, что он предвещал им несчастья¹⁰⁸. *Несть пророк честен во отечестве своем*¹⁰⁹.

Поручив себя и своих спутников покрову Иеремии, я приказал Апостолию свести мою лошадь в глубь долины Селам, потому что спуск в эту долину весьма крут и каменист и особенно в начале из самой деревни. Сегодня довелось путешествовать все с горки на горку, меж ног долины пропускать, хвостом горы устилать. К счастью благодатный ветерок навевал на нас с запада и, утоляя жар, облегчал трудное путешествие наше. Из долины Селам мы поднялись на чужих ногах и потихоньку добрались до деревни Гицме, построенной также на горной высоте ближе к долине Фара, которая пролегает у подошвы сей деревни прямо с запада на восток. Эта долина диче и глубже вадии ес-Селам. Не останавливаясь в деревне весьма нелюбопытной, мы осторожно спустились в сию долину и, переехав ее впоперек, стали подниматься в ущелье, ведущее к Гавае Сауловой. При самом начале подъема, налево от дороги, на покатости скалы находятся единственные в своем роде постройки. Я заметил их еще из деревни Гицме и спросил об их названии. Араб наименовал их: *Икбур-бени-Израель, т. е. могилы сынов Израилевых*. Эти постройки суть не что иное, как отдельные стенки, как бы обрубы, складенные на скалистом склоне, одна выше другой, и обращенный лицом к востоку и в даль вадии Фара. Стенки толсты и длинны, но не высоки, так, судя по глазомеру, в сажень вышины; отвесная лицевая сторона их от низу до верху убрана квадратными небольшими камнями грубой обделки и цвету загорелого, но другой стороны вовсе не видно, потому что к ней присыпана земля в уровень с верхом ее, так что вдоль стены и выше ее можно ходить свободно, как на площадке. Все эти стены стоят порознь, так что между ними находится немалое пустое пространство косогорья. У подошвы сего стенатого косогора пролегает неглубокий ров, которого бока и особенно русло как бы слиты из одной каменистой массы и выглажены. Очевидно, что тут вырезаны были камни для стен,

потому что каменистое дно и бока сего рва – одного цвета с камнями в стенах. По внимательном обозрении сих стен, я заключил, что тут было древнее укрепление (по нашему, как бы редут или батарея), построенное евреями для защиты Гаваи, столицы царя Саула, вероятно, в его время, потому что без сего укрепления легко можно было бы дойти до сего города из долины Фара от Иордана или от Иерусалима. На этих стенах, вероятно, становились те вениамитские воины, которые пращными камнями поражали издали своих неприятелей и именно в лоб под шлемом; а в промежду стен стояли мечники и копьеносцы для отражения натиска пехоты или конницы. Статься может, что на этом укреплении пали когда-либо сыны Израилевы после долговременной и отчаянной защиты его, и потому оно осталось в памяти народов под именем могил Израильских. Но собственно кладбищем еврейским нельзя назвать сего укрепления, потому что евреи никогда и нигде не строили таких кладбищ. Нельзя предполагать здесь и селения, ибо после разоренного жилья остались бы развалины другого рода. Тут был после военный, так нужный для защиты Гаваи во время продолжительных войн евреев с филистимлянами, которые приходили драться все сюда, к столице царя Саула.

Мимо сего укрепления поднялись мы в дикое ущелье между двумя синими скалами. По челу той скалы, к которой примыкает укрепление, выдолблен открытый ход в роде небольшого навеса. Очевидно, этот ход занимали также воины для защиты ущелья, и по нему же пробирались и к укреплению. Землетрясение испортило сей ход обвалом части скалы. Надобно думать, что на вершине сей скалы находятся цистерны, необходимые для военного поста. Пусть поверит это предположение другой путешественник, а я торопился в Гаваю Саулову и благополучно прибыл в нее.

Между глубокими долинами Фара и Сувенит протягивается горный кряж с запада на восток. На одном высоком, круглом и скалистом холме сего хребта, между деревнями Гицме и Махмасом и неподалеку от Рамы, стоит арабская небольшая деревня Джеба. К подошве сего холма, на восточной стороне, примыкает небольшое, но прекрасное ровное поле, которое на

этот раз было зеленехонько. Северная сторона холма, обращенная к долине Сувенит и к Махмасу, очень крутояра. Это поле, и этот крутояр, и близость Джебы к дикой долине Сувенит составляют отличительные признаки местности сей деревни. Если бы на месте ее явилось озерко, то по этим признакам можно было бы верно указать ее место. В сей деревне нет ничего замечательного; но она богата древними цистернами. Не много хижин в Джебе; не много и жителей в них.

Эта деревня занимает место древней Гаваи, в которой родился и жил царь Саул. Доказательство сего мнения будут предложены по описании местности Махмаса, потому что этою местностью определяется и положение Гаваи.

Полюбовавшись Гавайским полем, которое, быть может, возделывал сам Саул, я отправился далее на археологический промысел. Конь легонько свез меня с крутого холма Гаваи и понес прямо к долине Сувенит. На самом краю верховья сей долины я спешился и, приказав всему поезду спуститься вниз и ожидать меня у подножия скалы, сам сел на камень, с которого видны были значительная часть долины Махмас и горы Вефильские, и, разогнув карманную итальянскую Библию, прочитал все места, относящиеся к Махмасу и дефилею его и поверил ими местности. Сходство местностей с библейскими описаниями оных так поразительно было, что я получил полное убеждение в том, что я вижу пред собою библейские места.

Пророк Исаия¹¹⁰, расписывая движение войска ассирийского от Гая к Иерусалиму чрез Махмас, упоминает о дефилею Махмасской: ... Egli... ha riposti in Micmas i suoi arnesi: hanno passato il passo¹¹¹. И подлинно, ассириане не иначе могли пройти из Махмаса к Раме и Гавае, как чрез нынешнюю вади ес-Сувенит: эта глубокая и дикая долина лежала впоперек их пути; надлежало им спуститься в нее и подняться туда, где я сидел. Но прямой переход от Махмаса к Гаваи весьма труден; посему-то и пророк заметил, что ассириане прошли эту дефилею.

Эта дефилея или этот переход подробно описан в первой книге Царств¹¹², где описываются битвы Саула с филистимлянами. «Ora, fra i passi, per li quali Gionatan cercava di passare alia guernigione de' Filistei, v'era una punta di rupe di qua,

et una altra di 1a: l'una si chiamava Boses e l'altra Sene. L'una di queste punte era posta dal lato Settentrionale, dirincontro a Micmas; e l'altra dal lato Meridionale, dirincontro a Ghibea»¹¹³.

Описание удивительно точно и верно! Действительно, в дефилее стоят две отдельные скалы друг против друга, одна на северной стороне, напротив Махмаса, а другая на южной, против Гаваи.

В той же главе книги Царств замечено, что когда Ионафан подполз на одну скалу и с помощью оруженосца своего убил 20 филистимлян, которые стерегли дефилею, и когда во всем филистимском лагере произошло смятение от страха, тогда гвардия Саулова, стоявшая близ Гаваи, смотрела и видела смятение и бегство неприятелей. «E le goardie di Saulle che stavano alla veletta in Ghibea di Beniamino, riguardarono; ed ecco, la moltitudine era in rotta, e fuggiva a calca»¹¹⁴.

Точно воины Саула могли видеть смятение филистимлян с верховья дефилеи, которое прилегает к Гаваи. С этого верховья и мне видно было все место, где происходило сражение¹¹⁵.

Там же (XIII, 16–18) сказано, что филистимляне укрепились в Махмасах и из этой крепкой позиции высылали в трех направлениях отряды для опустошения земли Израильской. Один отряд занимал дорогу к Офре, другой – к Бетхорону, и третьей – к долине Себоим в пустыне Иорданской.

Это замечание совершенно идет к Махмасу, ибо Офра, Бетхорон и пустыня суть недалёкие окрестности Махмаса. Отряд офрский защищал его с севера, отряд бетхоронский поддерживал сношения Махмасского лагеря с владениями филистимлян в дальней Палестине; отряд себоимский обезопасивал его от нападений евреев с востока, откуда удобно проникнуть до Махмаса по долинам Сувенит и ел-Азас и по другим.

Там же (XIII, 2) упомянуто, что пред началом Войны с филистимлянами Саул расставил свои избранные три тысячи воинов в следующем порядке: при себе удержал две тысячи в Махмасах и на горе Вефильской, а тысяча стояла с Ионафаном в Гаваи, гарнизон же филистимский находился на холме, бесспорно, на том, который находится на дороге из Дер-Дивана

в Вефиль и который на карте значится под именем *ел-Телл*, т. е. холм. На уничтожение сего гарнизона филистимы собрали многочисленное войско в своих владениях, и, без сомнения, с запада от Ремли проникли чрез Ветхорон к Махмасу и вытеснили оттуда гвардию Саула. Она перешла в Гаваи, а филистимы заняли Махмас и дефилю.

Все эти подробности на месте получают неоспоримый характер правды. Так как Саул ожидал неприятеля с запада, то в ожидании сбора войск ему надлежало расставить гвардию именно по горе Вефильской, которая очень хорошо видна была мне в своем протяжении от севера на юг, чтобы прикрыть крупную позицию Махмаса и отстоять свою столицу Гаваи. Но, к сожалению, пока войска его собирались в Галгале, неприятель предупредил их и вытеснил гвардию цареву из ее позиций.

Филистимы, потеряв сражение, прогнаны были от Махмаса до Айялона (XIV, 31). Стало быть, они ретировались на запад по дороге к Бетхорону и оттуда к Айялону (смотри карту).

Итак, еще на верховье долины Сувенит я получил твердое убеждение в том, что у ног моих находится знаменитая дефилю Махмасская с ее скалами Ваасес и Свиною, — местами рыцарства Ионафана, и что предо мною — Махмас, а за мною — Гавая Вениаминова, в которой родился Саул. Оставалось спуститься в глубь долины и вскарабкаться на которую-нибудь скалу. С Библиею в руках, я шаг за шагом спустился к спутникам, которые закусывали у подошвы Махмасской свалы, и обозрел съезд (сход) от Гаваи. Весьма труден этот съезд по причине крутости и каменистости этого бока долины.

— Что вы там делали так долго? спросил меня о. Григорий, подавая мне закуску.

— Поверял Библиею вот эти две скалы, кои торчат на дороге нашей.

— Ужели все камни записаны в Библии? спросил меня Иван мой и получил в ответ:

— Всякий сверчок знай свой шесток.

Не хотелось мне терять времени в пустых разговорах, и я полез на вершину махмасской скалы, и собственным опытом и трудом убедился в верности картины, изображенной в 13 стихе

XIV главы первой книги Царств: «Gionatan adunque salì, aggrappandosi con le mani e co' piedi»¹¹⁶. Хотя скала не слишком крута, но очень дика, и покрыта каменистыми слоями синего цвета, слой над слоем; посему я с трудом и роздыхом взобрался на верх скалы, карабкаясь по камням руками и ногами. За мною карабкался мой проводник Апостоли, как оруженосец за Ионафаном. Ни на склоне, ни на вершине скалы не заметил я никаких остатков строения и ни одной цистерны; это значит, что сие место занимаемо было войсками только во время войны, а гарнизон постоянно держался в Махмасае. С вершины скалы видны только высокие утесы и бока вади-Сувенит и часть пепловидных гор вефильских. Если бы войска стояли на этих горах и по окраинам вади-Сувенит, то я мог бы хорошо видеть их и наблюдать их движение. На другой скале я не был, да и не зачем было лазить на нее, ибо она такая же, как и эта.

На основании кропотливых наблюдений своих над Махмасскою дефилею представляю здесь следующее понятие о ней.

Долина Сувенит, начинающаяся у селения ел-Бире, прямо отсюда пролегает к Махмасу и вдруг расширяется между этим селением и Гавай на значительное пространство, потом опять суживается и ужасным каменным рвом идет к Иерихону. В сем то расширенном ложе ее стоят две отдельные скалы друг против друга, одна на северной стороне, против Махмаса, другая на южной, против Гавай. Обе скалы, как близнецы, походят друг на друга видом, а вид их – как бы вид двух яиц, положенных друг против друга тупыми концами. Между обеими скалами пролегает дорожка по ровному месту. Южная скала совершенно отделена от своего юдольного бока, так что между ним и ею находится лощинка с дорожкой, а северная несколько соединяется со своим юдольным боком не вершиною и не стороною, а немного приподнятым основанием своим. Обе скалы, как близнецы, походят друг на друга высотой, толщиной, ровным закрытием в верховье. Скалу Гавайскую я сравниваю с большим круглым впрочем неостроконечным, стогом сена, а Махмасскую с таким же стогом, но к основе его, обращенной к

Махмасу, привалено сена. Туда, где расширяется вади-Сувенит и наполняется двумя скалами, сбегает от Гая узкая и каменистая долина, которая вместе с другою долиною, на запад от нее сбегаящею от Вефиля в вади-Сувенит, и называется в Св. Писании¹¹⁷ Бет-авен включительно с горным кряжем между ними. Недалеко от скал долина Сувенит опять переходит в каменный ров, весьма похожий на ров Саввинского) монастыря. Часть этого рва видна по дороге в Махмаса и из этой деревни. Та же беззащитность, та же обгорелость, та же дикость и то же дикое величие, что во рве окрест обители Св. Саввы. Любопытно было бы пройти по ложу этого рва в Иерихону; стать может, и тут есть пещеры, и в них подвизались пустыnnики и иноки великого Евфимия, которого обитель создана была из остатков Иерихона.

Махмасская дефилея при Сауле очень важна была в военном отношении, частью по тому, что ею защищался родной город его Гаваи, частью по тому, что сюда проникали с запада филистимския войска и отрезывали всю Галилею и Самарию от Иудеи. Кто занимал дорогу от Ремли до Бетхорона, а отсюда – высоты Вефильския и дефилею махмасскую, тот стоял твердою позициею в средоточии горной Палестины и, разорвав силы неприятеля, мог поражать его и на севере в Самарии и Галилее, и на юге в Идее. Замечательно, что армия Саулова собиралась в Галгалах (недалеко от Иерихона), и отсюда действовала на филистимов наступательно. В Галгалах и при Иисусе Навине лагеровали войска. Эта армия шла с востока и теснила филистимов на запад, до самого Айялона, т. е. до границы их владений.

Положительная известность махмасской дефилеи весьма важна и для определения священной топографии. Теперь нет никакого сомнения в том, что нынешние арабские деревни Мукмас, Джеба, Бейтин стоят на месте Махмаса, Гаваи и Вефиля.

Гвардия Саудова занимала Махмас, высоты Вефильские и Гаваи. Стало быть, эти места весьма близки друг к другу; ибо 3 тысяч гвардии не растянут на далекое пространство. Воины Сауловы из Гаваи слышали смятение филистимов в дефилее

под Махмасом и смотрели на них. Это одно слово: смотрели, согласное с местностью (смотри выше¹¹⁸), доказывает, что Гавай находилась близ дефилии.

Все эти топографические признаки, доказательства и мнения слились в одно живое убеждение тогда, как я отдыхал телом на вершине скалы Ваасес и работал умом, советуясь с Библией. Особенная радость души, любящей помянут дни древние, служила наградой за мои труды и любопытство. Посему легче серны спустился я со скалы и примкнул к своей дружине, которая заметила на лице моем особенный отсвет радости души, познавшей истину.

Из глубины долины мы поднялись по крутояру и тот час очутились в Махмасае. Полный радости, я не хотел заниматься кропотливым обозрением мелочных развалин, однако ж приказал проехать по деревне медленнее. Что видел, то и записываю.

Местоположение Махмасаа походит на полуостров, потому что оно с юга, востока и запада прорезано долинами, и только с севера соединяется с горною высотой. На самом средоточии сего места стоит деревня, построенная из развалин. Садовые деревья за деревнею огорожены неизменным забором из огромных тесаных камней бело – желтоватого цвета. Эти камни находятся уже не на своем месте. Напротив сего сада, по правую сторону дороги, лежат разбросы тех же камней, и тут же уцелел один узкий коридор, ведущий в какое-то подземелье. За этими развалинами, по ту и другую сторону дороги, видно много пещер или ям, выработанных под землею. Все эти развалины и пещеры, и 30 цистерн, и островское положение места при трудно-проходимой дефилии доказывают, что Махмас был военным станом.

NB. Один араб, шут, прицеливался к каждому из нас своим длинным ружьем. Шутка неприятная!

Оставив за собою Махмас, мы прибавили ходу своим коням, и по ровной дороге близ каменистой долины весело доехали до знакомых мне Гайских гробов. Наступил час обеда. Под каменным навесом, ведущим в могильную пещеру, Иван

уготовал нам скудную трапезу, которую и разделил с нами маленький осел, поев все корки огуречные и апельсиновые.

Так как в прошлую поездку¹¹⁹ уже осмотрены были мною оба соседние возвышения и разделяющая их долина потоптана была нашими конями, то не для чего было трудиться в другой раз, оставалось только разрешить сомнение о местности Гая обозрением местоположение деревни Дер-Диван.

Прощайте, мертвые Гаяне, я не буду более тревожить вашего многовекового покоя; еду от вас допросить соседние высоты: где был ваш город, – сказал я, садясь на коня и пошагал вверх к соседнему Дер-Дивану. Эта деревня стоит на высоте Вефильских гор, и между нею и гробищенным холмом нет никакой долины. Тогда я уверился, что Гай находился на возвышении, противоположном сему холму, там, где в прошедший раз открыл я развалины¹²⁰ ибо между ними пролегает та каменисто-бокая долина, которая упомянута в повествовании Иисуса Навина о взятии Гая.

E tutta la gente di guerra, ch'era con lui, sali, e si accosto, e giunse dirimpetto alia citta, e pose campo dalla parte settentrionale d'Ai; e la valle era tra lui ed Ai...¹²¹ Giosue cammino quella notte per la mezzo della valle¹²².

Все топографические замечания в книге Иисуса Навина касательно Гая, как нельзя лучше идут к отысканной местности:

– 1. E Giosue mando degli uomini da Gerico in Ai, che e vicin di Bet-aven dal lato Orientale di Betel; e disse loro: salite e spiate il paese¹²³.

И мой Гай находится в соседстве с Бет-авеном, в котором слышатся звуки Дивен (авен), и на восток от Вефиля. Выражение *salite* означает, что евреи должны были восходить снизу наверх; и подлинно, к Гаю нельзя иначе прийти из Иерихона и подойти к нему близко, как взбираясь снизу наверх.

– 2. Тридцать тысяч воинов Иисуса Навина пришли из Иерихона к Гаю в одну ночь¹²⁴. Более времени и не требовалось, потому что от Иерихона до Гая довольно близко.

– 3. Иисус Навин поставил тайную засаду между Вефилем и Гаем, на западной стороне Гая¹²⁵, а сам со своими дружинами стал на северной стороне Гая, так что между ним и этим

городом приходилась долина¹²⁶. Все это удивительно верно! Засада могла стоять только на запад от Гая в глубоких и диких ущельях Вефильской долины, сбегаящей в вадии Сувенит; во всяком другом месте она была бы видима. Когда я стоял на развалинах церкви, то Вефиль и его окрестность видна была мне, как сервиз на столе. следовательно не тут место засаде. Напротив, дно диких ущелий на западе совершенно закрывалось сливавшимися для взора горами. Равным образом главный корпус армии, стоя на холме, который я называю гробилищным от гробов, как раз приходился против Гая на севере, и ночью занял и долину, не так глубокую в верховье подле самого города.

– 4. Войско Навина с намерением побежало вниз по долине и увлекло за собою Гаитов, неподозревавших засады и считавших трусами своих Неприятелей, которые в другой раз бегут от лица их. Тогда, по данному знаку, засадный отряд занял город и зажег его. Гаиты увидели свою ошибку и свою гибель и, теснимые спереди и сзади полками и засадными отрядами, не могли спастись бегством, и все пали на месте. Итак, главная битва происходила в долине около гробов и не далее Дер-Дивана. Из этих мест Гаиты могли видеть дым, восходящий к небу над их несчастным городом.

Итак, Гай находился на самом верховье одной высоты Вефильских гор между двумя долинами, сбегаящими в вадии-Сувенит, на восток от Вефиля и близ сего священного места, так что жители обоих городов могли видеть дома одни других. Внизу Гая был и его некрополис.

Довольный своим убеждением, я не остановился в Дер-Диване (Бет-авене) и по скверной каменистой дороге проехал к остроголовому пепловидному высокому холму ел-Телл, который издалека мечется в глаза путника и заставляет его любоваться своею дикостию. Оттуда поезд наш спустился в Вефилю мимо Авраамова жертвенника. Еще раз я видел священное место откровений Божиих и еще раз благоговел пред Богом Авраама и Иакова. От Вефиля без остановки мы тянулись в Иерусалим по знакомой дороге и прибыли в Св. Град уже к вечеру¹²⁷.

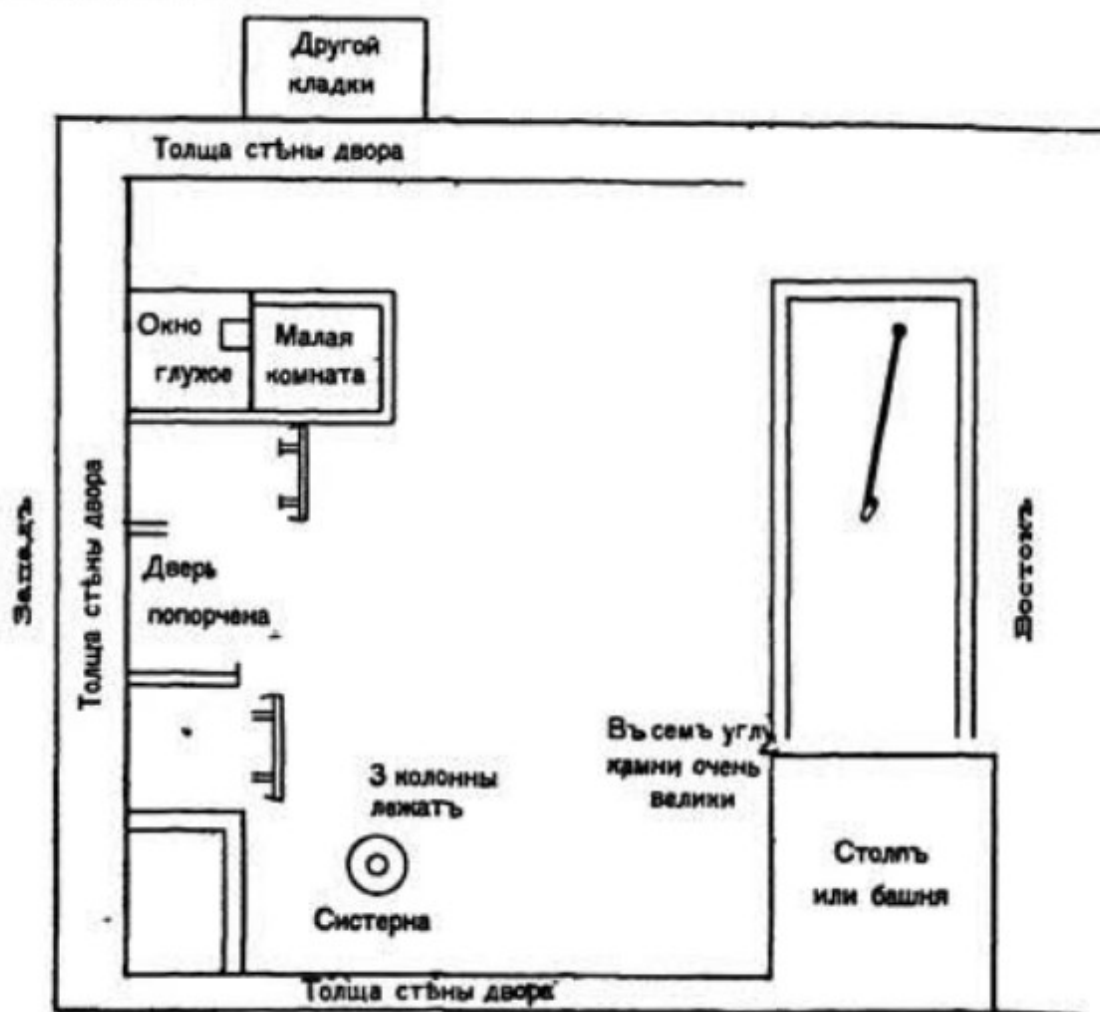
ИЮНЬ 13, Вторник. – Надежда воскресения и жизни вечной не раз озаряла и радовала душу мою у Гроба Господня; но хотелось вдохновиться ею и в могиле Лазаря, ибо из того гроба воскрес Богочеловек, а из этой могилы – простой человек; так будто в ней ощутительнее наше человеческое бессмертие. Сегодня утром, часов в шесть, я выехал в Вифанию из Св. Города. Душа моя была полна радости духовной. На пути к Елеонской горе грот Иеремии и могила Пречистой Девы зазывали меня в священную глубь свою; но сквозь запертые двери не проходит человек. Долина Иосафатова усеяна бесчисленными надмогильными камнями. Здесь – царство смерти. Но за горным рубежом сей долины есть маленький оазис воскресения.

Чрез три четверти часа пути, я остановился в Вифании подле входа в могильную пещеру Лазаря. Тотчас зажжены были свечи; со светом в руках и с верой в душе я сошел по лестнице в сию пещеру, воспевая побудительный гимн церкви: Общее воскресение прежде Твоея страсти уверяя, из мертвых воздвиг еси Лазаря, Христе Боже: тем же и мы, яко отроцы, победы знамения носяще, Тебе, Победителю смерти вопием: осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне. Последние звуки замерли под сводом пещеры; я припал челом к святой земле и молился Победителю смерти воздыханиями, а не словами. Не могу выразить сих воздыханий: это – тайны, изглаголаные Богу, которых и сам я не сознаю теперь ясно; помню одно то, что я испрашивал у Бога умения вносить вечность во временное существование мое на земле.

По выходе из священной пещеры я осмотрел Вифанию.

За юго-восточным склоном Елеона и за горою Соблазна есть низшая горная возвышенность, отделенная от тех гор тремя лощинами с запада, севера и юга и покато ниспадающая к востоку. Почти на самом конце покатости ее находится Вифания, называемая арабами ел-Азирие по имени Лазаря. Это селение весьма малоллюдно. Несколько хижин разбросано по косогорью среди развалин древнего монастыря, который построила тут набожная Мелизенда. Да и едва ли Вифания была когда-либо большое селение. В Евангелии Ианна¹²⁸ она называется весию

Марфы и Марии; стало быть, тут было родовое имение их. В самом верховье этого селения торчит остаток весьма толстой стены от малой четверугольной башни, которая стояла на скале. Цоколь ее складен из огромнейших камней; теска их – иудейская; следовательно, тут было какое-то здание еще во время Лазаря. На древнем основании его построена была башня, вероятно, Мелизендою. Внутри сей башни иссечена в скале глубокая цистерна; я бросал камешки в отверстие оной и, прислушиваясь к падению их, узнал, что в ней есть вода.

В низовье селения находится мечеть с глубоким рвом пред входом в нее. От мечети вверх, по северной стороне Вифании, заметны остатки древней стены церковной, складенной из тесанных камней. В этой стене близ мечети находится тесный вход в подземелье, которое выдается поклонникам за могилу

Лазаря. При внимательном взгляде на этот вход и устройство его и на отношение его к мечети вдруг запала в мою душу мысль, что поклонникам показывают не самую могилу Лазаря, а только другой выход из оной, придуманный для предотвращения стеснения народа, и что дивная могила должна находиться внутри самой мечети. Так как эта мысль сильно беспокоила меня, то я решился снова войти в подземелье и потом купить себе вход в мечеть, дабы из сравнения обоих мест вывести заключение касательно действительного места погребения и воскресения Лазаря.

Наружный вход в подземелье ничем не закрыть. Никто не стережет его и не требует обычного бакшиша. От сего входа по 26 ступеням крутой, искусственной лестницы спускаешься вниз, сначала под искусственным сводом и между двумя кладеными стенами, а потом, переступив пять-шесть ступеней, – уже сквозь просек в натуральной скале известковой с примесью кремня. С последней ступени я очутился в небольшой, но довольно высокой темной комнате со сводом, переброшенным от правой руки к левой. Эта комната вся оштукатурена. Прямо против входа в нее видна в стене заложенная полуарка, по правую и левую сторону которой находятся в стене две малые ниши. Мне кажется, что тут был ход в другое отделение подземелья. Из этой комнаты, налево, лесенка о двух ступенях ведет в другую весьма малую и низкую комнату с аркадным сводом, обделанную мелкими камнями и оштукатуренную. Туда с трудом пролазят под каменную плиту и сквозь узкую дверь, обделанную большими тесаными камнями. Лишь только войдешь в эту комнатку, прямо против лица, представляется заложенная арка, – очевидный признак, что тут была дверь, ведущая далее. Я догадывался о сообщении ее с мечетью и предполагал, что изнутри мечети должен быть ход к этой комнатке; предположено мое оправдалось при обозрении мечети.

Устройство сего подземелья поселило во мне уверение, что тут нельзя искать могилы Лазаря; ибо евреи совсем иначе приготавливали свои погребальные пещеры, как то доказывают тысячи оных кругом Иерусалима. В цельной скале они

вытесывали сперва переднюю комнату, квадратную или параллелограмную, а за нею другую уже погребальную, или в уровень с первой, или немного глубже ее. Двери второй комнаты заставлялись большим камнем. Но в Вифанское подземелье ведет весьма крутая лестница с 25 ступенями, между тем как во все еврейские гробы ход прямо с земли или с дороги. Следовательно, тут была не могила, а только особый крытый ход.

«Могила Лазаря должна быть в мечети», – подумал я, и стал просить старого муллу вифанского впустить меня туда. Он отговаривался возмущением жителей; но когда я посулил ему червонец турецкий и напомнил, что все мужчины ушли из деревни работать на поле, тогда он побрел домой за ключами и принес их. Мы подошли к ограде с северной стороны; заветная комнатка отворилась, и мы спустились по старой каменной лестнице в глубокий четверугольный двор, обнесенный стенами. Двор – не велик и не покрыт; пол его вымощен плитами; под ним устроена цистерна, около которой кружились и жужжали пчелы. Скинув сапоги, я вошел вслед за муллою в мечеть чрез железные двери. За сими дверьми на правой стороне стоит обычный мусульманский деревянный надгробник на прекрасном бело-мраморном помосте, который окружен деревянною решеткою, украшенною перламутром. Сей помост возвышается над уровнем пола не более, как на вершок; и весь он сделан в виде равностороннего квадрата, которого каждая сторона окаймлена четырьмя штуками того же мрамора в виде капитальных карнизов. Кроме сего помоста и над гробника нет ничего в мечети. Она – очень мала. Стены ее оштукатурены и побелены, но в своде я заметил часть высунувшейся известково-кремнистой скалы. Стало быть, мечеть находится в натуральной пещере. Идя прямо от дверей к Противоположной стене, я увидел в ней закладенный ход и такой же ход в правой стене, весьма близкий к месту, которое выдают теперь за могилу Лазаря. По левую сторону наружной двери мечети есть пустая малая комната.

Убеждение мое в том, что могила Лазаря находилась именно здесь, возросло. Оставалось возвести его на степень

очевидности какими-либо другими признаками. Сперва я искал взором других могильных пещер еврейских около мечети и нашел одну из них на другой стороне лощины, в синеватой скале за масличным садиком. Сия пещера заложена камнем так крепко, что при всех усилиях мы не могли выдвинуть его. Но существование ее уверило меня, по крайней мере, в том, что в скалистых боках этой лощины, на краю которой стоит мечеть, погребались мертвецы. Потом я обошел двор мечети с трех сторон. При внимательном обозрении оного оказалось, что стенки сего двора – плохой работы мусульманской – на северной и южной стороне прислонены к скале; западная составляет лицевую сторону мечети; а за восточною торчат арки и безобразные развалины. Если бы выломать сию последнюю стенку, то можно было бы пройти извнутри двора прямо в лощину, которая здесь близко загибается с севера на юг к соседней деревне Абу-Дис.

Итак, положение нынешней мечети на краю северо-восточной лощины вифанской, ее глубина, ее помещение под скалою, ее мраморный помост немусульманского изделия поселили во мне совершенное убеждение в том, что тут была погребальная пещера семейства Марфы и Марии. Вход в сию пещеру был из лощины с востока. Ежели в ней была передняя комната, то она находилась на месте двора мечети. Здесь плакала Мария по брате своем; в эту переднюю часть пещеры вошел Спаситель и приказал отвалить камень от могильной комнаты, и здесь он воззвал Лазаря от смерти к жизни. Воскресший хотя и обвит был по рукам и по ногам пеленами, но удобно мог выйти по ровному полу на голос Спасителя.

В то время, когда на дивном месте воскресения Лазаря стоял храм христианский, самая пещера находилась частью под алтарем, частью под самою церковью, как св. пещера в Вифлееме или в Гефсимании. Для схода в нее проделаны были из церкви коридоры с лестницами, вероятно, два: один для входа, другой для выхода. Один то из сих коридоров и показывают ныне за самую могилу Лазаря. Но справедливость требует заметить здесь, что мнимая могила весьма близко находится подле настоящей; может статья, одна стена

разделяет их; ибо низшая часть коридора соответствует глубиной своею глубине мечети, и закладенные ходы оной непременно должны вести в коридоры. Итак, поклоннику, немогущему попасть в мечеть, нечего много жалеть о том, что он видит не самую могилу Лазаря: вера, которая проникает небеса, может проникнуть и чрез стену и лобызать духовно самое место, где совершилось величайшее чудо, и поклоняться Чудотворцу;. Остается заметить, что верхняя часть скалы, накрывавшая нынешний двор мечети, а древнюю предмогильную комнату, вырезана или при постройке храма, или при обделке мечети.

Я почитал себя счастливейшим паломником, потому что мне удалось найти настоящее место воскресения Лазаря, и благоговеть по нем пред могуществом Спасителя, и радоваться собственному бессмертию. Дивное семейство евангельское представилось мне в живых чертах. «Вот дорожка, по которой с востока подошел Спаситель с Марфою и Мариною в погребальной пещере; вот лощина, вот скала по правую сторону дорожки, вот садочек, где стояли апостолы и народ и в безмолвии ожидали чуда. Им слышен был голос Сына Божия; им видно было, как Лазарь вышел из пещеры. Какая минута! Видя победу жизни над смертью, думаю, всякий изумился, и после изумления говорил: и я, и я, и я чаю воскресения мертвых. Понятно, почему надежда апостолов и первых христиан на воскресение была так ясна, так тверда: эта надежда была плод видения возрождения новой жизни из смерти».

Умилившись воспоминанием о радостном для души событии евангельском и вкусив силы грядущего века, я пошел из Вифании к тому месту, на котором Марфа застала Спасителя. Оно весьма близко отсюда. Мне показали тот камень, на котором отдыхал Жизнодавец. Этот камень есть часть местной скалы, высунувшаяся на поверхность. Он ежегодно уменьшается оттого, что поклонники отбивают от него кусочки. Около сего места вифанские арабы молотили хлеб, и я вспомнил поучительное слово апостола Павла: «Безумие, ты еже сееши, не оживет, аще не умрет: и еже сееши, не тело

будущее сееши, но голо зерно... Бог же дает ему тело, яко же восхощет, и коемуждо семени свое тело»¹²⁹.

Еще рано было на небе, и можно было воспользоваться драгоценным временем для поездки в Адомим, который у поклонников слывет за гостиницу благого самарянина. Я не видал сего места; оно находится недалеко от Вифании, в расстоянии 2 часов пути; и дорога к нему ровна, хороша; посему я решился съездить туда для одного любопытства.

От священного камня мы попятились к Вифании и, сделав несколько шагов, поворотили направо в долину, по которой, обыкновенно, ходят и ездят поклонники в Иерихон. Спуск в нее довольно крут и вымощен камнями. Внизу спуска, направо от дороги, устроен мусульманский фонтан, но воды в нем было столько, сколько падало из него мельчайших капель с большими промежутками. Натуральная дорога отсюда идет между горами в прямом направлении к востоку. Эти горы – обнажены; известняк так и проглядывает сквозь погоревшее и иссохшее былие, корнящееся на них. Чем далее подвигаешься между сими горами, тем более они понижаются. Но дорога везде отменно хороша, ровна, гладка; можно было бы ехать по ней в карете, запряженной парю лошадей. В самой глубине долины находится русло временного потока, усеянное бело-желтоватыми камешками. Чрез три четверти часа пути дорога разделяется надвое: одна пролегает в юго-восточном направлении к мечети неби-Муса, где арабы показывают мнимый гроб Моисея, а другая ведет прямо к Адомиму и Иерихону. Продолжая путь по сей последней дороге, мы стали встречать разбросанный по обеим сторонам высохшего русла дерева, известные под названием дум. Эти деревья весьма колючи; тонкие ветви их растут сплошно, густо; лист на них мелок. Недалеко от Адомима, там, где надлежало подниматься из долины на каменистое возвышение, мы остановились на несколько минут под развесистым и высоким думом. Мои проводники нарвали с него плодов, похожих на крошечные яблоки желто-красного цвета. Кисленький вкус их отменно приятен, они утоляют жажду. Этих деревьев довольно много около Иерихона. Когда я был там в начале Января¹³⁰, они были

весьма зелены и покрыты были плодами, но еще зелеными. Арабы собирают эти плоды и продают в Иерусалиме. – Поднявшись на каменистое возвышение, мы шагали, шагали и потом очутились подле двух разоренных ханов, из которых один стоял на площадке, окруженной холмами, а другой на темени одного холма. Здесь находится Адомим. Почва – красная глина подтверждает сие название, которое с еврейского значит краснота. Нижний хан похож на все восточные ханы и не представляет ничего замечательного. Но верхний хан, который по-арабски называется...¹³¹, построен наверху весьма крутого холма, и со всех четырех сторон окружен глубоким и широким рвом, выкопанным в холме, но неокладенным камнями. Надобно думать, что здесь был небольшой военный пост, охранявший караванную дорогу из Иерихона в Иерусалим. Крепостное небольшое здание – все в развалинах. Виды с сего холма открываются на все четыре стороны. На востоке рисуются Иорданские пригорки и Заиорданские горы, на западе Елеон, на севере гора Искушения, на юге гора Иродион с их дикими окрестностями. Весьма вероятно, что и в древние времена стояла здесь та гостиница, в которую благий самарянин привез иудея, впадшего в разбойники. В св. тексте сказано, что этот несчастный *схождаше* в Иерихон¹³², и подлинно, – от Иерусалима до Иерихона дорога постепенно понижается: по ней *сходишь*» а не *восходишь*. Хотя эта дорога – большая, но что же мудреного, что и по ней рыскали разбойники в час темный и нападали на одинокого путника? – Притчу ли, или был Господь сказал в ответ на вопрос законника: кто есть ближний наш, – это все равно. Но наставление его – драгоценно. Оно показывает нам всю низость эгоизма и всю высоту братолюбия, всю темноту предрассудков и всю ясность и благодать души, свободной от предубеждений.

Из Адомима тою же дорогою я возвратился в Вифанию и отсюда проехал на Елеонскую гору с запада, где и провел часа два в подробном обозрении как сей горы, так и Галилеи и горы Собола, и старался прояснить себе некоторые библейские сказания.

Елеонская гора со стороны Иерусалима довольно круто поднята из Иосафатовой долины и не имеет здесь никакого соприкосновения с другими горами; но с восточной стороны она соединяется с пригорьем вифанским. Эта гора есть самый высокий хребет в горном кряже, который непрерывно тянется с северо-запада на восток и юг пред лицом Иерусалима. Вершина ее состоит из трех повышений, из которых каждое имеет свое название: крайнее с севера называется Галилеею, среднее – Елеоном, и второкрайнее – горою Соблазна. Помнится, в какой-то рукописи греческой Елеонская гора названа *горою трех светов*; но причина сего названия не показана. В основании сего имени, очевидно, лежит понятие о ее троевершии. По бокам и на вершинах Елеонской горы изредка растут масличные деревья, фиговые, гранаты и огородный овощ. Масличия не очень стары; едва ли какое дерево старше 300 лет.

На самой вершине Галилеи теперь ничего нет, кроме большой цистерны и обломка колонны из порфиrowого камня, приосеняемых несколькими гранатами. Но в древние времена на этом месте стоял храм во имя апостолов. Ныне эта часть горы снизу до верху принадлежат Иерусалимской патриархии.

[Говорят, что на Галилее стояли апостолы во время вознесения Спасителя на небо и что эта вершина получила такое название оттого, что ангелы говорили им: *мужие галилейстии, что стоите, зряще на небо*¹³³. Но этому говору верить нельзя, ибо еще до явления ангелов апостолам одна гора близ Иерусалима называлась Галилеею, и на этой горе воскресший Господь явился 11-ти ученикам и говорил им: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли*¹³⁴ и пр. У евангелиста Матфея: *единии же надесяте ученицы идоша в Галилею, в гору, аможе повеле им Иисус*.¹³⁵ Очевидно, что эта Галилея есть гора, а не область Галилейская].

Вершина Елеона занята арабскою мечетью, обширною оградю около часовни, в которой находится достопоклоняемая стопа Спасителя, и остатками древнего здания, в котором стоит гроб Пелагии. В 1836 и 1837 годах армяне устроили храм над св. Елеонским поклонением и позволяли служить в нем латинским и греческим монахам в праздник Вознесения Господня. Но в

1839 году, по просьбе францисканцев иерусалимских и по ходатайству французского посланника пред Портою, храм сей разрушен был до основания, кроме часовни. Фанатизм и зависть не знают общей пользы. По разрушении святыни, магометане снова овладели христианским поклонением и за деньги пускают туда поклонников.

Ныне, среди открытого двора, обнесенного безобразною оградой, стоит осмиугольная малая часовня. Когда-то она устроена была из одних бело-мраморных колонн, без дверей, с пролетами и с одним куполом. Но магометане заклали пролеты. В этой часовне видна натуральная каменная поверхность Елеона, на которой отпечатлелась стопа Божественного Спасителя во время вознесения Его на небо, как говорит предание. Эта стопа довольно хорошо сохранилась; впрочем, пальцев не видно. Кажется, Спаситель слегка прикоснулся к дикому камню, может быть, в то мгновение, когда Он обратил последний взор свой на Иерусалим. Благочестивое предание о вознесении Богочеловека с Елеона не противоречит благовествованию евангелиста Луки¹³⁶, который говорит, что Господь Иисус вывел учеников из Иерусалима до Вифании и, подняв руки свои, благословил их; и когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо. Ученики были выведены до Вифании, а не в самую Вифанию, стало быть, они остановлены были по ту сторону Елеона, на горном склоне, между Вифаниею и вершиною Елеонскою, ибо древняя Вифания была ближе к сей вершине, а нынешняя спустилась ниже, – к погребальной пещере Лазаря. Там Господь благословил учеников своих и стал отдаляться; но куда? Очевидно, на самую вершину Елеона, где и коснулся Божественною стопою Своею и оставил след ее в память и утешение верующим во имя Его. Апостолы тотчас пришли на сие место и смотрели на небо во время восхождения Господа. Тогда вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали и пр. и пр. Тогда они возвратились в Иерусалим *от горы, нарицаемый Елеон*¹³⁷. Из сих слов апостола Луки видно, что они были на Елеоне. Итак, благословение учеников Господом происходило в виду Вифании; по отступлении отсюда Он вознесся с Елеона, но в

виду учеников. Стопа Спасителя, по указанию компаса, обращена на север. Итак, Он возносился на небо с лицом, обращенным к северу, к России, и, возносясь, благословлял ее. Россияне! На вас почиет благословение Господне; а вы и не думаете воздвигнуть великолепный храм над стопой благословившего вас Господа. Мусульмане попирают сие св. место и сквернят его, повергая туда пепел из своих трубок. Идите освободить сие место; и пусть ваше благочестие воздвигнет храм Спасителю там, где он некогда стоял и где разорило его нечестие галлов.

За оградой Елеонского св. поклонения есть остаток древнего здания. В нем, как бы в небольшом приделе подземном, стоит каменный гроб, накрытый цельным большим камнем. С боку под этою крышею проломано отверстие, сквозь которое можно всунуть руку и ощупать пустоту гроба. Сей гроб вмещал в себе останки Св. Пелагии. Он приставлен к правой стене придела, но так, что кругом его можно обойти, хотя с чрезвычайным трудом. Суеверие людское полагает, что кто протеснится и обойдет вокруг сего гроба, тот мало грешен. Посему поклонники стараются протащиться там и тем уверить себя и других, что за ними немного грехов. О, суеверие, суеверие! Когда ты перестанешь тиранить род человеческий?..

С Елеонской вершины перешел я на гору Соблазна, так названную от идольских требищ и жертв, приносимых на сей горе еще во время Соломона. Ничего нет там, кроме праха и обломка одной колонны. Но под челом ее показываются так называемые Гробы Пророков. Один араб, овощный хранитель, желая получить от меня бакшиш, взялся показать мне эти гробы и уверял, что они бесчисленными подземными ходами протягаются до Табарии (Тивериады). Я знал, что арабы из мухи делают слона, и не поверил его словам; но очень любопытно было для меня видеть древние усыпальницы. Мы подошли к небольшому отверстию, которое торчало кверху и спустились в подземелье на кучу земли. Мне показалось, как будто я очутился в огромном кувшине с большим отверстием; так кругло высечено в скале первое подземелье. Здесь мы зажгли свечи и прошли в другое отделение подземелья, из которого направо и

налево были сходы к гробилищным комнатам, но засыпались землею, а прямо ход был открыт. Чрез него мы вошли в коридор, в котором можно было свободно стоять и ходить; сперва мы повернули направо и, обошедши там вей извилины, перешли в левую половину. Оказалось, что вся эта подземельная усыпальница не так велика и что для подробного и медленного осмотра оной потребно не более $\frac{3}{4}$ часа. Но устройство ее замечательно. Все коридоры высечены в скале точь-в-точь как в Киевских пещерах, – узко, ровно, глубоко и со сводами. В каждом коридоре мертвенные узкие лежа для одного тела высечены в стенах коридорных в уровень с полом и так, что тело полагалось не вдоль, а поперек стены. Гора, в которой устроены сии усыпальницы, твердо-известкового образования. Кто устроил сии гробы, и каких пророков полагали в них? Истинных или ложных, Божиих или языческих? Предание не отвечает на эти вопросы. Но судя по устройству сих гробов, отличному от усыпальниц еврейских, окружающих Иерусалим со всех сторон, как это видно будет ниже, я полагаю, что под вершиною горы Соблазна похоронялись те жрецы, которые служили тут богам жен Соломоновых, ибо и языческие жрецы в Св. Писании называются иногда пророками. Да и особенное устройство сих гробов заставляет предполагать другой вкус и другой образ мыслей, нежели какой имели евреи.

По обозрении всех сих мест, я сошел пеший с Елеонской горы и еще раз посетил места мольбы Господа Иисуса в саду Гефсимании, сонного упокоения апостолов, и тот камень, около которого апостол Фома получил пояс, спущенный Богородицею с воздуха во время вознесения Ее на небо. День стал склоняться к вечеру, и я возвратился в Иерусалим по долинам Иосафатовой, Геэнской и Гигонской.

ИЮНЬ 14, Среда. – Недавно был я на родине пророка Иеремии. Сегодня посетил я родину пророка Амоса, – Фекою.

Дорога из Иерусалима к Феке лежит чрез Вифлеем. Здесь коротко было свидание мое с митрополитом Дионисием. Он думал, что я приехал принять от него последнее благословение на обратный путь в Россию; но я объявил ему, что еще не скоро придет день моего отъезда из Св. Земли и просил его дать мне

двух надежных проводников в Фекою. Провожать меня взялся православный христианин Ибрагим, брат Ханны, которого чуть было не убили жители Бетжалы¹³⁸. Он же нашел и другого проводника из племени тамаритян. Ибрагим, – араб красивый и стройный, как пальма, говорит по-новогречески довольно свободно; он беден, но благороден и честен; храбрость его в междоусобных битвах засвидетельствована несколькими ранами на руках и на ногах его. Он показывал мне сии раны, и когда я спросил его: как вы залечиваете их? Мы зашиваем разрезы и затягиваем их виноградным вином, – отвечал он, тогда я вспомнил благого самарянина, который употреблял этот же способ для излечения ран человека, избитого разбойниками. С этим воспоминанием сцепилось другое, – о неизменяемости обычаев на востоке.

Из Вифлеема спустились мы на юг по опасному, каменистому крутояру в глубь узкой долины, которая сбегает к востоку, и по правой стороне оной пробирались по камням и между камнями. Всех нас было шестеро. Нам попадались навстречу белые и рослые тамаритяне и черные и низенькие бедуины. Они и жены их шли на рынок в Вифлеем, кто с овцами, кто с ослами, кто с курами и яйцами. Мы менялись с ними обычным приветствием: *мисикум бул-хаер*¹³⁹ а наш проводник тамаритянин пожимал руки у своих родичей и с некоторыми здоровался лбом ко лбу, храня строгую мину и молчание. Я любовался этою учтивостью арабов и думал выгодно об этом народе. В нем таятся сильные зародыши свободы, равенства, единокровия, правоты, степенности и строгости правил и нравов. При таких качествах и при лучшем правительстве, этот народ стал бы на высокую степень человеческого общественного совершенства. Но жаль, что этому орлу не позволяет парить тяжелый свинец, привязанный к его голове и крыльям.

Когда поезд наш стал уклоняться от долины на юг, встретился с нами знакомый шейх тамаритский, у которого я гостил в палатке в поездку на Иродион¹⁴⁰. Он узнал нас и навязался провожать до Фекои. Мои проводники отсылали, отталкивали его, кричали, ссорились с ним, а он заступал им дорогу на своей дымчатой лошаденке, и говорит им: без меня

вы не пойдете. Желая избежать ссоры, драки и неприятности, я заставил своих молчать и пригласил шейха проводить меня. Он очень рад был, потому что надеялся получить от меня хороший бакшиш, и от радости гарцевал, как бешенный, по горам и по камням. Правое плечо его было перевязано: вчера он упал с лошади и раздробил его. Дорога привела нас к его кочевью. Он просил меня посетить его палатку и напиться кофе. Но я отклонил его просьбу, извиняясь тем, что я не употребляю кофе. Близ кочевья мы спустились в крутой каменистый ров и, переехав его, стали подниматься на горы, все выше да выше, в прямом направлении к югу. Толстолобые горы здесь совершенно голы, скалисты и черноваты. Некоторые ущелья по правую сторону беспутного пути так дики и так каменисты, как бока Огненной реки около Саввинского монастыря. Угрюма и грозна здесь природа; она не веселит путника, и располагает его к суровым думам. Угрюмые люди, окаменелые сердца, бесплодная вера, опасная глубь страстей, мрачной морщины на лицах людей, которые исказили в себе сановитость человеческого естества, попеременно представлялись моему духу при виде дикой природы. Я заглянул в самого себя, – тяжелый вздох вылетел из груди моей; я взглянул на небо и просил себе у Бога лучшего бытия. В горах мы наткнулись на древние развалины какой-то деревеньки. Никто не знал ее названия. Миновав их, поезд наш стал подниматься на последнее возвышение, за которым находились развалины Фекои. Сочувствие мое с печальными местностями продолжалось. Земля, на которой я живу, – думал я, – некогда была раем, а теперь она кладбище. Там гробы, здесь развалины, везде прах. Земля усеяна костями народов и ветхими обломками их существования. Живые люди бродят по могилам умерших братий своих, но и для нас настанет время, когда былые травное покроет наши гробы и само засохнет и умрет. Но вера говорит, что наши могилы суть нивы Божии, на которых сеются верна тленные, а оживут нетленные. Как утешительна эта вера! Это голубица, которая смягчает жесткие зерна для птенцов своих...

– Посмотрите, батюшка, какая прекрасная нива, – сказал мне о. Григорий.

– Ах! Боже мой! Какая роскошная зелень на этом поле; ну, отче, можно ли было ожидать такой прелести после мрачных картин, кои мы оставили за собою внизу? Там смерть, здесь жизнь. Там тление, здесь воскресение.

В самом деле, на вершине горы неожиданно представилось нашим взорам обширное, ровное, чистое поле, на котором зеленелась молодая кукуруза. На юго-восточном краю сего поля высился каменный холм и на нем виднелись развалины бекон. Мы проехали к ним чрез ниву и, поднявшись на темя холма, остановились на развалинах церкви. Не смотря на усталость и чрезвычайный жар, я не медля ни мало, сперва обошел вокруг разрушенной Фекои, а потом обозрел по частям все ее развалины, перепрыгивая с камня на камень, с кучи на кучу. Варварство людей разрушительнее времени. Время, особенно в жарких поднебьях, истлевает нечто в целом, а люди разоряют все целое. В Фекое они оставили о дне основы домов, разбросе камней, кучи земли, цистерны, несколько обломков колонн и крещальни. Все это вместе составляет безобразную, безличную массу, по которой, не возможно, составить определенного и подробного понятия о сем древнем городе. Посему я ограничиваюсь здесь несколькими замечаниями о местоположении, величине, укреплении Фекои и о крещальне.

Фекоя построена была на твердоизвестковом невысоком холме, поднятом силою природы на восточной окраине выси гор Иудейских. У подошвы сего холма с северо-запада и юга протягивается большое ровное поле, на котором, по сказанию моих проводников, древле росли роскошные масличные сады, но вырублены, вероятно, во время опустошения Фекои. Сказание их верно; ибо и ныне еще изредка видны пни, которые впрочем не дают отраслей. За этим полем взор ограничивается серыми вершинами гор, тянущихся к Хеврону. На севере видна христианская деревня Тайпе. Стало быть, и эта деревня и Фекоя стоят на значительных высотах. У восточной стороны холма горы обрываются и значительно понижаются к Мертвому морю. Это доказывает, что Фекойский холм составляет самую окраину

горного хребта Палестинского, как Таипе, как Елеон. Есть сходство между местоположениями Гавай Сауловой и Фекои; ибо там и здесь холмы стоят при ровных полях, способных к земледелию, с тою разницею, что поле Гавай протягается на восток от холма, а Фекойское – на запад.

На восточном краю Фекойского холма стоят развалины малого укрепления. О существовании его я догадывался по следующим признакам: а. видны фундаменты башен на северной стороне; б. стены здесь складены толще и из больших камней; в. эти развалины совершенно отделены от городских, так что между ними есть пустое, хотя небольшое пространство. Вероятно, тут стоял небольшой гарнизон, который сторожил Фекою и Вифлеем от арабов Приорданской пустыни. Так как Фекоя стояла под защитою сего укрепления, то она и не была окружена стенами; да и следов стен не видно. Все это селевое было не велико. Дома в нем были кладены из тесаных камней. Жители по недостатку текучей воды пили дождевую; посему в самом селении и в боках холма устроено довольно много глубоких и объемистых цистерн. Теперь все они безводны, потому что нет рук, которые бы направили в них небесную воду. На северо-западном краю Фекои была церковь. Ничего не сохранилось от нее, кроме цистерн, обломков нескольких колонн из простого местного камня посредственной работы и крещальни. Замечательна эта крещальня. Она довольно искусно выработана из цельного порфиrowого камня в виде осмиугольника, так что стенки ее довольно тонки, и когда постучишь в них, издают звук. Наружность ее украшена крестами в кругах точь в точь, как в Вифлеемской крещальне; но внутри нет никаких знаков. Крещальня довольно велика, просторна глубока; вышина ее будет аршина полтора. Я влезал в нее; пример свободного погружения моего в ней показал, что в ней крестить можно было и возрастных людей. Одному Богу известно, сколько душ возрождено в этой купели для жизни вечной и когда она опять станет на своем прежнем месте и наполнится св. водою, – Замечательно, что купели пощажены разорителями в Фекое, в Гофне и, может быть, в других местах, тогда как самые храмы разрушены были до основания. От чего

бы это так было! Может быть разрушители были христиане, вновь обращенные в магометанство, и потому они или посовестились, или побоялись истребить купели, над которыми совершалось величайшее таинство.

Фекоя, во время Ветхого Завета, была родиною пророка Амоса, простого пастыря овец, а во время Завета Нового считалась в числе семи протопопств. подлежащих непосредственному ведению иерусалимского патриарха. Эти протопопства были следующие: *Вифлеем, Еммаус, Фекоя, Св. Авраам (в Хевроне), Отче наш, Абвут и Ефрем*. Так гласит одна греческая древнейшая рукопись о пяти престолах патриарших, которая составляет драгоценнейшее достояние грешного архимандрита Порфирия¹⁴¹.

По обозрению развалин Фекои я отдохнул несколько минут у одной стены, бросавшей малую тень. Тут Ибрагим возвестил мне, что он, и братья, и все родные его суть потомки древних жителей Фекои, которые, по разорению их родного селения, переселились в Вифлеем. Эта новость весьма обрадовала меня. Не только сохранились в предании и языке народном имя Фекои, но и потомство сего злополучного места. Этим известием поясняется и значительное народонаселение Вифлеема. Само собою разумеется, что все родство Ибрагима происходит не от евреев, но от тех христиан Фекои, которые жили там после евреев, – во время владычества византийских православных царей в Палестине.

Из Фекои мы оправились в Вифлеем другою дорогою, именно чрез долину Ефамскую (вади-Юртас). Эта дорога так же хороша, как и самая долина, обставленная довольно высокими и красивыми горами. Как долина, так и горы ее весьма способны к возделыванию. На них могли бы расти благородный дерева и виноградники. Но Бог знает, когда они дождутся рук трудолюбивых, кои некогда возделывали их, как это заметно по опустелым террасам на боках гор. В Вифлееме мы остановились на короткое время и уехали отсюда в Иерусалим¹⁴².

* * *

ИЮНЬ 22. Смежно с русскими Феодоровским монастырем в Иерусалиме есть высокий каменный дом. В нем живет православный араб Дауд со своим семейством. Он содержит свой дом и пропитывает себя, жену и детей своих трудами рук своих, работая восковые свечи для церквей и для поклонников. Труд, воздержание, бережливость, честность и богобоязненность составляют его богатство; посему он пользуется общим уважением и почетом в Иерусалиме. Так как он женат на адрианопольской гречанке, то все дети его и сам он говорит по-новогречески. В прошлом Апреле месяце он шумно праздновал свадьбу старшего сына своего; а в июне расстроилась свадьба дочери его и расстроилась неприятным образом. Бог спас красоту и невинность от жениха лиходея, и спас посредством моего недостойнства.

Жених дочери Дауда, тоже православный араб иерусалимский, есть близкий родственник герондиссы, т. е. наложницы наместника патриаршего, архиепископа лиддского Кирилла. Она то засватала свою роденьку за дочь Дауда. Это было года два тому назад. Дауд знал отца женихова, как доброго христианина и честного человека, и потому решился отдать дочь свою за сына его в той надежде, что он пойдет по следам отца и что при покровительстве наместника торг его и зятя пойдет успешнее. По арабскому обычаю, жених прислал своей невесте брачное вено, т. е. платья и головной убор с грудными украшениями, состоящими из одних золотых монет турецких, и по временам угощал отца и мать и родных своей невесты. Минул год; настал другой. Отец жениха умер, и молодой человек стал шалить и поведением своим предвещал недобрую участь будущей жене своей. Худая молва о нем не раз заставляла Дауда задумываться при взгляде на милое дитяtko его, которой минуло только что 13 лет, а мать ее проливала горячие слезы и упрашивала Дауда отказать жениху и отослать ему назад брачное вено. По обычаю, это можно было сделать; но как сладить с герондиссою архиепископа? Как потушить ярость обиженного честолубия преосвященной монахини? Вот задача, которой не умел решить Дауд. Но во всех странах света женский ум лучше всяких дум. Жена Дауда, бойкая гречанка,

дала ему такой нечаянный и неопровержимый совет, который в миг уничтожил все страхи и расчеты его и заставит его покориться вдохновению и воле ее. Однажды, в час искреннего домашнего совещания о судьбе дочери, после разных сомнений, споров, тревог, надежд, она вдруг сказала Дауду: знаешь ли, что пришло мне на мысль? Дочь наша еще молода; не погубим своего цветочка; пред наместником Кириллом нас защитит московский архимандрит, который, как все говорят, приехал сюда по царскому повелению; откажем жениху; когда деспот будет грозить тебе и принуждать тебя играть свадьбу, тогда ты пойдешь к архимандриту, объявишь ему наше горе и попросишь его заступиться за правое дело; говорят, что он очень ласков ко всем и весьма добр; если он согласится вступить за нас, то наши архиереи не посмеют огорчить его отказом. Дауд, который после передал мне эти слова, ободрился советом жены; тотчас они послали за священниками, которые должны были засвидетельствовать, что невеста, и ее отец, и мать не согласны принять жениха; люди Божии и народные пришли, потолковали и решили, чтобы жених взял назад свое брачное вено.

Жених, его родные, герондисса наместника и сам он взбесились. Наместник позвал к себе Дауда; посыпались советы, увещания, просьбы, угрозы; Дауд смиренно кланялся и отклонял, как мог, вынужденный брак. Герондисса сердилась, кричала, топала ногами и угрожала, что наместник предаст его проклятию, если он станет противиться их воле. [Архиепископ злоупотребил священной властью в угодность своей утешнице. Любовь отеческая (восторжествовав, победила страх), презирая несправедливое проклятие]. Дауд просил их дать ему время подумать, и ушел домой встревоженный, печальный.

Прошло несколько дней после этой угрозы. Любовь родительская никак не могла поладить с раздраженным самолюбием людей несправедливых и мстительных. Наконец, когда решительно объявлено было Дауду, что свадьба уже назначена в день Петра и Павла, тогда он снова позвал к себе священников и упросил их отнести в дом жениха брачные подарки его и тем рассечь узел. Это было утром 22 июня. Жених, лишь только увидел свои вещи, пришел в бешенство,

прогнал священников и побежал в дом невесты. Бросив да дочь вено, он начал браниться с Даудом и в ярости стал бить его и вышиб ему один зуб. В Феодоровском монастыре слышался крик, вой, плачь. Мы выбежали на террасу; смотрим: в проулке у латинского монастыря Спасителя толпятся священники, арабы, арабки; одна здоровая и сильная болгарка схватила жениха и тащит его в проулок. Потом все исчезли. Дауд заперся в своем доме. Спустя несколько минут слышался выстрел, потом сильный стук и шум человеческих голосов. Мы опять вышли из своих келий и увидели, что жених со своими закадычными приятелями изволил отбивать ворота дома своей невесты. Тогда наш игумен тотчас дал знать об этом архиепископу лиддскому, и он прислал двух турок кавасов патриархии, которые прибили жениха тут же на месте преступление и на плечах утащили его домой, а соучастники его разбежались. Тогда сердце, мое растерзалось. Больно было видеть лютость и злость человека, помраченного невежеством, страстями и пороком. А что происходило в душе невинной девушки при мысли о женихе разбойнике?

В тот же день архиепископ лиддский позвал к себе Дауда и уговаривал его забыть безрассудное буйство жениха, помириться с ним и затеять веселую свадьбу; а герондисса обещала ему принять на себя все издержки свадьбы. Но Дауд отвечал им с твердостью духа, что он скорее решится умереть, нежели отдать дочь свою в руки разбойника. Архиепископ, видя его твердость и непоколебимость, произнес проклятие на него и присовокупил, что у отлученного от церкви возьмут дочь и насильно. Злополучный Дауд выдержал грозу и ушел домой с мрачными думами. Созвав к себе родственников, он объявил им свое несчастное положение и просил их совета. В порыве негодования все решили избавиться от проклятия и мести сильного архиепископа принятием унии, и потому согласились на другой же день идти к французскому консулу и просить у него защиты и покровительства. Эта решимость в таком важном случае ни мало не удивительна; ибо арабы и за деньги переменяют веру. Но когда советники разошлись по домам своим, жена Дауда своими слезами и мольбами, а духовник их,

архиепископ набулусский, устрашением гнева Божия и гибели вечной успели поколебать намерение его и заставили его прибегнуть к моему заступлению.

Вечером, когда народ уже перестает ходить по улицам, Дауд пришел ко мне в келью и, со слезами рассказав мне свое горе, умолял меня вступить за несчастное семейство и спасти невинную девушку от злой участи. Если вы не поможете нам, то остается нам принять унию; другого средства к спасению мы не имеем, – так заключил он свои жалобы. Я задумался. Сердце мое побуждало меня оказать помощь угнетенному семейству и удержать его в православной церкви, а рассудок запрещал мне вмешательство в чужое и при том семейное дело, напоминая мне то переменчивость намерений чедовеческих, то дерзость быть судьей архиереев, то неприятную и невыгодную размолвку с ними, тогда как по назначению моему я должен сохранять мир и дружбу с ними. Эта борьба несносно терзала мою душу. Я не знал, кого более слушаться: сердца или рассудка, и в этой нерешимости принужден был еще раз дознать решимость Дауда, хотя тонкое чувство говорило мне, что мои сомнения, моя осторожность послужат тяжким и несправедливым испытанием отеческому сердцу. Я допросил Дауда: не подвергнет ли он себя кровавой мести жениха или родных его в случае отказа, не переменит ли он своего намерения, не уступит ли настояниям покровителей жениха, и когда увидел твердую решимость его, то обещался ходатайствовать за него пред первым наместником патриарха, но вместе просил его не торопить меня. «Поспешность во всяком, и наипаче в важном деле, не благоразумна, говорил я ему, потерпим дня два-три; может быть, архиепископ сам образумится и раздумает затеивать брак против воли твоей, девушкиной и матерней; но если он будет настаивать на своем, то ты опять приди ко мне, и тогда я знаю, что делать. Но Дауд убедительно просил меня не отлагать доброго дела, поставляя мне на вид неодолимое упорство архиепископа лиддского и его герондиссы. Мы будем медлить, – говорил он сквозь слезы, – а они успеют совершить свой замысел чрез турецкую власть: отошлют меня в Саввинский монастырь, как помешанного в уме, и потом

насильно обвенчают мою дочь. Этот довод его показался мне весьма важным; ибо я знал, что наместники патриарха имеют гражданское право наказывать христиан, ссылая их в монастыри, заключать их в тюрьму и пр., и вспомнил несчастного грека, который умер в заточении в Саввинском монастыре за то, что жена его понравилась игумену Ильинского монастыря, который прежде был казначеем иерусалимского синода¹⁴³. После этого я уже более не колебался и дал священное слово Дауду идти завтра же к митрополиту петроаравийскому и поправить дело, во что бы то ни стало. Благодарный араб поклонился мне до лица земли и возвратился домой успокоенный.

ИЮНЬ 23. Утром я посетил митрополита и после обычных приветствий начал разговор.

– Владыка святой! Я пришел поговорить с вами наедине об одном важном деле. Прошу вас удостоить меня вашим вниманием.

– И телесный, и духовный слух мой открыт для вас, – отвечал ласково митрополит.

– Без сомнения, вам известно печальное происшествие, случившееся вчера в доме православного араба.

– Дауда? Знаем, знаем. Э, пустое дело, семейная ссора...; подобные случаи не редки между арабами; они варвары, батюшка, варвары!

– Пустое дело, владыка, да следствия его печальны. От искры загорается пожар. Ведь, Дауд со всею роднею своею хочет принять унию под покровительством французского консула.

– Кто вам сказал это?

– Я слышал об этом от достоверных людей.

– Наши говорили вам? Не верьте им и между ними есть лжебратия.

– Я давно не видал ни одного из ваших старцев и прошу вас не подозревать никого из них. Я умею напиться воды из ближайшего источника.

– Будьте спокойны, о. архимандрит, и верьте мне, что пожара не будет.

Я заметил, что митрополит хотел отделаться пустыми отрицаниями и скрытностью, и потому решил заставить его быть искренним и склонить его в пользу Дауда.

– Приятно верить вашему проречению, продолжал я. Но горестно слышать, что искры семейного раздора брошены из монастыря Св. Гроба. Весь мир оправдывает Дауда и обвиняет преосвященного Кирилла и его герондиссу.

– Арабы злодеи! закричал митрополит, покраснев. Они ненавидят нас и поносят. Вы им верите, а нас обвиняете.

– Что вы говорите, владыка! Я обвиняю вас? Я, отрок малый пред вами? Я пришел только сказать вам то, что слышал, и, если это правда, просить вас потушить дело, которое чернит все святогробское братство, и удержать в православии несколько душ христианских. Честь вашего братства дорога для меня так же, как и моя собственная; и мне больно думать, что не завтра, так послезавтра уменьшится стадо Христово, и без того малое и слабое.

– Да не верьте слухам. Они преувеличены.

– Положим, что они даже не справедливы. Но, кажется, благоразумие заставляет устранять и ложные, вредные слухи, и особенно, когда многочисленные враги наши готовы воспользоваться ими ко вреду нашему, Вы знаете, что теперь Иерусалим сделался местом европейским. Думаете ли вы, что консулы и попы латинские и английские не знают вчерашнего происхождения? И можно ли надеяться, что они пощадят вас и скроют разнесшийся по всему городу слух, что монахиня, герондисса наместника патриарха, мешается в семейное дело, заводит ссоры, гонит невинных и голубицу отдает на растерзание лютomu ястребу!

– Боже мой! Куда нам деваться от врагов? – сказал митрополит с тяжким вздохом.

– Есть убежище.

– Где оно!

– В вашей власти и справедливости. Оставьте в покое Дауда; накажите дерзкого жениха или скажите ему, чтобы он взял свое брачное вено; сделайте это как можно скорее, и бесчестие отнимется от вас.

– Постараемся как-нибудь уладить дело.

Я весьма обрадовался этому вызову митрополита и, дорожа минутой его расположения к справедливости, спросил его тоном братской простоты, понизив голос свой:

– А скажите, владыка, почему герондисса лиддского архиепископа принимает сильное участие в молодом арабе?

– Он родственник ей.

– Как! Араб родственник гречанке! Это что-то мудрено.

– Ничего мудреного нет тут. Вот их родословие. Давно, не помню годов, был здесь один архимандрит и протосингелл. По слабости человеческой, он прижил дочь. Отсюда выслали его и с дочерью в Влахобогданию для управления тамошними имениями Св. Гроба. Он пожил там несколько лет и умер, а дочь его, лет 12 или 13, возвратилась в Иерусалим. Здесь не знали, что делать с нею; выслали было ее в Яффу к одному арабу, но она убежала и оттуда и опять явилась в Иерусалиме; тогда выдали ее за здешнего араба, и вот сын то ее и есть жених дочери Дауда. А герондисса лиддского приходится сродни его матери, и потому она приняла участие в мальчишке и засватала его за дочь Дауда. Дауд согласен был на этот брак, а теперь, бездельник, противится и стыдит нас пред целым светом.

– Я не знал этой истории, и признаюсь вам, она довольно соблазнительна. Грех монашеский приносит горькие плоды.

– Но дети не отвечают за грехи родителей.

– Не отвечают, но часто наследуют их слабости. И внук протосингелла оказался негодяем. И так есть чего пугаться Дауду. Какому отцу захочется отдать дочь свою за шалуна, за разбойника? Дауд имел, и особенно теперь имеет полное право отказать ему в руке своей дочери. Зачем же приневоливать, огорчать, убивать родительское сердце? Не грешно ли пред Богом обрекать невинную девушку позору и несчастью? И что это за брак, который хотят заключить против воли отца, матери и невесты? Это ли брак о Господе? Я прошу вас, владыка, предупредить зло, и скажу вам откровенно, что если герондисса лиддского будет угрожать и мстить Дауду и если он обратится в унию, то я не умолчу об этом; пойду в России и везде буду говорить, что вы сами причиною распространения унии.

– Говорите, что вам угодно. Но грех и наказание при вас будет

– Не думаю, чтобы грешно было тушить пожар истреблять яд, предупреждать зло. Ревность по православию есть святая добродетель, – сказал я в припадке душевной лихорадки.

– Вы не любите нас и защищаете арабов.

– Бог знает меру моей любви к вам, а арабов я жалею и готов защищать их пред целым светом.

– Они не имеют никакой веры; они варвары, злодеи.

– Вы дайте им веру; вы сделайте их кроткими агнцами, ибо вы – пастыри их.

– Они не слушаются нас.

– Не удивительно, ибо вы не любите их, презираете их. Это – народ-мученик. Магометане угнетают его; и какое утешение получают арабы от вас? Им даже помолиться негде. Сельские церкви находятся в самом жалком положении.

– Вы забываете, что мы находимся под турецким игом.

– Однако ж, турки не запрещают вам починивать церквей и даже строить их вновь на старых основаниях, и еще менее запрещают украшать их иконостасами. А в сельских церквях ваших вовсе нет ни икон, ни риз, ни...

– Где ж нам взять иконописцев? А по рукоположении каждого священника мы даем ему подризник, поручи, епитрахиль, фелонь, дискос и потир. Да они не берегут их.

Я хотел было сказать митрополиту, что ризы даются священникам поношенные и на всю жизнь и что лучше бы давать им деревянные сосуды, а не свинцовые. Но промолчал, и заговорил о священниках.

– Священники ваши не понимают своих обязанностей; таинства совершают кое-как; держат в церквях скотину. Вместо того, чтобы наставлять их, вы их выгоняете от себя, как презренных рабов. Когда они стучатся в двери ваших келий и творят молитву: Δι' εὐχῶν = *Молитвами св. отец, вы отвечаете им: рух-мингон*¹⁴⁴ = *ступай прочь (ступай вон), подлец!*

– Мы не принимаем к себе арабских священников, дабы не уронить архиерейского достоинства. А о просьбах их

докладывает нам драгоман.

– В первый раз в жизни слышу, что достоинство архиерея унижается от приема священников в дом. Владыка! Каждый епископ есть кифара, а иереи – струны; это не я говорю, а Св. Игнатий Богоносец! Видите, в какой близкой связи поставляют св. отцы епископов и священников.

– Мы не понимаем их языка.

– Почему же вы не учитесь по-арабски? И этим вы охлаждаете к себе арабов. Но положим, что уже поздно вам учиться местному языку; по крайней мере, пусть драгоман передает вам их просьбы в их присутствии.

– Не нам вводить новые обычаи.

– Итак, все останется у вас по старому? Не будет учреждено училище для воспитания сынов арабских священников? Арабки, – вдовы, сироты и калеки, не будут иметь приюта в женских монастырях? Араб не может быть ни архиереем, ни послушником монастырским?

– Это не наше дело; про то знает патриарх.

Я замолчал, потому что разговор сделался крупным и уклонился от главной цели. Нужно было дать другой оборот речи.

– Не буду спорить с вами, владыка, – продолжал я. Не мое дело указывать вам. Простите меня великодушно, если я оскорбил вас.

– Тот не оскорбляет, кто вразумляет, – отвечал митрополит и поцеловал меня в висок.

После сего я стал прощаться с ним, и при прощании еще раз попросил его принять Дауда под защиту. Митрополит обещался устроить дело по моему желанию.

По возвращении домой я позвал к себе Дауда, обнадежил его благополучным окончанием его дела, и приказал ему извещать меня о последствиях моего ходатайства за него.

ИЮНЬ 26. Спустя два дня после свидания моего с митрополитом Мелетием, спутник мой о. Григорий пошел к архиепископу лиддскому поговорить с ним о своем деле. Тогда архиепископ высказал ему все свое неудовольствие на меня, и просил его объявить мне, что он считает меня простым

богомольцем и не понимает, кто поставил меня судьей над ним, потому что ни патриарх, ни российский синод не писали в Иерусалим о судебных правах архимандрита Порфирия; просил также сказать мне, что Дауд, по обычаю арабскому, должен уплатить жениху издержки угощений, и что он не хочет и не в состоянии уплатить их, а нельзя же обижать и жениха; довольно с него и того, что он обещен пред всеми семействами. Когда о. Григорий пересказал мне все это, то я, желая кончить неприятное дело, упросил его сходить к лиддскому и дать ему следующий ответ: Архимандрит Порфирий и не думал быть вашим судьей; но если он вступился за Дауда, то это сделал по тому, что гонимое семейство просило у него защиты, и по тому, что он, по долгу сына церкви православной, желал спасти Дауда и родных его от тяжкого греха, каков есть перемена веры. Архимандрит просит вас кончить дело в пользу Дауда, и он выйдет из Иерусалима тогда только, когда увидит успокоенным невинное семейство. Что касается до уплаты денег за издержки жениха, то архимандрит жертвует их столько, сколько придется по расчету.

Архиепископ лиддский, даром что чрезвычайно упорен, обдумался, смягчился и решился уступить моей настойчивости. Но он требовал от Дауда 700 пиастров в пополнение убытков жениха. Это требование опять произвело опоры и неудовольствия. Дауд и арабские священники вопияли, что это противно арабским обычаям. Архиепископ хотел хоть чем-нибудь потешить жениха, который лишается невесты и чести. Я советовал Дауду исполнить требование лиддского, и обещался дать ему вспоможение деньгами.

ИЮНЬ 29. Новый день, новые хлопоты. Утром архиепископ неаполийский прислал ко мне своего послушника спросить, буду ли я дома после полудня. Я отвечал, что ежели преосвященный намерен посетить меня, то я стану ждать его целый день. Не трудно было предвидеть цель посещения архиепископа. Он – духовник жены Даудовой; он не расположен к лиддскому; он – враг всех герондисс; стало быть, по случаю какой-нибудь новой завязки, он будет жаловаться мне и просить меня рассечь узел; так я гадал и угадал. Архиепископ неаполийский посетил меня

ровно в 12 часов, и в сильных выражениях жаловался на превратный образ жизни монахов иерусалимских; оплакивал бесчестие, какое наносят герондиссы святогробскому братству; неоднократно повторял: горе делающим беззаконие, горе называющим черное белым и белое черным; упрекал лидского в женоугодии; говорил, что он в противность арабским обычаям заставляет Дауда платить деньги, потому что ежели невеста отказывает жениху, то отсылается только брачное вено и ничего более, и, наконец, просил меня прекратить соблазн. Будьте второй Нафан, говорил он мне с воодушевлением, идите и смело, с дерзновением, обличите беззаконие; не бойтесь, потому что одного присутствия вашего здесь трепещут те, у которых совесть не чиста и помрачена. Справедливость и ревность архиепископа тронули меня до глубины души. Я обещался ему употребить свое влияние.

Вечером я посетил митрополита Мелетия и с евангельским воодушевлением говорил ему, что надобно прекратить соблазн, что несчастна та церковь, которою управляют монахини, а не епископы, что ежели похотливое воззрите на жену есть грех, то что же сожитие с женами, что горе тем, чрез которых соблазн приходит в мир, что ежели в мире нравственное растление отвратительно, то в монастырях и на св. местах оно ужасно и пр. Митрополит стал защищать местный обычай иметь монахам герондисс. Апостол Петр, – говорил он, – водил с собою сестру-жену, а мы преемники его. Самому Господу жены служили, почему ж и нам не принять их служения и послушания. Притом, не мы первые ввели обычай принимать в свои келии герондисс; это уже издавна ведется здесь. Зло меньшее все же лучше зла большого. Ну, пусть мы, по вашему, любодеи, блудодеи; мы отдадим отчет в этом Богу. – Эта апология ужаснула меня, и я в порыве священного негодования сказал ему: Богу и людям, владыка! Ежели вы так думаете, ежели вы так чувствуете, то я скажу вам не обинуясь, что отнимется от вас царство Божие и дастся другим. И что я говорю! Оно уже отнимается от вас; Христос оставляет вас, бежит от вас. Православная церковь видимо слабеет, умирает в Палестине.

– Что ж нам делать? Мы бессильны. Турки нас гнетут; армяне нас обижают; латины насильно отнимают; у нас овец. Никто нас не защищает; никто не поддерживает.

– Турки, армяне, латины... а позвольте вас спросить: кто причиною кровавой вражды православных христиан Вифлеема и Бетжалы? Не вы ли расторгли там брак против обычая и тем подали повод к вражде? Почему вы не помирите их!

– Кровавая месть есть наследственный порок арабов. Не возможно истребить его.

– А я думаю, что возможно. Тот христианин из Бетжалы, которого жену отдали другому, теперь ищет примирения и просит только денег с нового мужа жены его. Сей последний не в состоянии удовлетворить его по бедности своей. Почему же вы не дадите своих денег?

– Если мы уплатим деньги, то все арабы скажут, что мы виноваты.

– Итак, еще будет литься кровь христианская от недостатка вашего самоотвержения и от ложного стыда вашего?

– Мы не имеем власти; мы не можем управиться с арабами.

– Если не можете вы, так другие управятся с ними.

Услышав это, митрополит изменился в лице, снял камилавку и в порыве оскорбленного самолюбия сказал, чего я не ожидал:

– Так Дионисия, митрополита вифлеемского, вы прочите на мое место?

– Владыка святой! Мое ли это дело? Я об этом никогда и не думал.

Последовало обоюдное молчание от смятения душевного. Молчание после размолвки весьма неприятно. Я опять начал говорить:

– Ради Бога, прошу вас, владыка, сделать доброе дело, успокоить семейство Дауда. Скажите преосвященному Кириллу, что если непременно нужно уплатить жениху 700 пиастров, то Дауд найдет эти деньги; скажите ему так же, что я твердо решился защитить невинное семейство во что бы то ни стадо.

– Будьте спокойны, о. архимандрит. Постараемся исполнить вашу просьбу.

Утром я позвал к себе Дауда и уговорил его внести требуемую сумму, дань ему 400 пиастров безвозвратно.

ИЮЛЬ. 1-го дня кончилось дело по моему желанию. Жених взял назад брачное вено. Дауд отсчитал ему 700 пиастров; невеста спаслась от разбойника.

Архимандрит Арсений опять возвращен в Саввинский монастырь¹⁴⁵.

ИЮЛЯ 2. Митрополит петро-аравийский посетил меня вечером... Мир.... Мы опять поладили.

ИЮЛЯ 3. Игумен Афанасий. Училище женское. Попы – αὐτεξούσιοι¹⁴⁶ Князь курдский.

NB. В Большой Панагии (отвели) старую келью для игумены Улиты.

ИЮЛЯ 6 – 7. Як-бы помириться....

ИЮЛЯ 7. Около 500 солдат заперлись в крепость. Ожидаем возмущения за неплатеж жалованья солдатам. Вселенской патриархии служба оставлена. Будет взята контрибуция с монастырей.

ИЮЛЯ 10. Бунт в семинарии букарестской. Священники вифлеемские и бетжалские желали служить у пророка Илии и в Крестном монастыре... отказано.

ИЮЛЯ 11. Филадельфийский епископ посетил меня вечером. Ничего нового.

ИЮЛЯ 13. Греческое правительство возвратило имение Гробу Господню. – Извлечение... Чинджик – насекомое.

ИЮЛЯ 15. Вифания. Иеромонах из Валахии приходил ко мне просить меня о помещении сестры его, – монахини, в Екатерининский монастырь. Архимандрит Антоний дал деньги патриарху и желал жить в Саввинском монастыре и служить; но в патриархии здешней отказали ему в этом, и он, разгневавшись, уехал назад. Архимандрита Антония знал Савушка, по словам коего он был задумчив и говаривал, что он не достоин жить на свете. Антоний считал себя обиженным¹⁴⁷.

ИЮЛЯ 18¹⁴⁸. В два часа пополудни я выехал из Иерусалима в Вифлеем. В последний раз я хотел поклониться Богу на месте рождения Спасителя человеческого рода и причаститься святых, божественных, бессмертных и животворящих Христовых таин.

По приезде в монастырь, я просил митрополита отслужить со мною обедню рано утром и пригласить к служению о. Илию. Митрополит изъявил свое мне согласие. Остальную часть дня я употребил на обозрение тех частей храма Вифлеемского, коих я не успел описать прежде¹⁴⁹.

Сей храм имеет два придела: один православный по правую, а другой армянский по левую сторону главного алтаря. Приделы сии отделаны весьма посредственно; они не отделены от церкви иконостасами и потому точнее назвать их надобно алтарями. Высоко вверху над нашим алтарем сохранились два мозаические изображения: Илии пророка и Шествия Спасителя в Иерусалим; на одной линии с ними видны и в армянской половине также два изображения: Вознесение Господа на небо и явление Его Фоме. Все четыре изображения очень древни, как это доказывается не живописностью, а только очертательностью и суровою простотою их. Три из них сохранились в целости, а в изображении Вознесения недостает Возносящегося Спасителя. За северною стеною Вифлеемского храма находится церковь католическая с разными алтарями. Нет в ней ничего замечательного.

ИЮЛЯ 19. Сегодня Господь сподобил меня совершить бескровную жертву в великой тишине и теплоте духа вместе с благочестивым митрополитом. Господь знает тайны, кои я глагоlal Ему. После обедни я облобызал ясли Господни, и в этот раз так же, как и прежде, чувствовал, что чело мое погружалось в мрамор, как в мягкую вещь. Вера умягчает и камни.

Так как армянский патриарх пред отъездом моим в Вифлеем просил меня вникнуть в спор его с греками за ключ от двух дверей храма: внутренней, ведущей в их придел, и наружной, – вводящей в храм с улицы, то я посетил армянского архимандрита Григория, живущего здесь в особом монастыре, пристроенном к Вифлеемскому храму, и просил его объяснить мне на месте жалкие споры.

Мы пошли в храм. Здесь архимандрит начал жаловаться мне, что греки имеют много входов в храм, а армянам не только не позволяют иметь свой ключ от единственной двери, ведущей в их придел, но даже совершают свои процессии чрез их придел и тем беспокоят молящихся армян. Я отвечал ему, что греки в самом деле не правы и что им следует уступить армянам не только ключ, но и самую дверь придала. Это ли одно притеснение мы терпим от греков? продолжал архимандрит. Они не позволяют нам прибавлять икон в нашем собственном приделе, ни заменяют ветхие новыми. А вы сами изволите видеть, что эти иконы очень дурно написаны; нам хотелось бы поставить здесь лучшее. А в Св. Пещере митрополит нарочно оставляет Евангелие свое на св. престоле, чтобы мы не смели священнодействовать тут. Когда мы служим в приделе, он приказывает растворить окна одного для того только, чтобы иметь удовольствие смотреть как ветер или дождь тушит наши лампы и свечи. Нас обижают также и католики. Они имеют ход в Св. Пещеру из своей церкви, чрез подземелье, но не смотря на то, открыли другой ход чрез наш придел. Такие притеснения лишают нас терпения. Я вполне сочувствовал почтенному о. архимандриту и просил его объяснить мне, почему хотелось бы армянам иметь ключ и от уличной двери храма, тогда как они имеют свободный вход в сей храм из своего монастыря. Он отвечал мне, что им желательно вводить в храм благородных и богатых армян прямо с улицы, потому что ход, ведущий в их монастырь, пролегает чрез конюшню, а другого хода нет, да и устроить его не позволять ни латины. ни греки, ни турки. Мне любопытно было видеть этот бесчестный для армян ход. Мы пошли туда и что же я увидел? Весьма просторное и чистое помещение под древними сводами, складенными из тесаных камней, под которыми мы прошли к

уличной небольшой калитке. Правда, есть тут, в стороне, конюшня, но она нисколько не мешает ходить в монастырь. Тогда я на месте увидел, что притязание армян на наружную дверь храма Вифлеемского есть один каприз, одно желание совместничества. Архимандрит жаловался, выставял право необходимости, ссылаясь на благородство армян, как будто они не имеют конюшен в домах своих. Но я молчал и тем давал ему чувствовать несправедливость его жалоб и доводов. Переменив разговор, мы возвратились в монастырь. После короткая угощения, я простился с архимандритом дружелюбно и ушел к митрополиту.

Преосвященный не утерпел, спросил меня, зачем я ходил в армянский монастырь. Для заметок, отвечал я. Митрополит потупил взор и потом опять спросил: угощал вас архимандрит? И услышав утвердительный ответ мой, покачал головою и сказал: и вы не погнушались? Мне стало смешно, и я отделался от него шуткою. Владыко! Если путешественник будет различать веру от веры и чуждаться иноверцев, то ему придется умереть с голода в дороге.

Пред прощанием митрополит благословил меня маленьким серебряным крестом, в котором вложены были частичка животворящего древа и крошечный кусочек от мертвенного ложа Господа Иисуса Христа. Этот священный дар восхитил меня до небес. Я сердечно благодарил митрополита, повторяя ему несколько раз: Вы имеете вечное место в душе моей! Мы расстались как друзья.

Дионисий, митрополит вифлеемский, родом болгарин; роста среднего, малое лицо его бело и весьма сухощаво; глаза у него серые, нос весьма тощий, большие седые усы закрывают обе губы; руки его трясутся; он трезвен душою и телом, не любит и не держит у себя кокон и горюет, что его собратия позволяют себе сожитие с герондиссами. Его обвиняют все в корыстолюбии и скупости. Он управлял сперва епархиею Филадельфийскою за Иорданом, потом Назаретскою; был наместником патриаршим и сменен за горячность характера и за преследование кокон монастырских. Нынешние наместники патриарха не любят и гонят его. Он имеет титул экзарха всей Иудеи. В епархии его

считаются две деревни: Вифлеем и деревня Пастырей. Он первый поставлен митрополитом вифлеемским; до него игумены заведовали св. поклонением, а епархия управлялась наместниками.

В 8 часов утра я выехал из Вифлеема в деревню, известную поклонникам под именем Горняя. Здесь я намерен был провести дня три с тем, чтобы осмотреть ближайшие деревни, как-то: Кустул, Собу, Сатаф, Кулоние и неби-Самуил. Со мною были о. Григорий, Иван и проводник Омер-бей.

Подъехав к гробу Рахили, мы остановились подле сего древнего памятника. Мне хотелось поверить говор людской, будто внутри здания еще сохраняется часть столпа, поставленного Иаковом над прахом Рахили. Двери были заперты, но сквозь щель можно было хорошо видеть всю внутренность малого здания. Я внимательно и долго вглядывался туда и ничего не заметил, кроме голых стен и обыкновенного нового надгробного памятника во вкусе мусульманском. Все здание совершенно ново. Оно имеет вид четвероугольной часовни с куполом, ничем неотличающейся от часовен, которые поставляют магометане над своими святыми. Но эта часовня построена на развалинах старого здания, которого основания и по ныне видны в некоторых местах. Теперь евреи владеют этим местом. Верь после этого говору людскому. Свои очи лучше видят; свой рассудок лучше понимает вещи. Иногда не худо верить другим, но всегда лучше самому поверять молву.

От гроба Рахили мы скоро скрылись в лощине за западным возвышением Ильинского монастыря и по ровной дороге подъехали к арабской деревне Бет-Суфаф. Эта бедная и незначительная деревня стоит в начале долины эл-Верд, протягающейся отсюда к западу. Долина покрыта масличиями и фиговыми деревьями, а за деревню я заметил в одном саду множество розовых кустов, уже отцветших. Миновав этот сад, мы стали подниматься на гору. Подъем весьма каменист и труден. С высшей точки его взор объемлет большую часть красивой долины эл-Верд, ее угрюмые холмы, из которых на одном красовалась деревня эш-Шарафат с побеленною

мечетию, и впереди деревню Малху. Мне говорили, что в Шарафате в мечеть обращен был христианский храм, в котором погребен был какой-то патриарх иерусалимский, но от арабов нельзя добиться толку; они не знали ни названия сего храма, ни имени патриарха. Думать надобно, что в этой деревне было загородное имение патриархов, а может быть и монастырь. У подошвы высокого и крутого холма, на котором построена большая деревня Малха. мы отдохнули немного под тетю масличий. Близ сей деревни есть источник, славящийся отменно вкусною и легкою водою. Я видел его во время поездки к источнику Св. Филиппа¹⁵⁰. Предание говорит, что Богоматерь отдыхала подле Малховского родника на пути из Вифлеема в Египет. Отцы иерусалимские весною и летом часто приезжают сюда подышать свежим деревенским воздухом и провести время братски среди роз подле священного источника. От Малхи по горной выси скоро доехали мы до весьма крутой лощины, которая ведет в Горнюю с юго-востока. С большим трудом и медленно спустились мы на лошадях по каменистой тропинке и чрез деревню приехали мы в католический монастырь. Игумен, которому я вручил рекомендательное письмо иерусалимского реверендима, принял нас отменно ласково и отвел для нас три кельи, назначенный для помещения приезжих. Был одиннадцатый час дня.

Местоположение эн-Клрема весьма приятно. Эта деревня построена на пологой впадине горного хребта, лежащего между двумя долинами, эл-Верд и Бет-Ханина, под челом горы, взбегающей на восток к Крестовскому монастырю. Она состоит из двух частей, отделенных малым промежутком; в верхней части, ближе к челу горы, находится католически монастырь с садом, а от монастыря ниже кругом стоят дома; в другой части видно также несколько домов на обнаженной скале. Все дома каменные и построены недурно. Окрестности эн-Карема весьма привлекательны. Я любовался ими с крыши монастырского здания пред закатом солнца, которое скрылось за горами, влево от деревни Касталь; прямо предо мною, вдали, протягался горный хребет с юго-запада на северо-запад. Последние лучи солнца ярко озаряли гребень его золотистым и румяным светом.

Солнце перестало рисовать этот гребень и Касталь резко обозначился в сумерках на высоком холме своего, словно пирамида. Но вправо от Касталя деревня Кулоние еще облита была светом. У подошвы эн-Карема глубокая долина Гигантов или Теревинфова пролегалла к Кулонии меж гор и под густыми масличными деревьями казалась зеленым садом. Вблизи, на право от монастыря, взор ограничивается тремя теменами соседней горы голой и дикой, а на левой – дикими и крутыми скалами горного хребта. Между вторым и третьим склоном, близ дороги, ведущей в Малху, из подошвы горы вытекает источник Марии, а между 3-м и 4-м склоном видны развалины мнимого дома Захарии. За пятым склоном хребет заворачивается на запад.

Здесьний латинский монастырь Иоанна Предтечи принадлежит францисканам Св. Земли. По преданию сих отцев, он построен на того месте, где стоял дом Захарии и Елизаветы, родителей Предтечи. Вот что гласит предание, изложенное в небольшой печатной книжке, которую мне подарил настоятель сего монастыря.

В эн-Кареме находится преславный и древнейший храм Св. Гоанна Крестителя, великолепно устроенный христианами на месте дома Захарии и Елизаветы, в котором родился Предтеча Господень. Сюда-то приходила из Назарета Пренепорочная Дева Мария и здесь, исполненная Духа Святого, воспела достойный вечных похвал гимн: Величит душа моя Господа. Здесь и Захария, после онемения, проглаголал и, по вдохновению Св. Духа, произнес другой гимн к великому удивлению всех. Сей дом освятила своим присутствием Матерь Божия во время трехмесячного пребывания у своей родственницы Елизаветы. Сей дом украсил освященный от чрева матери Иоанн, живя, в нем со своими святыми родителями.

Сей священный дом и преславный храм, со времени завоевания Иерусалима, до настоящего года (1621 г. по Р. Х.), по беззакониям христиан, оставался в пренебрежении и, увы! обращен был в скотский хлев. Многие из предшественников моих (разумеется писателя) старались выручить от турок сие св.

место и, по очищении его, устроить в нем святилище и совершать в нем прежнее богослужение, но не могли сделать этого по неблагоприятным обстоятельствам. В 1621 году я, меньший из всех, попытался опять просить милости у нового иерусалимского кади, т. е. судии, и просил его не кое-как, а неотступно, и он, по изволению Божию, выслушав благосклонно наши просьбы, и обещался отдать нам желаемое место. Так как между турками он слыл ученым, могущественным и полновластным, то он устроил весь Иерусалим прибытием своим и, под предлогом веры, тотчас начал грабить не только чужих но и своих. По ненасытному корыстолюбию он злобился на всех христиан и вымогал у них деньги всеми способами. Когда греки отказались дать ему требуемую сумму, тогда он в припадке, гнева отнял у них монастырь патриарший, построенный подле Гроба Господня и, к общему сокрушению, обратил его в мечеть. Подобным образом отнял церковные дома у иаковитов или сириан, которые не в состоянии были утолить его жадности. Армяне выкупили у него сад и другие места свои за 10 т. червонцев, как говорит молва. Но особенно нас угнетал он, нас славящихся между турками и могуществом царей наших и великими богатствами. Однако ж Милосердный Господь, Который, как говорит пророк, для славы своей, заставил волка пастись с агнцем¹⁵¹, помиловал нас. Ибо кади при всей жадности, ненасытимости и златолюбии, смягчился нашими смиренными и ласкательными речами и, вместо 10 т. червонцев, взял с нас 6 т. талеров. Довольный нами, он обещался все сделать в нашу пользу. При вручении ему сей суммы за сохранность св. мест, я, по вдохновенно Божию, с особенным смирением и набожною мольбою, просил его отдать нам упомянутую церковь Иоанна Крестителя, поставляя на вид, что и им весьма грешно оставить дом славнейшего пророка скотским убежищем. Кади, сознавая справедливость сей просьбы, охотно обещал отдать нам св. место. Посему, созвав к себе первых сановников Иерусалима, посоветовался с ними об этом деле и назначил день, в который он поедет осмотреть место и даст свое повеление. Апреля 20 дня того же года, утром, кади выехал из Иерусалима в сопровождении

сановников. старейшин и воинов и, обозрев св. место, отправился к источнику Св. Иоанна Предтечи и под тению масличий, меж розовых кустов, почил на разложенных коврах до обеденного часа, а после обеда призвал меня к себе. Я пришел туда с о. Амвросием де-Полла, викарием Св. Земли, и Михаилом Мелитенским, прокуратором монастыря, и с переводчиком Андреем Леоном. Долго мы говорили о предмете нашего собрания. Наконец, кади сказал: так как овладение св. местом не противоречит вашему закону, не причиняет ущерба магометанам и притом делается в честь великого пророка, то мы уступаем его вам теперь, определяем быть ему вашим впредь и дозволяем вам восстановить его в прежнем виде; сверх того соглашаемся, чтобы в нем постоянно жили три брата ваши с необходимыми переводчиками и по закону христианскому совершали богослужение с тем впрочем, чтобы вы вместо этого хлева устроили другой для общей пользы города. Когда я охотно согласился на сие последнее условие, то определение тотчас было написано секретарем, подписано всеми и утверждено печатью. Итак, в сей счастливый и достопамятный день священный дом Иоанна Крестителя торжественно принят был нами во владение после трехсотлетнего уничтожения и поругания. Потом мы очистили его и оградил хорошими стенами и дверями. Повреждения его исправили и, нашедши место, где родился Предтеча Господень, воздвигли там алтарь с великою радостью, украсили все место лампадами, освятили храм и совершили богослужение.

Но спустя немного времени, завистливый враг человеческого рода воздвиг против нас такое жестовое гонение посредством некоторых африканских мавров, которых называют мегребинами, что почти вся чернь иерусалимская, в числе трех тысяч людей, единодушно согласилась умертвить гвардиана и бедных фраторов, при восклицаниях: Да здравствует султан! Смерть франкам! т. е. христианам латинским, и это убийство совершилось бы, если бы не спасло нас дивное заступление Предтечи и милосердие Божие. Но Бог-Отец щедрот и всякие утехи, Который, ради заслуг Крестителя, определил избавить уповающих на Него рабов из рук убийц, подвиг на милость

сердце военного начальника (sangiach, i. e. princeps militis) и он тотчас отправил один отряд воинов в Горнюю для нашей защиты, другой поставил у монастыря Спасителя, а остальных воинов впоследствии увел с собою ко храму Соломонову, для укрощения собравшегося там народа. После этого распоряженья вскоре произошел такой бунт, какого еще никогда не видали и не слышали в Иерусалиме, именно: чернь и воины убивали друг друга камнями, мечами и пулями и дрались одни за спасение нас, а другие за смерть нашу. Но попущением Божиим вся эта возмутительная толпа была рассеяна и прогнана. Впрочем, этим не кончил возмущения и гибели исконный изобретатель смерти и человекоубийства; ибо измыслил новый повод к возмущению и как лев рыкающий искал погубить нас. После первого бунта везде разнеслась молва, которая дошла и до дамасского паши, будто франки, живущие в Иерусалиме, за большие деньги получили от нового кади храм Иоанна Крестителя в Горней и там, в раскопанных могилах, нашли богатейшие сокровища. Паша собрал свое войско и за Дамасском поставил палатку на дороге, ведущей к Иерусалиму, намереваясь, после отдыха, идти в Св. Град и взять найденные сокровища. Но всеблагий Бог возблаговолил спасти агнцев из челюстей волков, избавить овец от лютейшего льва. Ибо не успел и часа отдохнуть там паша, и, вот (дело по истине дивное), султанские курьеры принесли к нему указ, лишаящий его должности и повелевающей ему спешить в Константинополь и явиться султану. Тогда он в бешенстве бросил на землю свой дулибант и несколько раз повторял: «я-Алла, я-Алла»¹⁵²; как бы говорил: «О Боже, почему Ты воспрещаешь мне идти далее? Почему Ты не замедлил прибытия этих людей тремя или четырьмя днями, дабы я мог выполнить то, что замыслил против христиане? Посему, он в тот же час возвратился в Дамаск. Таким образом, все ухищрения диавола уничтожены были одним мановением Божеского милосердия. Хвала Богу, Царю веков, Который всемогущею десницею Своею избавил нас от таких опасностей и бед, Который помог нам стяжать в сей день священное место и Который дарует нам силу и способность сохранять и почитать оное до настоящего дня.

Все вышеупомянутые события верно изложены нами для памяти потомков, чтобы они сами умели сохранить то, что мы приобрели во времена тяжкие и почитали бы то, что мы стяжали, ни мало не сомневаясь, с благочестием и опасностью для жизни за того Крестителя, которого с неизглаголанною радостью чествует вся вселенная и немолчными хвалами на месте его рождения величается и славословится. Аминь».

Это сказание переведено с латинского языка. В подлиннике оно озаглавлено так: *Quotidiana processio, quae in Ecclesia Praecursoris Domini Joannis Baptistae in montanis Judeae a Fratribus minoribus S. P. N. Francisci celebrata . Genodi. 1835*¹⁵³.

А пред изложением процессии приведенное мною повествование имеет следующее заглавие:

Pia ac fidelis Enarratio

R. P. F. Thomae a Navaria.

*De antiquissimo D. Joan. Baptistae Templo in montanis Judeae exstructo*¹⁵⁴ и проч.

Из заглавия сего сказания видно, что храм возобновлен был о. Фомою из Навары в 1621 году, спустя 300 лет и более после того, как он опустел, попортился и служил приютом скота. А в начале сказано, что он оставался в пренебрежении со времени завоевания Иерусалима. Если о. Фома разумел (как и должно думать) завоевание сего города Саладином в конце 12 столетия, то эн-Каремский храм оставался в запустении 400 лет, а не 300. Это противоречие надобно согласить таким образом: в эн-Кареме христианство не вдруг погасло после Саладина; в начале и, может быть, в половине 13 века там еще было несколько христиан; но когда и последние обращены были в магометанство, то и храм их со временем сделался приютом скота. Таким образом, запустение его продолжалось точно более 300 лет. О. Фома не говорит: были ли христиане в эн-Кареме в его время или нет. Молчание его дает знать, что их не было; иначе почтенный отец упомянул бы о них, по крайней мере, при обновлении и освящении монастыря. Да и греческие летописи Иерусалимского храма свидетельствуют, что францискане Св. Земли начали приобретать прозелитов уже в 1688 г., вследствие трактата Франции с Турцией, коим

дозволялось им обращать в свою веру христиан православных. Стало быть, нынешние арабы-латины эн-каремские, коих считается 15 семей или 80 душ, суть потомки тех православных, которые были то слугами, то переводчиками в монастыре с 1688 г.

Когда же и кто построил храм Предтечи в эн-Кареме? О. Фома не определяешь ни года, ни века постройки его, а говорить только, что он весьма древен и великолепно построен был христианами на месте дома родителей Иоанна Предтечи. Думать надобно, что сей храм, вместе с прочими, воздвигнут был в четвертом или пятом столетии, когда христианство торжествовало в Палестине. С тех пор до 13 века в нем совершалось богослужение.

О. Фома из Навары не представляет никаких доказательств ни исторических, ни лифографических на то, что нынешняя деревня эн-Карем есть тот горный город Иудин, в котором жили Захария и Елизавета, и что храм построен действительно на месте их дома. А следовательно слова его: «*Et loco invento, ubi S. Domini Praecursor natus est, altare ereximus* = и нашедши место, где родился Предтеча Господень, воздвигли там алтарь», – сии слова показывают, что отцы искали в развалинах места рождения Предтечи. Но по какому признаку они уверились, что найденное ими место есть то, на котором Елизавета родила Иоанна? Об этом ничего не говорит о. Фома из Навары. А голословному показанию его верить нельзя и не должно. По словам сего францискана, более 300 лет храм был в запустении. Следовательно, в течение трех-четырех веков предание о сем храме прервано было, и свидетельство о подлинности места рождения Предтечи не существовало. После такого огромного промежутка времени и при недостатке местного предания о свидетельстве невозможно верить о. Фоме из Навары тем более, что и в самом Иерусалиме латинское предание о св. местах прервано было с 1187 г., когда Саладин выгнал всех латин с Св. Земли, до начала 16 столетия или до 1520 г., когда латины вновь появились в Иерусалиме. Я думаю, что в эн-Кареме был простой храм во имя Предтечи, а францискане ошибочно или намеренно усвоили ему особенную

священность, желая видеть в нем место рождения Предтечи. Предтеча родился не здесь, а в городе Иутте (т. е. Ютте) или Иуде, в Нагорной Иудее. Остатки сего города и доселе существуют¹⁵⁵. Вот тому доказательства:

– 1. Захария, как священник, по Закону Моисееву, должен был жить и жил в одном из городов левитских. А в списке сих городов не находится города Иуды; да и на месте нынешнего эн-Карема и в окрестностях его не полагается города левитского. Как же Предтеча мог родиться здесь?

– 2. В Евангелии Св. Луки мы читаем: Воставши Мариам во дни тыя, иде в Горняя со тщанием, во град Иудов: и вниде в дом Захариин и проч.¹⁵⁶. Из сих слов видно, что Горняя не есть самый город Иуды, а географическая местность, где находился сей город. Что же такое Горняя? Где эта местность? И существовал ли левитский город Иуда в горней местности? Вот вопросы, разрешением коих объяснится подлинное местожительство Захарии и рождение Предтечи.

а. Славянское слово «в Горняя», соответствующее греческому: εἰς τὴν ὄρεινὴν, означает не город, а целую горную местность, страну, землю, и в связи с другими словами надобно понимать, что Мариам пошла в горную страну, туда, где находился тот город, в котором жил Захария.

б. Из 15 главы книги Иисуса Навина¹⁵⁷, в которой подробно описан участок земли, данный во владение племени Иудину, видно, что вся область сего племени разделялась на три части: на пустынную, напольную и горную (из которой в каждой было множество городов и деревень). *Пустынная* часть была самая южная, пограничная с Идумеей, и восточная, пролежавшая вдоль Мертвого моря; *напольная* была полевая часть от Газы до Иемне, ныне Ибне, недалеко от Яффы, а Горная была в нагорной выси от пределов Идумеи, с юга в прямой линии до Иерусалима на север. В сию то горную часть Иудеи пошла из Назарета Дренепорочная Дева.

в. В сей нагорной части некоторые города отданы были левитскому племени для жительства; в числе их считается город Иетта по славянскому переводу, Иутта по еврейскому подлиннику. В сем то городе я жил священник Захария. Ибо в

Евангелии Луки ясно сказано, что Мариам пошла εἰς τὴν πόλιν Ἰουδα¹⁵⁸. Здесь вместо греческой буквы τ поставлена δ. Если бы евангелист разумел под словом Иуда патриарха Иуду, то он поставил бы член и написал бы: εἰς τὴν πόλιν Ἰουδα. Итак, очевидно, надобно понимать слова евангелиста следующим образом: Мариам иде в город Иуду = Иутту; подобно тому, как мы говорим: Царица отправилась в город Москву или Кострому. По сему и в славянском переводе надобно разуметь слова город Иудов не так, что этот город был город патриарха Иуды, но просто город Иудов, как мы говорим, напр., город Нежин, город Олонец, город Пермь.

г. В 15 главе книги Иисуса Навина хотя и упоминается Карем¹⁵⁹ в числе горных городов Иудеи, но он не был священническим городом. Посему в эн-Кареме не должно искать жилища Захарии.

д. Греческая церковь поныне не признает эн-Карема местом рождения Предтечи. Греческое духовенство иерусалимское даже не позволяет ходить туда православным поклонникам.

е. Поныне сохранился *город Иутта* – Иуда. Он находится за Хевроном, и в нем есть развалины древнего храма¹⁶⁰.

Итак, латинские монахи без всякого основания думают и уверяют своих единоверцев, что эн-Каремский храм их стоит на месте дома Захарии. Столь же неосновательно и ложно предание эн-Каремского монастыря и о той пустыне, в которой проповедовал Предтеча. Эту пустыню францискане находят в вад-Бетханине и вообще в окрестностях своего монастыря, и на пути к гроту Предтечи показывают и камень, на котором будто бы проповедовал Иоанн, а за гротом, подалее, – гроб Елизаветы. Но кто знает, что Иоанн жил и проповедовал в пустыне Иорданской, кто знает, что горная часть Иудеи, где находится эн-Карем, никогда не называлась пустынею и не могла называться по населенности оной, тот не поверит латинским монахам, которые или сами обманываются по неведению, или обманывают из корыстолюбия.

Для меня эн-Каремский монастырь есть ни более ни менее, как простая обитель во имя Иоанна Предтечи, замечательная красивым местоположением и убранством храма.

Сия обитель построена на горе и вместе пристроена к ней; одна часть келий находится на горной площади, а другая часть вместе с церковью – под горою, так что пол одного келейного коридора равняется полу церковных хоров. Обитель построена в виде параллелограмного четвероугольника и имеет два въезда: один снизу, из деревни, и другой сверху, от дороги Иерусалимской. В ней немало комнат, кои устроены по обеим сторонам двух длинных коридоров. В коридоре, ведущем к храму церковным, живут монахи, а в другом параллельном коридоре помещены столовая, кухня и другие службы. Кельи содержатся опрятно.

Самое лучшее украшение сего монастыря составляет церковь. Она не велика, но и не мала. Небольшой купол ее, из окон которого получается единственное и весьма слабое освещение, покоится на четырех четверогранных столбах, занимающих средину церкви. Кроме сих столбов нет других, нет и колонн. Священнодейственная часть церкви состоит из трех отделений.

В среднем отделении помещается главный алтарь. Запрестольная картина, представляющая видение Захарии, написана искусною кистью. Лицо священника Божия обращено к горе, где он видит ангела; от нечаянного испуга голова и стан его немного отклонены назад; он хотел вознести кадильницу, но рука его остановилась с нею назад в минуту изумления души. Лицо Захарии весьма хорошо. Под тиарою виден старец, убеленный сединами, но сохранивший полноту и свежесть лица, – признаки души добродетельной и целомудренной. Стены главного алтаря убраны старинным золотистым штофом хорошей работы и доброты. Пред сим алтарем на полу сделан большой мозаический ковер из разноцветного мрамора. Рисунок его, представляющий множество крестов и среди их звезды, весьма красив. Кресты переплетены между собою. Вся работа отменно чиста, нежна и изящна. Направо от главного алтаря есть довольно темный придел, отделенный от церкви красивою железною решеткою. Запрестольная картина изображает свидание Марии с Елизаветою. Картина не велика, но хороша. В сем приделе показывают кусок камня, на котором проповедовал

Иоанн Предтеча. Левый придел устроен в соответствии с правым и тоже отделен от церкви железной решеткой. Этот придел устроен в пещере, в которую сходишь по 7-ми широким ступеням мраморным. Здесь, под св. престолом, в полукруге, показывается мнимое место рождения Предтеча. Весь полукруг отделан разноцветным мрамором и барельефами из белого мрамора. Средоточный барельеф представляет свидание Марии и Елизаветы; направо – Крещение Спасителя и Усекновение Предтечи, а налево – его рождение и проповедь в пустыне. Отделка сих барельефов довольно посредственна. В сем полукружии, освященном несколькими лампадами, на самом месте рождения великого пророка показывают желтовато-красноватые пятна и говорят, что когда мусульмане хотели разорить сие место, то вдруг показался огонь, и устрешенные мусульмане разбежались, а пятна остались знамением чуда. Вся эта пещера убрана превосходно. Пред полукружием сделан небольшой мозаический ковер из разноцветного мрамора, приятной работы. Вообще, надобно сказать, что в сем храме довольно много расточено мрамора. – Кроме упомянутых мною картин есть и другие. Замечательны из них две по древности и богатству рисунка: Бегство Богоматери в Египет на левом столбе, соединяющемся с главным алтарем, и Обретение креста на левой стене храма. В сем храме есть орган и просторные хоры с маленькою библиотекою. Около двери библиотечной я прочитал и списал четыре назидательные стиха латинские:

Ante Deum stantes,
Ne sitis corde vagantes;
Quando cor non orat,
In vacuum lingua laborat. –
т. е.: Стоя перед Богом,
Не рассеивайтесь духом;
Когда дух не молится,
Всуче трудится язык.

Пред входом в храм есть маленькая ризница, в которой замечательны две небольшие картины, вышитые шелками, и замечательны не по изяществу работы, а по древности и

странности рисунков. Вообще вся здешняя церковь радует путника среди диких окрестностей Иерусалима. Она устроена благочестием и казною королей испанских.

Смежно с монастырем разведен на горе сад большой. Когда-то он был хорош, а теперь запущен. В нем много винограду и разных фруктовых деревьев: смокв, абрикосов, миндалей и других. Лучшее украшение его составляют 15 кипарисов, посаженных вдоль верхней стены, и крытые аллеи, осененные виноградными лозами. Добрые инок позволяли мне гулять в этом саду и наслаждаться душистым виноградом, из которого они приготавливают хорошев белое вино.

ИЮЛЯ 20. Вчера пронесся слух в эн-Кареме о загорающейся в соседстве войне двух сильных шейхов Палестины, Абогоша и Самхана, за христианскую деревню Рамаллу. Не смотря на этот слух, весьма достоверный, я решил съездить сегодня в ближнюю деревню Собу с тем, чтобы осмотреть ее местоположение и на месте решить вопросы не тут ли находилась родина пророка Самуила-Рамафаим Цофим? Поводом к сему археологическому изысканию служило слабое созвучие названий: Цофим – Соба.

В 2½ часа пополудни я выехал из эн-Карема с прежними спутниками, взяв проводника из сей деревни, добродушного и услужливого христианина Франческо, который прежде провожал меня к гроту Предтечи и к гробу Елизаветы. Легкою поступью он сходил по крутой и каменистой дорожке в глубокую долину Гигантов, а мы с трудом спускались за ним на чужих ногах. Эта дорожка проложена по северной окраине эн-Каремского холма. Переезжая долину впоперек, я любовался роскошными масличными садами, разведенными на ее взволнованной почве, которая сверху казалась ровным полем. Направо вдали рисовалась на горе деревня Кулоние (древний Кулон, город племени Иудина), а у подошвы ее зеленели сады, насажденные при источнике. Из долины за серною Франческо мы стали подниматься на крутую гору в северо-западном направлении к деревне Кастал. Хотя эта дорога и дальше немного, но удобнее той, которая прямее ведет из Карема чрез Сатаф. Через час мы очутились у подошвы высокого, круглого и острроверхого холма,

на котором стоит Касталь. Любопытство не влекло меня туда. Стоит ли внимания место, не отмеченное на страницах истории? Латинское название его показывает, что тут была крепость (castellum) либо римлян, либо крестоносцев. Крутоярый и дикий холм удачно избран был для укрепления. Никто не выглянул на нас из Касталя, как будто в нем не было ни одной души живой. От сей деревни мы поворотили прямо на запад; чрез несколько минут Соба показалась нам мех гор, потом скрылась, наконец явилась в поразительном величии. Смотри на высокую, отдельную, конусную гору, на вершине коей желтеет здание, я вообразил, что вижу перед собою огромнейшего гиганта в венце. У ног его остановился поезд мой и я вскарабкался по каменным ребрам его сперва на плечи его, а потом на его темя.

На западном высшем подгорье Иудеи, в расстоянии полутора часа пути от эн-Карема, чрез Касталь, стоит отдельно на горном хребте весьма высокий, круглый, суживающийся кверху холм-камень, как бы обделанный искусственно. На самой вершине сего холма находится небольшая арабская деревня Соба. Она разрушена была Ибрагиком-пашою, — сыном египетского вице-султана, во время бунта палестинских арабов в четвертом десятке лет нашего века. Посему арабы живут теперь среди развалин и под сводами прежних зданий. Думать надобно, что на сем месте было древнее укрепление, если не римское, то, по крайней мере, крестоносное. Ибо на восточной окраине вершины холма видны остатки древней стены, складенной из больших камней, простой тески, на обрезанной скале; тут же заметно и то место, где стояли ворота, водруженный на подтесанной скале. К сим воротам вела лестница, высеченная с боку холма, которой слабые следы и теперь видны. Не арабским феллахам обтесать скалу и строить правильную стену! Арабы не создают, а только разоряют старое. Проводник Франческо уверял меня, что в одном старом здании Собы находились древние гробы Маккавеев. Ибрагим-паша взорвал на воздух сие здание, и гробы или исчезли, или лежат под развалинами. Я пожалел бы об утраченной древности, если бы верить и знал, что гробы Маккавеев находились здесь и что Соба есть маккавейский город Модин. Впрочем, досадно было

мне, что развалины не позволяли мне видеть древность. Если в самом деле были здесь какие-либо древние гробы, то все же взгляд на их устройство и вид дали бы понятнее о значении Собы и о древних ее жителях. Я сердился на Ибрагима и на монаха Шварца, изобретателя черного пороха. С вершины Собы кругом видны столпившиеся горы, а вдали Средиземное море. У западной подошвы ее торчат какие-то развалины. Я спросил местных арабов, что там было, и получил в ответ известную отповедь их: там жила-была царица. Странно, что арабы почитают почти все развалины остатками жилищ цариц. В основания сего поверья их лежит темное предание о царицах, посещавших Палестину. В самом деле, несколько цариц проживали здесь: Елена – Иудейская прозелитка при Иродах; Елена – мать Константина Великого; царица Евдокия и царица Евдокия, – супруги царей крестоносных¹⁶¹. Итак арабы не лгут, когда отвечают, что так или здесь жила царица.

Обозрев Собу, я спустился, вниз и, примкнув к ожидавшему меня поезду, сел на камне; мною овладело огорчение от того, что ни люди, ни развалины не говорили мне, что было на месте нынешней Собы во времена дохристианские. Никакого признака не нашел я, по которому можно было бы судить, что здесь была родина пророка Самуила.

– Есть ли здесь источник? – спросил я у Франческо, вспомнив о воде, за которую ходили девицы из Армафема Самуилова.

– А вот, внизу, под холмом, течет обильный родник и напояет здешние сады.

– Поедем туда.

– Стало быть, вы намерены возвратиться через Сатаф?

– Ну, да.

– Дорога эта почти непроходима.

– Но я хочу видеть здешний источник и деревню Сатаф.

– Нельзя проехать.

– А как же люди ездят? – сказал. я, садясь на коня; – Франческо! вперед! к источнику! в Сатаф!

Спутники мои позади меня в слух роптали на мою смелость и неутомимое любопытство. Ропот их обратился в жалобный

воплъ, когда пришлось нам спускаться с холма не по дороге, не по крутояру, а по испорченной крутой лестнице, когда-то выделанной в скалистом склоне Собы. Я молчал. Мое молчание было для них грозное повеление. На встречу нам попадались здешние девушки и женщины, с водоносными кувшинами на головах. Они все черны и дики. Скоро мы очутились на дне источника и спешили на короткое время.

Источник вытекает из-под холма Собы, с восточной стороны, через искусственный канал.

Устье его обделано камнями в виде просторной, невысокой полуарки. Всматриваясь в глубь сей полуарки, я заметил искусственный стены канала, в котором человек может стоять свободно. Не знаю далеко ли продолжается этот канал. Случившиеся тут арабы говорили мне, что он доходит до самой Собы. Но я не поверил им по тому, что арабы любят преувеличивать предметы. Не хотелось мне раздеваться для исследования сего канала, да и день начал уже клониться к вечеру. Посему я удовольствовался только тем, что мог видеть снаружи. В арке стояло каменное корыто, в которое вода выливалась из канала небольшою струею. Тихое течение и малый ливень ее служили доказательством!», что вода идет не сверху, а струится из-под горы почти горизонтально. Вкус ее приятен; она легка, тонка и прозрачна, как вода горная. Прямо от устья источника видна Соба вверху. Около него красуются зеленые сады с разными фруктовыми деревьями.

Покаме наши лошади утоляли свою жажду, я сидел на камне и думал крепкую думу. Остатки древней стены в Собе, обтесанная скала пред воротами и стеною, лестница, выделанная в холме, водопроводу – все это говорило мне, что Соба принадлежит к числу древних и значительных укреплений Палестины. Но здесь ли была родина Самуила? И здесь ли он погребен был? (Правда, Соба находится в горах, которые так столпились здесь, что и ослы Сауловы могли заблудиться в здешних лощинах к этому источнику). Некоторые библейские замечания о местности Рамафаим – Цофиме я прилагал к Собе¹⁶². Самуил, думал я, жил в Земле Сифове; это название созвучно с именем Собы, по которой весь окрестный околоток

мог называться землею Сифовою – Собскою; Саул с отроком своим *восходил на восход града*, и к Собе надобно подниматься высоко; с Саулом встретились *девицы, изшедшие почерпати воды*; стало быть, подле города Самуилова был источник и подле Собы есть текучая вода; когда Саул спросил их: *есть ли здесь прозорливец*, они отвечали ему: *есть, се пред лицами вашими*, т. е. вот там в городе, который вы видите, и Собу видно и с дороги и от источника. Сравнивая таким образом Рамафаим-Цофим с Собою и находя резкое сходство описания первого с местностью второй, я радовался археологической находке и поздравил себя с открытием. Но радость моя была непродолжительна. Она расшиблась в дребезги от одного воспоминания, что Рамафаим Самуилов находится в горах Ефремовых, а Соба стоит в горах Иудеи. Опять кручина запала в душу, любящую помянуть дни древние. Но она была, по крайней мере, не сильна. Ибо я уверился, что родины Самуила надобно искать не около Иерусалима, не в Собе, не на горе, где ныне стоит неби-Самуил, и не в Раме, находящейся в 2 часах от Св. города, по дороге в Набулус, но гораздо далее, – в горах Ефремовых, около нынешних селений: Джифны, Рас-Керкер-бет-Еллу. Итак, не напрасно я ездил в Собу. Обозрение сего места убедило меня, по крайней мере, в том, что Соба не есть Рамафаим-Цофим. Не даром достается знание человеку; не вдруг находит он истину. Сперва он видит тень ее, а потом уже, после усиленных поисков, удаётся ему и встретиться с нею лицом к лицу. Но от сего наслаждения я должен был отказаться на этот раз потому, что некогда мне было ехать в горы Ефремовы; надлежало возвращаться из Палестины туда, куда призывали меня высшие обязанности.

Вечерело. Боясь запоздать в горах, мы сели на коней и поехали в деревню Сатаф. Ни путем, ни дорогою тащились мы и туда и сюда; нам попал навстречу один старый араб; посмотрев на нас с недоумением, он спросил: куда вы едете? – В Сатаф! ответили мы. – Да отсюда вы не попадете в деревню, продолжал он; здесь нет дороги; разве вы спрыгнете со скалы. Весьма неприятно было это известие. Спутники мои упрашивали меня воротиться назад и прежнюю дорогою поехать в эн-Карем.

Но мне крайне хотелось побывать в Сатафе и осмотреть тамошние водотечи. Авось как-нибудь проедем, – сказал я им и пошагал далее. В самом деле козья тропинка привела нас на край скалы, как бы обрезанной отвесно. К счастью, в одном месте скала ниспадала узким откосом и соединялась с другими камнями, когда-то отвалившимися от горы. В сем-то опасном месте мы спешили и кое-как сползли на площадь, придерживаясь руками о камни; а лошади, к величайшему изумлению моему, также сползали, растягиваясь, скользя передними ногами и придерживаясь задними; маленький жеребенок прыгал с камня на камень и первый очутился на площади. Это место довольно близко к деревне; но она показывалась нам в профиль. Площадь усеяна была камнями разной величины. Эти камни когда-то отторжены были от соседней горы или землетрясением, или силою воды, которая вытекает тут из-под большого грота горы. – Все это место весьма дико. Вода протекает чрез площадку в древний небольшой пруд, глубоко выдолбленный в окраине горы.

Арабская деревня Сатаф отличается от прочих деревень не постройкою, не наружным видом ее жителей, но неприступностью и живописностью ее местоположение. Она прилеплена к горе, как птичье гнездо, так что одна половина крутой горы высится над нею, а другая низится над нею. От подошвы деревни до самого ложа глубочайшей долины гора обделана узкими и короткими террасами, на которых росли индее овощи, индее лимоны, гранаты и фиги, индее ячмень. Сии террасы орошаются водою, вытекающею из горы. Здешние источники весьма обильны. Один из них немного ниже деревни, по правую сторону ее, падает на террасы каскадами из деревянных желобков, приставленных к окраинам террас. Чем длиннее желобки, тем далее хватает ливень воды. Под одним из этих ливней я прошел свободно: ни одна капля не упала на меня. Смотря на этот кристальный ливень я затеял бить его хлыстом, в надежде рассечь его пополам, но за глупость наказан был насмешкою араба и брызгами ливня, которые обмочили мое платье. Справедливо араб смеялся над моим безумием; в эту минуту я был глупее Ксеркса, который высек море. Повелитель

персов, по крайней мере, наказывал море за то, что оно рассеяло и губило его флот, а мне-то что сделал Сатафский ливень? Нет ли в душе каждого человека капли безумия, которая иногда всплывает из глубины ее и мутит рассудок? От чего же и величайшие мудрецы выдумывали и делали глупости, если не от некоторой врожденной всем людям порчи ума? Или всякая невольная причуда есть воспоминание души о своем ребячестве и мгновенное желание ребяческого приволья, своеволия, неумышленной, безотчетной ребяческой игры с природою? Как бы то ни было, но я не извиняю странного хлыстания своего по воде. Смех араба, помню, вразумил меня. Я остепенился, стал неподвижною статуею и вперил взор свой в окрестные места. Напротив Сатафа виднелись развалины над тою пещерою, в которой будто укрывался Предтеча во время своего детства от гонения Ирода. Долина, пролегающая между этими развалинами и Сатафом, чрезвычайно глубока. Прочие места, достигаемые взором, голы, дики, пустынные. И дикое место привлекает внимание души не от того ли, что она видит в нем некое подобие своего несовершенства, своего бесплодия духовного? По крайней мере, мне представилась пустою и бесплодною пустынею прошедшая жизнь моя при взгляде на дебри Сатафские.

Из Сатафа с величайшим трудом спустились мы пешие в глубь долины по крутой дорожке, усыпанной мелкими, белыми камешками. Не раз скользили ноги; не раз терялось равновесие тела и вдруг восстанавлилось каким-то тайным сознанием души и мощным влиянием ее воли. Спутники мои ворчали, и только я да лошади молчали. Долина оделась уже вечерним сумраком; но вершины гор еще догорали румяным заревом закатившегося солнца. Отдохнув немного в глубь долины, мы сели на коней. Как козы, они взбирались сначала по крутому и каменистому склону противу горы Сатафской, а потом своею поступью пошагали по ровной и удобной тропе, которая ведет от грота Предтечи до эн-Карема. Часто я оглядывался назад и любовался пирамидальным холмом Собы, который выказывался меж гор и, казалось, провожал меня, благодаря за посещение. Соба скрылась; эн-Карем открылся. На

этом пути очи смотрели и подсмотрели один луч, заблудившийся в горах. От него отражалась длинная, светлая линия по склону одной горы, между тем как темя сей горы было в тени. Видно, луч прибежал сюда из долины спросить тень на горах, куда ушло солнце; спросил, не добился ответа и мгновенно исчез. Близ эн-Карема, в горных лощинах, разведено много виноградников. Сады обделаны отменно чисто. Виноградные лозы обременены были созревающими гроздьями. Я любовался ими и твердил слова Спасителя: Аз есмь лоза, вы же рождие¹⁶³ и проч. и проч.

Примечание. Мнимый дом Захарии находится выше дороги, ведущей в эн-Карем, и виден с ней.

Источник Каремский обделан весьма просто. Когда-то над ним было какое-то здание, но теперь оно полуразвалилось. Тут вечернею порою собираются мусульмане каремские покурить табаку и помолчать; между тем как женщины и девицы моют белье, поят скот и наполняют свои водоносы.

ИЮЛЯ 21. Солнце озарило сегодня встревоженный и печальный эн-Карем. Страх бродил по монастырю, печаль ходила по семьям. Кто их послал сюда? – Дух брани.

Междуусобие Абогоша и Самхана разгоралось более и более. Вчера из эн-Карема пошли на помощь Абогошу 50 поселян, а сегодня 30. В 8 часу утра мулла сзывал их; я с кровли монастырской слышал военный клич его и видел пять вооруженных феллахов. Видно, они были остальные. Мулла долго ожидал их на коне своем. Феллахи пошли на войну в белых рубашках и сандалиях, с одним ружьем на плече, с ножом за поясом и с маленьким водоносным мехом за спиной. Никто не провожал их. Женщины и дети оставались в домах. Безмолвие господствовало во всей деревне.

И безумный не бросается в огонь; благоразумному ли ехать туда, где горит пламя междуусобия? Я отложил поездку в Кулоние и неби-Самуил до другого времени и поспешно возвратился в Иерусалим.

Междуусобие завязалось за христианскую деревню Рамаллу. Противник Абогоша Самхан имеет местопребывание в Рас-Керкере, недалеко и на север от Бет-Хорона. Он славится в

Палестине народностью. Абогош ближе к правительству, а Самхан – к народу. Абогош задумал присвоить себе Рамаллу и послал в нее своих стражей. Но их выгнала стража Самхана. Однажды, во время ночного обозрения Рамаллы, убит племянник Абогоша, а сам он застрелил из карабина одну старую рамаллянку, которая сказала ему, что в деревне засела дружина Самхана. Самхан призвал к себе на помощь газских бедуинов; но они не так страшны в горах, как на чистом поле. Из Рамаллы убежало несколько христиан в Иерусалим. – Если Абогош будет побежден, то бедуины нападут на Иерусалим. Таковы слухи и известия настоящего дня!

Примечание. По словам приятеля моего Омер-бея, главным шейхам, напр.: Абогошу, Самхану, Абдул-Рахману шейхи деревень дают подарки натурою и помогают народам в случай войны. Горе той деревне, которой шейх не выставит в поле известное число людей, способных владеть оружием. Когда арабы ссорятся между собою или судятся, то главные шехи получают пеню с виновного за решение дела.

ИЮЛЬ, ОТ 22 ПО 26. Я занимался обозрением греческих древних рукописей, хранящихся в монастыре Св. Гроба¹⁶⁴.

ИЮЛЯ 22. Обозревал библиотеку в Иерусалимской патриархии.

Замечательные рукописи:

1) Eutropius. На пергамене писана превосходным четким почерком с рисунками и расписными золотыми заглавными литерами.

2) Μαξίμου Μοναχῶ Ἀπόκρισεις ἐξηγητικάι εἰς ἐρώτησεις περὶ τῆς θείας γραγῆς¹⁶⁵.

3) Γραφὴ θεία¹⁶⁶. Ветхий Завет in folio. В сей рукописи нет глав и стихи не означены ни цифрами, ни буквами. Вся она писана сплошь. Буквы не малы.

4) Ὅροι διάφοροι¹⁶⁷... В рукописи (in 8°) сей (к концу) содержится разговор Афанасия Великого с Арием на Никейском соборе.

Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν μεγάλου Ἀθανασίου διάλεκτος ἐν τῇ κατὰ Νικάϊαν Συνόδῳ πρὸς Ἀρειον¹⁶⁸.

5) Ἀνθολογία διαφόρων ἐπιγραμμάτων¹⁶⁹... рукопись in 16°.

6) Εὐαγγέλιον τοῦ Λουκᾶ ἑλληνιστὶ καὶ ἀραβιστί.

Ἑγράφη διὰ χειρὸς Εὐφημίου (sic) ἐλαχιστοῦ κληρικοῦ καὶ ἀναγνώστου μηνὸς Ἰςνίου ἡμέρᾳ τετάρτῃ ἐν ἔτει ἀπὸ κτίσεως κόσμου ςφνα¹⁷⁰ (1043 г.). Рукопись XI столетия.

7) Ψαλτήριον μετὰ σχολίων¹⁷¹. in 4°. Пись мелкая.

8) Σειρὰ ὑπομνημάτων εἰς τὴν Γένεσιν¹⁷² in folio.

Напр, на слова: *В начале сотвори Бог небо и землю*, – на эти слова прибраны изъяснения отцов: Василия Великого, Хризостома, Акакия Кесарийского, Диодора, Геннадия, Феодорита, Севериана.

9) Εἰς τοῦ Ἰωβ τὴν βίβλον σειρὰ ὑπομνημάτων¹⁷³... in folio. Пергаменная¹⁷⁴

На каждый стих книги Иова прибраны изъяснения св. отцов церкви и других церковных писателей, напр.: Олимпиодора, Севериана. Пред каждою новою главою помещено содержание оной. В рукописи находится множество небольших картин, изъясняющих известные сцены, напр.: проклятие жены, беседы друзей с Иовом, явление Бога, разные животные, упоминаемые в книге. В каждой картинке сверху есть золотое поле, ниже сего поля лица изображены. Господствующие краски суть красная и лазуревая. Краски очень яркие. Лица живописны хорошо. Перспектива не соблюдена. Во всех картинках, где нужно, изображен не Бог Савваоф, а Господь Иисус Христос, и инде с крестом. На обороте первой страницы неизвестный собиратель отеческих изъяснений на Иова перебирает мнения о сочинителе книги Иова (одни думают, что она писана до закона, другие – после закона, иные в правление царей), и выражает свое собственное мнение: «а я думаю, что она написана кем-либо из дивных апостольских мужей». В основание сего мнения приводит слова апостола: «терпение Иовлево слышасте и кончину Господа видасте»¹⁷⁵.

10) Γρηγορίου τοῦ θεολόγου τῆ ἀρχιεπισκόπου τῆς Κωνσταντινουπόλεως οἱ λόγοι¹⁷⁶ in 4°. Пергаменная¹⁷⁷. Рукопись писана очень четко, буквами немалыми и небольшими. Пред каждым словом сверху есть небольшая картина, изображающая содержание проповеди, напр.: пред словом о нищелюбии изображен святитель Григорий в фелоне и подризнике в

середине; за ним стоят зажиточные граждане, а перед ним нищие в рубищах и их дети у ног его; рука его простерта к нищим, а лицо обращено к богатым. Также на полях есть небольшие картинки. После слов святителя, в конце книги, приложены 18 рисунков мифологических с буквальным кратким изъяснением их; напр.: блудодеяние Зевеса, Диана звероловствующая и проч.

ИЮЛЯ 23. Армянский патриарх приглашал меня к обеду в саду монастыря, но я отказался по нездоровью.

Число рукописей.

В одном шкафе пергаменных 29

В другом шкафе пергаменных 25

Все сии рукописи писаны на пергамене и очень хорошо сохранены. Драгоценное сокровище!

ИЮЛЬ 24, Понедельник.

В 3 шкафе на бумаге 63

В 4 шкафе на бумаге 90

В 5 шкафе на бумаге 66

В 6 шкафе на бумаге 65

Да печатных 540.

Всего 878

11) Σχόλια τοῦ μεγάλου κανόνος τοῦ Τριωδίου, σημειώματα ἔτι χρεωδέστατα καὶ Πατερικόν¹⁷⁸. Рукопись на бумаге in 8°.

Напр., в статье о грехах приведены свидетельства Св. Писания и отцов церкви о грехе, т. е. все, что говорено было Богом и отцами о грехе, тут собрано. Буквы мелкие и некрасивы.

12) Χρονογραφικὸν Νικηφόρου Κωνσταντινουπόλεως ἐν συνόψει. Σύναξις τῶν διαταγῶν καὶ κανόνων ἀποστολικῶν καὶ συνοδικῶν καὶ Ἰουστινιανοῦ βασιλέως καὶ τοῦ ἁγίου Ἐπιφανίου κατὰ αἵρέσεων¹⁷⁹. Рукопись¹⁸⁰.

NB. Если не ошибаюсь, то рукопись должна быть XV столетия. На первом листе есть год – ςυξθ. Но этот год относится к впереплетной другой рукописи, состоящей из 6 пергаменных листов.

Секретарь синода монах Анфим, говоря о беспокойстве и утешении христиан палестинских, гласно высказал мне, что Россия не принимает участие... Лишь только он произнес эти

слова, вошел архиепископ лиддский Кирилл и помешал продолжению разговора.

Архиепископ Кирилл рассказывал:

– а. что бейрутский сераскир Асад-паша прислал чиновника в Набулуз для расследования потерь христиан в Рафидии по случаю междуусобия набулусского правителя с каким-то шехом, которого фамилия прежде имела поместья в Набулусском округе.

– б. Султан Абдул-Меджид, после путешествия своего в Брусу и Митилены, возвратился в Константинополь и, позвав к себе вселенского патриарха, объявил ему, что от пашей он или не получает, или получает ложные известия о гонении на христиан и потому приказал ему, чтобы архиереи, подведомые ему, сообщали ему верные известия о притеснениях христиан без ведома пашей, а патриарх доложил бы ему прямо.

– в. Эту волю султана архиепископ лиддский объявил иерусалимскому паше и сказал ему, что если он не умирит Абогоша с Самханом и не защитит рамальских христиан, то здешний синод будет писать в Константинополь к своему патриарху, дабы он довел до сведения султана о несчастьи рамальских христиан.

– г. Шесть христиан Рамаллы убиты мусульманами и тела их сожжены ими же. Таково ожесточение!

– д. Христианская деревня Рамалла разделена на две партии: одна половина жителей предана Абогошу, другая Самхану. Посему после победы и поражения того или другого шеха деревня должна страдать. Абогош победит, – он убьет христиан, преданных Самхану; этот одержит верх, тогда Абогошевы приверженцы погибнут.

– е. Рамалла теперь занята войсками Самхана.

– ж. Анфим заикнулся, что проповедник иеромонах Дионисий будет уволен; ибо оказалось, что он не знает даже правописание греческого. Стало быть, он произносил чужие проповеди. И в Иерусалиме есть вороны, наряженные в павлиньи перья.

ИЮЛЯ 25, Вторник.

Σχόλια εἰς τοὺς κανόνας Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ¹⁸¹.
Рукопись in folio.

Τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν ἄββα Ἰσαίου ἐντολαὶ τοῖς ἀδελφοῖς
τοῖς μετ' αὐτοῦ¹⁸².

Δαυσαῖκὸν πατερικόν¹⁸³, in folio. В сем патерике содержатся
весьма краткое жизнеописание монахов и монахинь верхнего и
нижнего Египта. В конце прибавлена большая статья о
брахманах.

Γεωργίου Κορεσίου θεολογία¹⁸⁴. 7 томов in folio. Сей писатель,
уроженец острова Хиоса, принадлежал к великой церкви, т. е.
Константинопольской.

Δοσιθέου Πατριάρχου κατὰ Σιναιτῶν¹⁸⁵ Рукопись in folio.
Доказывает, что синайское епископство издревле принадлежало
Иерусалимскому престолу. Любопытная книга! В ней собрано
много подробных документов касательно сей горы. Книга
разделяется на 7 глав. В конце прибавлена история Синайской
горы, написанная тем же патриархом. Стр. 226–256 (две книги).

Ἀπομνημονεύματα Σιλβέστρου Σιροπούλου συμβάντα ἐπὶ τῇ
μελετηθείσῃ Συνόδῳ ἐν Φλωρεντίᾳ ἐπὶ Ἰωάννῳ Παλαιολόγῳ¹⁸⁶.

Сия рукопись писана и окончена на Синае во время
архиепископа Синайской горы Анании в 1671 г., в месяце марте
4 дня, в субботу.

В сей рукописи подробно описаны деяния Флоренийского
собора, напр. помещены речи царя Палеолога, Марка Ефесского
и проч.

ИЮЛЯ 26, Среда. Διονυσίου Ἀρεοπαγίτου¹⁸⁷ Рукопись in 4°. Писана
иеромонахом святогробцом внутри часовни Св. Гроба
при патриархе Досифее.

Geographiae Blavianaе volume novum, quo Europae liber XVII
et Africa continentur. Amsterdami. MDCLXII.

Греческая рукопись на огромных листах. Родословие от
Адама до Иисуса Христа, патриархов допотопных и
послепотопных, судей, царей израильских в лицах в виде как бы
древа. Соотношение лиц выражено линиями, проведенными от
одних лиц к другим. Для каждого лица есть кратчайший текст.
Составитель сей книги не известен.

Свиток. – Водоосвящение большое. Писан свиток в 6844 году от созданы мира или в 1336 г. от Р. Х.

Свиток писан крупными четкими литерами. Чернила весьма черны. Свиток длиною 10½ аршин.

Всех свитков 7; из них 5 больших и малых 2. В списках литургии есть чин посвящения духовных лиц от чтеца до архиерея.

Наместник иерусалимского патриарха архиепископ лиддский Кирилл сегодня отправился в Рамаллу вместе с мусульманскими старейшинами Иерусалима мирит и соединит две партии в сей деревне, из которых одна держит сторону Абогоша, другая – Самхана.

Самхан согласен мириться с Абогошом; но сей жаждет мести и крови.

В Рамалле поставлены пашийские солдаты.

Французский консул, граф Лантиви, спрашивал пашу иерусалимского, почему мусульмане гонят христиан? Почему невинных рамаллян они убили на дороге и сожгли тела их? Делается ли это с ведома турецкого правительства или без ведома? Паша сказал консулу, что теперь не время отвечать ему на эти вопросы; наперед надобно усмирить враждующих шехов, а потом наследовать: почему рамалляне сожжены на дороге людьми Абогоша. Таковы слухи настоящего дня!

ИЮЛЯ 27.

Иерусалимские монастыри

А. Женские

– 1. Недалеко от русского Феодоровского монастыря и смежно с латинским монастырем Спасителя находится маленькая обитель во имя Св. Василия Великого, в которой спасаются пять-шесть монахинь в самых убогих и тесных келлиях. В обители есть маленький храм. Вся она так мала и так тесна, что из ворот прямо на крыши приземистых келлий выходишь. Эту обитель построили или занимали грузины.

– 2. Монастырь *Евфимия Великого* древле был подворье его лавры. Ныне в нем помещаются около 10 монахинь. Церковь в сем монастыре довольно изрядна и содержится чисто. В келье игумены я заметил греческие слова над дверьми: Χριστός μεθ' ἡμῶν στήτω. По рассказу здешних старцев, обычай надписывать сии слова над дверьми домов получил свое начало в Антиохии Сирийской по следующему случаю: когда-то, давно, страшное землетрясение угрожало сему городу совершенным разрушением. Множество домов пало или повредилось; тогда христиане по особенному чьему-то вдохновению написали над дверьми олова си: *Христос с нами да стоит*, и дома их были пощажены, как некогда дома израильтян в Египте пощажены были ангелом истребителем.

– 3. Рядом с Евфимиевским монастырем находится обитель, именуемая по-арабски *Сейданая*, а обыкновенно *Малая Панагия*. В церкви, которая есть не что иное, как часть какого-то древнего здания или храма, показывали мне малую весьма древнюю икону Богоматери, со створом которой окраины обложены серебряным окладом, и говорили, что эта икона попала сюда из Сейданайского монастыря, находящегося близ Дамаска. Я был в сем монастыре в прошлом году¹⁸⁸ и не видел там иконы; монахини говорили мне, что она сокрыта в стене за серебряною решеткою. А теперь оказалось, что икона находится в Иерусалиме. (Надобно думать, что в какую-либо бедственную эпоху подвижники ушли из Сирии в Иерусалим, взяли с собою икону, писанную евангелистом Лукою, где она... Сношения

прервались с Сирийско-Сайданаским монастырем. Возобновители сего монастыря, по прошествии нескольких десятилетий, а быть может и столетий, не знали где находится чудесная икона).

Впрочем, может статься, что эта икона есть копия, снятая с иконы сирийской. Арабское название здешнего монастыря – Сейданая показывает, что в нем когда-то жили арабские монахи или монахини. Без сомнения, они поселились в нем после эры магометанской. По словам сопровождавшего меня архимандрита Иоиля, этот монастырь почитается метохом. Елеонской горы. Ныне в нем живет 30 монахинь. Церковь имеет два придела: направо – Св. Анны, налево – Иоанна Предтечи.

– 4. *Большая Панагия* находится смежно с греческим монастырем Св. Гроба. Сия обитель, по сказанию о. Иоиля, построена была римлянкою Меланиею на том месте, где стояла Богоматерь вместе с прочими женами и зрела Распятого Господа. В самом деле из обители видна Голгофа. Мелания подвизалась и скончалась здесь в одной пещере; место ее погребения недавно обращено в церковь, как это видно из надписи на мраморе над дверью сей церкви, находящейся внизу:

Ἡ ἱερὰ αὐτὴ μονὴ τῆς
Ὁδηγητρίας: ἀνεκαίνι
σθη καὶ ὁ τάφος τῆς ἁγίας
Μελανῆς εἰς ναὸν μεθ
ηρμόθη καὶ ἑγκαίνιάσθη
Παρὰ τοῦ πανιερωτάτου τοῦ ἁγίου Πέτρου
κυρίου Μισαήλ ἐν τῷ αὐλῷ. μарт. г¹⁸⁹

Из сей церкви налево сходят по лестнице в глубокую пещеру. Ее – то выдают за место подвигов и успения Мелании. Сия пещера показалась мне делом рук человеческих; Впрочем, может быть я обманулся штукатуркою стен. В главной церкви игуменья показывала мне древнее рукописное Евангелие в древнем среброкованном переплете. На нем означено, что сие Евангелие писано при *Дуке Константине и Евдокии, супруге* его, в 6560 году (1052 г.). Итак, эта рукопись XI столетия. Она писана в два столбца; чернила весьма черны; над всеми

словами поставлены разные знаки красными чернилами. Сии знаки суть как бы греческие ноты для понижения и повышения голоса. Образец подобного письма взять мною из подобного Евангелия, хранящегося в Саввинском монастыре. Сие рукописное Евангелие попало сюда из монастыря аввы Герасима.

Примечание. В Большой Панагии, обыкновенно, помещаются герондиссы архиереев и других главных сановников греческого монастыря. Место плача Богоматери обращено в место чувственных потех иерусалимских иноков с инокинями. Архиепископ лиддский недавно выстроил там для своих кокон прекрасный деревянный дом, точь-в-точь похожий на тот, в котором сам живет. Две из них уроженки острова Митилены, а третья – цареградка. Старшей коконе лет 30 от роду, племяннице ее 20, а цареградке, дочери наложницы игумена Ильинского монастыря, – 15-ть. Последняя недавно родила, – не помню, сына или дочь его преосвященству Кириллу.

5. Смежно с Малою Панагиею находится монастырь *Екатерининский*, в котором помещаются русские поклонницы и живет пять русских монахинь под надзором русской игуменьи Иулиты. Этот монастырь недавно поправлен. В нем могут поместиться сто поклонниц.

Б. Монастыри мужские

Монастыри мужские в Иерусалиме и вне оногo, исключая Саввинский, суть не что иное, как гостиницы для помещения богомольцев и потому в них нет монахов. Каждый монастырь обыкновенно вручается надзору одного игумена, который тоже, по обычаю, держит при себе молодую герондиссу и приживает с нею детей.

Здесь я переписываю монастыри в том порядка, в каком я осматривал их.

– 1. Монастырь *Георгиевский*, смежный с латинским монастырем Спасителя, состоит из небольшой церкви и 18 келлий. В церкви штукатурка опала. Этот монастырь носит название Больничного (Νοσοκομείον). Два брата из Иоаннины, Пакуций и Кара-Иоанни, переселившиеся из Царя-Града в

Венецию, пожертвовали 10 тысяч венецианскими златицами на обращение сего монастыря в больницу для поклонников. Вероятно, в начале помещались в нем больные. Но ныне он крайне запущен. В нем скорее можно потерять, нежели восстановить здоровье.

– 2. Монастырь *Архангельский*, смежный с латинским, обширнее и просторнее Георгиевского. Церковь, имеющая небольшой купол, – трехпрестольная. Главный престол освящен во имя архангела Михаила, правый придел – во имя Иоанна Златоустого, а левый – во имя Николая. Размещение приделов неправильно. На иконе архангел Михаил в воинском древнем одеянии с человекообразными солнцами на груди и мышцах; в правой руке он держит пламенный меч, а в левой – душу за волосы; у ног его лежит тело сей души. Изображение сие есть эхо языческой мифологии. Я видал его в разных церквях Палестины и в Перской греческой церкви в Константинополе. Не знаю, на каком основании архангелу Михаилу усвоена должность проводить души на небо. По местному преданию, монастырь построен на месте явления ангела Давиду на гумне Орны. Самое место обозначено обломками колонны, которую лобызают усердные поклонники. Сербы построили сей монастырь. Я видел в церкви сербские иконы с славянскими буквами. Половиною сей обители заведывает игумен или эконо́м Свято-Саввинского монастыря с своею герондиссою, другою – патриарший монах. Монастырь имеет 40 келлий и небольшой сад с огородом. С 1820 по 1828 г. жили в нем по найму американские миссионеры и Николайсон, их деятель и руководитель. С крыши церковной взор обнимает далекое пространство по дороге в Набулус, грот Иеремии, весь Иерусалим, Елеон, деревню Абудис и часть Заиорданских гор.

NB. Мимоходом в Большую Панагию мы зашли в древнюю латинскую патриархию, пристроенную к северной и западной сторонам храма во время крестоносцев. Со времени завоевания Иерусалима Саладином живет в сей патриархии род Алемидов, хранителей знамени Магометова. С позволения шеха Юсефа, мы вошли внутрь сего здания и осмотрели его. Ворота мавританской архитектуры с острыми сводами и разноцветными

украшениями довольно величавы. Главная лестница, ведущая в большую валу, устроенная из больших тесанных камней, широка и хорошо сохранилась. Зала либо церковь, с древними сводами, длинна и узка; она освещается из окон, выходящих на базарную улицу. Она обращена в мечеть. Прочие комнаты, кои выше, кои ниже, не велики. Везде крайне нечисто. Молодой араб вводил нас и в спальню или в женскую половину, которая находится на крыше между двумя куполами храма Гроба Господня. Отсюда видно в ротонду Гроба чрез окно. Из этой половины в давнее время дверь вела в южную сторону куполов, которую владеют греки. Но она заложена с тех пор, когда оказалось, что мусульманки из гарема ходили к монахам греческим и принимали их к себе. Когда, по жалобе мужей, призвали патриарха в мегкеме для суда, то он сказал: «у вас есть кобылицы, у меня жеребцы; заприте своих и мои не будут прыгать на них». Слово и дело.

ИЮЛЬ 28, Пятница. – 3. Монастырь *Авраамиевский*. Место жертвоприношения Исаака обозначено на мраморном полу церкви серебряным кругом, обведенным около ямки, мозаически выложенной.

Сей монастырь обновлен был Георием Абашидзе (беем) из Имеретии в 1700 г., как это видно из надписи на серебряном круге и на простом камне, вложенном в стену около масличного дерева. Сия последняя надпись так глаголет:

Τὸ μοναστήριον τοῦτο τοῦ πατριάρχου Ἀβραάμ·
ἀνεκαίνισθη δι' ἐξόδων τοῦ ἀρχόντος
Γεωργίου Ἀμπασίζε ἀπὸ τὸ Ἱμερέτι –
Ἐν ἔτει Α·Ψ·¹⁹⁰

Таже надпись по-грузински.

Монастырская церковь довольно хороша. Тот придел его, в котором показывается место жертвоприношения Исаака, очень мал. Он есть часть голгофского храма или, лучше, он находится под латинским приделом нынешней Голгофы. Саладин дал храм грекам и грузинам: сии взяли себе Голгофу и Авраамское место и раздробили Голгофу.

По фасаду Авраамьевского монастыря, обращенному на площадь храма, есть три небольшие ворота: первые ведут в сей

монастырь, вторые (ближе к Голгофе) – в армянскую церковь Св. Иоанна Богослова и третьи – в коптскую церковь архангела Михаила. Эта церковь мала. Подле внутренней левой стены есть ход в верхнюю малую церковь их же гг. коптов.

Из Авраамьевского монастыря через коптскую церковь я прошел на площадку, которая составляет крышу подземной церкви Обретения Креста Господня и очутился у алтаря греческого храма Воскресения Христова.

За сим алтарем очень много древних помещений. Направо – развалины храма Апостолов и скудные убогие помещения абиссинских монахов. Один из них, почти голый, сидел на полу скорчась и читал Евангелие. Храм Апостолов имел связь с Голгофскою церковью. От сего храма уцелела только южная стена. Она весьма толста. Окна в ней узкие с остроконечными сводами. На левой стороне от Воскресенского алтаря находятся помещения коптов; вход в храм Воскресения с северной стороны и остатки дворца царей Иерусалимских.

Средину между храмом Апостолов и коптскими помещениями занимает близ алтаря широкая площадь или, лучше, ровная крыша с небольшим пролетным круглым куполом над церковью Обретения Креста. Далее, на восток, за этою крышею место пустопорожнее. Дворец царей крестоносных начинался против ворот Крестовой улицы и продолжался вероятно до латинской патриархии. Ныне тут живут латинские и греческие христиане.

От ворот, чрез которые провели Иисуса Христа прямо на Голгофу, идет Крестная улица к мечети Омаровой. Мы прошли по ней несколько шагов и повернули направо в первый переулок; тут указываю дом евангельского богача; дом высок и построен поперек улицы, но под ним есть открытый ход. От сего дома мы повернули вверх в переулок. Здесь указывали мне дворец Елены, матери Константина Великого. Но этот дворец так же, как и дом евангельского богача, – мавританской архитектуры. Дворец находится на левой стороне переулка, а на правой, против него, – опустелая мечеть. Огромные ворота, ведущие во дворец, построены в мавританском вкусе, с разными узорами и вычурными украшениями из разноцветных

камней. Внутри дворца есть длинная и широкая каменная лестница. Тут в одном из низменных покоев готовят кушанья для бедных мусульман. Мавританская архитектура доказывает, что это место перестроено уже мусульманами. Но предание местное усвояет дворец Едене; впрочем, эта Елена есть царица из Адиабена, Иудейская прозелитка; она-то, по оказанию Иосифа Флавия, строила дворец в нижнем городе на Акре.

Осмотрев мнимый дворец Елены, мы спустились назад и под домом евангельского богача прошли прямо по улице к магометанскому судилищу, называемому мегкеме, находящемуся подле ворот, ведущих на площадь мечети Омаровой. Главный мулла иерусалимский, узнав о моем прибытии, пригласил меня в самое судилище и угостил всех нас кофеем.

Мегкеме не опрятно. Среди двора его был фонтан, но теперь не действует. Из окон мегкеме видна древняя стена храма Соломонова, подле которой плачут евреи, а с крыши – мечеть Омарова.

Из мегкеме мы пробрались чрез закоулки в лощину, которая находится между Мориєю и Сионом. В этом месте Сион весьма крутояр. Ходит с Сиона в храм не иначе можно было, как по мосту. Следовательно, здесь надобно искать ксиста, т. е. крытого моста, по которому цари хаживали с Сиона в храм. Подробное и кропотливое обозрение сей лощины и ксистуса я отложил до другого времени, потому что спешил обозреть сегодня монастырь Георгиевский, известный под названием Еврейского, потому что находится в еврейской части города, и монастырь Сирианский.

В еврейском квартале на Сионе живет около 10 тысяч евреев. Дома, дворы, улицы наполнены евреями. Везде вонь и нечистота. Здешние евреи имеют большую синагогу с 4 отделениями. Синагога светла, просторна, но не интересна на взгляд.

– 4. В еврейском квартале находится православный монастырь Георгиевский. Древле он был велик, ныне очень мал. Подновленная церковь в нем довольно изрядна. На одной алтарной двери архангел Михаил изображен весьма странно:

одною рукою он держит душу за волосы, а другою замахивается мечем; на чреве его изображена голова с оскаленными зубами; на руках и ногах также головы. Очевидно тут мифология смешана с христианством и заметен переход от египетской религиозной живописи к христианской.

Не забыть бы заметить, что игумен сего монастыря, хотя и не стоит парички по виду, а держит кокону; красивую? Нет, по Сеньке и шапка. Она так же ряба и корява, как и сам он.

Монастырь Сирианский построен (будто) на том месте, где стоял дом евангелиста Марка. Церковь длинная и узкая – очень древна. В ней сириане показывают каменную купель, в которой будто бы крещены апостолы и Богоматерь. Но эта купель, устроенная в виде чаши, так мала, что в ней с трудом можно окрестить новорожденного младенца. По преданию или по уверению сириан, монастырь занимает место того дома, в который явился Иисус Христос *дверем затворенным*¹⁹¹ и в котором укрылся апостол Петр после того, как ангел вывел его из темницы¹⁹². В сем монастыре есть цистерна с отличною водою, которую почитают чудесно целительною. Тут один сарианский епископ прожил 60 лет в одной комнате; он был величайший постник; он умер 100 лет.

Нынешний архиерей сирианский уехал в Константинополь, где находится и патриарх его из Курдистана. Они намерены просить российского посланника о покровительстве сириано-иаковитам, у когорых сириане-католики месопотамские отняли церкви и имения.

Примечание. Храм Гефсиманский был столь высок, что вершина креста равнялась вершине Елеона.

Известия настоящего дня суть следующие.

– 1. В Греции партия английская посягает на уничтожение веры православной (?).

– 2. Французский консул в Иерусалиме писал к Абогошу, чтобы он распустил воинство свое и возвратился домой. О том же писал ему и паша иерусалимский.

– 3. Вчера вечером из Рамаллы возвратился архиепископ лиддский с Алеmidом. Христиане рамальские утешены. В

Рамалле и в других соседних деревнях поставлены пашийские солдаты.

ИЮЛЬ 29, Суббота, – 5. Монастырь *Св. Димитрия* составлен из разных прикупленных домиков и потому келлии разбросаны в нем там-сям, вкривь и вкось. В нем могут поместиться 300 поклонников. Его занимают, обыкновенно, анатолийские греки и лазы трапезунтские.

NB. Близ сего монастыря иерусалимские униаты намерены строить себе церковь и гостиницу для своих единоверцев. Но паша не позволяет без султанского фирмана. Посему выведены только стены вокруг двора. Кладка стен из белого штучного камня очень хороша.

NB. С Димитриевским монастырем соединен *коптский монастырь Св. Георгия*. В небольшой и убогой церкви деревянный иконостас, выкрашенный красноватою краскою, есть не что иное, как ровная перегородка без колонн, без пилястр, без углублений. Царские двери – глухие. Иконы у коптов высоко ставятся. Престол, как у нас, четвероуголен. В семь монастыре хранится правая рука великого мученика Георгия. Она зашита и запечатана коптским патриархом. Напрасно я просил коптского священника показать мне св. руку; напрасно обещал ему золото; он отвечал, что если он откроет руку, то последует землетрясение. Коптские церковные книги писаны буквами греческими, но выговор и смысл слов – египетский. Коптский священник читал для меня нараспев отрывки из литургии Василия Великого. В этой литургии есть слова: *Благодарим Господа... Достойно и праведно есть... Свят, Свят, Свят Савваоф...*, воспоминаются Севир и Диоскор, как святые, наравне с Златоустым и Василием Великим. Все монахи коптские носят хитон не швейный без рубахи; хитон имеет вид рясы. На голове они носят темно-синий тюрбан, из-под тюрбана висит черная широкая лента почти до чресл, – паллий Св. Антония. Любопытно изучить религию, обряды, обычаи и язык коптов.

– 6. Монастырь *Св. Иоанна Предтечи* находится недалеко от храма на левой стороне улицы, которая начинается у северо-западного угла храма и прямою линиею протягается к Сиону. На

восток за сим монастырем находится обширная, пустая, ровная площадь, а на запад, за улицею, – так-называемый пруд Патриарший. По уверению греческих монахов, в сем монастыре помещалась древняя православная патриарха. Очень вероятно. Ибо монастырь находится вблизи храма. Ныне он занимает весьма малую часть древнего помещения. Церковь устроена в нем из остатка древней церкви, которая заставляет ее воображать в больших размерах. В церкви сей замечательны большое поликандило апликейное и богатая серебряная чеканная риза на большой иконе Предтечи, – приношение казака донского. Эта икона с ризою перевезена была сюда из Афона (во время восстания греков?) и, по просьбе агиотафитов, уступлена казаком сему монастырю, а в Афон он послал другую подобную. В сей церкви сохраняются остатки древней мозаики. Под нею есть подземелье просторное, из которого (будто) был ход до храма Гроба Господня.

Предтеченским монастырем управляет молодой игумен, а им управляют изрядные коконы, которые при мне вышивали что-то узорчатое.

Напротив сего монастыря находится большой пруд четвероугольный. Он был полон воды; говорят, что он довольно глубок. Арабы называют его: Биркеел-Батрак = пруд Патриарший. Сие название дано было пруду, без сомнения, по тому, что он находился в ограде (или) близ патриархии и вероятно ей принадлежал. Но кем устроен был сей пруд? Патриархом? Царем Езекиею? Не знаю. Ныне весь пруд обставлен домами, так что путешественник тысячу раз пройдет мимо его и не увидит, если ему не скажут о существовании его, или если не покажут его из монастырского дома, или из мусульманской кофейни, которой окна выдаются на пруд.

За Предтеченским монастырем к востоку находится большая ровная площадь, четвероугольная. Площадь сия есть не что иное, как крыша равных зданий, устроенных в виде свода. Если пройдешь по всей восточной окрайной линии сей площади, то увидишь внизу лавки, которые устроены под этою линиею; те же торговые лавки увидишь и вдоль южной окраины площади. Одну часть подземного большого места со сводами я

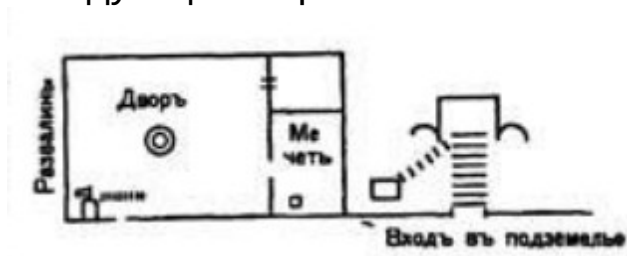
видел и на северной стороне площади близ минарета, обозначающего место молитвы Омара близ храма Гроба Господня. Помещения под площадью требуют исследования. Архимандрит Иоиль говорил мне, что они современны постройке храма при Константине Великом и что они назначались для принятия и упокоения поклонников. Возможное дело! Он ссылаясь на Евсевия, который описал постройку Иерусалимского храма. Надобно справиться с церковным историком. Было ли что-либо надстроено над нынешнею площадью? Помещения под нею не суть ли дело тамплеров? Не они ли устроили сии подземелья? Или они воспользовались готовою, расчищенною, высеченною в горе площадью при Константине Великом? Без археологических справок не знаю, который вопрос ближе к истине. В северо-восточной стороне сей площади до ныне сохранились остатки храма с разными зданиями при нем. Эти развалины носят название *Больницы Царицы Евдокии*. Архимандрит Иоиль говорил мне, что у него в свежей памяти сохранился главный алтарь храма, который разорили турки и из материалов его построили дом напротив монастыря Предтеченского. Этот дом недавно куплен патриархиею, потому что мусульмане, которые построили его, все померли. По словам архимандрита, алтарь был так же высок и так же устроен, как храм Предтечи в Севастии. Алтарь левого придела и ныне стоит цел.

– 7. Монастырь *Св. Николая* находится против русского Феодоровского монастыря и смежно с латинским. Церковь в нем лучше всех прочих монастырских церквей. Иконы – русские. В церкви есть два придела: направо – Антония Великого, налево – Екатерины. Из грузинской надписи на цоколе наружной стены алтаря видно, что церковь обновлена была Еленою, царицею верхней Иверии. В сем монастыре есть 50 келлий больших и малых; в них помещается до 300 поклонников. Сей монастырь перестраивается, т. е. улучшается с июня месяца настоящего года.

NB. Сегодня встретился с нами, около новой постройки униатской, униат, – драгоман консула французского. По словам

архонмандрита Иоиля, он уговаривает в унию православных христиан Вифлеема, Рамаллы и Бетжалы.

НВ. О. архимандрит Иоиль говорил мне, что по сгорании храма в самом мертвенном ложе Спасителя найден был кусок пергамента в свинцовой обертке, на котором разобрали латинские слова: Pater noster. Все прочее изгладилось. По починке Кувуклии и Гроба в 1869 г. иерусалимский синод вложил туда символ веры на греческом языке. О. Иоиль нарисовал мне вид жертвенного ложа Спасителя, высеченного неглубоко в каменной скале следующим образом.

По его же уверению, настоящий вход в погребальную пещеру Господа древле был с противоположной стороны, где ныне находится алтарь коптов и сириан, пристроенный к самой часовне Св. Гроба.

НВ. Сегодня армянский патриарх Захария подарил мне кокосовый орех, присланный ему из Индии армянским архиереем. Зерно сего ореха лечит от всякой болезни, если потереть его в холодной воде и выпить эту воду. Армянское поверье.

НВ. На днях армяне затеяли процесс с греками по случаю переделки Авраамиевского монастыря. Армяне предложили им, что они на свой счет переделают плоскую крышу своей церкви во имя Иоанна Богослова, находящейся в нижнем этаже Авраамиевского монастыря. Греки отвечали им, что перестилка крыши не нужна, а ночью тайно сломали ее и стали перестилать ее приготовленными каменными плитами, дабы доказать армянам свое хозяйственное право на их церковь. Армяне узнали об этом и подали протест в мегкеме.

НВ. Все денежные сборы таксилдаров для Гроба Господня посылаются к патриарху иерусалимскому. Кто больше соберет

денег и из своей половины даст значительную сумму патриарху, тот и в епископа производится.

Когда таксилдар (сборщик) придет в какой-либо город или деревню, то на другой день после обедни читает в церкви всем предстоящим грамоту или патриарха, или монастыря (афонского или синайского), в которой обозначено, что он определен сборщиком; потом объявляет, что кто позовет его святить воду, к тому он пойдет. Обыкновенно он останавливается у епитропа монастырского или святогробского, если нет особого подворья. Со временем он приобретает и духовных чад. Таксилдар собирает иди, лучше, принимает все, что дают: деньги, хлеб, масло, вино, скот и продает их. Кто записывает имена для поминовения в монастырях или у Гроба Господня, тот дает деньги, по крайней мере, по 10-ти левов за имя.

NB. Копты продают свой огромный дом, выстроенный во время правления Ибрагима-паши. Этот дом выходит одним фасадом на пруд Патриарший, другим – на улицу. Армяне покупают его с тем, чтобы передать его английской миссии будто по контракту на 30 лет. Итак, сия миссия имеет большие замыслы, надежды и деньги. Об этом я слышал от архимандрита Иоиля, который находится в дружеских сношениях с членами сей миссии.

NB. Наместник патриарха, архиепископ лиддский, был сегодня в мегкеме, куда был призван и Абогош. В присутствии паши и прочих судей он говорил сему разбойнику, что если он не примирится с Самханом, то синод напишет патриарху, а патриарх донесет султану, что Абогош сожигает невинных христиан, что если Абогош думает мстить рамальским христианам, то наместник патриарха потрясет один волос в бороде своей и Абогош и его деревня не существует. Эта угроза объясняется тем, что греческий патриарх тайно держится стороны Самхана, тогда как армяне и католики принадлежат партии Абогоша. Это важное известие сообщено Омер-беем.

ИЮЛЬ 30, Воскресенье. – Сегодня утром паша, ходжакжи (турецкий чиновник, присланный для наблюдения за работами в монастырях и церквях), греки и армяне должны были сойтись в Авраамиевском монастыре для разбора вышеупомянутой дела.

Но собрание не состоялось, потому что архиепископ лиддский опять уехал в Рамаллу. А без него никто из патриархии не осмелился идти.

После обеда я осмотрел всю донскую гору и возвратился домой по-за стенами города, чрез Гефсиманские ворота.

Почти напротив нынешней цитадели строится англиканская церковь. Здание выведено по цоколю. Постройка приостановлена турецким правительством, потому что начата была без его позволения. Фундамент этой церкви дорого стоит миссии, потому что едва, едва дорылись до материка. Близ этой церкви находятся казармы, построенным Ибрагимом. Фундамент и для этой казармы положен весьма глубоко. В непомерной глубине рабочие нашли тогда ковчежец с 70 монетами византийскими императора Комнина. Турки долго мучили сих рабочих, полагая, что они нашли большие сокровища, но утаили их и представили только один ковчежец. От чего же пришлось копать глубоко фундамент для казармы и для церкви? От того, что на этом месте Сиона был главный бассейн, из которого вода разделялась по городу.

На месте нынешнего армянского монастыря был ипподром. Так думает архимандрит Иоиль.

Встреча с главным шейхом, которому вверено хранение гробов Давида и Соломона на Сионе. Он просил меня к себе в гости. Обзорение верхней церкви над вышеупомянутыми гробами. Потолок построен в ней во вкусе средних веков; своды в ней переплетены и от них спускаются как бы длинные завесы на капители приземистых колонн.

Нижний этаж сей церкви – другой кладки, древнейшей. В нем, в подземелье, находятся, но не показываются гробы царей Давида и Соломона. Угощение шейха в его доме тут же близ церкви. Арабы любят моим крестом и аквамарины почитают бриллиантами. По словам шейха, внутри Омаровой мечети в большие праздники горит не более 5000 лампад.

На Сионе остатки стены верхней на обтесанных скалах. Тайный ход, которым феллахи пробрались в Иерусалим и атаковали Ибрагима-пашу. Этот ход находится в долине Тирапфон. Он устроен из камней в виде узкого коридора.

Львы над Гефсиманскими воротами. Ров Иеремии. *Pescina superior, pescina inferior. Via dolorosa*¹⁹³ была глубже.

ИЮЛЯ 31, Понедельник. Сегодня архиепископ лиддский возвратился из Рамаллы.

После обеда я обозревал город. В Дамасских воротах есть камни иудейской тески. Безета. Вид Иерусалима с возвышения близ Дамасских ворот самый лучший в топографическом отношении; ибо ясно отделяются для зрителя Сионъ, Мория, Акра и Гигон.

На Безете: 1. *Монастырь дев*; в нем хорошо сохранилась церковь с трипостасным алтарем. В середине церкви есть шесть четвероугольных столов, по три на стороне. Тут живут ныне вертящиеся дервиши.

– 2. Монастырь *Магдалины* – развалины, но еще уцелел большой трипостасный алтарь. Церковь была со столбами. Она пристроена к горе так, что алтарная стена выведена из-под горы и потому весьма высока.

– 3. Недалеко отсюда находится маленький монастырь, известный под именем *Факи*, что значит с арабского *обитель ученых*.

Уцелела церковь с небольшим круглым куполом, в котором есть четыре окна, а в нартике – часть мозаики.

– Близ Гефсиманских ворот и подле рва Иеремии – церковь Иоакима и Анны с куполами не среди ея, а в алтаре. В ней есть пещерная церковь над местом рождения Богоматери. Около церкви был монастырь. Все место около церкви года за два очищено пашею и сор брошен в Иеремииин ров, примыкающий к северной стене двора мечети Омаровой.

АВГУСТА 1. Ксист – на конце западной стены около храма Соломонова, против Сиона. Два огромнейшие камня (один 34 четверти, другой 44 четверти) положены горизонтально на других огромных камнях, положенных вертикально и горизонтально, коих я насчитал 4. Камни сии беловаты. Поверх двух огромнейших камней лежат три большие камня. Как эти три камня, так и два огромнейшие вытесаны и положены так, что образуют собою выгиб арки мостовой, – явное доказательство, что здесь был мост. Камни изумляют величиною и постановкою.

За этою аркою следует уголь стены храмовой площади. Камни в стене сей (от 35 до 50 четвер.) огромны; теска их иудейская; их 3½ ряда. Над этими рядами кладка стены – другого века. На земле, у арки моста, лежат камни, тесанные для арки с выгибами, стало быть, они выпали из свода мостового. Эти камни посредственной обыкновенной величины. Кусок арки значительно выдается от стены наклоном или загибом, заломом своим.

Баня. Ход к ней под высокими темными сводами, покрывающими широкую улицу, ведущую на площадь храма Соломонова. По обеим сторонам сей темной улицы – комнаты с полукруглыми высокими входами или базары. Направо (едва ли не посреди правой линии улицы) есть ход в баню. Вода достается в нее из соседнего колодца, которого горло почти выше куполов бани. Колодец довольно глубок; впрочем, если бы снять здания около него, то обруб его оказался бы в виде трубы. Если бы снять и эту трубу до уровня земли, то не далеко было бы до воды. Араб, хозяин бани, говорил, что вода уменьшается и прибавляется, смотря по дождям года. Впрочем, вода тут ключевая. По словам хозяина, из колодца есть лестница, ведущая в водопровод и бассейн, вообще в подземелье храма, где просторно и где есть колонны или столбы. Во время засухи, когда уменьшается вода, банщики слезают в колодец и из него по лестнице сходят к бассейну и оттуда наливают воду в колодец. Оттуда же течет вода в этот водоем? Ужели из-под храма? Не из города да? Или не имеет ли эта вода сообщения с Силоамским источником? Не здесь ли была Вифезда? Здесь.

По Крестному пути от претории Пилатовой придешь к лестнице, ведущей на площадь храма Гроба. Тут есть три гранитные колонны.

Так называемая церковь Апостолов не есть ли часть Голгофской церкви? Или не было ли тут жилье тамплиеров?

NB. Опять не спокойно на дороге в Яффу. Поклонники русские и два монаха, выехавшие из патриархии по высылке (один из Афонской горы, ученик Каира Феофила), были бы

ограблены, если бы не подоспели албанцы, шедшие из Яффы в Иерусалим.

АВГУСТА 2. Монастырь Крестовский. Надпись над дверьми внутри церкви.

† Ἰστορήθη καὶ ἀνακαινίσθη ὁ θεῖος καὶ πάνσεπτος ναὸς τοῦ τιμίου καὶ ζωοποιοῦ Σταυροῦ διὰ ἐξόδου καὶ βοηθείας τοῦ ἐκλαμπροτάτου αὐθέντος Λεονατιανοῦ καὶ διὰ συνδρομῆς καὶ κόπου τοῦ πανοσιωτάτου ἐν ἱερομονάχοις καὶ ἀρχιμανδρίτου κυρίου Ναηφόρου. Ἐτει ἀπὸ τοῦ Χριστοῦ αἰμς. μην. ἰαννουαρ 11¹⁹⁴ (одиннадцатого).

Главная церковь – Крестовская. Правый придел – Космы и Дамиана, левый – Николая. Из сего придела ход на право под алтарь главной церкви.

В главном алтаре за и под престолом – св. поклонение, т.е. место, где будто бы росло *дерево крестное*.

В церкви 6 столбов, по 3 на стороне. На первых четырех столбах утвержден купол. В иконостасе по два Спасителя и по две Богоматери от того, что эти лишние иконы принесены из монастыря Герасима.

Пол мозаический, из мелких камней, очень хорош. Он сделан в виде ковров. Кровь на первом ковре от входа в церковь.

В алтаре пол из мраморной мозаики весьма хорош.

На иконостасном правом столбе Спаситель изображен в тот рост, какой он имел. Очень высок.

В верхней части монастыря в разных местах есть три маленькие церкви: во имя Богоматери, Предтечи и великомученика Георгия.

Гробы судей (что дальше от Иерусалима).

Передняя – пуста. Наружная дверь пролетна и отделана.

В 1-й четверугольной комнате на лево в верхней ложе 6 усыпальниц (по две в полуарке), а в нижней ложе, как бы в первом этаже, 7-м, но не в арках, а в стене. На право в стене есть узкая дверь, ведущая в малую комнату, в которой есть три ниши и под каждою нишею три гробилица-усыпальницы, в коих лежали тела, как лежат в Клеве.

Во 2-й четверугольной меньшей комнате, прямо против главного входа, – гробница в два яруса без полуарочных нишей. В верхнем ярусе 12 гробниц (4 направо, 4 налево и 4 против входа); в нижнем ярусе девять гробилиц, – по три на каждой стороне.

Из первой комнаты есть в углу левой стены ход в маленькую комнату с 3 гробами и из ней – в большую одноярус/этаж(ную), в которой в 3-х нишах находится 11 гробилиц (по 4 направо и лево и 3 прямо, против входа, и по одному гробу в углах).

От входа в 1-ю четверугольную комнату, в правом углу, есть лестница, по которой с трудом пролазишь в комнатку без гробилиц. Эта комнатка находится под полом первой четверугольной комнаты. Думать надобно, что сие безгробилицное подземелье назначено было для складки костей.

Осмотрены гробы царей, пещера Варуха, гробы пророков под горою Соблазна, гробы на селе Скудельничем (пещера Онуфрия с остатками живописи близь нее пещеры для погребения странных).

АВГУСТ 3, Четверг. Иерусалимский синод в полном собрании (в 10 часу утра) возложил на меня золотой наперстный крест, на фиолетовой ленте, с частью животворящего древа и снабдил меня грамотою.

По выходе из синода я познакомился с англиканским епископом Александром, который пришел к наместникам для утешения их по случаю страдания православных христиан в Рафидии и Рамалле и с предложением услуг Англии. Он спрашивал наместников: «французский консул есть ли друг вам?» – «В нужде всякий друг, кто помогает, – отвечал архиепископ лиддский. Епископ Александр уверял наместников, что настоящие страдания христиан суть последние.

После вечерни посетили меня два наместника и секретарь синода архимандрит Никифор. Архиепископ лиддский долго рассказывал о разорении Рафидии и о междоусобии Абогоша и Самхана. Рассказ после изложу.

В 6 часов пополудни я отправился к армянскому патриарху Захарии для прощания.

Канва разговора – жалобы его на греков за порчу крыши на армянской церкви Иоанна Богослова под Авраамиевским монастырем. Авраамиевский монастырь прежде принадлежал абиссинцам, кои потеряли его по следующему случаю: один фанатик-абиссинец застрелил муэдзина на минарете Омаровом и сам убил себя. Прочие абиссинцы разбежались из Иерусалима от страха; тогда греки успели завладеть монастырем. Крыша упомянутой церкви не была полом келлии, а составляла как бы открытую террасу. Греки не правы. Патриарх просил меня писать об этом в Петербурге. Союз царей Европы для освобождения Палестины. – Сирианский патриарх уехал в Константинополь ходатайствовать о возвращении имений церковных, отнятых у него католиками-утатами. Мнение патриарха армянского: хотя он и возвратит церковные имения, но без пользы, потому что у него нет там прихожан. – Сирианский епископ, живший в Иерусалиме, ушел оттуда в Константинополь, потому что делалось гласным его дурное поведение: он принял в экономы к себе мусульманина с двумя женами и жил с ними.

АВГУСТ 4, Пятница. Приготовление к дороге. Известия сегодня суть следующие: а. французский консул болен. Он три раза предлагал патриархии, чтобы она письменно просила защиты православным христианам у французского короля и уверял их, что они узнают силу его.... б. В Греции английская партия проповедует протестантство. Некоторые острова возмущаются по сему случаю, с. Сообщение с Яффою открывается вследствие мер, принятых пашею.

АВГУСТ 5, Суббота. Паша и мулла благоприятствуют армянам и решили дело о разоренной греками крыше в их пользу. Грамматик храма Неофит ночью сломал эту крышу будто без ведома наместников.

АВГУСТА 6. – Слушал утренню и обедню в Гефсимании. В 12½ часов ходил к паше... Секретарь восточный. – Моя просьба паше за христиан. – Прощание.

АВГУСТА 7. – Выезд из Иерусалима под прикрытием 7 албанцев. Вефильские горы вдали. Суба. – Абогош.

НВ. Из-под алтаря вытекает вода, проведенная с запада из-под горы.

НВ. В северной и южной стенах высоко вверху по 3 окна п. В мезонине по 4 окна. На восток 3 окна узкие высоко...; на запад одно окно в мезонине. Стены храма весьма толсты, как стены храма в ел-Бире¹⁹⁵. Здесь и там архитектура одна и та же...; храмы в виде ковчега.

Еммаус. Сохранилась нижняя часть алтаря большой церкви. Камни довольно велики, ноздреваты и беловаты, как в Одессе. Остатки церкви стоят одиноко вправо от деревни, которая состоит из мазанок. Ничего не осталось от древнего Никополиса, кроме двух обломков колонн вдали от церкви.

Лидда. Церковь во имя Св. Георгия, судя по остаткам алтаря и первой внутренней арки (направо от алтаря), была великолепна, – высока, широка и длинна. Столбы из полуколонн и пилястров поддерживали своды храма. Один из этих столбов уцелел. Каждый столб, очевидно, имеет форму креста. Арка уцелевшая – островата кверху. От противоположного столба уцелел один базис. Подле минарета замечен кусок южной стены церкви. Теска камней щегольская. Над арками был этажик с пролетными окнами.

Деревня *Сарафан* за Лиддою – убога. Древние колодцы. – Приезд в Яффу в 7 часов вечера.

АВГУСТ 8, Вторник. – За обедом агент Марабути говорил, что патриархия дала Мустафе (мусселиму газскому, имевшему дом, фабрики и сады в Яффе) 130 т. пиастров в займы. Мустафа убежал в Египет от преследования правительства за утаение собираемых податей (или за покражу казны); имение его конфисковано и продается в Яффе с публичного торга. Сегодня теллал (разнощик¹⁹⁶) разносил по базару листок, на котором желающее купить имение Мустафы подписываются, кто сколько даст. Патриархия, по словам Марабути, желает купить имение и прибавила по 5000 пиастров за каждый отдел имения, сверх цен, публично подписанных другими; но нашлись, которые

прибавили большие. Марабути будет извещать о сем патриархию сегодня.

АВГУСТ 9, Среда. – В час пополудни мы выехали из Яффы в сопровождении 6 вооруженных людей. Агент Марабути проводил нас версты с две. Прощаясь со мною, он просил меня не вспоминать его недостатков пред его начальниками. – «Архимандрит Порфирий есть благодарный, добрый и молчаливый человек», – отвечал я ему на просьбу его.

Мы потянулись вдоль самой окраины моря по морскому песку, омываемому возвращающимися назад волнами. Эти волны порой и по местам мочили копыта наших коней и смывали следы их бойкого хода. Море, давно невиданное мною, шумело непрерывно, однозвучно, волны его стройными рядами неудержимо неслись к берегам и там исчезали; пена есть седина волн, а песчаный берег есть гроб их. Долго и задумчиво я смотрел на это море: какою-то непостижимою силою оно привлекало к себе все внимание души, приводило ее в состояние безмолвия и одной бессмысленной, безотчетной наглядности. При взгляде на море душа иногда сама слишком расширяется, как бы расплывается, разливается, меряется с беспредельностью вод и занятая этим делом ничего другого не ощущает, ни о чем другом не думает в эти минуты. Душа многоочита и потому она не может слишком долго любоваться одним предметом; ей хочется заняться и другими видениями, возникающими в очах ее. По этому неизбежному закону я устал любоваться морем и обратил внимание на берег и обстановку его. Берег от Яффы до Кармила большею частью чист: редко где песочные, плоские камни загромождают его. Весь он обставлен песчаными холмами, которые инде переходят в холмы высоко и увенчанные ноздреватыми камнями, как бы гребнями, кои подмываются дождями и сваливаются к подошве на берег. Инде эти холмы пологи, а инде совершенно отвесны; цвет их то красноватый, то беловато-желтоватый. Пространство между водою и сими холмами очень мало; инде волны доходят до них и заставляют путника жаться к ним. Эти холмы образованы то горизонтальными слоями, то сплошными оземлениями. Они не весьма стары, но и не молоды. От поверхности сих холмов

идет ровное поле к горам Палестинским. Если бы кто проехал прямою линиею от гор к морю, то он, достигши окраины поля, внезапно увидел бы как бы стену и не возможно было бы ему спуститься к морю.

В расстоянии 3 часов от Яффы есть деревня, которую называют Харемом. Она стоит почти на самом краю поля. С берега едва заметна вершина ее мечети. За этою деревнею находятся развалины какой-то крепости или древнего города. На вершинах холмов видны были куски стен и зданий. Главный фасад крепостных укреплений выходил на море. С северной и южной сторон спускались с вершин по отвесной горе в самое море толстейшие стены и заслоняли прибрежную дорогу. Теперь чрез проломы их можно ехать по берегу. К самой горе, прямо против моря, прилеплено каменное высокое здание, которого южная стена довольно уцелела и издали представляет вид обтесанной горы. Арабы говорили мне, что тут была огромная лестница сверху до самого моря. Должно быть так; ибо иначе нельзя было бы сойти к морю; гора очень отвесна. Огромные куски или, точнее, обвалы стен или башен скатились в море; и волны не могут разбить их; так толсто и так крепко были кладены они. Камни все довольно малы; величина их, теска и кладка горизонтальными рядами напоминают стены Кесарии и Аскалона. С северной стороны крепость защищена была глубоким рвом; вероятно, подобные рвы находились и с восточной и южной стороны, но с берега я не мог заметить их. Что это за развалины? Не тут ли была Антипатрида? Или это Аполлония? Или Никополис?

Еще три часа мы ехали вдоль моря и холмов. Солнце стало тонуть в море. Лишь только золотой шар стал опускаться на воду, вдруг от него вытянулась шея и он очутился в виде головы и погружался в море, как человек. Солнце скрылось за горизонтом, но окраина неба и горы еще немалое время озарены были пурпуровым сиянием. И сияние исчезло. Мы поднялись на поле и в прямом направлении с запада к востоку, или от моря к горам, уже в темноте достигли до деревни им-Халит и расположились ночевать на крыше дома. Ночь лунная, звездная, теплая.

АВГУСТ 10. Выезд из деревни в 4½ часа утра. Темно; рассвет застал нас на дороге. Солнце выкатилось из-за Кармила. Припоминание огня, спадшего с неба на жертву Илии. Дорога полем в северо-западном направлении. Поле ровное; на нем множество кустарников; рожковых деревьев много; овощные огороды. В Кесарию прибыли в 8 часов. Снятие плана Кесарии. Водопровод прямо по берегу (вода бежала поверх арок, теперь видны только 4 арки близ Кесарии), весь засыпан, – затянуть белым песком. Далее он заворачивается к востоку, к горам.

Камни из Кесарии будут вывозимы в Акру для казармы и для крепости.

Тантура. Развалины – кусок стены какого-то здания, издали представляющийся колонною. Мы ехали почти по воде прямо на эту колонну. Берег подле Тантуры скалист. Три скалы в роде scoglio или островочков, похожие на печеный ржаной хлеб формой. Эти островочки или камни были выше, но вершины их срезаны. Они-то дали мне понятие, что и подле Яффы и подле Кесарии в древности были такие же сколии, но срезаны и остались ровные подводные площади. Мыс Тантурекий немного вдается в море. Лишь кусок стены, мощеная площадь близ моря и несколько обломков колонн и капителей свидетельствуют, что тут была древняя Дора.

От Доры мы поехали к Атлиту полем, а не берегом. За Дорою древние гробы в пещерах, – в скалах; скоро виден Атлит и в туманной дали белеет Кармильский монастырь. Каменистый кряж направо от дороги. Каменоломни.

Атлит или Castellum Peregrinorum. Атлит с арабского значит: место пустое, ожидающее гостей. Стало быть, арабы перевели на свой язык castellum peregrinorum. Не здесь ли был Никополис? Снятие плана Атлита.

В развалинах Атлита живет несколько семей арабских в мазанках. Остатки ворот в восточной стене. Проезд из Атлита чрез каменистый кряж или лучше чрез прорезь в семь кряже. Прекрасная равнина между горами и прибрежным кряжем. За Атлитом этот кряж оставался в левой руке. Каменоломни. Приезд в Кармил в 6 часов пополудни.

АВГУСТА 11. Отдых.

АВГУСТА 12, Суббота. Отдых. При закате солнца я посетил пещеру Елисея пророка. Древние цистерны окрест пещеры истесаны в скалистом крутояром боку Кармила. Опасный подъем отсюда на гору по прямой линии. Плоды окаменелые ..., будто от проклятия Илии пророка, которому не дал плодов один араб из своего сада; как будто во время пророка около Кармила жили арабы.

АВГУСТ 13, Воскресение. Сон глубокий. Не хочется ехать с Кармила. В монастыре латинском 13 монахов. Мельница дает дохода 12 т. пиастров. Весь расход монастыря 80000 пиастр.; доход с мельницы и дома в Кайфе 18 т. п. Кармелиты в Кайфе имеют очень хороший дом, в котором помещаются агенты; имеют дом в Акре.

Выезд в 2 часа пополудни. Ветрено. Погребенные корабли. Акра стоит на суше и море. Церковь во имя Св. Георгия хороша и чиста. Ядро пробило свод над самым престолом. Это было в последнюю войну Турции с Египтом. Христиан 70 фамилий, столько же униатов. В деревнях около Акры христиане перемешаны с ушатами. Митрополит птолемандский Прокопий говорил, что устройство училища в Назарете приостановлено турками. Они просят 25 т. пиастров. Училище начали строить без фирмана, да и все училища открыты без фирмана, потому что по турецким понятиям училище не отделяется от церкви. А так как в Назарете стали открывать училища не при церкви, которая находится за городом, то и встретилось препятствие: надлежало утолить мусульман Назарета и Акры. В митрополии птолемаидской отстроена ланкастерская комната узкая, но длинная. Парты стоят уже на местах. Митрополит Прокопий жаловался мне на епитропов патриарха, что оставили его в нищете и без диакона.

В Хасбее протестантство доселе держится.

Митрополит севкийский Иаков нажил деньги в Ильинском монастыре.

Абу-Насер в Назарете американского духа. Недавно он просил бейрутских американцев устроить училище в Назарете, но они отказали ему. Об этом известил заместников

архимандрит Герасим, посланный в Назарет для устройства училища.

Акра угловата. Три малые башни в воде. Дом Иерусалимской патриархии с белым флагом. На флаге кресты. По словам митрополита, в Сирии не более 75 тыс. христиан православных.

АВГУСТА 14. Выезд из Акры в 6½ часов утра. Акрская равнина. Высокий мыс Мширфа. Отдых при деревне Накуре в 4½ часах от Акры, в саду, за мысом. О. Григорий прописывает лекарства больному мальчику. В расстоянии полчаса от Накуры, направо от дороги, видны вдаль две колонны на холме, а у берега скалистого фундамент, верно, башни. В этом месте полагают развалины Александрополиса.

Недалеко от Тирской скалы фонтан в два толстых ливня. Ливни с шумом и порывом низвергаются в каменный водоем продолговатый. Вода выбегает из-под холма, к которому прилеплен фонтан.

Тирская лестница – с юга, а въезд с севера по усеченной горе.

Близ Тира много (4) источников в недалеком расстоянии один от другого. Первый с шумом течет. Все они показываются из-под зданий, кои должны быть мельницы и впадают в море.

Тир с южной стороны не имеет никакого вида. Видна скала, протягивающаяся в море. Пески кругом. Раскопки. Неприятность на квартире.

Остатки порта. Колонны в море. Развалины древней церкви во имя Константина и Елены. Тут 4 колонны серого гранита, огромный крест на дворе одного араба. Болеть. Малая церковь во имя ап. Фомы. Православных одно семейство. Все прочие жители – униаты. Они имеют своего епископа. Ключи города находятся в их руках.

АВГУСТА 16. В 6 часов выезд в Сидон. Дорога близ моря и потом по ровному полю. Часа через два переезд через реку Казмие, – Леонтес. Эта река – широка, довольно быстра, но не мутна, глубока. Олеандры – деревья, насажденные при исходящих водах¹⁹⁷. Кустарники. Мост Поморие. Сарепта; от ней тянутся каменистые крутые холмы. За Сарептою оазис при

фонтане в 2½ час. от Сидона. Тут я отдыхал и купался. Потоки пред Сидоном. Вид Сидона – как вид палатки ..., башни.

Сидон. Сады пред Сидоном шелковичные. Есть в них и другие деревья. Сады очень хороши, зелень. Водопровод древний – будто из Бальбека. На потоках древние мосты. Виды Ливана.

АВГУСТА 16. Снять план порта. Развалины древней церкви Предтечи на западной окраине города. Есть тут надписи арабские. Из развалин вид на море; от окон вниз глубоко. В городе дома очень высоки; улицы тесны; много глухих арок в городе.

Погребение турка. Сперва шли мальчики с знаменами мечетей и порой кричали, – потом слепые и нищие; слепые тянулись вереницею, держась распростертыми руками за плеча друг друга и пели; потом один перед гробом восклицал громко; за гробом шел мулла в белом платье. За ним несколько арабов и наконец несколько закрытых женщин.

В Сидоне есть огромный гостиный двор, принадлежащий французскому правительству; в нем есть училище, содержимое французами. Униаты имеют свое училище.

Замечание об ослах

Завещание ослов

Ослы завещают подковы цыганам, копыта англичанам на рожки и гребни (хвост мусульманам), а голос Богу.

NB. На шипе написано, сколько верст может пройти осел.

* * *

По утру представлялась мне жена нашего агента: очень много золотых монет у ней на шее и на груди. Она одета была в белую разрезную тунику; на голове платок в роде вуали; груди полуоткрыты, зубы черны от белил.

В Сидоне до 100 фамилий униатских. Их епископ живет в монастыре в горах.

Православная церковь во имя Св. Николая; в половине ее служат и униаты.

В начале 5 часа пополудни выезд из Сидона. Прекрасные сады нашего агента. Райские смоквы каждый год урезаются до корня и снова вырастают сажени в полторы. Виноград на огромном дереве. В 5 часов поезд. Дорога до неби-Юнус весьма камениста и дурна. Волны морские, зачатие и появление пены и разлитие оной вдоль волны. Близ хана неби-Юнус месяц выказывался из-за гор с бородой; эту бороду образовало дерево на вершине горы. Ехали всю ночь.

АВГУСТА 17. С восходом солнца приехали в Бейрут. Отдых целый день.

АВГУСТА 18, Пятница. Отдых. После полудня выезд в монастырь пророка Илии, на Ливане, в 6 часах от Бейрута.

Дорога в горах необыкновенно трудна. Лучше сказать, это – не дорога, а лестница на небо. В самом деле, в одном месте (кажется, на половине дороги) устроена лестница широкая, вымощенная. Природа – дика. Деревни тонут в садах. Сады состоят из шелковичных деревьев; есть и виноградники, особенно близ Ильясского монастыря. Близ же него сосновый лес.

АВГУСТ 19, Суббота; 20, Воскресенье. Пребывание в монастыре. Беседы с игуменом Макарием и с генеральным консулом нашим, г. Базили.

От игумена я слышал, что а. православные христиане крайне желают иметь своего правителя на Ливане, – православного христианина. Число их простирается до 20000 душ. Хотя между ними нет ни одного богатого и могущественного шейха, но богатые дружские эмиры, братья Сильман и Муса, живущие в Митене, в расстоянии одного часа от Ильинского монастыря, крестились бы и приняли бы православную веру, если бы поручено было им особое управленіе над православными.

НВ. Это невозможно. Ибо, по решению четырех держав, на Ливане должен быть один правитель.

б. Нынешний правитель эмир Хайдар, родом друз, верно римско-католик, не любим на Ливане.

в. Он отменно любит игумена Ильинского монастыря о. Макария за то, что сей укрыл и спас от преследования Ибрагима-паши египетского жену и детей его тогда, когда сам он (эмир Хайдар) содержался в Акре под присмотром. Помня благодеяние о. Макария, он теперь уважает и исполняет его просьбы за христиан.

НВ. О. Макарий есть неутомимый ходатай за православных и в существе правитель их. В бытность мою в монастыре он избавил от смерти одного православного юношу, которого марониты хотели убить за то, что он дерзнул любить маронитку и быть любимым ею. Я видел этого молодца. О. Макарий укрыл его в своем монастыре и успел обработать дело так, что эмир Хайдар признал его невинным; ибо не он де а другой любился с марониткою.

в. Некто Филиппидис, учитель греческого языка в православном училище в Бейруте, рекомендованный митрополиту нашим консулом Базили, был католиком, потом сделался протестантом, наконец опять принял православие; женат на армянке; детей своих воспитывает в школе американских миссионеров; получая жалованье от митрополита, тайно содержится сими миссионерами, которые подослали его в православное училище для поколебания веры в православном юношества. Хорош гусь! Разноперый! Митрополит намерен удалить его.

НВ. Я, с своей стороны, просил митрополита удалить волка в овечьей коже из стада Христова.

г. О. Макарий рассказал мне историю эмира Бешира. Не хочется излагать ее. Лень!

Консул Базили, между прочим, говорил, что

– 1. эмир Хайдар не имеет друзей на Ливана и просит у Порты увеличения числа военной стражи своей и, особенно, удаления эмир-Бешира из Константинополя в какую-либо отдаленную провинцию Европы, откуда ему трудно будет бунтовать жителей Ливана.

– 2. Маронитские монахи взбунтовались против своего патриарха в монастыре Св. Антония.

– 3. В селении Захле староста есть православный христианин. Тамошний епископ униатский старается удалить его от сей должности и избрать старосту из своих униатов. Но консул Базили поддерживает и будет поддерживать его до последней возможности.

– 4. Губернатор Хасбеи, который благоприятствовал американским миссионерам завести там училище и уговорить православных принять протестантство, сменен сераскиром Асад-пашею по просьбе консула Базили. На место его поставлен другой правитель, который из благодарности к консулу, будет держать сторону православных.

– 5. Жители Хасбеи отреклись от протестантства, но не все. Семейств 16 ушло в Захле и там упорствуют. Впрочем, есть надежда возвратить и их в лоно церкви.

– 6. В посягательстве на обращение православных жителей Хасбеи в протестантство замешался и генеральный консул Пруссии (побочный родной брат императрицы Александры Феодоровны). Г. Базили перехватил подлинное письмо его, из которого видно его злоумышление и обличить его письменно. «Прусский консул никогда не простит мне этой проделки моей», – прибавил г. Базили.

– 7. Русскую духовную миссию всего бы лучше устроить на Ливане, откуда она могла бы действовать и на Палестину. Ибо по правам Ливанского княжества русские монахи могли бы купить себе землю и построить монастырь, где угодно, без

позволения Порты, как это сделали иезуиты и лазаристы. Ливан есть горнило проповеди и действий религиозных для католиков и протестантов. Здесь же должен быть утвержден центр деятельности и православной миссии.

Я просил консула Базили ходатайствовать пред нашим посольством в Константинополе об учреждении русского агентства в Газе для поддержания там православия и для защиты русских поклонников, идущих на Синай и возвращающихся оттуда, и вверить агентство тамошнему православному христианину Аврааму Джегшену. Базили слышать не хотел об этом. «Арабы всегда причиняют нам большие беспокойства и хлопоты, – говорил он, – когда мы вручаем им какую-либо власть».

– Однако агент ваш в Сидоне араб природный и римско-католик, не беспокоит вас – возразил я.

– Он не похож на других арабов, – отвечал консул. Притом я долго испытывал его, прежде нежели решил вверить ему агентство.

– А Джегшена нечего испытывать, потому что за него ручается его старческая опытность, благоразумие ревность по вере, преданность России и выгодное мнение о нем всех иерусалимских архиереев.

– Мы не имеем никакой торговли в Газе.

– А позвольте спросить вас: кто из русских торгует в Сидоне?

– В Сидон иногда заходят суда греческие под русским флагом.

– А в Газу ежегодно заходят русские поклонники.

– Не говорите мне о Джегшене. Его брат запятнал мое имя.

– А вы писали к иерусалимскому паше, чтобы он схватил сего брата Джегшена и посадил в тюрьму. Однако же знайте, что ваше письмо перехвачено в Иерусалиме наместниками патриарха, распечатано и осталось в руках их; брат Джегшена свободно разъезжает по Иерусалиму на рыжем коне своем и бывает у паши. Я сам видел его и это дело мне известно, – высказал я это консулу скороговоркою, желая выпытать от него, каким образом брат Джегшена запятнал его имя.

Консул сначала замялся, потом стал бранить наместников; но как бы одумавшись или хорошо притворившись сказал мне: «впрочем, лучше сделалось, если наместники перехватили мое письмо. Ибо и сам я еще не знаю теперь достоверно, кто смошенничал: брат ли Джегшена или мой драгоман Бустрос, предъявив иерусалимскому паше, будто я дал 100000 пиастров в займы бездельнику Мустафе, которого имение продается теперь с публичного торга в Яффе (о чем, я думаю, вы слышали); между тем как эту сумму дал ему Бустрос, а за Мустафу поручился Джегшен. Не знаю, который из них замешал мое имя в это дело.

Я догадался, в чем состоит тревога и замолчал. Итак, не думав, не гадав, я узнал от самого консула, что он барышничает и теряет деньги от банкротства должника.

Вот консул! Вот защитник православия в Палестине и Сирии! Ради своей корысти готов продать самого Христа.

АВГУСТ 21, Понедельник. Утром я возвратился из монастыря в Бейрут.

АВГУСТ 22, Вторник. Митрополит Вениамин, прощаясь со мною, говорил мне, со слезами на глазах, что если Россия не будет защищать православных христиан Сирии так же явно и так же сильно, как защищают своих Франция и Австрия, – то митрополитам придется оставить свои паствы и идти спасать свои души на Синай. Слезы маститого и добродетельного иерарха тронули меня до глубины души. Я старался утешить его, сколько мог, представляя ему на вид благочестивое внимание Государя к восточным христианам и заметив, что и сокровенная, но благоразумная политика действует удачнее открытой, но дерзкой и опрометчивой.

Пароход увлек меня от берегов Сирии в 5. часов пополудни.

СЕНТЯБРЯ 1. Рано утром я прибыл в Константинополь. На другой день явился к посланнику.

В течение сентября и октября ежедневно и неумоимо занимался составлением отчетов о церквах палестинских.

По представлению отчетов г. посланнику я приготовлялся к путешествию в Египет чтением разных писателей о земле солнца и о судьбе христианства на ней, в ожидании из

Петербурга разрешения совершить сие путешествие. В этом приготвлении прошли месяцы ноябрь и декабрь.

Смерть и погребение патриарха иерусалимского. Избрание нового патриарха

Декабря шестнадцатого дня, ровно в полдень, почил от дел своих блаженнейший Афанасий, патриарх Св. Града Иерусалима и всей церкви Палестинской. Мститый иерарх, исполненный лет многих (90 лет), оставил земное поприще и переселился в вечность.

Священное тело его облечено было в полные, святительские, белые одежды; но главу его покрывали иноческий черный клобук; в руках его, остановленных немного ниже груди, покоилось небольшое Евангелие; лицо его было открыто. Холодные останки святителя Христова положены были не в гроб, а в деревянный весьма убогий одр или носило, какой, обыкновенно, употребляется для ношения усопших простолудинов. В четырех углах сего одра, по обычаю, поставлены были четыре большие пучка зеленых мелколиственных ветвей какого-то дерева, – символ бессмертия. В сем виде блаженнейший положен был на полу в большой зале патриаршего дома. Над ним непрерывно читалось Евангелие, но читающие стояли во главе его, подле правого угла одра, лицом обращенным к усопшему. Народ православный в бесчисленном множестве стекался в патриархию воздать последний долг предстоятелю Гроба Господня. Дети, жены, мужи, старцы, все, после трех земных поклонов у одра, лобызали Евангелие и руку святителя и, повторив те же поклоны, тотчас уходили. Два дня продолжалось таким образом прощание с пастырем, можно сказать, всемирным. Ночью второго дня преосвященный Иерофей, архиепископ Фаворской горы, с собором святоградских старцев (народу не было), отпел усопшего по чину церкви православной. На третий день (18 декабря), в 10 часов пополудни, при бесчисленном стечении народа, наполнявшего церковь и двор Иерусалимской патриархии, начался вынос тела. Одр, предшествуемый серебряными руконосными крестами и рипидами, потом многочисленным духовенством, всеми членами

константинопольского синода и другими местными архиереями и, наконец, вселенским патриархом Германом, сперва внесен был на рамена священников в местную церковь, на короткое время, для отпетия литии; потом тем же порядком печальное шествие, при тихом пении, продолжалось до церкви вселенского патриарха. Во время сего шествия по тесным и извилистым улицам трогательное зрелище представлялось человеку незнакомому с обычаями восточными. Христиане, не смотря на жестокие удары полицейских чиновников, стремились к одру блаженного патриарха, лишь бы сподобиться одного прикосновения к нему; а христианки из окон, с балконов, с крыш поливали духами все духовенство и самое тело усопшего патриарха, так что улицы наполнялись благовонием; многие из них плакали. Среди упомянутой церкви одр поставлен был на полу. Его окружали только те иеромонахи, которые несли его, а прочие столпились в алтаре; патриарх же во время отпевания тела стоял на троне своем в мантии и омофоре с посохом, и все архиереи в подобном малом облачении, в одних клобуках, занимали места (στασίδια) по сторонам храма, устроенный по обычаю восточных церквей. По прочтении Евангелия один инок из числа святоградского братства произнес с кафедры надгробное слово, содержанием которого была жизнь покойного патриарха (Это слово будет напечатано). По окончании погребального служения, тело отнесено было, тем же порядком, до ближайшей пристани. Здесь поставили его на большой лодке и, в сопровождении 3 архиереев и нескольких иеромонахов отправили по Босфору в прибрежную деревню Нихори, где находится подворье Гроба Господня и усыпальница предстоятелей оногo. Там преосвященный архиепископ Иерофей с двумя архиереями встретил тело на Босфоре и потом внес его в церковь, где оно и оставалось до утра по желанию тамошних христиан. Утром из усыпальницы вынуты были кости предместника новопредставившегося патриарха, которые будут отосланы в Иерусалим для положения в общей патриаршей усыпальнице, в церкви 40 мучеников, и на месте их положено было тело блаженнейшего патриарха Афанасия.

Сей патриарх родился в городе Родосто, недалеко от Константинополя, от мирских благочестивых родителей. В отроческих летах он посвящен был ими Гробу Господню. Здесь, подле сей величайшей на земле святыни, он принял иноческий сан и рукоположен был в иеродиакона и в иеромонаха. В звании архимандрита и экзарха он 12 лет находился в Грузии и собирал там милостыню для Палестинской церкви. Оттуда перевели его в Нихорское подворье, которым он управлял около 15 лет. По смерти патриарха Поликарпа святогробское братство избрало его на престол Иакова, брата Господня. Как патриарх, он управлял церковью Палестинскою 17 лет. Лучшие дела его управления суть: погашение огромного долга казны Св. Гроба, открытие пяти народных училищ в Иерусалиме, Вифлееме, Яффе, Назарете и Птолемаиде и починка некоторых сельских церквей и Иерусалимских монастырей¹⁹⁸ По смерти сего патриарха тотчас обнаружился давно созревший здесь замысел уничтожит независимость иерусалимского патриаршего престола и совершенно подчинить его престолу константинопольскому. Уже более года Вогороди, правитель острова Самоса, Мисеянихиосец, банкир могущественного сераскира паши Ризы (сердечного любимца матери султана), логофет Аристархи, и за одно с ними архиереи никомидийский, кизический, иоаннинский и другие решили устранить от патриаршества преосвященнго Иерофея архиепископа фаворского, заживо покойным Афанасием избранного в преемники, и на место его назначить другого из членов синода и впредь таким образом сменять и поставлять патриархов на иерусалимский престол и пользоваться богатыми доходами оногo. Сей замысел известен был преосвященному Иерофею и покойному патриарху. Блаженнейший сделал в пользу своего преемника все, что мог сделать: написал духовное завещание и в нем назначать своим преемником преосвященного Иерофея; по его просьбе, константинопольский патриарх Герман своеручно подписал сие завещание; незадолго до смерти блаженнейший Афанасий принял большую схиму без перемены имени, а за 30 часов до кончины написал отречение от престола. Но все сии предосторожности, все сии меры к упрочению архиепископа

фаворского на патриаршем престоле, равно как и твердые надежды на помощь России оказались тщетны. Лишь только разнесся слух о смерти патриарха Афанасия, тотчас собрался весь синод, состоящий из духовных и мирских лиц, в доме патриарха Германа и решил привести в исполнение свой замысел. Вселенский патриарх, подписавший завещание в пользу архиепископа фаворского, хотя нехотя, пристал к партии, решившейся уронить фаворского архиепископа во что бы то ни стало. Чтобы выказать явно пред народом и пред святогробским братством подчинение иерусалимского патриарха константинопольскому, для сего прислали нарочных в дом усопшего опечатать его имение, но святогробцы не допустили их к полному опечатанию и дозволили положить печати только на некоторых шкафах. Они принуждены были уступить насилие, хотя мало. Правда, по смерти предместника блаженного Афанасия, опечатано было его имение здешним синодом и Портою; но тогда не был избран заживо преемник и потому нужно было принять эту меру осторожности. Но ныне, при избранном преемнике, эта мера обратилась в насилие. Кроме сего противная партия принудила вселенского патриарха отпевать тело усопшего не в церкви Иерусалимского подворья, а в так называемой великой церкви здешнего патриарха, – в знак зависимости усопшего от вселенского престола. Тогда зрелище, поистине печальное, представилось всем. Бездушное тело сделалось предметом спора и (гнусной) интриги. Этого мало. Патриарха, святителя Христова, архиерея отпивали как мирянина и для чего же? Для скорости. Не тяжкий ли это грех пред Богом? Злоумышленники торжествовали. Они сообщили известие турецкому министру иностранных дел о смерти иерусалимского патриарха и вместе уговорили его устранить архиепископа фаворского от Иерусалимского патриаршества и дать позволение константинопольскому синоду избрать в патриархи кого-либо из членов одного. Интрига ведена была хитро. Сему министру внушили: **a.** что здешний патриарх и синод имеют законное право назначать в Иерусалим патриарха кого они изберут и кого султан утвердит; **b.** что иерусалимские патриархи не законно усвоили себе власть заживо назначать

себе преемников, потому что сия власть принадлежать одному султану; **с.** что архиепископ фаворский участвовал с покойным патриархом во всех злоупотреблениях по Палестинской церкви и что он есть враг Турции, как человек облагодетельствованный и ласкаемый Россиею; **д.** что ежели фаворского утвердит патриархом, то Турция будет иметь двух неприятелей в лице двух патриархов: иерусалимского и вселенского, которого недавно поддержала Россия против общего желания сменить его. Наконец, враги подослали к турецкому министру благовидное и вероятное известие, будто архиепископ фаворский обещает ему 200000 пиастров, лишь бы он поддержал его сторону. Министр взбесился и склонился на сторону сильной партии и древний престол иерусалимский утратил бы свою независимость, если бы не спасла его ваша миссия.

Наша миссия в свой час, и в час добрый, вступилась за древние права иерусалимского престола: за право независимости и право избрания патриарха из среды святогробского братства. Она поставила на вид турецкому министру, что Иерусалимский патриарх есть патриарх не одной церкви Палестинской, но и всего христианского мира, и потому если дать право константинопольскому синоду избирать сего патриарха, то и российскому синоду надобно будет уступить подобное же право, – тем более, что Иерусалимское патриаршество содержится именами Молдавии и Валахии, кои находятся под покровительством России. Министр струсил и уверил нашу миссию, что Порта не нарушит древних прав Иерусалимского патриаршества, но присовокупил, что святогробское братство пусть изберет в патриарха из среды своей кого угодно, только не архиепископа фаворского, потому что султан имеет свои резоны, по которым сей архиепископ не может быть утвержден им. Таким образом, одни шаг выиграли, а другой шаг проиграли. Но проигравшие не теряли присутствия духа и действовали сильно; они решились уничтожить архиепископа фаворского и выиграть хотя половину дела ускорением оного. Чрез них Порта приказала здешним святогробцам немедленно избрать нового патриарха из среды

себя, а не из среды иерусалимского братства. Минута была опасная. И между здешними святогробцами проявились тогда честолубцы из диаконов и, как гласит молва, один из них обещал, кому нужно, 500000 пиастр., а другой и более. В таком критическом положении дела, архиепископ фаворский с избранными своими прибег к совету нашей миссии и, по совету ее, подано было единодушное прошение здешними святогробцами турецкому министру иностранных дел, в котором изложено было, что они избирают в патриарха архиепископа фаворского, яко уже избравного иерусалимским синодом; но в прошении не упомянуто было об избрании его покойным патриархом. Сие прошение подано было на турецком и греческом языках; просители подписались под текстом греческим и свои подписи подтвердили своими печатями, опасаясь как бы в турецком текста не сказано было что-либо лишнее против греческого. Министр, прочитав сие прошение, сказал челобитчикам: «патриарх ваш умер на днях; как же вы успели в столь короткое время дать знать о смерти его в Иерусалим и получить оттуда выбор архиепископа Фаворского». Тогда челобитчики принуждены были отвечать ему, что этот выбор сделан был за несколько лет (6–7) тому назад и подтвержден был покойным патриархом. Министр в ту же минуту сказал им решительно, что Порта не признает сего выбора и что султан не утвердит оного. Изберите кого вам угодно, – продолжал он, – только не фаворского; этот архиепископ недостойный, он дерзнул думать, что власть патриаршая может быть куплена лишь за 200000 пиастров. Старцы, выслушав его, осмелились сказать министру: «это клевета, покажите нам человека, который сказал вам, что архиепископ обещал сию сумму; мы все готовы потерпеть наказание, если это будет доказано». Но с сильным министром нельзя же спорить слабым раиям. Податели прошения возвратились с огорчением и печалью.

В первый день праздника я посетил архиепископа фаворского и нашел его в глубокой печали, которой он не скрывал предо мною. Он уверил меня, что враги иерусалимского престола перестали думать о назначении нового патриарха из

числа здешних синодалов, но не терпят его самого, как русского, что они обижены его гордостью и нескрытными надеждами на Россию, но что он сам не ходил к ним на поклоны отнюдь не по гордости, а по привычке иноческого домоседства, что вместо его хотели и принуждают избрать в патриархи хотя бы диакона, что его святейшество Герман чрез своего посланного требовал у него документа об избрании его в преемники покойным патриархом и что он не отдал сего документа, опасаясь уничтожения оного. Когда я сказал архиепископу, что молва обвиняет в интриге против него секретаря покойного патриарха, то он оправдал его, не обвинял, и вселенского патриарха, а жаловался только на некоторых членов здешнего синода, у которых в неволе сей патриарх. Впрочем, говоря о секретаре патриаршем, присовокупил, что он со временем удалит его, когда его родной брат-монах приучится к делам секретарским. Архиепископ усердно просил меня писать от его имени его сиятельству графу Протасову, что он терпит насилие, и что он единственную надежду полагает на него и на св. синод российский. «Я призвал вас к себе, – говорил он, – потому что завтра отходит почта в Россию; Бога ради, напишите графу, что я прошу у него защиты и покровительства; он мой благодетель; он принимал меня всегда с любовью. Вы напишете ему, а мы постараемся замедлить здесь дело». Я обещал ему исполнить его просьбу и исполнил.

На другой день Рождества Христова, пополудни, я ходил принять благословение вселенского патриарха и поздравить его с праздником. В этот приемный день разные лица, входящие и выходящие, мешали нам поговорить о текущем деле. Впрочем, урывком, тихонько, он успел сказать мне, что архиепископ фаворский упал, как русский, что сам он не надеется устоять по той же причине и что: «есть четыре диавола между членами его синода, которые воздвигают бурю» (это его слова).

Между тем, в этот же день архиепископ фаворский позван был в нашу миссию и посланник объявил ему, что он должен пожертвовать собою для блага Иерусалимского патриархатства, но пусть сам изберет в патриархи кого любит. Таким образом, посланник своими руками поднес горькую чашу архиепископу

фаворскому. Нужно ли было призывать его для объявления ему, что Россия отказывается поддержать его? Разве он не узнал бы впоследствии о расчете политики, по которому пришлось пожертвовать им? Что? Если фаворский не пожалеет миллионов пиастров? Что? Если он отсыплет их матери султана и ее любовнику и сделается патриархом? Не стыдно ли будет тогда посланнику? И иерусалимское братство не охладает ли к России?

В этот же день здешние святогробцы получили повеление чрез константинопольского патриарха избрать здесь патриарха из среды себя без малейшего отлагательства, потому что и покойный патриарх избран был здесь же, а не в Иерусалиме. Они снова написали прошение, в котором ясно и твердо выразили, что они не имеют канонического права избирать здесь патриарха и что это право принадлежит синоду иерусалимскому а что касается до того, что покойный патриарх избран был здешними святогробцами, то сие избрание вынуждено было тогдашними обстоятельствами, именно восстанием греческим и гонением христиан. Это прошение подано было его святейшеству Герману. Прочитав его, он сказал челобитчикам, что напрасно они противятся общей воле. А они отвечали ему, что они будут защищать правое дело до последней капли крови. Патриарх тотчас созвал свой синод. По прочтении упомянутого прошения младший член синода, архиерей никоидийский, за всех сказал предстоявшим тут святогробцам: «Если завтра к 5 часам (по нашему к 10 ч. утра) не будет избран вами патриарх, то мы выберем его сами и дадим знать Иерусалимскому синоду о нашем выборе». Святогробцы, выслушав сие решение, возвратились домой и тотчас дали знать о нем нашей миссии. Ожесточились сердца их и они решили единодушно устоять на своем во что бы то ни стало и избранного здешним синодом патриарха низложить с помощью патриархов александрийского и антиохийского и синода иерусалимского, или ежели сие не удастся, то избрать своего патриарха и противопоставить его избранному здешним синодом. Решимость отчаянная, которая произвела бы расколы восточной церкви и явила бы миру двух патриархов на одном престоле.

В тот же день, в 6 часов пополудни, е. п. г. посланник пригласил меня к себе. Разговор естественно обратился к тревожному событию. Я рассказал ему все, что говорил мне архиепископ фаворский и патриарх вселенский. Посланник обвинял того и другого, первого – в гордости и подкупе турецкого министра, а второго – в двоедушии и неустойчивости в своих мнениях. Я защищал архиепископа его иноческим домоседством и говорил посланнику, что преосвященный Иерофей никогда не думал подкупать министра и что к нему подослано было безымянное письмо, в котором упрашивали его задарить министра, но он возвратил сие письмо с подателем; между тем враги успели сказать министру, что архиепископ обещает ему 200000 пиастров. Равным образом, я дерзнул высказать посланнику, что партия, ищущая урона фаворского, устраняет его как русского и что для чести России следовало бы поддержать его тем более, что он достойнее всех прочих архиереев иерусалимских, да и в России все давно привыкли видеть в нем законного патриарха. Посланник отвечал мне: Султан не хочет его; что же делать? Что касается до того, что устраняют его, как русского, то мы привыкли к подобным предложениям; здесь кого хотят уронить, всегда называют его русским. Это обыкновенная уловка. Вам она кажется важною, а мы оставляем это без внимания». Я закусил губу.

– Как вы думаете, – спросил меня посланник, – имеет ли право здешний патриарх с синодом своим избрать иерусалимского патриарха в случае медленности здешних святогробцев?

– Никакого, – отвечал я.

– Я помню, – продолжал посланник, что когда-то нужно было избрать митрополита в Молдавии и когда клир медлил избранием, то здешний патриарх сказал, что каноническое право дает ему одному власть избрания по причине медленности и несогласий клира.

Справедливо. Патриарх мог сам назначить митрополита по этой причине. Но иное дело назначить зависящего от него митрополита и иное дело избрать независящего патриарха. Как здешний патриарх избирается здешним клиром и народом, так и

все прочие патриархи должны быть избираемы подобным же порядком.

– Не бывало ли примеров, что патриархи иерусалимские избирались из чужого клира?

– Положим, что и были подобные примеры; но их нельзя брать во внимание ныне. Ибо с начала 16 века, следовательно в течении 300 лет слишком. иерусалимский клир избирал патриархов из среды себя; для чего же нарушать теперь это древнее правило? К чему поведет это нарушение? К тому, что будут переменять иерусалимских патриархов так же часто, как и здешних? К тому, что каждый патриарх будет истощать казну Святого Гроба и с золотом будет проживать беспечно в Царьграде; между тем, как по старому порядку по смерти святоградского патриарха его имение остается в пользу сей казны. К тому, что изменятся предания и правила настоящего святоградского братства; ибо чужие патриархи приведут с собою новые лица и новые правила?

– Уже решено, – сказал князь Ханжерли, первый драгоман миссии, – что святоградцы должны избрать патриарха из своего братства. Мы надеемся, что Порта не переменит своего решения.

После сего он рассказал, как он отстоял иерусалимский престол пред турецким министром и как сей министр струсил, услышав от князя, что иерусалимский патриарх некоторым образом есть патриарх всего христианства и что российский синод имеет право избирать его наравне с здешним синодом. «Но султан не терпит архиепископа фаворского», – прибавил князь.

– Не султан, а партия, враждебная России, возразил я. Я слышал..., молва говорит, что некоторые из членов здешнего синода и из архонтов греческого народа, – одни подкуплены Англиею, а другие – Франциею, и что обе партии, – кальвинская и католическая, бьют теперь в одну цель, – стараются уронить фаворского именно за его россизм.

Посланник прервал меня вопросом: «не знаете ли вы, на кого падет жребий избрания в Иерусалиме?»

– На архимандрита Никифора, отвечал я. Он так же, как и архиепископ фаворский, есть ученик и любимец первого секретаря иерусалимского синода, простого монаха Анфима, который есть руль сего синода и которого палицы боятся все архиереи. Да и здешние святोगробцы метят на него в случае падения архиепископа Иерофея. Но этот архимандрит очень молод, лет 30, мягок, не опытен в делах, впрочем знает арабский и турецкий языки хорошо.

– Ежели фаворский есть любимец Анфима, то, конечно, этот грозный секретарь предпочтет его Никифору?

– Это естественно.

– Не обидятся ли выбором Никифора прочие иерусалимские архиереи?

– Это еще естественнее. Но их усмирят толстая палица Анфима (Засмеялись).

– Кто бы из иерусалимских архиереев, по вашему мнению, мог достойно занять патриарший престол.

– Первый наместник патриархский, петро-аравийский митрополит Мелетий, ленив и не имеет своего мнения. Второй наместник, архиепископ лиддский Кирилл, – деятельен, но его деятельность крайне мелочна, притом во время его патриаршества коконы возобладали бы монахами и деньгами; архиепископ неаполийский очень горяч и не захочет быть патриархом; прочие архиереи больны и слабы духом; митрополит вифлеемский Дионисий, как человек строгой жизни и умный, мог бы достойно управлять церковью Палестинскою; но его не терпят там за то, что он, когда был наместником патриаршим, выгонял всех кокон из монастырей. По моему мнению, весьма хорошо было бы избрать в патриарха Константия, архиепископа Синайской горы.

– Да он чужой святोगробскому братству, возразил князь Ханжерли. А мы упрашивали Порту позволить сделать выбор патриарха из клира иерусалимского.

– Почему же вы думаете, что он чужой?

– Я думаю, что архиепископ Синайской горы так же не зависим, как и архиепископ кипрский.

– Я оспариваю вас. Самый монастырь Синайский, по внутреннему управлению, независим от иерусалимского патриарха; но архиепископ-настоятель сего монастыря был, есть и будет зависим от него; ибо иерусалимский патриарх рукополагает его и он же может низложить его. Давно был спор между патриархами александрийским и иерусалимским о том, кому из них принадлежит Синайская гора; но спор решен в пользу иерусалимского престола. Об этом споре написано целое сочинение знаменитым патриархом иерусалимским Досифеем¹⁹⁹. Я видел рукопись в библиотеке монастыря Св. Гроба.

– Но пойдет ли Константин, сказал князю посланник.

– Пойдет, – отвечал князь, улыбаясь и загнув голову назад.

– Пред Константином, – продолжал я, – исчезли бы все мелкие честолюбия и архиепископ фаворский не терял бы надежды быть патриархом, потому что Константин довольно стар.

Разговор наш кончился. Я простился с собеседниками и возвратился в свою маленькую келлию.

ДЕКАБРЯ 27. Вчерашняя угроза здешнего синода святогробцам не исполнилась. Видно, турецкий министр сдержал свое слово, данное нашей миссии. А миссия устроила дело следующим образом: она присоветовала здешнему святогробскому братству известить иерусалимский синод о смерти патриарха и просить его об избрании преемника ему из числа святогробцев; а дабы жребий избрания опять не пал на архиепископа фаворского, для сего предложено было ему послать туда добровольное письменное отречение от патриаршего престола по политическим обстоятельствам. Воля нашей миссии была закон. Изготовленные бумаги и подтвержденные печатью миссии отправлены в Бейрут с турецким пароходом, откуда или морем, или сухим путем немедленно пересланы будут в Иерусалим.

Итак, теперь одному Богу известно, кого премудрая и святая воля Его изберет на престол апостола Иакова, брата Господня.

ДЕКАБРЯ 28. Константинопольский синод снова предложил немедленно избрать здесь патриарха. Но ему отвечали, что

избирать его будут в Иерусалиме и что уже послано туда надлежащее приказание за печатью российского посольства. Это распоряжение изумило синод и турецкого министра. На возражение их посольство отвечало, что здешние святогробцы не имеют права избирать себе патриарха и что если будет избран кем-либо, то недолго будет носить имя патриарха к стыду избравших его; преемником покойного будет тот, кого правильным образом изберет синод иерусалимский. Сия настойчивость посольства укротила ярящиеся волны. Но Вогориди, бывший главою (ефнархом) греческого народа, сменен; и это важное достоинство вручено Мисеяни, любимцу сераскира Ризы-паши. А духовная партия учредила попечительство из своих над Иерусалимскою патриархиею до времени избрания патриарха. Когда наше посольство спросило турецкого министра: на каком основании учреждено попечительство? – он отвечал, что вселенский патриарх требовал сего распоряжения и что ему не отказано из уважения к единоверной с ним России.

В константинопольской правительственной газете 31-го Декабря объявлено: «L'élection du Patriarche de Jerusalem, qui doit remplacer Mgr

$\frac{IA^4}{\beta}$

Athanasius, decédé aura lieu, avec les formalités ordinaires, aussitôt après la réception de certains documents que l'on attend de Jerusalem»²⁰⁰. Это объявление двусмысленно. Надлежало бы сказать, что избрание патриарха последует в Иерусалиме.

В ожидании окончания сего важного дела мы на досуге излагаем здесь свое мнение об оном, по крайнему разумению нашему.

– 1. Вселенский патриарх его синод и архонты греческого народа, участвующие в синодальных совещаниях, желали и усиливались подчинить Иерусалимское патриаршество престолу вселенскому без всяких политическо-религиозных причин, единственно из корыстолюбия. Им хотелось пользоваться богатыми доходами казны Св. Гроба. Избираемые из здешних членов синода патриархи из благодарности в по обычной симонии жертвовали бы большие суммы как на потребности

вселенского престола, так и в пользу благосклонных избирателей духовных и мирских. Кто обещал бы больше денег, тот и был бы патриарх. При таком беспорядке угрожало бы оскудение казне Св. Гроба.

– 2. Здешняя партия хотела требовать от избранного ею патриарха иерусалимского отчета в доходах и расходах казны Св. Гроба. Требование безрассудное! В Иерусалим посылаются большею частью тайные подаяния царей, вельмож, богачей и убогих людей; кому же приятно будет слышать, что в цареградском синоде известна великость или малость его подаяния и что милостыни, посылаемые в Иерусалим, попадут в карманы цареградцев.

– 3. Если бы партия умела и успела восторжествовать, то христианский мир увидел бы на престоле иерусалимском часто сменяемых патриархов, – истощителей казны Св. Гроба. А при оскудении сей казны, при упадке духа святогробского братства, при разделении его на две партии, – на клеветников чуждого патриарха и приверженцев старого порядка, при охлаждении палестинских архиереев к их обязанностям при не заботливости об арабском духовенстве и народе, – и последние ныне потухающие лучи православия исчезли бы в Палестине. С потерю паствы патриарх лишился бы и св. поклонений.

– 4. Но партия успокоится ли тем, что проиграла свое дело в половину? Не будет ли она клеветать Порте и на того патриарха, которого изберет теперь иерусалимский синод? Не скажет ли султан, что и этот патриарх не угоден мне? Не прикажет ли он избрать нового по прошествии некоторого времени? И когда и новый подвергнется его опале или, лучше, клевете партии, то не объявит ли Порта именем султана, что так как несколько патриархов, избранных из числа святогробцев, оказались недостойными, то предоставляется здешнему синоду и патриарху избрать своих под их ручательством? Таким образом, здешняя партия не достигнет ли своей цели в будущем, теряя ее из вида в настоящем?

– 5. Опечатание имущества покойного патриарха, отпевание его в великой церкви и особенно учреждение попечительства над иерусалимским патриаршеством или над именем усопшего

не суть ли факты, которыми и в будущем станут доказывать распорядительность константинопольского синода над иерусалимским престолом?

– 6. По моему мнению, надлежало бы поддержать архиепископа фаворского именно по тому, что его выказали Порте как человека, преданного России. На месте посланника или первого драгомана я сказал бы министру иностранных дел Шекиб-ефендию, что архиепископ фаворский есть достойнейший преемник покойного патриарха. Живя в России, он научился быть содружественным с Турциею.

– 7. Иерусалимские патриархи отныне потеряют право живо избирать себе преемников. Эта потеря породит партии в иерусалимском братстве. При каждом выборе нового патриарха будут происходить несогласия, споры, интриги, подкупы. А всякий дом, раздельшийся на ся, не станет.

– 8. Архиепископ фаворский сделал величайшую ошибку, что согласился на предложение посланника и написал отречение от престола. Теперь и в Петербурге едва ли захотят поддержать его? Ему надлежало бы молчать и в безмолвии ожидать решения свыше чрез помазанника Господня, императора Николая Павловича, которого, после Бога, я люблю более всех и всего на свете.

– 9. Партия упрекала пред турецким министром архиепископа фаворского в злоупотреблениях по управлению церкви Палестинской. Стало быть, она открыла ежели не все, то, по крайней мере, многие злоупотребления и особенно денежные. Это очень дурно. Зачем открывать врагам раны ближнего.

– 10. Я думаю, что теперь надлежит заставить патриарха иерусалимского жить в Иерусалиме, дабы там укрыть его от клевет здешней недовольной партии и упрочить независимость древнего престола апостольского. Тому, кто скажет, что если православный патриарх будет жить в Иерусалиме, то и папа пришлет туда своего патриарха, я отвечаю: едва ли пришлет. Ибо ежели бы папы хотели этого, то сделали бы сие в 16 и 17 веках, когда патриархи иерусалимские еще посещали сей град из Константинополя и проживали там несколько времени. При

этом орден францисканский не терпит никаких соперников в Палестине.

– 11. Нынешний константинопольский патриарх Герман есть нравственный нуль, который куда прикинуть, там он и увеличивает собою десятичные числа. Справедливо наш посланник негодовал на его неустойчивость и двусмысленность.

Завтра – новый год! Порфирий! Помни смерть, помни вечность, храни веру, надежду и любовь и служи науке, а все прочее – трын-трава. – Аминь.

1845 год

ЯНВАРЬ 28.²⁰¹ Александрийский патриарх дает на училище 700 пиастров. Синаитский патриарх послал однако ж на училище 5000 пиастров. Здесь два отдельных училища: еллинское и ланкастерское. Училище и больница содержатся подаяниями христиан. Лазаристы и лазаристки водворились недавно (не более 8 – 9 месяцев) в Александрии и строят отличное училище. А покаме нанимают дом для училища. Их женское училище, – в оное ходят и православные девочки. Православное училище и больница едва, едва держатся по несогласию и малонаселенности христиан. Нужна помощь России – 30 тыс. пиастров ежегодно.

Синайские монахи прокляты (?) за то, что когда-то отдали церковь для мечети и один из них потурчился (Справедливо!).

Престол александрийский имел имения с доходами до 500000 пиастров в Египте, но они проданы одним патриархом в несчастное время (Справиться о семь).

Англичане будут строить церковь. Синайский метох получает дохода 20000 пиастров. Он выстроен Константином за 300000 пиастров.

Здесь игумена не любят ни монахи, ни христиане. Иеромонахов приглашает здесь игумен. Его упрекают в сребролюбии и в женолюбии.

Еллинский учитель получает жалованье от общества 8000 пиастров.

Народонаселение православное – греки из разных мест, – скопище буйных.

ЯНВАРЬ 29 дня. Обзорение еллинского училища и ланкастерского. В 1-м – 18 учеников, во 2-м – 70–80. Шпиц-нагель. – Обзорение дворца Мег-мета-Али, арсенала, дока. Бельгийский консул – грек.

Синаиты имеют хороший метох в Константинополе, в Фанаре, с церковью. На острове Крите имеют метох с церковью в главном городе Иракле. Подле этой церкви находится городское кладбище, и от сего кладбища метох получает

доходы. Близ Иракле есть место, называемое Ханя, и тут есть метох Синаитский.²⁰²

Метох Синаитский в Смирне, метох в Кипре, метох в Александрии, метох в Каире, метох в Триполи. В коптской церкви гроб евангелиста Марка. Посмотреть!

Есть библиотека для чтения. Посмотреть!

Православные находятся в варварийском Триполи. Патриарх послал туда священника давненько; ибо один богатый грек завещал свое имение на поправку тамошней древней церкви и 200 пиастров на содержание попа. Есть христиане православные в Тунисе и Алжире, имеющие церковь и попа.

Есть 5 – 6 фамилий православных в Розетте, куда на большие праздники посылаются иеромонахи из Александрии. – Есть христиане в Дамiette; – имеют церковь и священника. Есть христиане в Суэце, но...

Патриарх живет в монастыре Св. Георгия близ Каира.

В Каире содержится училище иждивением патриарха.

По словам грека – бельгийского консула, католиков более, чем православных в Александрии, а турков более, чем христиан.

* * *

Православное духовенство в Египте Мирское и монашествующее освобождено от взноса податей, – ничего не платить и за имение. Даже игумен здешнего монастыря получает тескерё, посредством которого может освободить от хараджа 16 человек, выдавая их за слуг монастыря.

После полудня обозревал кабинет для чтения; μικρό πρῶμα²⁰³. Искал развалин церкви Афанасия Великого и не нашел. Нашел другие развалины на месте старой Александрии, между финиковыми садами. – Армянская небольшая церковь среди огромного сада и огорода, подаренного Боюсь-беем, который недавно умер, – где он и погребен. Новостроящаяся церковь латинская подле старой церкви капуцинов. Церковь только не покрыта. Она имеет вид креста. Недалеко отсюда малая церковь англичан. За главною площадью лазаристы строят огромное здание в виде параллелограмма с пролетными

коридорами по всем сторонам. Али-паша подарил им и место и старую казарму с материалами.

В новостроящемся доме лазаристов видел двух лазаристов, – из коих один одет был в черный длинный сюртук, а другой в платье, какое обыкновенно носят маронитские священники – с бородою.

Здесьние римско-католики хорошую больницу. Я видел ее.

Англичане будут строить новую церковь на главной площади.

Грекам дано место для постройки церкви на главной площади, но они едва ли в состоянии выстроить ее.

Униаты в Александрии не копты, а сириане. Священники их не носят греческих камилавок днем и на улицах, а ночью и в доме надевают их. Униатов не много. Епископа здесь не имеют. Он живет в Каире.

ЯНВАРЬ 30. По словам о. Никифора, игумена Саввинского монастыря, имение в Молдавии и Валахии должны были 16 т. червонцев голландских. За уплатою сего долга, нажитого беспутным и женолюбивым монахом патриархии Александрийской (кажется, предшественником Иерофея), нынешний патриарх получает дохода не более 20000 пиастров. Он содержит в Каире училище.

760 душ в Александрии православных²⁰⁴ армян около 100 душ. Не так давно были еще три епископа: в Кирене, в Ливии и Пентаполе.

Надпись на камне погребальном

1781. ΔΕ.

Ἐκοιμήθη ὁ ΔΥΛΟΣ

Τῷ Θῷ ταπεινὸς ἄρ

χιερεὺς Μισαήλ κ τῇ ἀποστολικῇ θρόνῳ
οὔ Λιβυῆς.²⁰⁵

Henrici Gosli

Ossa quieta precor

Tuta requiescite in urnal

Et sit humus cineri

Non onerosa tuo.²⁰⁶

Св. Саввы монастырская церковь.

† Ὡδε κεῖται Μωυσης ὁ κρης ὁ τῷ ἁγίου Σάββα Καλωπιστής.
1831.²⁰⁷

Подле монастыря Св. Саввы находится больница для православных. Она состоит из двух отдельных домов, в два этажа каждый. В первом вверху 5 комнат для больных; во втором 6—7 комнат; внизу помещаются бедные. При больнице есть большие дворы с огородами и сад.

Εἰς Ἀλεξανδρείαν

Ὁ πρόεδρος τῶν δύω σχολείων καὶ ἐνὸς νοσοκομείου Μηχαὴλ Τοσίτζας πρόξενος τῆς Ἑλλάδος (δὲν ἀλλάζεται);²⁰⁸ не любят его.

* * *

Δύω ἐπιτροποὶ τῶν Σχολείων Νικόλαος Κιτριλάκης, Ἰάκωρβος Ταγγάδης ἀλλάζονται κάθε χρόνον.²⁰⁹

* * *

Ἐπιτροποὶ τῷ Νοσοκομείου καὶ αὐτοὶ ἀλλάζονται.²¹⁰

* * *

Διδάσκαλος Ἐμμανεὴλ Σωμαρίνας.²¹¹

Ἰωάννης δ' Ἀνάστασις πρόξενος τῆς Σβεκίας.²¹²

* * *

В здании лазаристов 20 окон до фасаду и 10 в поперек. Здание в два этажа.

После обеда отправился с пристани по морю к катакомбам полчаса езды. Катакомбы не отличаются изяществом: очень просты. Одна комната с вогнутым куполом, довольно изрядным.

Тела клались в ложах, устроенных в комнатках. Катакомбы походят немного на палестинские. Близь катакомб — бани Клеопатры, т. е. три пещеры в скале и пред ними четвероугольный пруд. Сад Саид-паши. Озеро Мареотис. За садом паши, в виду озера, устроена комната, в которой на полу показывают мозаическую голову Медузы превосходной работы, — в виде солнца. Голова обвита змеями. На другом ковре, ближе к двери комнаты, 12 птичек — иероглифы (?).

Солдатское жилье.

ЯНВАРЯ 31. Утром обозревал церковь коптов во имя евангелиста Марка. В правом приделе копты показывают гроб евангелиста у восточной стены алтарной. Гроб состоит из

четырех бело-мраморных досок. На нем нет никаких украшений и писмен. Копты знают, что в гробе нет мощей и что они увезены. В сей церкви, направо, находится подземельная усыпальница коптских архиереев. Копты говорят, что там похоронены 73 архиерея. Вместо иконостаса – узорчатая перегородка без пилястров, без колонн. По правую и левую сторону царских дверей два малые четверугольные задвижные окошка для пропуска света в алтарь. Иконы поставлены весьма высоко; их очень мало, и те – дурной, старой живописи. Церковь мала и убога. По виду и архитектуре – новейшего произведения. Но около нее валяются мраморные и гранитные колонны. Церковь находится среди большого огорода. По словам одного копта, в Александрии находится 2000 коптов.

НВ. Ибрагим, копт в Каире. – После обеда искал я церкви (Афанасия Великого) и не нашел. Видел главную мечеть шех-Ибрагима-паши с древним водоемом при ней. Мраморная длинная умывальница. Вода пахнет серою. Колесом вытягивается посредством осла. Водоем четверугольный, окружен 12 столбами, на которых покоится свод. Столбы малы, не велики, из гранита, очень стары и изъедены временем.

Обозревал церковь сириано-униатов во имя Богородицы; их 50 фамилий.

ФЕВРАЛЬ 1, Четверг. Не выходил из дому по причине небольшой простуды.

ФЕВРАЛЬ 2, Пятница. В 9½ часов пошел пароход по каналу. Атфие; – шлюзы; – Нил в 8 часов пополудни. Игумен Никифор.

ФЕВРАЛЬ 3, Суббота. На Ниле. Мало воды. Берега плоские, инде обваливаются, – видны пласты наносной земли. Острова-деревни в Египте. Птичники с гнездами из горшков глиняных. Холодно. Прибытие в Булак в 6 часов.хлопоты. Ночлег в патриархии.

ФЕВРАЛЬ 4, Воскресение. Обедня. Прекрасная церковь; посещение патриарха. Он болен. Старец, переживающий сам себя. Сад; грот в саду, убранный раковинами.

ФЕВРАЛЬ 5, Понедельник. Консул. Вице-консул. Посещение Синайского метоха. Енох и Илия скрываются подле Синая, под

землею. Нанятие барки.

ФЕВРАЛЬ 6, Вторник. Уплачено за барку за месяц 1900 пиастров. Посещение патриарха коптского. Он средних лет, в зеленой суконной рясе, в белой чалме. Его слова: «пусть умножится число христиан в России, пусть придут русские владеть во Египте». Он обещал дать мне письма: одно общее ко всем епископам, другие для монастырей Св. Антония, Св. Павла и для одного женского монастыря. Обед у консула.

ФЕВРАЛЬ 7, Среда. Приготовление к дороге. Выезд ровно в 4 часа пополудни. Нет ветра. Чрез два часа остановились ночевать в виду Гизе. Нил, как зеркало. Остров Рода как картина неписанная на стекле. Отражение в воде. В прозрачном тумане видны верхушки финиковых деревьев в Гизе, словно звездочки.

ФЕВРАЛЬ 8, Четверг. Снялись с места утром, в 7 часов. Ветер противный. Дагаби идет с помощью гужа и шестов; – попадает на мель, – едва стаскивается с мели. Арабы раздеваются, чтобы тянуть гужи в воде. В 9½ часов остановились в Гизе для закупки провизии. Казармы артиллерийские большие в Гизе. Напротив – Нилометр и Старый Каир. Скука. В Гизе живет старик, – один из начальников мамелюков, который соскочил со стены с лошастью во время истребления мамелюков. Лошадь убила, а он жив остался. Мегмет Али пощадил его под условием не тревожить жизни и теперь любит его. Подле Гизе – остров Гизир-Дагаби, т. е. остров в золотой. За Гизе, вдаль, в финиковом лесу, деревня Саки-Мекке. Вышел я на берег Гизе. Дорога до катарактов. Пирамиды кажутся малы, – кругом деревни. Здесь виды окрестностей очень живописны: вот старый Каир, за ним – Мокаттам, – крепость, – резиденция паши, на берегу. Фабрика пороховая. В Гизе стояли с 1½ часа. Машина водочерпательная называется сакие.

За верхним острым концом островка показался опять старый Каир. Это – ветхий и безобразный старик; виден каменистый уголь Мокаттама и весь хребет этой горы налево.

На первом плане у Мокаттама множество мельниц – гусями. Берег ниже мельниц опущен сикоморами. Берег, за ним

мельницы на возвышении, за ними Мокаттам. Местоположение живописное.

Около полудня безветрие; Нил – зеркало. Направо деревня Маниель – Шиха в 2½ часа пополудни.

В 2¼ часа пошли парусом, ветер переменился. Дер-Маадер-Хабира, – *le couvent corhte*, – на правом берегу.

Каменный кирпич, обруб в воде. За обрубом старый дом неправильной фигуры. За домом сад. Вот и весь монастырь. Подле него весьма малая деревня. Он недалеко, близко от Тору (Трои). Здесь левый берег очень полог, – видна самая маковка пирамиды одной Абу-Сир (? *Santon*); вид на верхушку одной пирамиды Сакхара, – видели недалеко от Трои. Правый берег горист, левый – полог, далеко видно вдаль: видны горы Ливийские в бело-светлом тумане.

Тора (*avec voile nous marchons doucement*); ветер слабый. Напротив Тору финиковые густые рощи. Позади нас видны три пирамиды Гизе очень хорошо, – от половины до верхов. В 3¼ часа пополудни сравнялись с Торою. Хорошая казарма в Торе под тенью дерев. За Торою, далее к югу, на холме, башня круглая в ограде, т. е. крепостца. В Торе, в домах, живут женатые офицеры и солдаты. Деревня мала; вся недавно выстроена на месте древней Трои. Непрестанно переменяют паруса. За Торою каменоломни в горе, в виде пещер. Лишь только миновали Тору, принялись за жесты и крики, похожие на стоны. Опять парусом, спустя минут 10.

За Торою, на том же берегу, маленькая деревня – Масера, подле финиковой рощи, на самом берегу (правом).

Отплыв от Масеры вверх, я видел вдали кастро паши – Мокаттам и джебел-Тора протянулась прямою линиею. Достигли до Масеры в 4½ часа пополудни парусом.

В конце 5-го часа видны две пирамиды Сакхара. А вдаль назад множество финиковых рощ, как лес под горизонтом.

В 5½ часов солнце закатилось за пирамидою с уступами, – она в тени; по двум бокам виднелись уступы. Подле нее три пирамиды меньше. А две пирамиды Дашуры виднелись впереди. Облака проволочены. Легкие, разрывчатые облака рядами. На горизонте золото-огонь; ближе к нам и вверху неба

розовый цвет преобладает; налево голубое прекрасное небо. Восхитительная картина запада солнца. Финиковые рощи в тени направо от нас. Легкие испарения, как кисея, поднимаются от земли и облекают рощи. Серебряная луна в прозрачном тумане прощается с солнцем налево от нас. Ветра нет. Веревка тянет барку. Кусок Мокаттама и дворец паши в крепости еще видны позади в тени. Утки вереницею по воде; в 40 минут 6-го часа облака уже почернели.

ФЕВРАЛЬ 9, Пятница. Неблагоразумие исправлено. Измаил послан в Каир за деньгами. В половине 9-го часа я отправился к развалинам Мемфиса на лошади в сопровождении Ибрагима. Развалины близко от Нила. Это не что иное, как большие и длинные кучи черной земли, торчащие там-сям, кои с первого взгляда показались мне насыпными валами.

Из-под мусору и земли в этих кучах проглядывают кое-где безобразные остатки кирпичных зданий нижних этажей. Развалины занимают немалое пространство среди прекрасной финиковой рощи. На месте древнего Мемфиса, на кучах, построено несколько деревень. Первая от Нила называется Бедрешин, с 700 одних мужчин; за нею недалеко вправо деревня Метречин; названий других деревень не помню. Близ Бедрешина, немного выше его и в сторону, между финиками, в неглубокой яме лежит большая статуя, поверженная навзничь с легким наклоном набок, так что левая сторона лица и всего тела вся видна очень хорошо, а с правой – видна только рука. Не знаю кого представляла эта статуя; скажу только, что выработана была на месте в горе и от горы отколота; посему зад ее есть безобразная натуральная масса камня. Заднею сею частью статуя, вероятно, вставлена была в стену храма. Лицо статуи весьма приятно; оно улыбается, как будто смеется над людьми, что они боготворили ее. Есть борода египетская. Грудь статуи обнажена, – видна мужская титька; на чреслах есть пояс с иероглифами; от пояса спускается юбка полосатая (полосы вдоль). Нижней части левой руки нет. Ног нет; они отшиблены и куда-то увезены, либо зарыты в земле. На левом бедре изваяна правая рука, чужая. Так как статуя лежит почти навзничь, то внутри ее есть пустое пространство, как бы между двумя

ногами, как будто эта статуя имела длинные ноги и стояла раскорячившись; на обеих пахах бедер есть изваяния: в левом видна фигура человека, в правом – какие-то письмена. Лицевая сторона статуи отделана и полирована и сохранилась весьма хорошо. Щечка такая миленькая. Ухо левое повреждено. Вся статуя выделана из цельного мягкого камня. Недалеко от сей статуи есть другая, выделанная из красного гранита. Эта статуя маленькая. Она лежит боком, будто спит. Лицо видно, – оно не красиво. Вся только статуя почти в земле. Кой-где рассеяны обломки гранита.

Пальмовая роща в Мемфисе хороша. Я видел, что финики растут из одного корня по 2, по 3, по 4, по 5 и по 6.

От Нила до некрополиса змеится чрез Мемфис и деревни высокая насыпная дорога, устроенная Мег-мет-Али нашою для прохода во время разлития Нила. Дорога хороша.

$$\frac{IA^4}{y}$$

Нивы ярко зелены; на них пшеница, ячмень еще не колосится, но скоро будет колоситься; бобов множество. Лен цветет или отцвел; во льну голубеньких цветов множество; воспоминание о родных полях; дорога между нивами перпендикулярно к некрополису. – Некрополис огромный изрыт и разрывается. Вправо от конца дороги я взошел на холм и спустился в лучшую катакомбу²¹³. Катакомба в натуральной скале – высечена, но стены ее убраны другими камнями плотными; на этих камнях иероглифы и изображения. В залах есть колодцы или спуски в подземелья, где стоят мумии. Есть также ниши или как бы глухие окна; тут стояли, вероятно, статуи небольшие. Потолки устроены большею частью легкими сводами; есть и ровные. В катакомбах истории Египта. Стало быть, египтяне писали истории пред лицом смерти; лгали ли они?

Из катакомб я посетил большую пирамиду, которая построена в виде 5 уступов и 6-я голова. Она построена из беловатых камней разной величины; но нет больших камней. Издали казалось, как будто она из кирпичей. Нижний ярус отламывается арабами для построек. Жаль. С южной стороны есть ход под скалу, на которой устроена пирамида. По словам

араба, бывшего под нею несколько раз, там есть большая, зала, посреди которой 21 или 22 столба подпирают потолок и ничего более. А что вверху пирамиды и в боках ее? Бог знает. Около сей пирамиды есть очень небольшие 4-ре полуразвалившиеся. На одну из них я взобрался и увидел все пирамиды, который, почти в прямой линии от юга к северу или от Дашуры до Гизе; я насчитал 15-ть (кроме пирамид Гизе). С вершины поспранной мною пирамиды взгляд на песчаную пустыню Ливийскую и на зеленую долину Нила. Удивительно поразительный контраст! Там смерть, здесь жизнь. Зеленъ пред печками красновато-желтоватыми тоже, что красавица пред гниющим мертвым трупом.

Купил антики, – три маленькие и 4 мумии ибисовы в горшках за 22 лева. Арабы достали их из их хранилища, не много на север от этажной пирамиды.

Сундуки для мумий из синего прекрасного гранита с иероглифами. На одном есть фигура лежащая лицом к небу с иероглифами же.

Одну мумию ибисову мы разбили и нашли одни перья, завитые как бы в пленки.

Возвратился на барку в 3 часа пополудни.

Где некрополис, там и зонтаполис. Следовательно, тут был Мемфис. Почему на левом берегу все пирамиды? Не по удобству ли местности?

NB. Что такое некрополис Мемфиса? Длинный кряж каменистый, невысокий, простирающийся от юга к северу, на котором построены 16 пирамид больших и малых и в котором устроено множество катакомб или усыпальниц внутри и вверху.

ФЕВРАЛЬ 10, Суббота. С полночи подул попутный ветер с запада. Утром в 5½ часов я простился с Тимоновым (?) и под двумя парусами поплыл вверх, благословляя Бога. Ветерок слабо надувал ветрила.

В 6½ ч. На правом берегу деревня Хелюан, – тонет в зелени; фиников не много, – другие деревья; виден один дом на берегу и минарет в чаще дерев. Крики женщин по мертвом.

В 26 минут 7-го часа стали огибать западную часть острова, похожего на рыбу-саблю, потому что от острова протягивается по

Нилу, по течению его, длинная и весьма остроносая коса.

На острове пасется скот, деревьев не видно. Нил здесь в проливе островском как зеркало. Лодка едва движется, паруса слабо натянуты. Здесь левый берег Нила крут и высоконец; чернозем обваливается, ее подмывает и пожирает Нил. Огурцы растут под прикрытием воткнутой соломы папушойной²¹⁴; эта солома защищает их и от зноя и от шакалов. Остров пашется.

В 45 мин. 7-го ч. деревня Тарфое; на левом берегу видно несколько домов, против нее остров тот же. Зефиры едва тащат мою дагабию. Принялись за шесты.

Сегодня утро гораздо теплее вчерашнего. Воздух совершенно весенний.

В 7 час. и 5 мин. остановилась лодка; будут тянуть ее гужем. Потянули в 12 минут 8-го часа.

В 7½ ч. опять пошли двумя парусами.

В 8 ч. Левый берег полог. Видны две большие пирамиды Сакары, либо дашурские.

35 мин. 9-го часа. На правом берегу деревня Табдинь; на левом Шоба повыше первой. – Сейчас ветер стал порядочный; паруса надулись; волночки шумят около лодки.

Шоба на самом берегу под финиками. Берег высоконец, – из чернозема он.

В 10 мин. 10-го часа на левом берегу деревня Масгуна; весьма хорошая роща финиковая. Ветер хорош, не силен и не слаб, ровный. Нил здесь широк. Хороший, ровный ветер.

20 мин. 10-го часа. Среди Нила маленький островок и весьма низкий, в роде песчаной длинной косы. Идем хорошо. Попутный ветер.

35 мин. 10-го ч. Среди Нила подобная же песчаная коса, небольшая, длинная, пологая, едва возвышается над уровнем воды. Идем ровно, хорошо попутным ветром.

43 минуты 10-го ч. На левом берегу малая деревня Кафр-ер-Рыфаи против косы. Пальмовая роща мала Цепь Аравийских гор вдали в тумане. Вершинности ровны, будто подрезаны. Пирамиды с левого борта лодки видны, – одна Гизе видна. Идем ровным хорошим попутным ветром. Ветер – холодненький, приятный, освежающий.

25 минут 11-го ч. Видны пирамиды Сакары. Остров высоконый, с длинною косою вдоль по течению реки. Остров имеет две косы, спереди и сзади. На левом берегу пальмовые рощи вдали. За островом, выше, на правом берегу Гаммазе, деревня. Сравнялись с нею в 41 минуту 11-го часа.

За вышеупомянутым островком, направо, есть другой остров песчаный большой; здесь, у правого берега глубоко, а за большим островом, у левого берега, мелководно. Деревня Гаммазе стоит под немногими тощими финиками.

11 часов и 17 минут. На левом берегу ел-Масаид-ел-Атфие (а Атфа близ, но ниже немного).

20 минут 12-го часа. Налево от нашей барки большая песчаная коса.

26 минут 12-го ч. На левом берегу деревня Кафр-ел-Айять. На южном конце деревни есть магазин для зерен, обнесенный стенами из сырого кирпича. Немножко выше сей деревни есть остров ближе к левому берегу Нила. Он остался у нас вправо. На правом берегу деревня за косою *ел-Гизира-Шара*. Тут же, подле правого берега, есть большой остров.

35 минут 12-го часа. Направо видны три новые пирамиды на левом берегу. Идем хорошим ровным, попутным ветром (не боковым, а прямым). Здесь Нил широк.

12 часов ровно. В прямой линии с юга на север видны пирамидишки; и в туманной дали, на севере, большая пирамида, вероятно, Гизийская видна. Не служили ли пирамиды и маяками для Нилоплавателей? Мертвые не указывали ли путь живым?

Прохладно; я шубу одел.

5 минут 1-го часа. Миновали предъупомянутый большой остров, у правого берега находящийся. Он оставался у нас от барки влево. За нами пирамиды переходят на восток; следовательно, мы углубляемся на запад, и этот переход я заметил уже с час, а может быть и более.

25 минут 1-го часа. На правом берегу ел-Уед и около левого берега остров большой, с песчаною косою с юга. На левом берегу Куфур-Азал.

38 минут 1-го часа. Мы подле островка. Он находится среди Нила. Это маленький, длинненький, узкий островок с весьма острым концом к северу и островатым концом к югу. На хребте его густая, зеленая, весьма высокая трава. Издали казалось как будто в Ниле лежит дикобраз, у которого иглы оцетинились на хребте, а нос и шею он протянул по воде. Тут у левого берега остров немалый, песчаный, покрытый кой-где высокою травой, в роде осокара. Ветер дует с запада нам в бок. Ветер сильнее. Он гудит, парус шумит, Нил клокочет, его волны будто крошечные пирамиды.

55 мин. 1-го часа. На правом берегу деревня большая Сафт с магазином для хлеба. Выше сей деревни (тотчас за нею) видна ясно цепь Ливийских гор; на вершине хребта кой-где видны отдельные гребни.

2 часа и 5 минут. На левом берегу деревня Кафу-Зарадин. Ниже сей деревни, на правом берегу, Кудда. Впереди видна ясно пирамида около Кума, Ветер с запада боковой нам и довольно сильный.

3 часа 10 мин. На правом берегу *Шар-Ем-фие*, – деревня. Ниже осталась *Рыгга* с пирамидою налево. Я не видал ее, проспал. Рыгга половина пути между Каиром и Бени-Суеф.

3 ч. и 25 мин. Большой остров у правого берега Сон. Он остался у нас влево. За ним видны мачты джерм и дагабий.

3 ч. 45 м. На левом берегу деревня *Заует-ел-Масмо*. Тут их три одного имени в недалеком расстоянии. С последнею сравнялись в 4 ч. и 14 минут. От последней деревни дорога в Фаум самая короткая.

4 ч. 15–30 минут. Три деревни на правом берегу, каждая называется *Крим (Крым)*, а все вообще *Керемат*.

5 ч. и 15 мин. К правому берегу приблизилась цепь песчанокаменистых холмов. Наросты камней заметны и в воде. Цепь далеко тянется на юг.

5 ч. 16 м. На левом берегу деревня *Бенегдер* в немалой финиковой роще. Против деревни большой остров того же имени. Выше сей деревни – Мамук деревня. Она осталась у нас вправо за островом. Остров ближе к правому берегу и тут барка прошла, ибо тут глубже; между островом и левым берегом хотя

и много воды и широко, да мелко. Остров высоконек. На нем, по краям, ость осоков. Против него скалы торчат на самом берегу.

5 ч. и 35 мин. Скалы очень немного отдаются от берега.

6 часов 5 мин. На правом берегу, на самом берегу, монастырь Св. Антония под немногими пальмами. За темнотою не видел его хорошо.

7-го 40 мин. На левом берегу деревня Эммен. Барка идет тихо, потому что ветер потише стал. Ветер дует северо-западный, – попутный.

Кончились заметки дня. День благополучный! Недаром я посвятил свою дагабию Св. Николаю и назвал ее его именем. Весь день был прохладный.

В 9 час. и 20 мин. пристали, у левого берега, у Бени-Суеф. А на дороге попали на мель, и едва, едва стащились.

ФЕВРАЛЬ 11, Воскресение. После ночлега у Бени-Суефа отправились в дорогу в 6 ч. и 60 минут. Пошли на веревке. Утро спокойное, тихое, прохладное, попутный ветер едва колышется. Бени-Суеф на левом берегу. Берег высок.

7 ч. 50 мин. Пошли парусом одним при слабом ветре. У Бени-Суефа Нил довольно круто поворачивает на восток. Мы описали дугу.

8 час. ровно. На левом берегу деревня Халебие за финиковою рощею. Плоты горшечные, четвероугольные, большие; на них арабы из верхнего Египта везут кувшины, наваленные на плоты, и гребут не веслами, а засохшими длинными сучьями какого-то дерева. 4 плота видел.

9-го часа 35 мин. На правом берегу деревня Баяд. Против деревни большой остров. Он остался у нас влево. Опять вытянулись мы на запад, и потому деревня *Халебие* опять видна направо от нас. Здесь правый берег песчан и низок, а левый выше и черноземнее.

9 час. ровно. На правом берегу Асмент деревня.

9 ½ ч. Идем хорошим ровным ветром.

35 мин. 10-го. Началась цепь бугров на правом берегу, как будто рытый бархат.

40 мин. 10-го. На левом берегу Дубана – маленькая деревня; Малягие – больше.

В 50 мин. 10-го мы миновали пред упомянутые бугры. Ветер сильный.

55 мин. 10-го. На левом берегу деревня *Малягие* другая, только того же имени, под прекрасною финиковою рощею.

15 мин. 11-го. На левом берегу рядом три деревни под именем общим *Бараига* под финиковыми рощами, на вогнутом слегка берегу Нила и потому образуют хорду; первые две смотрят на воду, третья укрылась за большою рощею своею. Местоположение приятно. Правый берег высоконек, за ним ничего не видно.

35 мин. 11-го. Опять виден кряж низменных видопесочных бугров на правом берегу.

Вдали, на правом берегу, у самой воды, виден горный каменный мыс, как бастион. Он, п-видимому, заслоняет проезд по Нилу.

НВ. Полный месяц людям на здоровье, панам – на безголовье, жидкам на краткий век. Малороссийская поговорка при появлении луны вспомнута.

НВ. Ибрагим говорил вчера, что недавно людей всех вер загоняли палками в мечеть для молитвы по воле Мегмет Али.

11 час. и 3 мин. На правом берегу упомянутый бастион сравнялся с нами. Это угол кряжа, который тянется на восток от Нила. На вершине сей скалы сантон шеха Абу-Нур, т. е. Отца света. От сей скалы на север, по берегу, далеко тянутся финики. У скалы с северной стороны есть деревня Абу-Нур. Меловая скала отвесна над Нилом.

На левом берегу деревня *Бибе*, за островом того же названия, немного выше. Там же есть монастырь коптский. Деир, говорить, изрядный.

С конца паруса упал в барку араб. Порывом ветра перевернуло паруса. Испуг.

25 мин. 12-го часа. На правом берегу деревня *ел-Фагира*, т. е. бедная, с птичником в виде башни с зубцами.

50 мин. 12-го ч. Огибаем островок. Деревня на левом берегу *Маниет-ел-Гандин*.

12 ч. и 10 мин. На левом берегу деревня *ел-Фугаа*. Здесь остановились мы у отвесного берега высоконького, в ожидании

утишия ветра, потому что сильным ветром нельзя пройти какого-то места впереди. Против деревни большой возделанный остров. Мы стоим между ними.

NB. Фугаа – коптское селение без церкви: ходят в другую соседнюю деревню для богомолья.

В 3 ч. и 25 мин. Пошли парусом от Фугаи. Ветер потише стал.

43 мин. 4-го ч. С берега мусульманка арабка, вчера родившая младенца, требовала криком, чтобы мы дали имя новорожденному. Реис дал свое имя: Али. Таков здешний обычай – просить дачи имени у проезжающих по Нилу.

На правом берегу джебел-Фешь по имени города Фешь (есть в нем копты). Она идет от берега Нила на восток. Она от нас не в большой дали. Нужно идти к ней. Плавание здесь опасно. Паруса на время спустили. Лодка поворачивается с северо-запада на юго-восток.

4 ч. и 10 минут. Сравнялись с углом скалы Фешь и проходим у самой подошвы ее без паруса. Подошва у скалы состоит из каменистых слоев кофейного цвета, и вся скала из частых известковых бело-желтоватых слоев. Проходим весьма близко к подошве при ветре ровном без паруса; парус только болтается на рейсе. Лодка идет тихо. Левый берег полог, чист, зеленеется; вдали рощи финиковые и видны два минарета деревни Фешь.

Кофейная подошва скалы совершенно отвесна; она будет вышиною аршина с 2, а от подошвы скала весьма легко и очень немного загибается назад. В скале есть обвалы; у воды растут зеленые кустарники густые и инде скрывают подошву скалы; за кустарниками четыре тощие финика в недалнем расстоянии, – будто зеваки, ленивцы, убежавшие из рощей позевать на проезжих. Заметно, – скала пострадала от землетрясения; есть трещины; вершины скалистого кряжа ровны; этот кряж – будто гигантская стена на самом берегу Нила. Около левого берега есть две отмели-косы песчаные. Идем с болтающимся парусом; он колеблется, ворочается, ворчит, – будто сердится на скалистую гору, которая лежит прямою линиею вдоль Нила. Уклонились немного от скалистой горы. Она понижается к югу постепенно, а северный конец ее довольно высок и толстолоб.

Пестренькая птичка-воровка на лодке. К южному концу примыкают несколько фиников. Недалеко от южного конца лицевая сторона кряжа в одном месте расшиблась в дребезги и как будто провалилась. У провала – молодые финики.

4 час. и 50 мин. Сравнялись с городом Фешь на левом берегу; но он далеко от нас; мы ближе к горному кряжу. Город не виден за деревьями. Парус поставили, переплываем на другую сторону Нила. Есть отмель у южного конца (четверть) горы. За обвалом горы нет кустарников у подошвы. Обвал составляет едва ли не средину горной линии. Пристали было к берегу под Фешем городом в 5 ч. и 5 мин., не проплыв всей длины горы; осталась ее четверть, но я велел плыть далее, ибо еще рано, да и ветер попутный, ровный, несильный. Досада на рейса, который напрасно отдыхал под Фугаею 3¼ часа. Он сказал, что мимо Феша нельзя пройти при сильном ветре с парусом; а бестия прошел тут без паруса. Потеряны 3½ часа по пустякам, – по хитрости рейса, который боялся идти скоро вверх, дабы не лишиться денег за второй месяц; напрасная боязнь; ибо на обратном пути я долго пробуду на Ниле. По объяснении с ним барка пошла. За южною оконечностью прямой линия Феша – деревня Рехиб. Что я назвал южною оконечностью, то не есть оконечность лиши, ибо за нею есть только выем вверху горного кряжа с обвалами, у берега Нила; загибающаяся к югу часть выема – горбата, походит на настоящую гору; тут выем образовался от провала; на самом берегу Нила есть еще остатки лицевой линии кряжа; один остаток, – будто бастион, стоит. За буграми опять выем и опять оставшиеся три скалы после прорыва или обвала лицевой лиши горного кряжа.

45 мин. 6-го ч. Кончилась линия горного кража. За оконечностью пальмовая рощица и жилье Араб-ел-Хибе. Становится темно. Ветерок, а не ветер. Дагабие идет медленно.

Весь день был прохладный и приятный. Ни разу не садились на мель. Милостив Господь!

Темно. Нельзя вести топографических замечаний.

В 7 часов вколотили кол на левом берегу. Ночь, спать надобно.

ФЕВРАЛЬ 12, Понедельник. Барка пошла в ход, когда я еще спал.

7 часов утра ровно. У левого берега подводная небольшая скала, чуть, чуть возвышающаяся над водою. Деревня Маньяна. У правого берега длинная горная цепь Шех-Умбарак, названная по гробу шеха. Она состоит из холмиков, бугров, холмов, кряжей и гор, отделяющихся друг от друга.

7 ч. и 25 мин. От горной цепи, за гробом шеха, Нил поворачивается довольно круто на юго-запад. Тут есть отмели и остров весьма большой. Он возделан. Его-то мы огибаем, уклоняясь от правого берега к левому. Ибрагим говорил мне, что за несколько лет (4–5) назад барки здесь проходили прямо подле правого берега, так что остров оставался у них вправо, а у нас он остается влево. Здесь Нил очень широк.

НВ. И сегодня Бог благоволил дать мне ветер попутный, ровный, некрепкий, но и неслабый. Хвалю и славлю милость Твою, Господи! Птички на барках...

7 ч. и 50 мин. На левом берегу деревня Магага. При ней стояло несколько барок. Плыдем каналом между сею деревнею и пред упомянутым островом. Остров теперь остается левее. Близ него есть отмель-коса песчаная. Моя дагабия быстро пронеслась мимо деревни. Деревня стоит на высоконом берегу. За финиками дагабия идет тихо. Горная цепь, левее оставшаяся, еще не окончилась по берегу.

20 мин. 9-го. Описав дугу к западу, теперь идем прямо на юг. Остров еще не кончился. На правом берегу высится хребет горный. Нил в поворотах довольно сердит. Мы идем крепким ветром. Остров к правому берегу отшатнулся. Нил здесь широкий.

40 мин. 9-го. Остров кончился. За южною оконечностью его, по правому берегу, стоит строй фиников, будто строй солдат. Финики повыше других головами суть офицеры, прочие – солдаты.

50 мин. 9-го. На правом берегу деревня Шаруна, что значит: купи меня. От Шаруны Нил уклоняется на запад.

5 мин. 10-го. На левом берегу, немного пониже деревня Гендие, пристали было к земле, чтобы купить рыбы у рыбаков,

да не успели убрать паруса, и едва не погиб араб, который был на верхнем конце рейса. Этот конец понизили до воды, и тогда он соскочил в лодку.

10 мин. 10-го. Пошли, не купив рыбы; рыбаки остались далеко за нами. Но пошли без паруса силою ветра, упирающегося в задний конец и мачты лодки. *C'est curieux*. На самом верху нагой араб подвязывает паруса. И дагабия имеет свою историю и разные явления.

Скоро после безпарусья пошли в полпаруса, подвязав верхнюю часть его. Тише едешь, дальше будешь.

Арабы воспитывают индеек, но не едят их, потому что на груди индюшки находят что-то, похожее на свинью.

В Египте много заводов куриных, в которых из яиц выводят цыплят посредством одной теплоты искусственной. Когда придет время вылупиться цыпленкам, тогда арабы ползают между яйцами, положенными направо и лево от дорожки, по которой ползают они и kloхчут по-куричьи и вот вылезают из всех яичек тысячи цыпляток.

55 мин. 10-го. На правом берегу деревня *Бени-Самет*. Пальмовые рощи тянутся по сему берегу. Арабы крючками ловят рыбу.

40 мин. 11-го. На левом берегу деревня *Беним-заар*. А *Абу-Гирге* уже прошли. Я не видал сего места, потому что мы идем подле правого берега, а *Абу-Гирге* на левом берегу. Теперь разделяет нас от левого берега большой остров.

11-ть ровно. У правого берега большой остров. Мы огибаем его, уклоняясь на юго-запад.

25 мин. 12-го. На правом берегу деревня *Шех-Фад*.

45 м. 12-го. На левом берегу *Абу-Гасис* и повыше *Назеля* – деревни.

5 мин. 1-го. Уклоняемся на юго-запад.

16 мин. 1-го. Уклоняемся на юго-запад.

40 мин. 1-го. На левом берегу *Куфур*.

45 мин. 1-го. Направо *Шех-Хассан*, – деревня. Идем крепким боковым западным ветром. Пониже сей деревни в воде торчат большие камни. От сей деревни стали выказываться вершины холмов песчаного цвета.

15 мин. 2-го. Правый берег каменист, безжизнен, уродлив, вычурен. Левый берег улыбается. На нем под густою пальмовою рощею Назлет, – малая деревня.

На правом берегу, на одном песчаном холме, камни странной фигуры. Плыдем крепким ветром. Начинается джебел-Тер, la montagne des Oiseaux, на правом берегу.

В воде невысокие скалы, – у воды густо-синего цвета, а половина вверх дресвяного и песчаного цвета. На Ниле волны велики. Мы плывем близ правого берега, близ скал. Эти скалы торчат отдельно друг от друга, в промежутках земля и трава или берег с линиями, т. е. тонкими пластами. За скалами бугры, покрытые песком, и далее на юг.

48 мин. 2-го. На левом берегу *Колосна*. Напротив сей деревни большой остров. Мы проплыли у Колосны.

40 мин. 3-го. Едем мимо острова *ел-Махсара*, по имени деревни, которая еще выше немного. Едем уклоняясь на запад.

45 мин. 3-го. Начинаю видеть джебел-ел-Тер или Птичью гору.

20 мин. 4-го. На правом берегу, на песочных буграх, большая деревня Самаллуя. На левом берегу Самаллуя. Мы подошли к Птичьей горе. Матросы лежат на рейсе в готовности подобрать парус.

Птичья гора, как гора Фешь, – обе походят одна на другую. Птичья гора есть длинный скалистый невысокий и отвесный горный кряж, которого нижняя часть у воды (аршина с 2) окрашена чернотою.

На самом высшем темени горы, не доходя до нынешнего монастыря, заметны как бы остатки кладеных стен. Я слышал крики и свист птиц. Араб плавал к нам за милостынею с левого берега, да не доплыл, – нагой бежит по берегу впереди нас; поплыл, не догнал. Дыра в самом гребне.

40 мин. 4-го. Сравнялись с монастырем. Монахи смотрят на нас. Один спустился за милостынею. Но лодка наша идет скоро без паруса (парус подвязан). Монах бежит впереди. Монастырь не имеет никакого вида, – это кучка убогих зданий. В третий раз догнал нас тот же араб, – старый, седой, все тело покрыто

волосами; получил 6 пиастров и взял их в рот, ибо мы приблизились к левому берегу.

Солнце ярко освещает Птичью голую гору. Она меловая, состоит из горизонтальных пластов. Выше, за монастырем, есть кусок земли у подошвы горы во всю длину; он принадлежит монастырю. Мы идем без паруса около левого берега; ветер слаб. Монахи забегают далеко вперед.

10 мин. 5-го. Поставили парус. Нагнал нас монах нагой по берегу левому бегом, бросился в воду и вошел в лодку, потому что мы плыли близ берега. По его словам, 20 монахов в монастыре.

45 мин. 5-го. Волны в Ниле очень велики, высоко поднимаются и углубление между всплесками широко и глубоко.

55 мин. 5-го. На правом берегу *Тегне* у вгиба Птичьей горы. Напротив большой остров. Он у нас вправо. Мы плывем к правому берегу каналом между островом и берегом. Ниже сей деревни и много выше, вдоль горного кряжа, тянется высокая полоса чернозема. Вероятно, землю эту Нил прибил к подошве горы. В скалах при деревне заметны трещины. Признаки землетрясения; остров имеет направление с запада на восток. Остров песчан.

20 мин. 6-го. Линия Птичьей горы далеко от берега, потому что тут к ней пристал большой нанос чернозема. Линия понижается, как будто прерывается на небольшое пространство и потом снова высока; но эта последняя возвышенность далеко от берега. Когда я пишу сие, она еще впереди выше.

25 мин. 6-го. Солнце скрылось за горизонтом. На нем большое красноватое зарево. На восточной части неба разорванные облачка; западная часть чиста; над нами облачка как куски хлопчатой бумаги.

30 мин. 6-го. От мнимого перерыва линии горной Нил уклоняется к западу.

40 мин. 6-го. Круто поворачиваемся на запад от горной линии и огибаем тупой угол левого берега. Налево от нас остров. Мы вдвигаемся в канал между сим островом и левым берегом, уклоняясь на запад. Здесь Нил весьма широк и быстр.

Подплывая к острову, вдруг поворачиваемся носом барки на юго-восток и остров остается у нас вправо.

Темновато. Обедаю. Барка идет. Нил шумит как густой дождь. Ветер тихий.

7 час. ровно. Темновато. Звезды ярко блестят; луна за Аравийскими горами; ее не видно. Ветерок попутный тащит мою дагабию. Приятно, прохладненько. Тени на парусе.

8 час. без 10 минут. Мы пристали у Миние. Здесь Мегмет-Али паша; ибо немного ниже сего города стоит пароход.

Милостив Господь! Весь день мы плыли попутным ветром ровным, день был прохладный. Я здоров, как нельзя лучше. Хвалю день, когда он прошел.

ФЕВРАЛЬ 13, Вторник. 8 час. ровно. Пошли из Миние парусом и ветерком. Миние стоит на самом берегу. Берег высок и окладен стеною. Против сего города линия горного низкого кряжа простирается вверх. Он не в воде стоит; от него до воды есть земля, на которой видно множество фиников.

50 мин. 9-го. На правом берегу деревня *Савиде*, большая, – тянется вдоль берега; за нею цепь горная вышеупомянутая.

30 мин. 10-го. Почти нет ветру. Поставили средний большой парус, но он опустился; да и малый парус опустился.

НВ. Первая половина горного кряжа у Миние называется *гебель-Еннихас*, другая половина *гебель-ел-Хайе*, т. е. гора змеиная. По поверью арабов, тут был змей великий, который хотел выпить весь Нил и за то обращен Богом в камень. Длиннен и толст и высок был змей!

50 мин. 10-го. Вышли было тянуть бичеву, но вдруг подул ветерок попутный.

20 мин. 12-го. На правом берегу, у подошвы высокого куска горы, развалины (место сие называется *Матагра*). Видно множество стен и простенков из жженных кирпичей сложенных; они выказываются из-под земли и мусора. Развалины тянутся прямою линиею по берегу и оканчиваются убогою деревенькою Матагра. Что это за развалины? Что тут было? Не деревня ли?

От Миние непрерывная линия фиников тянется по правому берегу. А на левом берегу нет их. Тут посева. Мы идем ветерком.

37 мин. 1-го. Потянулись бичевою по правому берегу. Нил как зеркало.

5 мин. 3-го. На правом берегу деревня Матагра.

NB. Жители Египта ходят без оружия. Арабы нудят молодого верблюда лезть в лодку, а он вопиет и противится. Два раза входил передними ногами. Женщины в Египте носят детей на плече.

20 мин. 4-го. Поставили два паруса и бросили бичеву.

Дагабия полетела при хорошеньком ветре. На правом берегу еще Матагра, убогая деревня. Горный кряж из-за деревни выходит к берегу Нила с восточной стороны и потом стелется вдоль Нила.

4 часа ровно. Мы уклоняемся от горной линии; влево от нас большой остров.

15 мин. 6-го. Пошли на шестах, огибая остров; и приближаясь к левому берегу.

Не буду более писать карандашом.

Spero, dum spiro!²¹⁵

Berbiralle-Agar. Convent Matana.

Эсне. 1-ая церковь с одним попом во имя Богородицы с двумя приделами Св. Георгия.

2-я церковь Ἀγία Δουλάγι.²¹⁶ – Архангел Михаил – придел. Четыре священника.

Портик

24 колонны, по 6 в ряд, а рядов всех 4-ре. Капители колонн очень хороши, – представляют головки пальм и цветов.

Эснский епископ умер месяца полтора два назад. Сия епархия простирается от Гу до Ассуана, но только по левому берегу; а по правому епархии Гусская простирается от Кене до Ассуана же.

NB. Священник из одной церкви говорил, что в Эсне в обоих приходах 1000 душ мужеского пола с детьми, кроме женщин и девочек; а из другой церкви поп говорил, что здесь находится 250 фамилий христиан.

Умерший епископ эснский (он погребен в Нагаде) назывался Макарий. Он был женат и имел детей. По смерти жены сделан был архиереем и имел трех сыновей; они попами в Нагаде и

имеют детей, кои тоже попы. Он умер 70 лет, а епископствовал 20 лет

Предшественник умершего был Губриан из монашествующих; умер в средних летах, а его предместник Михаил, потом Матфей.

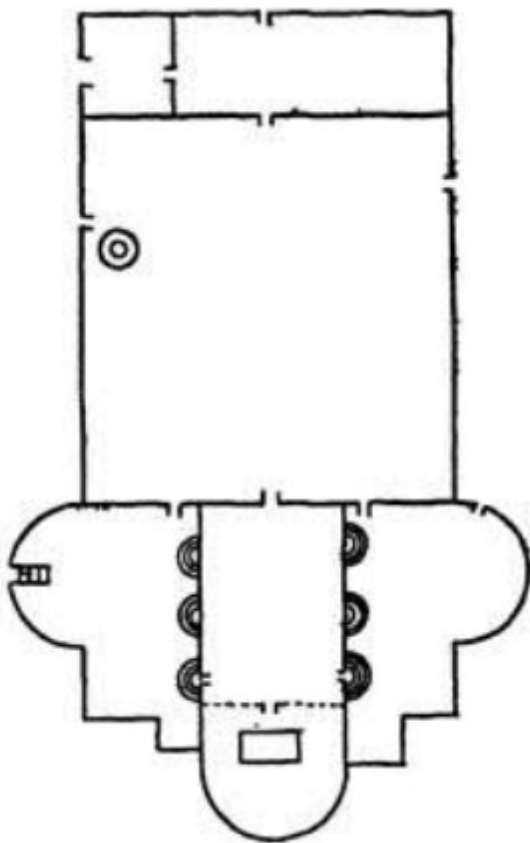
За брак богатый дает 50 пиастров, бедный 10 п.

В Эсне есть три учителя для христианских мальчиков, – один из них слепой; мальчик каждый платит учителю своему по 10 паричек, по 20 паричек в неделю, смотря по состоянию.

Пять епископов погребены в монастыре Мучеников, а прочие в Нагаде.

Только из брачных денег дается часть епископу, – (кажется) половина, напр, из 50 п. – 25-ть.

НВ. Слепой учитель читал мне наизусть первый псалом по-коптски, который начинается: μακαριος²¹⁷, начало Евангелия Матфея и начало Евангелия Иоанна.

Монастырь Мучеников, деир-Шугаде, посещается два раза в год, в месяцы тот и туба: тот 14. туба 11-го.

Он имел 40 федданов земли, но паша отнял их.

Монастырь основан будто Еленою в память мучеников.

В окрестности сего монастыря четыре деревни: 1. Гарàя, 2. Нёмеса, 3. Мисау́ия, 4. Адàйма.

5 епископов погребены в сем монастыре: а. Губриан, в. Матфей, с. Михаил, d. Бедаба.

Есть два колодца: 1 в монастыре, а другой – вне, за оградю.

Один поп с отцом.

Есть Григория, архиеп. константинопольского образ.

Ел-Арабат Матана. Разгат? Саламие? Люкзор? Гус? Нагада? Гу. – Монастыри. Около много монастырей.

В Эдфу, внутри сего города, есть монастырь, называемый *Амба-Бахум*. Прежде в нем были монахи, ныне один поп. В Эдфу не более 8–9 домов или 20–30 душ. В семь монастыре, под церковью, есть комнаты. Близ, в горе, есть иноческие пещеры в гробах древних.

NB. Причина бедной обстановки внешности монастырей – боязнь издерживать деньги пред властно.

МАРТА 3 ДНЯ, 6½ ч. Монастырь Св. Георгия. 4 священника. Основан греками неизвестно когда и как. 4 деревни составляют приход:

1. Ермонт. 2. Мараази. 3. Разгат. 4. Рарайна. Во всех деревнях сих нет церквей.

В 10 ½ ч. в Ермонте. Начальник – черкес. Малый храм обращен в тюрьму. Скованные.

Ардебя, Тамрагинди – колобок.

Выехали из Асфуна в 12½ часов пополудни, доплыли до ночлега крокодилов в 50 мин. 4-го. Ветер нам противный. Перестали грести и задом идем по течению воды; руль вместо носа; нос вместо руля.

45 мин. 8-го. Прибыли к Разгату. Шли то задом, то передом, а больше веслами.

Близ Саламие, на юг от сей деревни, старый монастырь.

Амба-Бшай (это был епископ).

Амба-Сентанус (епископ, город Гермонтис).

2 священника живут в Саламие (*Тот*, – ныне Саламия).

6 деревень принадлежат: 1. Саламие, 2. Ейденат, 3. ел-Мегсдани, 4. ел-Лагоби, 5. ел-Маалля, 6. ел-Шеба.

МАРТА 4, 6 час. утра. Люксор.

МАРТА 5, в 6 ч. без 10 минут отправился в монастырь из Люксора и прибыл в 7 ч. и 10 м., ровно через час. Монастырь называется Амба-Ба-хум-Аббиширке (не романский, а коптский). – Люксор – 55 фамилий и Зение – 30 фамилий, – две деревни, принадлежащие сему монастырю. 3 священника; пять престолов в линию. А вся церковь состоит из трех параллельных линий; в каждой линии множество куполов. В третьей линии от престола есть Иордан. Куполы покоятся на грубейших приземистых арках.

После монастыря посетил я развалины Модамот. Портки с колоннами и цоколь с иероглифами. Фундамент башни без иероглифов, из параллелограммных камней.

9½ ч. Прибыл в Карнак. Ворота суживаются кверху. 7 перекадин цельных из огромных камней. Нижние стороны внутри ворот убраны иероглифами и фигурами, а вверху ничего нет. Только с лицевой стороны в самом верху есть фигуры. Камни в воротах суть небольшие квадраты и большею частью параллелограммные фигуры. Пространство внутри ворот от одной стены до другой 10 шагов.

МАРТА 7. Колоссы, – Мединет-Абу.

Здесь четвероугольная зала хороша. Картины военный внутри и снаружи.

Направо, за развалинами, вдали дорога как канал, вблизи – маленький храм; назади, на песках, монастырь коптский новый деир-Махареб (а по словам Триандафила, – древний Св. Феодора Стратилата). В Карнакском храме, в поперечной колоннаде, что у восточных ворот, на колоннах лики святых, иероглифы с греческими буквами, напр. Ἁγίος Μηνῆς²¹⁸. Иероглифы также стерты.

МАРТА 9. Близ Гурны, на горе, развалины древнего монастыря. Северо-западный уголь был укреплен на скале; ибо в фундаменте зрятся дикие камни черновато-хрящеватые. Обитель велика. С южной стороны видны еще 10 келлий направо, а противоположный налево развалились. Средину занимала большая церковь; остатки дурных капителей

валяются. На северной стороне были также келлии; – одна видна. Келлии походят на матанские, да и устройство монастыря общее походит. В юго-западном углу нашел я гранитный гроб без крыши и три камня небольшие с иероглифами. Монастырь на горе. Вид из него восхитительный на Карнак, Люкзор, Мединет-Абу, – Колоссы; поле зеленое с Нилом окаймлено горами. Под монастырем катакомба.

Из сего монастыря видны еще два монастыря на правой стороне долины Бибан-ел-Молук: один ниже на холме, другой – на самом темени горы.

Над катакомбами ел-Ассасифа уцелели основы стен и два пропилона из сырых кирпичей, но ворота в них вывершены арками. Монастырь здесь был? Или нет?

Прямо против развалин и катакомбы Ассасифа, у самой горы отвесной, – развалины греческого монастыря, на основании старого египетского здания прекрасного. Сохранились: кирпичный сырой коридор с нишами, высокая кирпичная комната, которая была двухэтажная, и под одним каменным сводом часть церкви. Сей свод у самой горы, которая как бы висит над ним. Свод был покрыт штукатуркою, закрывавшею иероглифы. В западной стене, под сводом, виден большой венец. Над карнизом стены в начале свода, на правой стороне читаются слова красивыми греческими²¹⁹ буквами:²²⁰

Под сими именами был нарисован карниз витой; линия кривая красная и линия желтая. Внутри, под сводом, много сору и камней. В северной стене видны двери. В западной стене видны два окна или две двери.

Гранитные входы: 1-й среди зданий монастыря, 2-й в катакомбу со сводом ведет под гору. Свод такой же, как и предупомянутый, но сохранился лучше. Есть полустертые слова коптские на южной стене:

Mgr

Входы гранитные: один против другого. По обе стороны 1-го гранитного хода развалины монастыря.

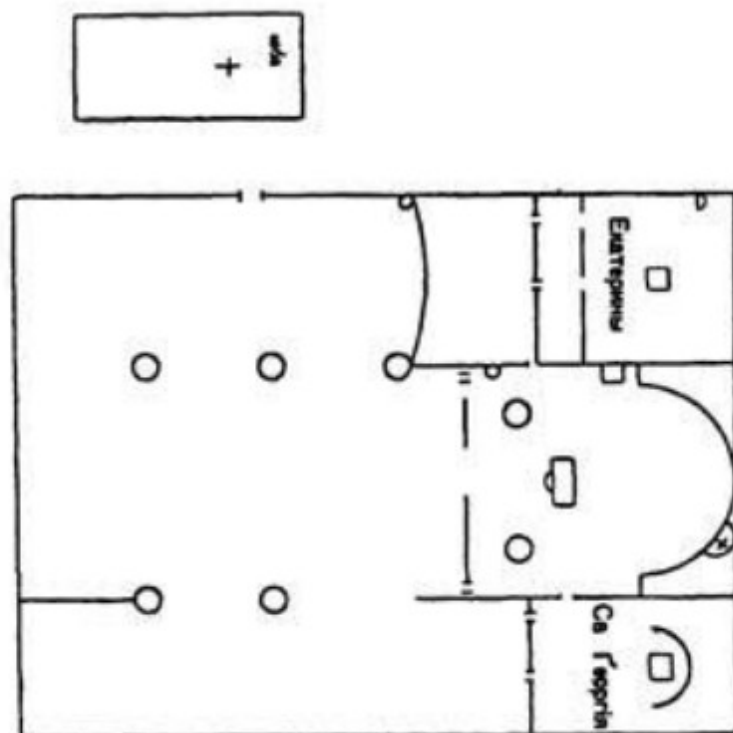
У горы было большое и прекрасное здание римско-египетское.

Шех-Абдель-Гурна. – Ничтожные катакомбы.

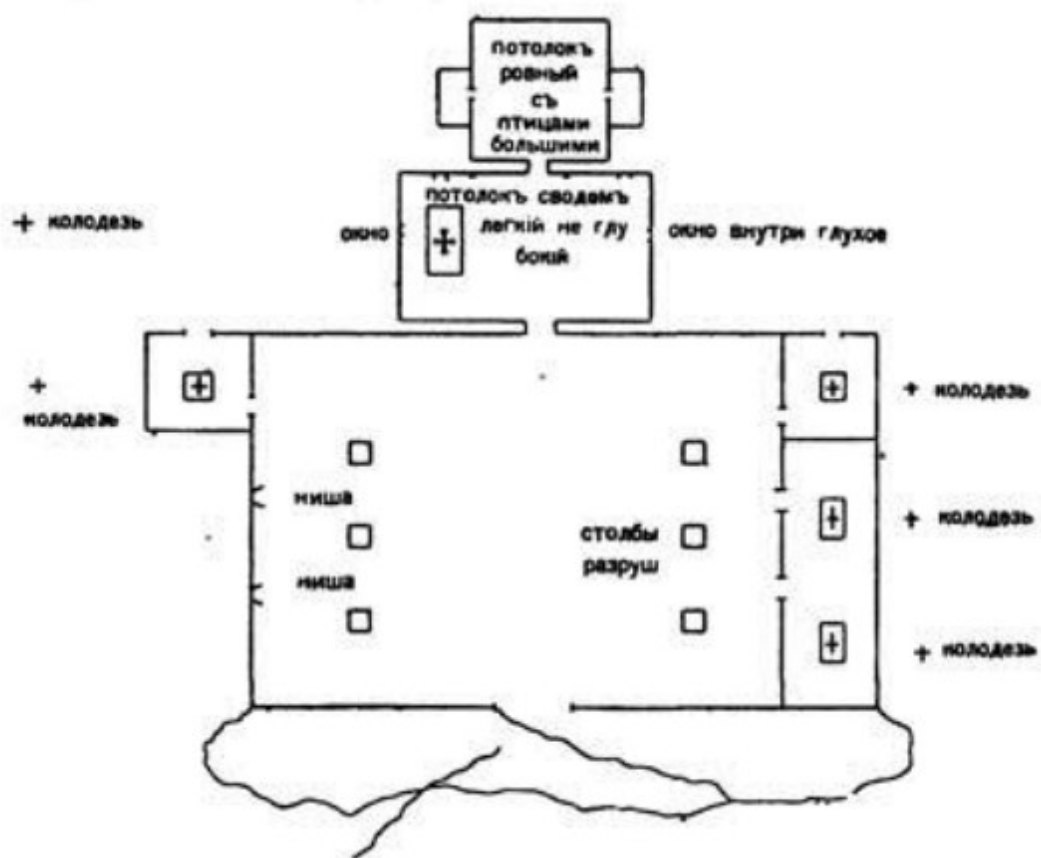
В одной из верхних катакомб, на горе, есть письма коптские и кресты напр.

$\frac{IA^4}{Y}$

1. «Во имя» Отца и Сына и Святого Духа во веки веков аминь. Боже Авраама и Исаака и Иакова, Иисусе Христе, Господи Боже, помилуй «нас». Эта надпись теперь уже напечатана Лудвигом Штерном в статье: Koptische Inschriften an alten Denkmalern в Zeitachrift fur agyrtische Sprache und Alterthumskunde, XXIII (1883), стр. 97, где во 2-й строке напечатано, как следует:

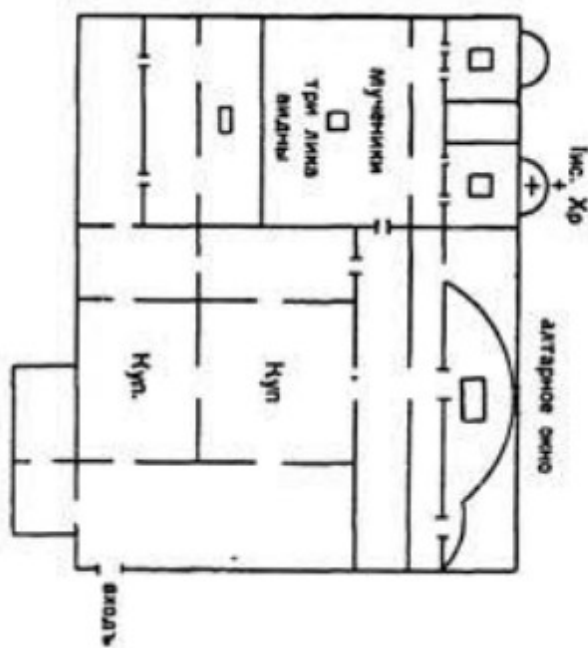
и 4-й:

Коптская транскрипция всех, приведенных здесь, коптских надписей и перевод этой надписи принадлежит О.Э. Лемму. Ред.

2. Авва Пахомий, авва Исаия. Ред.

Сия катакомба на горе, почти против Мемнониума. На юго-запад от Мемнониума, близко на холме, небольшой монастырь или башня. А за сим, – у самой горы, большой монастырь деир-Медина. Внутри его есть храм египетский малый. В портике нет иероглифов: или стерты, или не было. Коптские письма почти изглажены. Видны два креста красные.

На наружной стене, у входа, вырезаны имена коптские напр.:²²¹

мисанл п апа вятор пх

В Мединет-Абу, в большой четырехугольной зале, – алтарь, обращенный на север; на стоящих колоннах, не египетской работы, кресты коптские с словами:²²²

**т. просвѣтл
олотос**

Есть подобные слова на одной лежащей колонне. Тут была церковь. Да и в середине древнего храма и окрест его едва ли не

монастырские келлии?

НВ. У Фив плодородной земли мало; горы близки к ней. За Фивами, от берега до горы, большое пространство, – песчаная пустыня широкая.

МАРТ 10, Суббота. Выехал в 6 часов и прибыл в 7 ½ ч. в монастырь дер-Гамула (Малак), le couvent d'Ange, подле деревни Гамула. Сей монастырь построен по-коптски, в начале песчаной пустыни; но был древний. Свидетели древности его суть колонны из твердого камня, коих верхи отбиты и пропали. Церковь не мала; она в три линии: 1-я линия 4 алтаря, 2-я – для мужчин, 3-я для жен. Направо, за 3-ю линией, крещальная комната, а налево – просфоропекарня. На одном куске колонны, на дворе торчащей, видны иероглифы. Монастырь четверугольный – не велик. За монастырем колодец с водою, круглый с сагие и гранитным корытом для поила скота. Устройство колодца древнее и одинаковое с колодцами при древних монастырях Мучеников и Матанском. Кругом монастыря кучи с черепками и разбитым кирпичом, – свидетели, что старый монастырь был обширнее. Кладбище есть. Икон нет. Иордана нет.

В соседней деревне Сос, у берега Нила, есть церковь Абу-Сифен (во имя Макария).

Недалеко от сего монастыря, по дороге к Нагаде, в прямом направлении к северу, вначале песчаной пустыни, на песчаном мысе-бугре, близ зеленого поля, стоит древний монастырь дер-Марили-Боктур. Церковь старинная, но подновленная кверху, великонька. Три купола средние немалые. Задний покоится на 4-х старых каменных колоннах, приземистых, с грубыми капителями. Средний купол покоится на четырех аркадах пролетных (по 2 на стороне). Купол пред алтарем покоится на пилястрах. В алтаре видны венцы около святых и у одного из них благословляющая рука. Указательный и средний палец протянуты прямо, прочее сложение перстов по нашему. Икон нет. Есть три линии. 3-я линия под задним куполом отделена..... низкою перегородкою. Кой-где по стенам церкви были изображения по штукатурке, но едва, едва видны.

Монастырь был не мал. Ныне только церковь его стоит поправленная, а кругом церкви, в некотором расстоянии от нее, видны остатки старой четырехугольной стены с некоторыми келлиями; все это разрушено. Внизу, под возвышением, на котором стоит монастырь, есть старый романский колодец с водою. От подошвы сего монастыря расстилается зеленое поле к Нилу и окаймляется там гирляндю фиников. Два священника посещают сей монастырь из Нагады. Служба каждое воскресение.

В ближнем расстоянии от предъупомянутого монастыря, на север от него, по дороге в Нагаду, в начале пустыни, стоит древнейший монастырь, довольно большой, во имя Св. Георгия. В нем служат 2 священника из Нагады. Христиане верят, что в сем монастыре находится гроб Св. Георгия. Его показывают в одном из алтарей. Церковь в сем монастыре не мала; она переделана из древней на коптский лад; в ней как-то вдоль стоят 7 колонн, тонких и приземистых, из твердого камня; колонны истыканы: верно на них были иероглифы, но стесаны. В одном большом алтаре видно в полукружии изображение большое, вероятно, Спасителя; а за престолом на стене видно несколько венцов. И в церкви на стенах кой-где видны полинялые изображения святых, но лица их полуизгажены. Живопись греческая дурная, обыкновенная, в роде нашей суздальской. В одном отделении при церкви есть Иордан. Вот его план:

πῶτ μῆ πῦρε
 μῆ πεπνα ετοταῶ
 ψα πῖπερ πῖπερ ραμῖν
 πῖοττε πῖαβρααμ μῆ
 εσαα μῆ εἰαγῶν
 ἱε πῆχс πῆχοεс
 πῖοτте на наг ¹

 ἀπα παρῶμω
 ἀπα ησαεῖας ²

Сей Иордан в углах имеет 4 полукружия вогнутых, как бы места для людей. Он находится под куполом. Этот Иордан есть крещальня древняя. Ибо в древности крестили при церквах.

Есть другая маленькая церковь во имя Богоматери Марии, но она устроена среди келий; видны остатки штукатурки и стенного расписания.

Древняя ограда была больше. Есть колодец подле самого монастыря и другой подальше, – круглый большой. 2 священника²²³.

4-й монастырь малый в близком расстоянии от последнего и севернее его, у зеленого поля; он называется дер-ес-Салиб, – le convent de la Croix.

В четвероугольной ограде находится только церковь с приделами и Иорданью в особом отделении, но смежно с церковью. В главной церкви, в середине, есть 8 толстых отрубков-колонн приземистых (по 4 на стороне). Вместо капителей 4-реугольные камни. На сих колоннах покоятся арки (по 3 на стороне), а на арках свод, да за дверью церковною 2 такие же колонны. Стало быть, древняя церковь была большая. За нынешнюю оградою видны фундамент и куски древних стен и келий. Монастырь был, впрочем, не очень велик. В пустом дворе есть колодец древней работы. Икон, кладбища, живописи нет.

5-й, – на запад от Нагады, в ½ часа пути, у подошвы Ливийских гор, находится монастырь *дер-Малак Михаил*, – романский, но вновь переделанный, с малым колодцем-Иорданью.

В Нагаде 2 церкви: 1-ая во имя Богоматери, 2-ая – Архангел Михаил. Священников в Нагаде 22, из них 5 для Нагады, а прочие для монастырей. В Нагаде фамилий коптских 150.

Из Нагады, богатой стаями голубей, отправились в 20 мин. 2-го часа в Гус (Кос). Идем задом барки одним течением, без весел.

В 4¾ час. пополудни, я посетил в Гусе епископа Авраама. По его словам, у него 4 монастыря (в Саламие, Лукзоре, близ Гуса, на север, у подошвы гор Мари-Бохтур, и в Гусе). Он из

монахов, – из монастыря Св. Антония, что над Нилом, епископствует 6 лет. Предместник его был Иоасаф, а сего зовут Матфей. В Гусе 80 душ коптов. Дом архиерея изрядный, большой. Церковь отдельно, но близко от сего дома, во имя первомученика Стефана, единственная в целом Египте сего имени. Древняя церковь в Гусе обращена в мечеть. На пути я видел ее. Римское высокое здание из красного кирпича – попорченное.

Архиерей прислал мне в подарок хлеба и баранчика. Он думал, что русские паписты. Он был одет в суконную голубоватую рясу с тюрбаном на голове и паллием. Гус довольно далеко от берега, так $\frac{3}{4}$ часа.

В 6½ часов отправились из Гуса в Ден-деры.

МАРТ 11, Воскресение. В 7 часов утра пристали к берегу Кене. Поеду на другой берег смотреть развалины Дендеры.

В Дендерском храме – портик прекрасный, да внутренняя лестница, которая ведет на верх, отменно хороша тем, что приступки сделаны так, что не чувствуешь, что идешь вверх: возвышение приступа над приступком очень мало; да и лестница – поворотная; каждый поворот не велик и потому и возвышение лестницы, немного косвенное, не чувствительно. Эта лестница напомнила мне лестницу в колокольне храма Св. евангелиста Марка в Венеции. В верхней комнате, к которой ведет лестница, – фигуры растянутой женщины и святого человека, от которого лучи падают на женщину. Что бы это значило? Не символ ли это оплодотворения во вселенной или в человечестве?

На наружных стенах храма есть львы; а фигуры вверху сохранились; они очень красивы; здешние фигуры рельефнее старых египетских. Рассказ араба о сокровище, заложенном в западной наружной стене храма; – является вол, бывает землетрясение. Паша не мог разрушить сего места.

В портике 18 колонн, на каждой колонне по 4-ре человеческих лица с ушами животных. Колонны отменно хороши.

Из Кенè отправился в 3 часа ровно.

В 40 мин. 4-го пошли парусом. Прибыли в Касср в полночь.

МАРТА 12. Близ деревни Касср-Сеяд и Даббе находится в пустом месте старый, но перестроенный монастырь Амба-Баламун. В нем одна церковь с деревянным обычным иконостасом и 5 престолами. В церкви две линии кроме престольной и 3-я на северной стороне, за решеткою для женщин. Священников 7, диаконов 10. Деревень 10, от Кене начиная, в коих деревнях нет церквей. Есть иконы. В Касср-Сеяд 20 фамилий. Есть кладбище.

Монастырь стоит между двумя деревнями: Сеяд и Даббе. Низ утесистого горного кряжа, который с севера выбегает к Нилу углом.

В 8 часов утра пристали к Гу. Берег здесь очень высок и довольно крут.

Гу несколько ниже по течению реки Касср-Сеяда, – так надобно поставить на карте.

Пытал двух священников, – один с седою бородою. По их рассказу, близ Гу, около $\frac{1}{2}$ часа ходьбы, (2 священника) и 1 монастырь во имя Мари-Мина-Елаганби с 5 престолами и Иорданью, обновленный; с колоннами (романскими), мелькитский, он находится в начале пустыни, 5 фамилий в Гу, а прочие в окрестных деревнях, коих 4. Есть иконостас деревянный.

Между Гу и Багурою есть монастырь дер-Аддис-Бедаба. В нем служат священники из Багуры. Он ближе к Багуре.

Монастырь Аддис-Бедаба – во имя Бедабы епископа, замученного во время Диоклитиана. В главной церкви 5 престолов. Направо, за главною церковью, отдельная смежная церковь во имя Исидора, налево смежная церковь Богоматери. Эти церкви суть приделы. Вся церковь – новая, длинная. Есть Иордан. Есть иконы над царскими дверьми. Священников 6. Деревень 7-мь; они без церквей. Мертвых погребают в пустыне, – там нет церкви. В Фаршуте 300 душ. Колодец романский. Сей монастырь имел землю, но паша забрал ее. Сей монастырь окружен стеною, которой нижняя часть из красного кирпича, а верхняя из сырого. Церковь в коптском вкусе. Несколько пальм растут в ограде церкви. До монастыря 45 минут?; горы далеко. Поле широко, – трава.

В Багуре есть церковь во имя Св. Георгия. Багура старая ниже новой.

В 5 часов отчалили и поплыли к Бальене веслами. Идем к правому берегу, – к бастиону горному, у которого Нил, по-видимому, кончается. Здесь картина хороша. Берега зелены. Нил прозрачен. Обширный бастион горный отражается в воде.

Острова Касср-Сеяд, Багура, Фаршут, Багура новая принадлежат Ибрагиму-паше. Имения довольно благоустроены.

30 мин. 7-го часа. Спустились к джебел-Монё; ветер дует с горы и отбрасывает нас немного к левому берегу. Барка пошла задом очень медленно. У сей горы очень мало зелени, – узкая полоса, на которой изредка растут финики.

20 мин. 9-го ч. Вертимся на одном месте. Ветер не силен, но веслами не идет рейс. Не понятно. Усилился ветер; – остались ночевать.

13 МАРТА. Не знаю, в какой час за полночь пошли веслами. Но в 6 часов утра, в виду Бальене, впрочем, выше ее, противный ветер не позволяет плыть на веслах. Стоим среди Нила, как оглашенные.

Г ирге. Амба Шнуда (икона). У него в руках крест и посох черный, а на нем кафтан красный, мантия зеленая.

Монастырь архангела Михаила. Священников 2. Деревня Мусуль-Шарг-Гирге, – с 2-мя престолами, кроме главного, который есть романский, – с 2-мя колодцами древними. Стекланный потир с диском. Есть немало икон. Створчатые иконы. Архангел Михаил с саблею и весами стоит на теле умершего. Есть Иордан под сводом, – просторный. Погребен здесь акминский епископ Иосиф, а в Гирге, – в церкви, – епископ Иоанн. Кладбище Гирге здесь.

На юго-восток от Акмина, на бугорной цепи у Аравийского кряжа, монастыри:

– 1. Архангела Михаила с двумя приделами и крещальнею; – построен из старого лет 50 тому назад. Иконостас деревянный. Икон нет, но в карнизе иконостаса написано много святых и ангелов. Церковь новая, светлая и чистая, с 6 куполами (по 3 в двух отделениях). Женское отделение с левой стороны. В церкви 4-ре кирпичных колонны, на которых покоятся купола.

Вместо Иордани есть в церкви небольшой выдолбленный камень. В поле, около церкви, по обе стороны входа в оную, несколько комнат для христиан, которые посещают монастырь 2 раза в день Михаила. Два священника прикомандированы сюда из Акмина. Есть колодец древний с водою под бугром; окружен 4-реугольными стенами.

– 2. Монастырь дер-Шигде (Martyr) с 4-мя престолами. Есть иконы. Имена мучеников: Диоскорос, Усыклавиос (Асклепий?); над главным престолом сень деревянная. Иконостас деревянный. Купола покоятся на стенах и пролетах-стенках. 2 священника прикомандированы сюда; христиане ходят сюда каждое Воскресение в Великий пост. Иордани нет, а есть камень с ложем глубоким. Церковь высока и светла. Сой монастырь в прямой линии от первого отстоит не более 8 минут.

Предвечного Младенца изображают большого на руке Богоматери.

Монастырь сей, как и первый, состоит из двух дворов, большого по входе, и малого у церкви и из самой церкви.

Здесь нет комнат. Есть колодец внизу. Перестроен очень давно (200 лет). Называют его романским.

– 3. Монастырь Богородицы в 10 минут от второго, почти в прямой линии, построен 9 лет назад тому на старом основании. Двор, дворик с келлиями по правую и левую сторону его и церковь составляют монастырь. Окружен четырёхугольными стенами из сырого кирпича. На 4-х колоннах из красного кирпича покоятся купола. Иконостас деревянный, очень красиво сделан, т. е. резьба его. Три престола. Женское отделение с левой стороны. Иордани нет. Есть только выдолбленный камень. Священник 1. 5 раз в год ходят христиане акминские. Нет икон.

Монастырь Амба-Бшай, древле Петра и Павла.

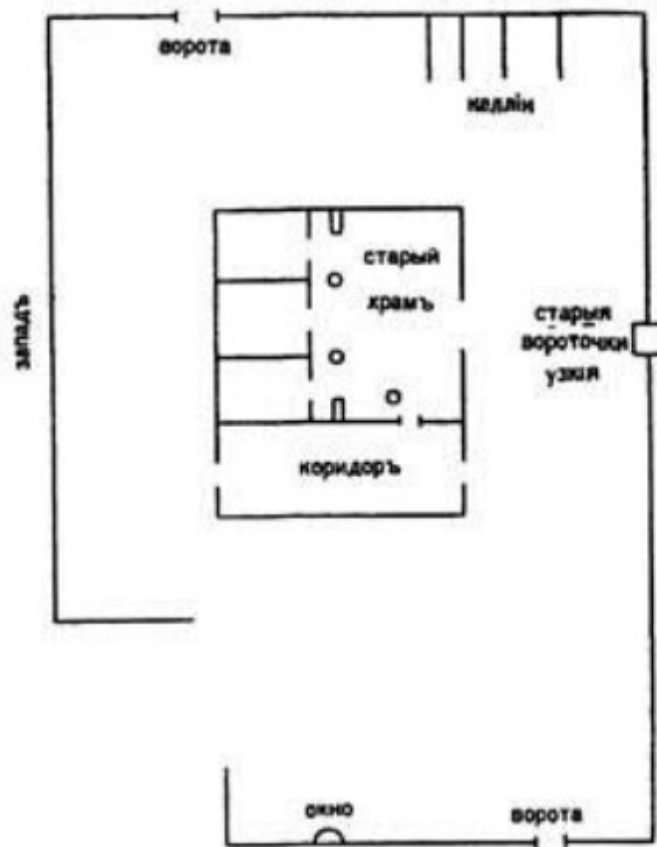
Священников 2, деревень 4.

пнавраам

– 2. Монастырь Белый, – Амба-Шнуда отстоит от первого в равной линии 25 минут.

Белый монастырь на запад от Сугача с малою выступкою на север, в расстоянии 1¼ ч.

Красный монастырь 1 ч. 35 мин. от Сугаче на северо-запад.

Священников 3. Деревень 3.

Выехал в 40 мин. 6-го; возвратился в 12¼ ч. пополудни. В 5½ отправился; – ветер противный в конце 9-го ч.

18 МАРТА. Ветер противный и холодный.

Deir Dûene (Dunaneh), – el Deyr (т. е. Св. Иоанна у абутиского епископа), в 2½ часах от Сиута, в горе.

– 1. Der Diaba = der l'adra S. Vierge.

Священников 2. Иногда приходят христиане. В нем живут феллахи. Церковь высечена в скале; свет получается с краю чрез пролом. Подле входа в церковь лестница, высеченная в скале, ведет в малую комнату в скале, на север от церкви; вход в церковь обтесан и над входом и по бокам входа есть иероглифные письмена; из сей комнаты ход далее в гору заложен.

ала стефанос

ала патлос пресвитерос

Рядом с сею комнатою (но на север) высокий вход с иероглифами в большую катакомбу, входы в которую усечены пирамидально, а рядом с сею катакомбою еще большая; вход в нее по искусственной лестнице, впоследствии приделанной христианами; но в древности ход был через портик с двумя простыми колоннами в роде дорических, высеченных в горе вместе с портиком.

ⲓⲉ ⲛⲉ ⲛⲧⲣⲓⲟⲥ

На север от церкви, за сими залами, есть келлии, высеченные с южной стороны церкви Богородицкой. Есть пропилон, высеченный в скале с иероглифами и с 4-мя фигурами; чрез пропилон есть ход в небольшую катакомбу, а соответственный ему пропилон южный по той же линии горы ведет в большую залу.

За сею большою катакомбою, на юг, в горе, следуют малые. Их много. Скала очень тверда.

Дер-Зауе, – convent au nom de S. Athanasius, вновь переделанный.

2-й в горе монастырь Богородицкий (дер-Друнка по имени деревни). Церковь пристроена к каменоломне с 3 линиями. Иконостас есть, икон мало. Есть завеса на царских вратах, но снаружи иконостаса. Мощи Св. Макария. Завесы. Церемония. Список коптских церквей. Католический монастырь в Сиуте, около 2 годов, – новый. Католиков 20 фамилий. Позволение построить новую церковь в Сиуте.

МАРТ 20, Вторник. Пред рассветом отчалили от берега Сиута. Но в целый день до 8 часов вечера прошли только до Хаватки. Сильный ветер противный задержал нас.

Скука, досада! Не даром евреи ушли из Египта. Весь день был холодный. Ноги зябли.

МАРТ21, Среда. Прибыли в Маифалут в 6 часов утра, проведши бурную ночь в Хаватки. На правом берегу монастыри маифалутского епископа в катакомбах:

- 1. Мари-Мина.
- 2. Л'амир Тадрус.

На левом берегу – Магарака в зависимости от санабуйского епископа.

Граница епархии Маифалутской на севере – дже-бель-Абуфада и деревня Дамангур-Гарби-ель-Бахр, на юге – подле Сиута, и там же, на правом берегу, деревня Л'амир-Тадрус.

Маифалутский епископ Афанасий епископствует 10 лет; при нем 12 священников; церковь здесь построена не более 10 лет назад, а прежде маифалутские христиане ходили в ближайшую деревенскую церковь.

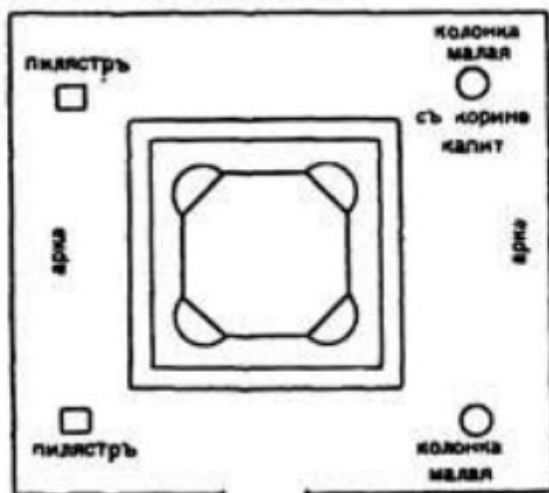
Церемония несносная из корыстолюбия.

Правитель Маифалута – черкес-красавец.

22 МАРТА. Магарака. 5 церквей, – одна во имя Богоматери. Здесь была Богоматерь. 120 монахов живут; 60 собирают деньги, но платят подать за 400 федданов, по 60 грошей за феддан. 15 мужиков обрабатывают их.

NB. Требуют помощи, т. е. хартии для рабов от правительства.

Монастырь платить 30 мешков паше. Паша знает, что монастырь есть, но числа монахов не знает.

Монастырь построен был каким-то патриархом на месте посещения Богоматери.

Церковь в нем перестроена недавно (лет 7).

Санабуйский епископ Иосиф по обе стороны Нила имеет 16 церквей с тремя монастырями: Свв. Георгия, Феодора и Мины.

Епископы посещают свои епархии и собирают хлеб и деньги.

Патриарх коптский получает от архиереев хлеб, сыр, масло, дрова. От маифалутского он получает 100 мешков хлеба.

Школы монашеской нет, потому что не было. Новый патриарх подражает бывшему.

В 6 часов пополудни отплыли из Маифалута. Ветер ослаб, – маленький.

От Маифалута спускаемся по северному концу полукружия Нила.

7 часов. Спустились к Абу-Фадд и идем вдоль утесистой горы сей. Тихо. Ветер утих, перестал дуть, вскоре по выезде из Маифалута.

У того места, где барка начинает подходить к утесам, гора как бы вырезана; есть прерыв, – недлинный провал в горной цепи.

30 мин. 9 часа. Миновали скалы и плывем подле левого берега. Слава Богу, даровавшему благоотишие.

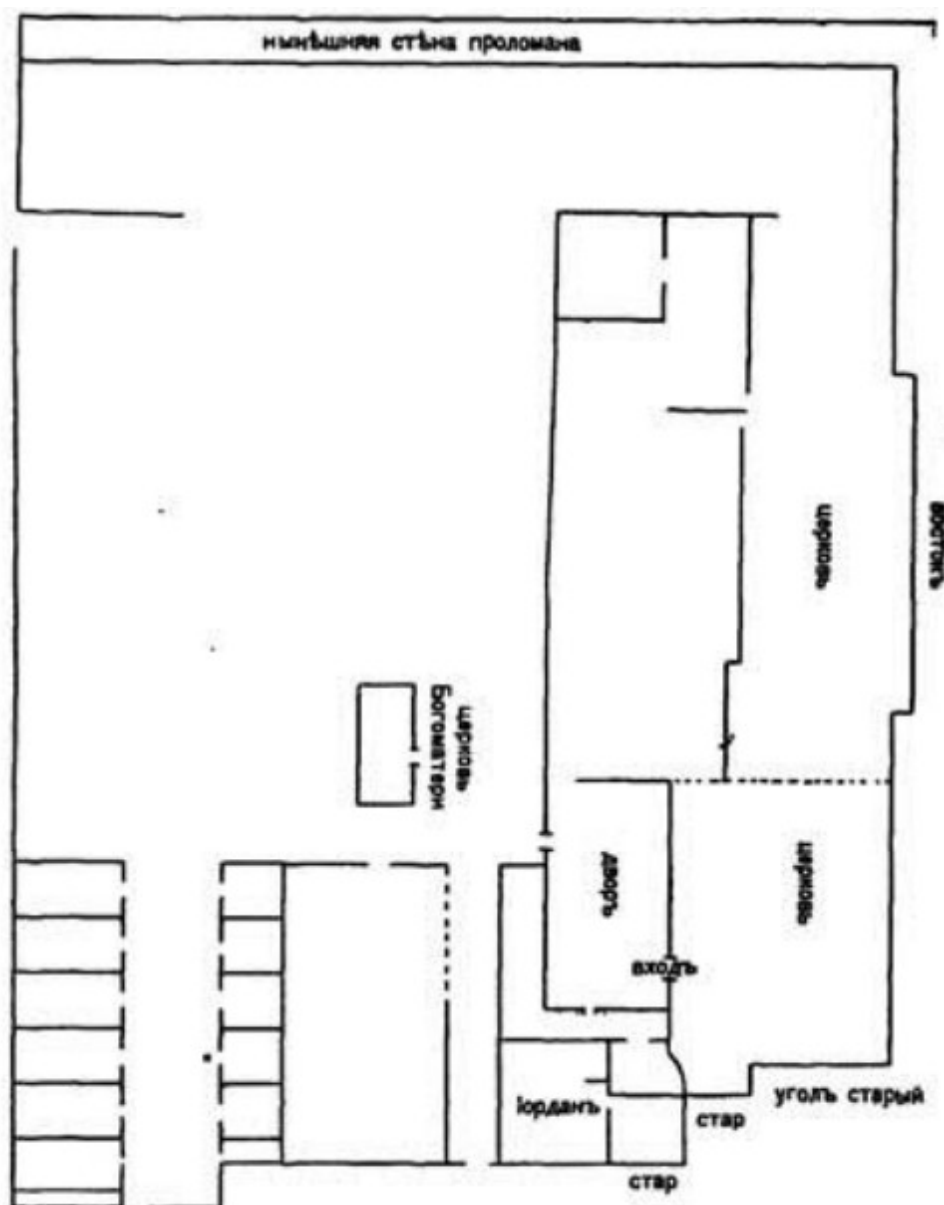
МАРТ 23, Пятница. Готиби.

МАРТА 24. Прибыли в Миние.

МАРТА 25. Миние. Кафедральная церковь во имя Св. Георгия; священников 4; фамилий коптских...²²⁴

Церковь довольно хороша; завесы на царских дверях бархату зеленого и шелковые. Четыре иконы в киотах.

Дер-Абагур – четверть часа езды на восточной стороне Нила, внизу горы, в катакомбе. Христиане посещают его.

В дер-Абуфане ходят христиане. Церковь там во имя Св. Георгия.

Епископ обещался дать знать мне время, в которое он будет служить, но обманул; отслужил ранее; это – человек грубый и...

225

Секретарь правителя Миние копт говорил, что в Шех-Абаде было в старые годы 365 церквей. Не здесь ли был Оксиринхус? 4 священника здесь.

Подле Баяды монастырь Богородицы новый.

В Бени-Суефе 1 священник; церковь во имя Богоматери. Фаюмский архиерей – Исаак.

МАРТ 27, Вторник. Выезд в 7½ ч. дня. Деревня при бар-Иосафе, где я увидел этот канал в первый раз, – называется ел-Ававна. При повороте канала около монастыря Св. Георгия деревня Сермент-ел-гебел с руинами дома мамелюкского. Близ сей деревни монастырь Св. Георгия, – перестроенный коптами и заваленный разными хлевами и хижинами. Церковь в нем довольно светла; свет падает из купола; церковь высока; в ней есть две мраморные колонны, коих верхняя половина отбита; а прочие колонны по обе стороны церкви двойные, т. е. две круглые колонны тонкие стоят рядом и тесно друг подле друга на одном базисе; на сих колоннах покоятся арки. Иконостас деревянный, чистый; храмовая икона, большая, – Св. Георгия на белом коне, в большом киоте с колонночками на левой стороне церкви. Священников 2. К монастырю принадлежит ближняя деревня.

2. Монастырь архангела. Гавриила. Священников 2. Сей монастырь при деревне мусульманской Эзь-бет-Амбеша, а из Фаюма ходят сюда христиане. В церкви 6 тонких колонн, по 3 на стороне, с коринфскими капителями, а за аркою пред алтарем и за двумя столбами две колонны мраморные, тонкие, с капителями, одна капитель в виде корзинки, плетеной из соломы, а другая коринфская в виде листов. Иконостас деревянный. Есть иконы. Церковь с двумя престолами, кроме главного. Церковь светла, похожа на первую. Но первая была повреждена и перестроена дурно. С южной стороны церкви – келлии в два этажа и смежно с южною стеною и северною вверху келлии, – из них видно чрез окна в церковь; вообще кругом церкви есть келлии. На западных дверях церкви, снаружи, пилястры позамазаны; видны только капители их и базисы. Вообще, церковь вся коринфского ордена. Монастырь построен при скалах в песчаной пустыне и обнесен низкою оградю, которая перестроена.

3-й монастырь Богородицкий, – близ деревни Лязеъ, на Фаюмском поле. Церковь такой же формы и того же ордена коринфского, как и две выше упомянутые, но шире их; ибо здесь девять колонн по три в ряд. Священник один. Деревни все фаюмские приходят сюда. Предпочитается монастырь архангела

Гавриила. Восстановлен недавно. Колонны из цельного белого камня оштукатурены. Через двор другая церковь во имя Макария абу-Си-фет, вновь сделана 19 лет назад, – обе с тремя престолами.

Близ сего монастыря есть много древних катакомб или подземелий; ибо они устроены в подземной скале, покрытой песком и поверхностно, почти равняющуюся Фаюмскому полю. В этих катакомбах похороняются копты.

Заметки из письма архиепископа Синайской горы Константия 1-го от 27 марта 1845 года.

Διωγμὸς ἐγέρθη μέγας ἐν Βλαχίᾳ κατὰ τῶν μοναστηρίων καὶ τῶν ἡγουμένων...²²⁶

Гонение воздвигнуто князем Влахии Бибеско.

Οἱ Πόγδανοι, т. е. молдаване выжидают, чем кончится гонение Бибеско, дабы предпринять то же, что он сделал. Ужели это совершается по попущению Севера? Недоумеваю.... Но ежели гонение Бибеско противно воле Севера, то почему же генеральный консул русский, в глазах которого все это происходит, не говорил ни одного слова Бибеско? Я полагаю, что консул получил золото и потому писал в Петербург что все распоряжения Бибеско касательно монастырей и игуменов очень хороши (καλὰ λίαν).

МАРТ 28, Среда. Поездка в Фиддемин и к озеру Меридову.

МАРТ 29, Четверг. Возвращаемся в Бени-Суеф чрез Хаувару и Едлахун. Пирамиды.

Отплытие из Бени-Суефа в 6 часов вечера при безветрии.

NB. В Фаюме кроме означенных монастырей есть еще три: Св. Феодора и архангела Михаила внутри сей провинции, устройством похожие на первые, и третий, оставленный в пустыне, недалеко от Еллахуна; – виден у подошвы горного хребта.

МАРТА 30. Монастырь Св. Антония. Церковь коринфского ордена. Купол покоится на четырех колоннах-монолитах тонких с коринфскими капителями. Вместо 4-й колонны поставлен столб. Во всей церкви пол из скалы, но стены ее кладены из красного кирпича. За колоннами есть Иордан, высеченный весь в скале.

Иконостас деревянный. Икона Св. Антония в киоте. Он изображен в фелони, – в одной руке крест, в другой – посох.

Напротив сей церкви – другая во имя Абу-Сифше (т. е. Макария), малая. Произведете коптское, – грубое. 4 священника. 5–6 деревень. В монастыре живут феллахи семьями.

АПРЕЛЯ 2 ДНЯ²²⁷²²⁸ получил я в Каире верное известие, что патриархом иерусалимским избран и утвержден Кирилл, архиепископ лиддский.

ИЮНЬ 1²²⁹, *Пятница*. Много ярких звезд на небе, но немного между ними таких великолепных созвездий, каковы Орион или Крест.

Много драгоценных камней в недрах земли, но мало между ними таких, как Гора света.

Много благовонных цветов на горах и в долинах, на полях и в садах; но краше всех их розы и лилии.

Много званых в царство небесное, но в числе их немного таких избранных, как апостолы, вселенские учителя, преподобные и богоносные отцы.

Узнал я избранных Божиих, спасавшихся в юдолях Синая. Теперь иду в Нитрийскую пустыню, где древле подвизались облагодатствованные мухи, дабы в сердце своем запечатлеть правое учение их и поревновать святому житию их.

Боже, дивный во святых Твоих, благослови странствие мое!

В четыре часа по полудни я выехал из Каира, вверившись руководству переводчика моего Ибрагима. Он повел малочисленный поезд мой по насыпной дороге, ведущей в летнюю усадьбу египетского паши, Шубру. Огромные, развесистые сикоморы приосеняли эту дорогу так, что ни одна струя света не проникала туда. Многие из них были накрыты сетками, дабы птицы не клевали созревающих на них плодов, по виду похожих на малые груши. Приятно было ехать под прохладною тенью этих величественных деревьев. Кто насадил их, тот угодил своим ближним.

В Шубре пашийский садовник, православный христианин, упросил меня посетить дом его. Я благословил все семейство его и поехал в Альюб, где предполагено было ночевать. На пути

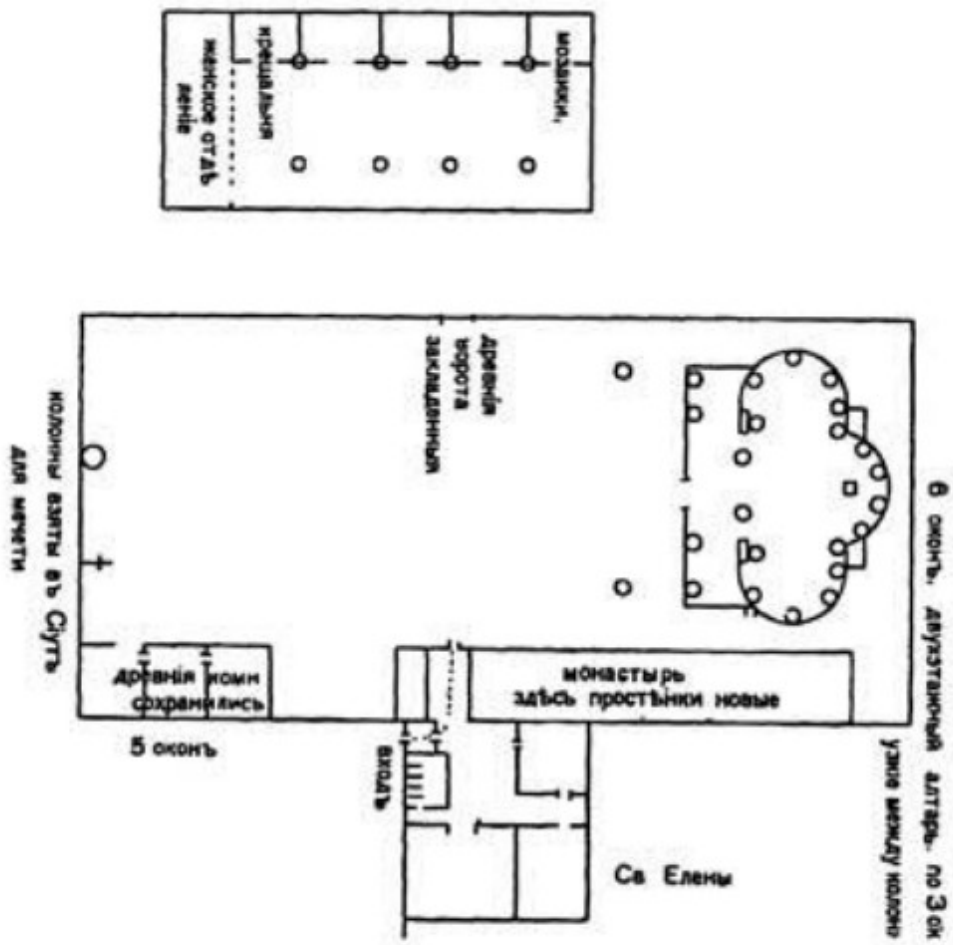
к этому селению нет ничего замечательного, кроме древнего каменного моста над каналом, близ деревни Митнаме. украшенного выпуклыми изображениями львов. Все окрестные нивы уже дали обильную жатву пшеницы. Черноземная поверхность их от сильного жара запеклась и растрескалась так, что некоторые расселины были шире ступни и глубже локтя. Видно, нильская вода, разливаясь здесь посредством искусственных каналов, не глубоко увлажняет недра земли, и потому выветривается вскоре после жатвы. Не будь ежелетнего разлива Нила, весь Египет обратился бы в мумию. А что такое Египет? Это – пахатная долина, извивающаяся между песчаниковыми горами и орошаемая рекою.

В Альяуб мы приехали по закату солнца и расположились ночевать подле фабрики, в которой выделывают хлопчатую бумагу. Крепкий северный ветер потрясал мою кущу; но она не падала, держась пятью подмогами своими. Так житейские бури иногда угрожают расстройством доброму делу, уже совершенному и вознагражденному душевным утешением; но это дело не погибнет, если оно укреплено пятью крепкими опорами: я разумею преданность Богу, правду, благоразумие, бескорыстие и общепользность.

ИЮНЬ 2, Суббота. Пред рассветом ветер утих. Четыре альяубца, охранявшие нас ночью, пошли домой, весело посмотрев на денежный подарок мой и пожелав нам счастливого пути. А мы отправились в верхнюю Шубру в сорок минут пятого часа.

С дороги, пролегавшей вдоль правого берега Нила, видны были три большие пирамиды.

Я еду и любуюсь этими громадными зданиями. Любуясь ими, припоминаю слова Плиния: *pyramides radios solis representant*, – пирамиды представляют собою лучи солнца; припоминаю и мнение древних египтян о пирамидальном излиянии света из солнца, как это доказывает иероглиф их, представляющий это излияние

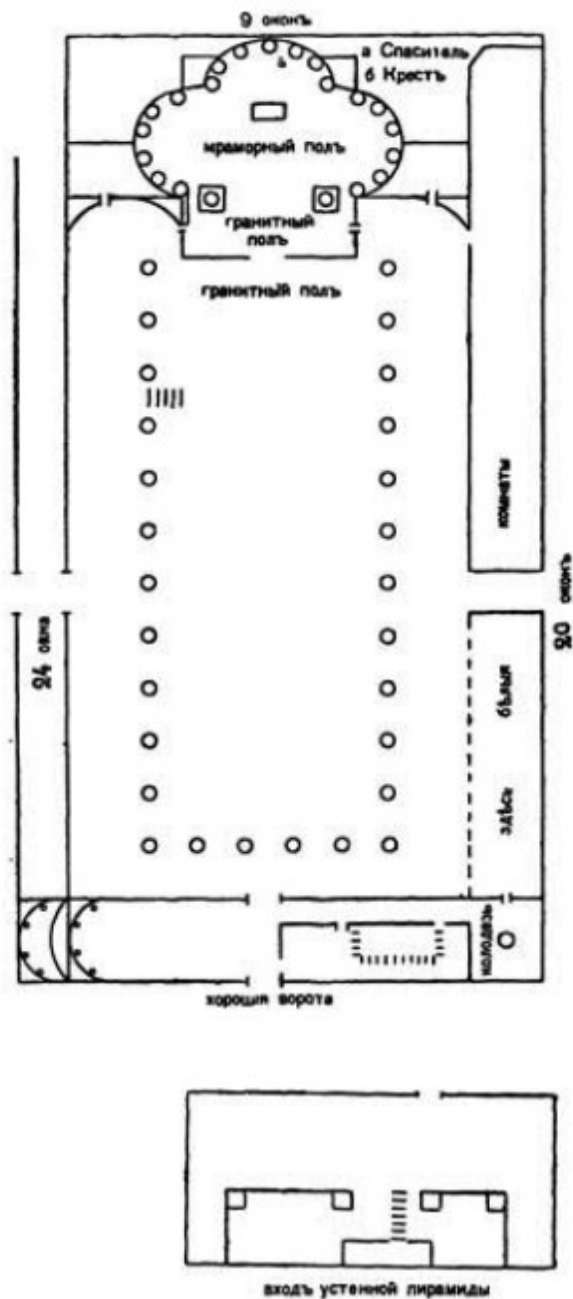

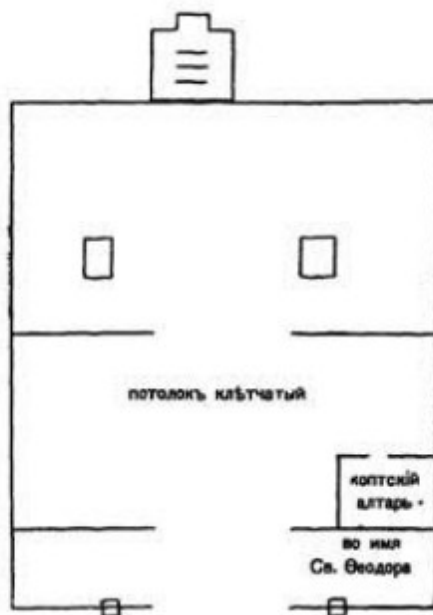
Припомнив же то и другое, разгадываю значение пирамид, и заключаю, что эти храмы бога-солнца, служившие усыпальницами для фараонов, означали четыре страны света. После такого заключения еду веселее и припоминаю сказание египетских жрецов Иродоту (за 450 л. до Р. Х.) о том, что во время, протекшее между царствованиями фараонов Менеса и Сетоса, *солнце четыре раза переменило места свои: дважды восходило там, где западает, и дважды западало там, где восходит*²³⁰; но, не смотря на то, в Египте тогда не было никаких перемен, ни болезней, ни смертности. Это сказание изумляет меня. Ни история астрономии, ни летописи древнейших народов восточных не подтверждают, его мне. Не смею уличить Иродота в ошибке, потому что жрецы

разговаривали с ним о счете; времени, а не о каком-либо мозголомном предмете; следовательно, что и как они сказали ему, то так и записал он; да и самые выражения их, отзывающиеся словоупотреблением местной астрономической школы, ручаются за точность передачи разговора. – Еду и, никого не видя и ничего не слыша, недоумеваю. Недоумение мое запутывается вопросами. Ужели в самом деле было то, что жрецы поведали Иродоту? Ужели север дважды был югом и запад востоком? Ужели пирамиды построены для означения *нынешнего* востока и запада солнца? Не скрывается ли в сказании жрецов воспоминание о стоянии сего светила в день битвы Иисуса Навина с хананеями, и о возвращении его на десять степеней во дни Иудейского царя Езекии? Но какое сходство между этими чрезвычайными явлениями и двукратным восходом солнца на западной стороне неба? Как признать тождество событий, о которых говорят неодинаково и которые не совпадают по времени? Почему при двукратном перемещении стран света не выпадал в Египте снег? Почему не замерзал там Нил! Почему не произошло там никакой перемены? Последние три вопроса заставили меня подумать. Я углубился в смысл сказания жрецов и, подумав, составил следующее умозаключение. «При двукратном перемещении стран света должны бы произойти необычайные перевороты на земном шаре. А их не было, по замечанию египетских жрецов. Следовательно, и солнце не восходило там, где западает. А ежели этого не было, то сказание жрецов должно быть понимаемо в переносном смысле». Как же? Новая задача представилась мне. Решить ее помог мне древний латинский писатель Помпоний Мела. Он сказал, что с *тех пор, как существуют египтяне, звезды четыре раза переменили течение свое*²³¹. Признав некоторое сходство между свидетельством его и вышеизложенным сказанием Иродота и припомнив, что египетские жрецы считали время так-называемыми сотическими циклами, т. е. круговыми поворотами небесного светила, из которых каждый состоял из 1461 солнечного года, и что таких поворотов, начиная от первого человека (Мен-Менés) до фараона Сетоса (1322 г. до Р. Х.),

было четыре²³², я заключил, что под четырехкратным перемещением солнца жрецы разумели не что иное, как четыре поворота его, считая в каждом из них 1461 год.

Для большего уяснения словоупотребления их представляю здесь образчик сказанных поворотов солнца, по вычислений египетскому.

Такое уяснение астрономического иносказания египетских жрецов казалось мне удовлетворительным. От Менеса до Сетоса, в течении 5064 годов, солнце *четыре раза* *переменяло места свои*, т. е. совершало четыре круговращения: *дважды восходило на западе*, т. е. дважды начинало новый цикл на конечном пределе своем в небе, и *дважды западало на востоке*, т. е. дважды оканчивало цикл свой на источном пределе своем в небе²³³. Решение сей труднейшей задачи было мне слаще апельсинового сока, которым я прохлаждался. Оно вызвало любимую мысль мою, что первобытные люди были не дикари, а мудрецы в своем роде. Их астрономические познания, добытые в самое раннее время и завещанные потомству вместе с многими изобретениями, доказывают присутствие в них сильного ума и сильнейшего стремления к беспредельному небу и к вечному свету. А что значит это стремление? Оно значит, что человек сотворен Отцом светов с умом светлым, с любовью к свету истины и с надеждою жить вечно в светлом небе.

Это небо отражалось в египетской водотечи, к которой у Шубры мы подъехали в восемь с половиною часов. Переводчик мой тотчас нанял большое перевозное судно для переправы нас через Нил. Долго погонщики наших верблюдов мучились с этими животными, не привыкшими к зыбкому пути, понуждая их криками и ударами войти в судно и не одолевая водобоязни их.

Наконец они храпчивым звуком хъ-х заставили их поджать ноги и, веревками связав им согнутые колена, втащили их туда ползком без вьюков. Переправа судна под парусом, при слабом ветре, продолжалась десять минут. На плоский берег верблюды вышли вольно. Их нагрузили. Поезд мой потянулся к деревне Бир-Самс, стоящей на левом берегу Нила, и прибыл туда в полдень.

Было жарко. Надлежало дать роздых вьючным животным и пешим погонщикам их и переждать зной дня. Мы уселись вокруг одного тенистого дерева и подкрепили свои силы насущным хлебом и плодами.

Вдали от нас, уединенно, молилась какая-то женщина. Сначала она стояла неподвижно, как статуя, потом сделала несколько поясных поклонов, наконец стала на колени и многократно приникала челом к сырой земле.

Она молилась, а я писал: Женщина не законодательствует, не управляет общественными делами, не носит меча, не правит рулем, не владеет зодческим ответом, не занимается науками. Но она верует в Бога, любит Его, надеется на Него, покорствуется воле Его, молится Ему и исполняет заповеди Его. Близ заключенного рая женщина первая произнесла слово *Бог*, когда, родив сына сказала: *стяжах человека Богом*. Близ отворенного рая Дева-мать первая возвеличила Господа и духом радовалась о Боге-Спасителе своем. А Спаситель женщине открыл сущность истинного богопочтения, сказав: *Дух есть Бог, и уже кланяется Ему, духом и истиною достоин кланяться*²³⁴. Вероисповедание Евы, боговеличание Марии, откровение о Боге самарянке суть непререкаемые свидетельства человечности, высокого достоинства и близости к Богу женского пола. Женщина есть живой образ и живое подобие Бога. Ей наравне с нами даются дары благодати. Она, как и мы, способна проявлять духовные плоды: любовь, радость, мир, долготерпение, веру, кротость, милосердие, воздержание. Моисей, Исаия, Иеремия и прочие пророки, по вдохновению свыше, предсказывали будущее, а Девора и Анна, мать Самуила, по тому же вдохновенно, изрекали вещание сердца, уповающего на Бога и обрадованного чудесами и милостями

Его. Соломония, мать Маккавеев, Варвара, Екатерина, Александра и прочие мученицы умирали за веру с тою же дивною твердостью духа, с какою принимали мученические венцы Иоанн Предтеча, архидиакон Стефан, Георгий, Димитрий и прочие страстотерпцы. Не один Иоаким был праведен; праведна была и супруга его Анна. В святцах и в книгах жизни вечной написаны имена преподобных и святых мужей и вместе жен. Супруга богатого египтянина Амона, прожив с ним восемнадцать лет, как сестра с братом, по доброй воле своей отпустила его в Нитрийскую пустыню, где он первый спасался, а сама в своем доме учредила общину благочестивых девиц. Ее целомудрие послужило началом святого подвижничества нитрийских отшельников. – Многие жены были орудиями провидения Божия при распространении веры христианской. Мироносицы первые возвестили апостолам воскресение Христа. Святые девы и жены, – Фекла, Нина, Елена, мать царя Константина, причислены к лику апостолов. Фотина самарянка и пять сестер ее обратили ко Христу дочь императора Нерона, Домнину, и сто рабынь ее. Сарацинская княгиня Муавия, при заключении мира с римлянами, испросила у них епископа, преподобного Моисея, и с помощью его крестила многих единоплеменников своих на пределах Палестины и Сина²³⁵. Св. Мелания (старшая) в Риме обратила в христианство супруга племянницы своей, Авиты, Апрониана Светлейшего, и невестку свою Альбину, супругу своего сына. Преподобная Мелания (младшая) обратила ко Христу (439 года) дядю своего, Волузиана, умнейшего и знаменитейшего мужа, которого не мог отклонить от язычества ученый Августин. Клотильда склонила французского короля Кловиса к вере во Христа. Крещение чехов началось с царицы их Домбровки. Наша Русь имела свою равноапостольную Елену, – христолюбивую Ольгу. В Китае Кандида, внучка знатного мандарина Сиу и ученица иезуита Матвея Рйкчи, обратила ко Христу мужа своего и построила тридцать церквей в родной области. На Ливане последний полузависимый от Турции правитель, лишенный власти англичанами в 1840 году, эмир Бешйр, из магометанского владетельного дома Шааб, обращен был в христианство

супругою его. Любя эмира всем сердцем и опасаясь, как бы другие жены не овладели им, она приняла римское вероисповедание и его склонила к тому же. Бешир крестился со всеми детьми, и домочадцами своими и был верным супругом благочестивой и многоболезненной княгини. – В сонме, христианских дев и жен многие были любомудренны. В Александрии Ипатия преподавала философию Платона и в числе слушателей своих видела епископов. В Палестине царица Евдокия, супруга Феодосия II, перевела *стихами* восемь первых книг Св. Писания, пророчества Захарии и Даниила и написала житие Св. Киприана и Св. Иустины (Phot., с. 173). В Риме благородная Проба Фалкония, которую хвалили. Иероним и Августин и благодарил Иоанн Златоустый, написал книгу о предметах божественных. В Греции монахиня Кассия сочинила канон на великую субботу, а царица Анна Комнина начертала, историю самодержавного родителя своего Алексия. В Испании Изабелла де-Розэра проповедовала в барселонской церкви и обращала евреев в христианство, а Изабелла де-Кордова имела степень доктора богословия, Алоизия же Толедская писала сочинение на языках латинском, еврейском, арабском и сирийском. В Италии Аргелата и Тротула славились знанием медицины, – первая в болонском университете, вторая в Салерне. В Китае Кандида перевела на родной язык свой сто тридцать духовных сочинений христианских писателей. – Женщины возвышались до полета выперенных умов. И я помню их. Но в настоящие минуты в душе моей возникают лишь некоторые дивные образы женственные. Я вижу христианских жен и девиц древнего Рима, решившихся исполнить насмешливый указ кесаря Деция, повелевавший им ходить везде с открытым лицом. Они *открылись*..., но для одного Христа! Вижу тех двух жен, кои признавались Св. Макарию Египетскому, что они, будучи неродные, пятнадцать лет жили в одном доме с своими мужьями и не сказали одна другой ни одного непристойного слова, никогда не спорили и постоянно были единокорны и мирны. Какие светлые образцы христианской любви, кротости и благопристойности! Вижу египетскую монахиню Сарру, которая была так смиренна, что

при первой мысли об уважении к ней многих братьев и сестер умственно начинала ходить от дома до дома и всем исповедовать грехи свои. Таким смирением искуплено доверие к змию, говорившему жене: *ты будешь богиня*. Вижу венгерскую царицу Елисавету, невинно выпившую воду того прокаженного, которому она усердно служила, дабы доказать ему, что он не отчужден от общества людей. Земная ли эта любовь к ближнему? – Вижу в сирийском городе Алеппе православную христианку, жену Иоанна Ильяса, и малолетнюю дочь ее, кои вмешивались в толпу женщин, ходивших смотреть на заключенного униатами в церковном дворе митрополита своего Софрония (1749 г.) и обреченного ими голодной смерти, и украдкой из пазух своих бросали ему чрев оконце хлеб, смоченный водою. Их учил Тот, Кто назвал себя *хлебом, сшедшим с неба*²³⁶... В людях есть любовь, даже страсть ко всему божественному. Она обнаруживается, между прочим, в построении великолепнейших храмов Богу и в украшении их всем, что только есть драгоценного на земле и в недрах ее. Эту страсть имеют и женщины. В Синайской пустыне они усердно жертвовали золотые и серебряные вещи свои на сооружение и украшение скинии свидетельства. В Иерусалиме они благоговейно украшали и украшают всеми драгоценностями Ясли Христа, Голгофу и Живоносный Гроб Его. А в нерукотворенных храмах, в душах наших, матери первые возжигают светильник веры; и они же умеют внушить нам страх Божий, приучить нас к молитве, к целомудрию и приличию, к справедливости и чести, развить в нас любовь к ближним, уважение к старшим, милосердие к нищим, сострадание к несчастным, и укоренить в сердцах наших благоговение к духовенству, любовь к отечеству, послушание власти. Высоко достоинство женщины! Благотворны действие ее в доме, в городе и в церкви! Какой же почет и какие права приличны ей? На этот вопрос пусть отвечают законодатель, судья, воин, писатель, купец, ремесленник, земледелец, – словом всякий, положив руку на сердце, образовавшееся подле сердца его матери.

Когда настало время отъезда из Бир-Самса, я развернул карту Египта и по ней распознал, что мы переправились чрез дамиатский рукав Нила, а не чрез розетский, и едем в город Дамиатту, а не в обители нитрийские. Во мне возникло огорчение, да такое, что с языка сорвалось несколько упреков Ибрагиму, как плохому проводнику. Он кротко извинился в ошибке своей. Кротость его вразумила меня; и я внутренне пристыдил себя за вспыльчивость, вспомнив, как в подобном случае поступил нитрийский пустыножитель Иоанн Колову, т. е. малорослый. Однажды ночью он с несколькими пустынножителями отправился куда-то не близко. Один из них, вызвавшийся провожать его, сбился с дороги и утомил бы собратий, если бы они продолжали блуждать по безграничной пустыне. Спутники осторожно открыли Иоанну опасность. Но он сказал им: не подавайте и вида проводнику, что вы заметили ошибку его, дабы он не смутился и не опечалился; только скажите ему, что мы намерены провести остаток ночи на том месте, где теперь находимся. Сказано и сделано. Утром они отправились оттуда и попали на свою дорогу. А проводник их и не догадался, что ошибка его была замечена. Вот как *любовь не раздражается, а терпит все*, но *любовь благодатная*, которую апостол Павел назвал плодом духовным.²³⁷

В два часа по полудни мы отправились из Бир-Самса и поехали поперек нильской дельты в самом верховье ее, прямо на запад. Местный араб вел нас по черноземной равнине к селению Грес. Эта равнина, после жатвы, вся растрескалась от жара. Вдали от нас направо мелькали финиковые рощи и среди их деревни. На поверхности земли видна была зыбь светлого марева. Солнце, склоняясь к западу, палило нас, как жаркое пламя. Я изнемог и едва, едва доехал до Греса. Минула первая четверть седьмого часа, когда подле этой деревни, на крутояром берегу Нила, арабы поставили мою палатку под высоким сикомором. Подул крепкий северный ветер. Нил взволновался. Я уснул.

ИЮНЬ 3, Воскресенье. – Утром в Гресе был торг. Арабы продавали и покупали глиняные горшки и кувшины. В пестрой толпе их видны были женщины.

В пять часов подали перевоз. Когда я спустился к берегу Нила, ко мне подошла коптянка с грудным младенцем и, кланяясь, просила меня оказать ей милость. – переправить на другую сторону реки. Любое место занимай на барке, сказал я ей радушно и тайно возблагодарил Бога, сподобившего меня начать воскресный день добрым делом, хотя и малым.

Противоположный Гресу берег Нила – низок. Высокая барка наша не подошла к самому рубежу его. Посему арабы перенесли меня туда на своих плечах, а верблюдов потолкали в воду. Один из них упал боком и повредил свою лядвею. – Простой народ, без попечения о нем правительства, везде не думает об удобствах своей жизни. Кажется, нужды и потери должны бы научить его улучшать напр, пути сообщений; но в нем нет потребного к тому единства смысла и воли. Благополучен он, когда правительство заботится о нуждах его; наоборот – несчастен, когда у него слаба эта, объединяющая все, разумная сила.

Реис, т. е. хозяин барки, проводил поезд мой мимо прибрежного селения Уардан до деревни Дрис, отстоящей от него верст на пять. Тут я застал игумена Макарьевского монастыря, о. Михаила. Он присматривал за уборкою хлеба, недавно сжатого с нанимаемых им тут нив. Благообразное лицо его весьма похоже на облик поверженной на землю статуи фараона Сезостриса, которую я видел в финиковой роще, на месте Мемфиса. Те же большие, миндальнообразные и привлекательные глаза, тот же длинный и правильный нос с легкою выпуклостью переносья, те же полные губы, миловидно сложенный, и нежно сгущенные у самой середины лукообразного рта, то же яйцообразное лицо с соразмерным подбородком. тот же высокий и гибкий стан представляли мне в этом молодом игумене живой отпечаток древнего благообразного рода египтян. Я любовался осанкою его, которой придавалось приятнейшее выражение смышленностию его, добротою, степенностью, смирением и тем целомудрием, какое удерживается в лучших священниках по причине всегдашней близости их к Богу. Узнав мое желание побывать в нитрийских монастырях, он тотчас озаботился приисканием надежных проводников и

приготовлением нам съестных припасов. А готовили их копты. В Дрисе их мало, только пятнадцать семейств.

Пока о. Михаил хлопотал, я, отдыхая в палатке, перелистывали жития пустынных отцов²³⁸, желая знать: кто и кто путешествовал в Нитрийскую пустыню. Память моя обогащалась поучительными сведениями.

40 минут 11-го часа. Когда приготовлено было все нужное нам в пути по безлюдной пустыне, я простился с игуменом и пошел позади поезда своего, который проводники повели к буйной деревне Бэни-Саламе, где надлежало взять новых охранителей. Надежда на Бога, без воли Которого не падает и волос с головы нашей²³⁹, поддерживала меня несмелого. Это внутреннее чувство равносильно крепительному лекарству. Будь одно оно в путнике, – с ним он бодрено пройдет и те места, где пресмыкаются лишь ядовитые змеи. Минул час в пути. Поезд мой остановился на краю сказанной деревни. Она расположена на крутояром песчаном холме, у заводи Нила.

Нет в ней ни одной финиковой пальмы и никакой зелени. Местность ее наводит на душу тоску. Молва о буйстве жителей ее оправдалась. Они не Бэни-Са- ламе, т. е. не сыны мира, а исчадие коварства и вражды. Их шейх не давал мне проводников и принуждал меня ночевать в деревне, отговариваясь отсутствием людей и нестерпимым зноем в пустыне. Напрасно я упрашивал его, обещая подарок; напрасно переводчик мой показывал ему буюрульди каирского паши. Он плюнул на этот приказ и пошел домой. Мне не хотелось ни ночевать в жилище варваров, ни возвращаться в Дрис; и я поручил Ибрагиму устранить затруднение, во что бы то ни стало. Он поговорил шейху о золоте; и за золото вдруг явились проводники, готовые терпеть и жар, и холод, и всякую непогоду. И сам шейх стал учтив, любезен и готов на все услуги. Когда я изъяснил ему свое удовольствие за сговорчивость его, он улыбнувшись сказал мне: у вас есть два приказа – один написан на бумаге, а другой на золоте; того и в руках держать мы не умеем, а этот как ни повернем, без всякой ошибки прочитаем, во сколько ценятся труды наши.

В полдень пять бедуинов с тремя ружьями без кремней и фитилей, полунагие, сухоребрые, босые, пошли вперед. Мы поехали за ними. Наши ослы и верблюды вязли в глубоком песке близ бенисаламского холма. За эту зыбучую местностью скоро открылась безграничная, песчаная пустыня Ливийская. В начале она постепенно, потом едва приметно возвышается над уровнем при-нильского поля, а наконец расстилается, как немного взволнованная равнина. Вся поверхность ее усеяна разноцветными камешками. От того идти по ней не трудно. Ноги не вязнут в крупном и плотно сжатом песке. Но тут нет ничего отрадного для зрения: не видать ни травы, ни деревьев, ни кустарников, ни птиц, ни зверей, ни гадов, ни насекомых; лишь кое-где в малых ложбинах торчат иссохшие былия и кочки. Значит, дождь иногда орошает эту вечно-жаждущую пустыню. Поднебие ее – как бы оловянное. А небосклон, необозначаемый ни холмами, ни буграми, передвигается незаметно. От того пустыня кажется безбрежным морем песчаным; и вероятно, она некогда была дном океана. Тут ощутительно движение времени, но незаметна убыль пространства. Тут чувствуешь себя иначе, нежели в Нильской долине. Там душа развлекается разнообразием видов и живет как бы чужою жизнью, а здесь сосредоточивается в себе самой и видит только свои мысли, – одни, как яркие лучи, другие, как зияющие молнии и зарницы, иные, как падающую росу, некоторые, как льющиеся слезы.

День был знойный. Чем далее подвигались мы в глубь пустыни тем более томились от жажды по причине крайней сухости воздуха. Я часто пил воду, благодаря Творца, подавшего нам сие живительное благо. Не помню, в какой степени тепло было во мне чувство благодарения Ему за это благо у Невы и Дуная, у Волги и Оронта, у Иордана и Нила; но в Нитрийской пустыне оно было пламенно. Вода тут ничем не заменима. Напротив, она, носимая всюду, заменяет путнику и освежающий ветерок и прохладную тень, коих нельзя водить за собою.

В три часа по полудни, я пешком пошел за поездом своим и, подозвав к себе Ивана, велел ему нести малый мех с нильскою водою. Он прицепил его к палке и перевесил за плечо.

Идем и разговариваем.

– Какая страшная пустыня! сказал Иван. Несравненно хуже Иорданской! Там, у Мертвого моря, есть трава, цветы и деревья. А здесь один песок. Не отсюда ли дорога в ад?

– Нет, Иван. Дорога туда лежит прямо из питейного или позорного дома, от картежного стола, и оттуда, где буйным делает человека гордость, или ненависть, или кровавое мщение, или уныние и отчаяние, или Иудино предательство. А здешним путем многие грешники уходили из мира, дабы там, в дальней пустыне, жить для одного Бога.

– Как называется эта пустыня?

– Нитрийская, потому что в ней прежде добывали и теперь добывают нитр, по-нашему – нашатырь. Мы увидим место зарождение его.

– Какие святые там жили?

– Их было очень много. Знаменитые же из них были: два Макария, Памва, Моисей Мурин, Арсений, Пимен.

– Когда они жили?

– Спустя 300, 400 и 500 лет после Рождества Христова.

– Ужели и теперь находятся там монастыри?

– До сих пор уцелели четыре. В них живут коптские монахи.

– Вы видели этих монахов в верхнем Египте. Зачем же поехали сюда, в такую пустошь, где с голоду умрет и смерть?

Есть сердечная потребность к тому. Я желаю узнать в пустыне: какие души далеки от царствия Божия, как близки к нему, как праведны, преподобны и богоносны, как строги к себе самим и как слабы, как ни теплы, ни холодны; каким искушениям они подвергаются и как избегать их. Кроме этого, я желаю знать, как жития святых поясняют Св. Писание.

– Да разве это не написано в книгах? возразил Иван.

– Написано, да разбросано. Я еще не видал такой книги, в которой бы все это изложено было вполне.

– Не можете вы описать все это дома?

– Всему есть свое время и свое место. Дома много хлопот по службе и много срочных занятий в другом роде. А во время путешествия только и дела, что думай о спасении души.

– Вы одни любите пустыни.
– Их любят и другие.
– Ужели кто-нибудь кроме вас ездил сюда?
– Из русских ты первый идешь здесь подле меня. А прежде нас многие предпринимали сюда путешествие их самых дальних стран. Налей мне воды в стаканчик; я промочу горло и расскажу тебе, кто и кто бывал здесь.

Ранее 325 года по Р. Х.

Напротив возвышенности, по которой мы идем и сойдем к Нашатырному озеру, находится Нитрийская гора. Там ранее 325 года по Рождестве Христовом поселился подвижник Амон. К нему собралось много учеников. Когда молва о подвигах и чудесах его достигла до святого Антония Великого, тогда этот богоугодный старец пожелал видеть его и ходил к нему из той пустыни, которую я указывал тебе с Синайской горы. Амон, встретив его, сказал ему: поскольку молитвами твоими увеличилось число братий моих, и некоторые из них желают построить кельи икали (от обители моей), дабы жить в них безмолвно; то в каком расстоянии отсюда прикажешь ставить их? Святой гость отвечал ему: пообедаем в девятом часу (в 3-м по полудни) и потом походим по пустыни и приищем приличного места. После обеда они отправились и ходили по пустыне до заката солнца. Когда оно скрылось, оба старца остановились и Св. Антоний сказал Амону: помолимся на этом месте и поставим крест; здесь быть кельям. А место это отстояло от Амонова монастыря верст на 7 (σημεία δεκάδύο). Св. Антоний признавал такое расстояние ни большим, ни малым, дабы келлиоты и монастырские братья могли посещать друг друга после обеда, когда пожелают того (Ecclesiae Graecae monumenta, t 1. Cotelerii. 1677. Lutetiae).

Благоразумно распоряжение его, – сказал Иван.

– И очень благоразумно! Расстояние келлий и церквей определено старческими силами. Докуда может дойти старик без утомления, там быть церкви и жилищу.

– Да такое расстояние по силам и детям.

– Справедливо. Ведь и дети, как голуби, любят церковь; так и для них надобно строить ее недалеко оттуда, где живут их

отцы и матери. Однако речь моя впереди. Не перебивай меня.

367–390 год

В одно время с Амоном в Нитрийской пустыне спасался авва Памва. О великих достоинствах и духовных подвигах его наслышалась знатная и богатая госпожа в Риме, по имени Мелания (старшая), и когда (она) приехала в Александрию, упросила местного священника Исидора проводить ее в ту пустыню, дабы видеть там Памву и поручить себя молитвам его. Она застала его за работою. Авва плел корзину. Мелания подложила ему разные серебряные сосуды и просила его разделить с нею богатство, которое дал ей Бог. Святой отшельник, не сводя глаз с своей работы, отвечал ей: Бог да вознаградит тебя и, обратившись к ученику своему Оригену, сказал ему: поди и раздай это серебро беднейшим монастырям в Ливии. Между тем Мелания стояла пред Памвою, ожидая благословенья его и благодарности за такое богатое приношение. Но отшельник молчал. Тогда она не утерпела и сказала ему: отец мой! Я не должна скрыть от тебя, что в этих сосудах триста фунтов серебра. Но Памва, не посмотрел ни на нее, ни на короб, в котором лежало серебро, отвечал ей: дочь моя! Тот, Кому ты отдала эту драгоценность, не нуждается в том, чтобы ты сказала Ему, сколько в ней весу, потому что Сам Он, взвешивая горы и холмы на своих божественных весах, не может не знать веса серебра твоего. Если бы ты подарила его мне, то имела бы право объявить тяжесть его; но так как ты приносишь его Богу, Который не презрел двух лепт бедной вдовицы и даже предпочел их вкладам богачей, то бесполезно и объявлять это. – Мелания возблагодарила Бога за то, что Он указал ей такого мудрого старца.

– Славное наставление дал он этой госпоже! сказал Иваны.

– И за триста фунтов серебра заплатил ей исцелением души ее от тщеславия.

374 год

Близ Нитрийской горы, по благословению Св. Антония, настроены были малый кельи отдельно и не близко одна от другой. Туда ездил знатный римлянин и историк Руфин. Он видел там Св. Макария Александрийского, беседовал с ним и написал много назидательных сказаний о нем. Но из многого я поведаю тебе нечто. – Один слепец пожелал, чтобы отвели его к этому Макарию. С большим трудом он пришел к кельям и не застал там желанного. Горько ему было слышать, что праведника нет дома. Он залился горячими слезами, но укрепившись верою, упросил вожаков своих положить его у стены, подле которой спал Макарий. Его положили тут. Слепец отколупал от нее немножко глины, смочил ее водою и приложил к глазам своим, потом промыл их тою же водою, прозрел и возвратился в дом свой, славя Бога. Благодарность побудила его в другой раз сходить к Св. Макарию уже со всем семейством, к которому он принадлежал. Бог сподобил его увидеть сего чудотворца (Rufin. Hist. Eccl. I. 11, с. 4).

Слава о подвигах и чудесах нитрийских пустынников воспламенила в знатной госпоже Павле желание видеть их. Она отправилась из Рима и посетила многих из них, и между ними Макария, Арсения, Серапиона и великого Арсиса, который не лишал св. тайн молодых людей, когда они впадали в какой-либо тяжкий, но не смертный, грех, а старых лишал. Ибо он думал и говорил, что молодые, лишаемые причастия, привыкают жить без этой душевной пищи, а старым бывает тяжело и страшно, когда не допускают их вкусить источника бессмертного (Ibid. t. 11, p. 141).

– Знать старики, в те поры, имели великую веру и страх Божий, когда причащались часто.

– И в наше время найдется много таких верующих и боящихся Бога. Дух Святой везде и всегда есть, и всех исполняет.

– А кто грешит тяжко?

– Тот, кто обижает ближнего словом или делом, лжет, клеветает на других, ворует, соблазняет невинных и проч.

– Какие грехи смертные?

– Гордость, ненависть, чревобесие (т. е. обжорство и пьянство), блуд, убийство, уныние, отчаяние, приводящее к самоубийству, и наконец богохульство.

– Расскажите, кто еще приезжал в здешнюю пустыню.

Между 385 и 412 год

Неоднократно приезжал александрийский патриарх Феофил, – сперва по надобности греческого царя Феодосия Великого. Этот царь пред войною с сильными врагами, угрожавшими всей западной империи его, уповая на помощь Божию, просил сего патриарха прислать, к нему в Царьград, как можно скорее, скитского пустынника Сенульфа, который прославился святостью своей жизни и даром чудотворений. Феофил немедленно отправился в Скит, который находился недалеко от Александрии и объявив авве волю государя, внушал ему, как необходимо поспешить исполнением ее, тогда как империя находится в опасности, и участь ее зависит от него. Благочестивый пустынник в чувстве глубочайшего смирения сказал патриарху, что он не достоин получить от Бога то, чего надеется от него император. Феофил настоятельно упрашивал его ехать в Царьград. Авва, не зная, как уклониться от настойчивости его, попросил святителя подождать немного и, обратившись к востоку, повесил клобук свой на посох, поднял его вверх и начал молиться: Господи Боже мой, Боже сил, даруй сему одеянию и сему жезлу силу сделать то, чего ожидают от меня! Потом он сказал Феофилу: пошли это наглавие и этот посох к императору и напиши ему, чтобы он на брани против врагов надел на свою голову первое и держал бы в руке второй и чтобы таким образом шел впереди своего воинства. Я уповаю, что Господь поможет ему одолеть варваров без пролития крови. Царь Феодосий поступил так, как заповедал Сенульф, и рассеял врагов. В память победы его в Александрии воздвигнута была статуя его в монашеском клобуке с посохом. (Ibid. t. III, p. 293. Бароний, № 53-й, год 388-й).

В другой раз Феофил ездил в Скит по желанно своему. Когда скитники узнали о приближении его, собрались все вместе, чтобы принять его достойным образом. Между ними находился и Памва, тот самый, который не посмотрел на серебро Мелании. Собратия просили его сказать патриарху что-нибудь в назидание (Знать, патриарх любил слушать святых

старцев). Но Памва отвечал им: если молчание мое не назидает его, то речи мои бесполезны. Патриарх побывал у скитников, помолился с ними и уехал в Александрию, получив великое назидание от богоугодного жития их (Coteler. t. 1, p. 463).

– Почему Памва не хотел сказать что-нибудь патриарху? спросил Иван.

– Потому что меньший от большего благословляется, а не больной от меньшего. Понимаешь? Смиренный Памва уважал высокий сан патриарший, да и знал, что для Феофила назидательнее богоубедительные молитвы и святое житие старцев, чем слова их, и потому молчал.

Этот архиепископ ездил и на Нитрийскую гору, до которой нам уже не так далеко. Тамошний главный авва встретил его благоговейно. Владыка спросил этого пустынника: отче, что лучшее нашел ты здесь на поприще своем? Старец отвечал ему: непрестанное обвинение и порицание себя самого. Тогда Феофил сказал: прямым путем идешь ты к Богу (Coteler. t. 1, p. 462).

Один военный сановник и несколько других особ упросили этого архиепископа съездить вместе с ними в Скит к Св. Арсению, который сперва был воспитателем и наставником двух сынов благоверного царя Феодосия, потом ушел из Константинополя в Нитрийский Скит и не желал видеть людей, дабы они не отвлекали его от покаяния и молитвы. Прибыв к нему, Феофил просил его сказать что-либо в назидание. Арсений помолчал несколько минут, а потом проговорил: если я скажу вам что-либо, то исполните вы это? Все отвечали: готовы исполнить. Тогда он сказал: итак, когда вы узнаете местопребывание Арсения, не ходите туда в другой раз.

После сего Феофил не осмеливался беспокоить его в уединении. Но так как один взгляд на сего угодника Божия назидал его много, то он решился еще раз повидать его, однако предварительно послал человека узнать, примет ли он его. Арсений, уважая сан архиереиский, сказал посланному, что он примет патриарха, но после будет обязан принимать уже и других, а частые посещения принудят его покинуть место убежища его и искать другого, неизвестного, где никто не

развлекал бы его. Когда посланный передал Феофилу эти слова, тогда сей патриарх решился лучше не видеть святого отшельника, чем лишать его кельи, в которой он жил весь в Боге (Ibid. t. III. p. 243).

– Я не понимаю, сказал Иван, почему Арсений убегал от людей, которых мог он назидать словом и примером своим. Не нарушал ли он заповедь о любви к ближнему?

– Не нарушал. Ибо он отслужил людям в миру. А кто отслужил им там, тому уже позволительно не видеть их на службе Богу. Притом на этой службе праведники непрестанно видят души собратии своих пред лицом Отца небесного и молятся о спасении их. Что же лучше, – видеть ли ближнего лицом к лицу и сказать ему несколько слов, кои забываются, или видеть его в Боге и молитвою низводить на него благословение Божие?

– Последнее лучше.

– Умно ты отвечаешь, Иван. Но налей мне воды в стаканчик. Здесь больно жарко. Вся пустыня раскалилась. Я промочу горло и расскажу тебе, кто и кто еще путешествовал в Нитрийскую пустыню.

Ранее 390 г.

Так в Скиту спасался авва Моисей Мурин. О святости и благодатной силе поучений его наслышался областной правитель и пожелал видеть его. Кто-то предупредил сего авву о приезде именитого сановника; и он в ту же минуту вышел из своей кельи и побежал к озеру Мариютскому, чтобы укрыться там от нежданного гостя, но на дороге встретился с ним. Правитель, не зная его, обратился к нему с вопросом, где стоит келья аввы Моисея? Пустынник отвечал ему: охота вам искать его! Ведь он полоумный, да и еретик. Такой ответ удивил сановника. Однако он пошел в скитскую церковь и пересказал братьям невыгодный отзыв встречного отшельника о Моисее. Эти огорчились тем, что кто-то обнес авву, которого мудрость и святость всем внушали величайшее уважение, однако, спросили правителя: да каков по виду тот, кто отозвался вам так худо об этом авве? – Это – черный, как уголь, старик высокого роста в ветхом рубище, отвечал правитель. По этим признакам они догадались, что то был авва Моисей Мурин, и сказали ему: да так говорил вам тот самый, которого Вы ищете, потому что хотел уклониться от посещения вашего. Правитель возвратился в дом свой, наученный смирением его, нелицеприятием и приверженностью к одному Богу (Ibid. t. III, p. 43. Rufini verba Seniorum. § 119).

– Почему одни пустынники принимали посетителей, а другие убегали от них? спросил Иван.

По действию одной и той же благодати Божией, которая одним подвижникам давала *много любви* для привлечения грешников к Богу словом примером, а другим сообщала *много правды* для отвлечения христиан от непомерного уважения к святым и для напоминания им, что поклонения достоин один Бог.

– Скажите мне это проще.

– Памва, Пимен и другие святые подвижники в Нитрийской пустыне с любовью принимали посетителей для того, чтобы своими поучениями и праведным житием собратий

воспламенить в них любовь к Богу; а Моисей Мурин, Арсений и другие в той же пустыне, справедливо убегали от посетителей для того, чтобы напомнить им, что спасение их зависит от Бога, а не от людей. Понял ли?

– Понял.

– Повтори же мне: почему одни подвижники принимали проходящих к ним?

– Потому что желали привлечь их к Богу.

– А почему другие не принимали их?

– Потому что желали отвлечь их от непомерного уважения к людям и приблизить их к Богу же.

– Хорошо! Ты понятливостью своею заохочиваешь меня продолжать мое сказание. Слушай!

390 г.

В 390 году прибыл в Нитрийскую пустыню некто Палладий, в последствии епископ еленопольский в Вифинии. Три года он жил там под руководством Святого Макария Александрийского, и описал подвиги и чудеса его. Однажды он, пришедши к сему богоносному мужу, застал у двери его кельи священника ближнего местечка, у которого лицо и голова были обезображены болезнью, называемою рак, так что во всем черепе его были дыры. Этот священник пришел затем, чтобы получить исцеление. Но Макарий не хотел даже и говорить с ним. Палладий просил авву сжалиться над страдальцем или, по крайней мере, дать ему какой-либо ответ. Авва же открыл Палладию, что он не достоин исцеления и что Бог наказал его страшною болезнью за тяжкий грех. Впрочем, если ты хочешь, – промолвил Макарий, – чтобы он исцелился, то уговори его не священнодействовать до конца жизни. – Что бы это значило? – спросил Палладий. Авва отвечал: Бог наказал его именно за то, что он совершал святые тайны в нечистоте души и тела; однако, если он, страшась гнева Его, воздержится от прежнего греха, то исцелится. Палладий передал эти слова святого старца злополучному священнику; и он дал обет, что во все остальные годы своей жизни уже не будет священнодействовать. Тогда Св. Макарий позвал его к себе и спросил: веришь ли ты, что есть Бог, от Которого ни что не скрыто? – Верю, отец мой, – отвечал священник. – Итак, если ты веришь, – говорил святой, – и сознаешь всю важность греха твоего, и исповедуешь, что правосудный Бог за него покарал тебя, то исправься. – Тогда священник исповедал грех свой, обещался не делать его и никогда не служить литургии, а доживать век свой мирянином. Св. Макарий, прозрев в нем твердое намерение исправиться, возложил свои руки на голову его и помолился о нем Богу. Через несколько дней недуг его исчез; на голове выросли волосы; и он возвратился в дом свой, славя Бога и благоговей пред угодником Его.

– Страшно и утешительно слышать это, – сказал Иван.

– Да! Страшно впасть в руки Бога живого. Но Он милостив ко всем кающимся.

– А совершались ли святые тайны, когда служил этот порочный священник?

– Совершались, по вере христоролюбивого народа. В вере его много силы. Я объясню тебе этим сравнением. Вообрази себе дремучий лес, давно насажденный Богом. Он состоит из разных деревьев, больших и малых, старых и молодых, и все они впитывают в себя влагу из земли и теплоту из воздуха, растут роскошно и стоят крепко. Но однажды ветер завес в него злокачественное семя, из которого выросло ядовитое растение на самом лучшем месте. Ведь и это растение вливает в себя общую всем деревьям влагу и теплоту; но та и другая превращается в яд только в нем, а не в прочих деревьях. Это растение не портит всей земли под лесом, не заражает всего воздуха над ним и среди его не мешает другим деревьям всасывать жизнь из сосцов природы. Так и порочный священник, один среди христоролюбивой общины, не препятствует ей получать благодать Св. Духа чрез таинства, потому что сама она верою и любовью дружно принимает в себя эту благодать, присущую всем везде. Верующей и любящей Господа общине таинства, совершенный недостойным священником, служат во спасете, а ему самому в осуждение.

– Да, ведь, не община совершает таинства, а священник?

– Конечно, священник, но не один: Все наши литургии, все службы, все молитвы написаны и совершены так, что священник и христиане единократно участвуют в совершении их. Например священник говорит имъ: *Мир всем*, а они отвечают: *И духови твоему*; он возглашает: *Горе имеим сердца*, а они поют: *Имамы ко Господу*; он: *Благодарим Господа*, а эти: *Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Св. Духу*. Священник и христиане вместе призывают Святого Духа на себя и на дары, когда поется песнь: *Тебе поем.... и молимтися, Боже Наш*. Таким образом недостойнство одного члена общины, кто бы он ни был в ней, не препятствует совершению таинства, коль скоро в прочих есть вера, страх Божий и любовь.

– А когда вся община не верует?

– Ну, тогда и благодати не получает, подобно тому, как засохший лес не всасывает в себя ни теплоты, ни влаги. Но такой общины не найдешь нигде. Во всей католической церкви много грешников, а неверующих мало.

– Когда крестит младенца нетрезвый священник, да и родители и восприемники его не веруют, тогда крещаемый получает ли святую благодать?

– Получает.

– Как же?

– Иван! Смотри на кисть моей руки и вообрази, что четыре пальца ее иссохли, а мизинец цел; потом скажи мне: втекает ли в него кровь из тела моего?

– Втекает, иначе иссох бы и он.

– Так и в душу младенца вселяется благодать Божия по вере той общины, среди которой живут нечестивые родители и восприемники его. Вера и молитвы всех вообще христиан подобны разливу солнечного света. Как этот свет живет и озаряет все, так и общая вера и общая молитва всего христоименитого народа и пречестных священников его, просящих Бога воспитать младенцев и наставить юных, действуют на младенческие души, внедряя в них благодать Божию.

– Община не может ли сама совершать таинства, когда священник у ней не благонравен?

– Не может. Ибо священство учредил сам Господь Иисус Христос. Кто же посмеет отменить учреждение Его?

– Хорошо, как бы все священники были благочестивы!

– Что и говорить об этом! У нас другие речи впереди. Но дай мне воды. Меня мучит жажда.

Когда Палладий жил у Св. Макария, тогда в Скит приехали знатные и богатые родители с дочерью своею-девицею, которая давно была расслаблена, я положили ее на земле у порога кельи сего святого мужа. Макарий, увидев ее тут, почувствовал величайшее сострадание к ней, умилился смирением и верою как ее, так и давших ей жизнь, и в течении двадцати дней мазал ее благословенным елеем, молясь о ней Богу. Девица

исцелилась, и пешком возвратилась в свой дом (Ibidem, t. II, p. 174, 227, 228).

Ранее 391 г.

В одно время с Макарием в Скитской пустыне подвизался преподобный авва Ор. Видеть его пожелал граф Лонгин, и когда приехал в Скит, упросил одного старца проводить его в келью аввы. Этот старец, зная нерасположенность Ора принимать знатных посетителей, почел в нужное предупредить его, и расхвалил ему графа, как набожного и нищелюбивого христианина. Но преподобный пустынник сказал ему: я знаю, что он человек хороший, однако, прошу тебя остановить его, чтобы он не переходил за эту лощину (φάραγγα). Граф не видал Ора (Ibidem, t. II, p. 158).

К сему авве ходил преподобный Сисой, спасавшийся на горе Св. Антония Великого, и пробыл у него несколько дней, поучаясь смирению его и послушание ученика его Афр. Однажды некто принес им малую рыбу. Афр, как только начал потрошить ее, услышал клич наставника своего и в ту же минуту оставили нож в рыбе и побежал к старцу. Сисой, заметив это, спросил его: как ты достиг такой быстроты в послушании? Афр отвечал ему: тебя занимает мое послушание; но лучше присмотришься ты к послушанию старца моего. Пойдем к нему. Он будет обедать. Пошел Сисой, и что же видел и слышал? Афр подал авве Ору рыбу, нарочно приготовив ее худо, дабы гость был свидетелем кротости и терпения его. Авва ел ее, не показывая отвращения. Послушник спросил его: Отец мой, вкусна ли эта рыба? – Вкусна, – отвечал он чистосердечно. Потом Афр подал ему другое кушанье, приготовленное лучше, и сказал: Отец мой, я худо приготовил это. Он отведал и проговорил: Да, это не очень вкусно. Таким образом наставник кротко подчинялся ученику своему. После сего Афр сказал Сисою: теперь ты видел, кто здесь лучше повинуется, я или сей достопочтенный старец (Ibidem, t. II, p. 160).

– Но зачем Афр обманывал его?

– Иван, ты не так говоришь! Он не обманывал, а испытывал старца. Обманывать грешно, а испытывать ради назидания себя и других, или ради дознания правды, позволительно. Положим,

напр., что тебе не хочется ехать со мною и ты говоришь, что темная вода подступает к глазам твоим. Я и верю и не верю тебе и, желая узнать правду, спустя несколько часов говорю тебе: Иван, Иван! мне кажется, там вдали ползет толстый змей! А ты, не опомнясь, отвечаешь: какой змей! там лежит большой сучок. И я вижу сучок этот, и узнаю, что зрение у тебя остро; но обманываю ли тебя представлением змея? Нет, не обманываю, а только пытаю правду.

Ранее 404 г.

Нитрийские пустыnnики, как магниты, привлекали к себе твердых в вере христиан.

Из Вифлеемского монастыря приходили к ним благочестивые и любознательные монахи Кассиан и Герман, чтобы поучиться у них богоуголному житию. Семь лет они провели в египетских монастырях и в Нитрийской пустыне и видели здесь учительных старцев: Моисея, Пафнутия, Даниила, Серапиона, Феодора, Серена, Исаака и Феону. От этих двух путешественников мы знаем, кто и как здесь жил и чему учил. Послушай, как в одно воскресение угостил их авва Серен.

Когда они после обеда пошли в келью его и сели за стол, он вместо солоноватой воды, которую пил ежедневно, вливая в нее одну каплю деревянного масла, поставил воду болотную, потому что лучшей не было, и против обычая своего влил в нее несколько капель елея, дабы гости не подумали, что он великий постник; сверх того предложил три соленый маслины и корзинку с поджаренным горохом и с плодами. Гости взяли только по пять горошин, по две сливы и по одной смокке, потому что в пустыне почиталось преступлением есть больше. Вот какой обед был у аввы Серена! Кассиан назвал его роскошным (t. II, p. 433).

Сей вифлеемский инок во время пребывания своего в Нитрийском скиту был свидетелем вразумления пустыnnика Серапиона. Этот простосердечный авва жил свято, но вместе с многими неучеными собратями, недавно переставшими кланяться идолам, представлял себе Бога в виде человека, и когда молился Ему, воображал Его с головою, руками и ногами. В сем заблуждении утверждали его худо понятые слова Священного Писания: *сотворим человека по образу и по подобию Нашему*²⁴⁰. Из сих слов он заключал, что каков человек, таков и Бог, и что у Него кроме души есть тело. Духовный отец его Пафнутий долго вразумлял его; но все объяснения его были тщетны. Серапион думал, что учение духовника его о Боге, как существе бестелесном, духовном и беспредельном, есть учение новое, противное древнему

преданию и общему смыслу людей. Между тем в Скит прибыл из Каппадокии ученнейший диакон Фотин, дабы соутешиться верою и праведным житием пустынников. Пафнутий упросил его поговорить в собрании всех скитников о том, как все церкви на востоке разумеют и изъясняют слова: *сотворим человека по образу и по подобию Нашему*. Фотин, не обинуясь, исповедал, что все восточные епископы сознают Бога, как существо духовное и ничем неограниченное, и учат, что по образу и подобию Его сотворена только душа человека, и подтвердили, все это многими свидетельствами Св. Писания. Он говорил так ясно, просто и убедительно, что добрый старец Серапион сознал свое заблуждение, раскаялся в нем и принял истину, которую исповедывали все христиане. А Кассиан сердечно обрадовался тому, что Бог не попустил святому старцу, служившему образцом добродетели в пустыне, умереть в заблуждении и озарил его светом истины (t. II, p. 423).

* * *

Кроме Кассиана из Вифлеема ходил в Нитрийскую пустыню блаженный Иероним, муж весьма ученый и знаменитый. Он описал устав, т. е. правила жития тамошних монахов.

– Скажите мне хотя одно правило.

– В воскресные дни пустынники занимались только молитвою и чтением Св. Писания. – Слышишь, как они святили эти дни!

– Слышу и признаюсь, что никогда не читаю Евангелие.

– Читай слово Божие. Оно пища души. Читай и жития святых. Они – зеркало души. Посмотришь в них и увидишь, как темна душа твоя и как светлы души праведных, и чем они просвещали себя. Но речь моя впереди.

405 год.

Около 405 года в Египет приезжал Постумиан, родом галл, и посетил там многие монастыри. В кратком описании путешествия его²⁴¹ помещено сказание о чудотворении одного нитрийского отшельника.

Вера Христова, говорит Постумиан, свидетельница мне в том, что я ничего не выдумываю, а передаю то, что слышал от достоверных мужей. В пустыне многие монахи живут без палаток. Их называют отшельниками. Они питаются кореньями трав, переходят с места на место и спят там, где застигнет их ночь. Одного из таких скитальцев пошли искать два монаха из Нитрии, наслышавшись о святости его; ибо он сначала жил в монастыре их и был любим ими. Семь месяцев они искали его в пустынях и наконец нашли недалеко от Мемфиса. Хотя он избегал встречи с людьми, но от этих знаемых монахов не скрылся и провел с ними трое суток. В четвертый день они пошли в свой монастырь. Отшельник провожал их недалеко. На дороге внезапно явилась большая львица и, подбежав к нему, равными телодвижениями начала выражать ему печаль свою и манить его за собою, куда ей нужно. Отшельник и спутники его пошли за нею. А она то бежит впереди, то останавливается, поджидая старцев, и так дает им чувствовать, чтобы они следовали за нею. Наконец эта самка подвела их к пещере, и оттуда вынесла пять слепых львят и положила их у ног отшельника. Св. старец понял ее материнское желание, призвал имя Божие, потер рукою глаза львят, и они увидели свет. Таким образом оба нитрийские монаха за долгий поиск сего чудного отшельника вознаграждены были тем, что видели веру его и славу Христову.

- Велика сила веры!
- Чудодейственно имя Христа Бога!
- Приятно слышать такие сказания.
- Припоминаю, что еще знаю.

Ранее 450 года

В Нитрийском скиту спасался авва Пимен. Его духовная мудрость и святое житие назидали многих. Однажды приехал к нему египетский купец, христианин набожный и добродетельный, чтобы послушать поучений его. Туда же и за тем же пришли некоторые монахи из разных монастырей. Но Пимен, который по смирению своему любил лучше внимать наставлениям других старцев, нежели говорить свои, хотя евангельская любовь побуждала его часто проповедовать в скитской церкви, просил этого купца сказать что-нибудь в назидание гостей. Купец долго отговаривался, извиняясь, что он пришел в Скит учиться, а не учить. Но авва не переставал упрашивать его. Гость повиновался ему и сказал: я мирянин; занимаюсь торговлею; покупаю товары дешево, а продаю дорого; не умею рассуждать с вами по руководству Св. Писания, которого и не читал, но скажу вам притчу. Один человек, пламенно желая видеть государя своего, просил одного из друзей своих проводить его в царские чертоги. Этот сказал ему: я провожу тебя только до половины улицы, и довел его туда. Тут встретился с ним второй друг и, выслушав просьбу его, объявил ему, что он доведет его только до царского чертога. Когда они пришли в чертог, тогда второй друг возвратился назад. а тот человек нашел тут третьего друга своего и поведал ему, что он желает представиться государю. Этот друг сказал ему: хорошо! Я введу тебя в чертог и представлю царю, с которым ты поговоришь. Притча кончена. – Все пустынники просили купца изъяснить ее; и он сказал им: первый друг есть покаяние, вводящее нас на путь спасения, второй – целомудрие, приближающее нас к Богу, а третий – милостыня, помогающая нам предстать пред лицом верховного Судии с упованием на милосердие Его. – Пустынники очень довольны были как притчею, так и объяснением ее, и разошлись по кельям с сладким брашном для души (t. III, p. 165).

– От всякого благочестивого христианина можно научиться чему-нибудь доброму.

– Справедливо. Не велика луна, а светит большой земле. Господь малое отроче представил апостолам в образец смирение, кротости, простоты, покорности, веры и любви. Св. Макарий Египетский, однажды подслушав следующие слова отрока, сказанные им матери: *я ненавижу этого богача, который любит меня, и люблю этого бедняка, который ненавидит меня*, – обратил их в назидательный урок для себя и для братии, сказав: мы поступаем подобно этому отроку; не любим любящего нас богатейшего Бога, а ненавидящего нас беднейшего дьявола любим.

Около 612 года

Последний из древних путешественников, которые видели преподобных отцов нитрийских, был Иоанн Мосх, монах из палестинского монастыря Св. Феодосия Киновиарха. Из книги его, называемой *Луг Духовный* (глава 112), видно, что еще в его время, в самом начале седьмого столетия, в Нитрийском скиту жили строгие подвижники. Один из них, авва Иоанн, рассказывал ему, что когда он, будучи еще молод, жил в Скиту, тогда у одного старца разболелась печень, и для него искали уксусу в четырех лаврах скита, в коих считалось 3500 монахов, но не нашли ни одной капли. Такова была произвольная нищета этих пустынников!

* * *

Продолжительный разговор утомил меня. Я сел на осла и велел арабам погонять верблюдов, дабы засветло поспеть в монастырь Св. Макария, до которого было еще далеко.

20 минут 5-го часа. Еду. В передней дали показалось неподвижное синее облако, широкою и длинною полосою протянутое от запада к востоку. Но то было не облако, а Нитрийская гора, повитая синевою. Темя ее так ровно, как будто срезано по шнуру. Сквозь густо-синий отсвет не видать было ни отрогов, ни постепенных повышений и понижений ее. Такая цветность была приятна для глаз, утомленных однообразием песчаной пустыни и кучками камней, кои бедуины расставили по дороге для обозначения прямизны ее.

Еду и, любуясь синевою горы этой, думаю:

Там жили небесные человеки и земные ангелы. Уста их непрестанно славословили Бога. Пустыня днем и ночью оглашалась их псалмопениями. Они сознавали в себе скорее бытие души, нежели тела. А ее греховные помыслы и страсти, равно как и средства к очищению их, были известны им лучше, нежели как знали их философы. Мало дождей пролилось на ту жаждущую пустыню, но за то обильно оросили ее слезы. И какие слезы, Боже мой! То были перлы, достойные зренья ангелов. Вера и молитва тамошних угодников Божиих извлекла из лона

Божества струи жизни для мертвых, искры света для слепых и новые силы для недужных. Эти угодники говорили умам и сердцам о вечном спасении. А добродетели их были осуществленный Псалтирь и Евангелие. Почти каждый из них был живой стих из этих двух богодухновенных книг. Преподобный Иоанн не видал своего ложа, как Христос не имел, где подклонить главы своей. Преподобный Иоанн Малорослый кротостью своею, отвечавшею на все обиды молчанием, напоминал всем слова Господа: научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем.²⁴² Святой Памва в течении двадцати лет учился исполнять заданный ему старцем его первый урок, – *Рех: сохраню пути моя, еже не согрешати ми языком моим,*²⁴³ – и умирая поведал братиям, что он никогда не раскаивался ни в одном слове своем. Не даром приходили к ним христиане из многих стран. Они учились у них жить и умирать для Бога. Та гора была место соборное. Лишь одни предки наши не посещали ее; но я, один, за вою Русь оттопчу хотя малый край ее. – Пятнадцать веков пронеслось над ней с той поры, когда там поселился пустынный Амон. Она – та же и теперь. Но уже нет на ней святых. Однако они опять явятся тут в тот единственный день, когда воскреснут все мертвые. Какой лучезарный сонм тогда будет восхищен там на облака для сретения Судии живых и мертвых!

Еду. Солнце впереди меня закатывается. Вся пустыня озарена прощальным светом его. Нигде нет черных теней, кроме тех, кои струятся от нас. Они весьма длинны.

45 мин. 6 часа. Небесное светило погрузилось как бы в землю; и на самом месте заката его показалась золотистая заря. Скоро исчезла и она. Ее заменило бледно радужное сияние, и узким венцом легло на далекие окраины темнеющей пустыни. Я запел: *Свете тихий святые славы* и проч.

Вскоре по закату солнца поезд мой начал спускаться с пустынной выси в долину эн-Наср, соединенную с Нашатырным озером. Прямо против нас вдали стоял монастырь Св. Макария. В сумраке он казался как большое черное пятно на беложелтоватой покатости земли. Посмотрев на него, я перекрестился и пешком пошел под гору. Скат ее – не длинен и не крут. Стало

быть, эн-Насрская долина лежит очень высоко над уровнем Нила. Правая окраина ее подернута глубоким песком.

Ровно в семь часов бедуины остановились в ней подле колодца с соленоватою водою и уговорили меня провести тут ночь, извиняясь усталостью и поздним временем, в которое трудно попасть в запертый монастырь. Переводчик мой с помощью их поставил мою палатку на влажном песке, и изготовил мне ужин. Луна осветила долину и монастырь Св. Макария. Я прочитал пятидесятый псалом и сладко заснул на рубеже священной пустыни.

ИЮНЬ 4, Понедельник. Отец небесный. Который не спит и не дремлет, содержа все могуществом Своим, сохранил меня и спутников моих от всякой напасти. Продолжительный сон укрепил наши силы, и мы поехали (в 20 м. 6 часа) в прямом направлении к монастырю Св. Макария, поперек долины эн-Наср. Эта долина или, точнее сказать, глубоковатая ложбина между двумя каменистыми возвышенностями, подернута песком, утыкана зелеными, кочками и по местам весьма влажна. Ширина ее соответствует нашим трем верстам, а излучистого протяжения ее к северу, где она соединяется с Нашатырным озером, не охватил мой взор. Не знаю, от чего и как образуется тут нашатырь в большой дали от Средиземного моря и на значительном возвышении над уровнем его и египетской водотечи, от которой до эн-Насра мы проехали верст пятьдесят, долго поднимаясь выше и выше... Какие потаенные насосы из недр земли вытягивают соль на поверхность этой долины? Какие средиземные жилы и чрез какие скважины доводит туда соленую влагу? Бог вест. Появление воды у чела гор, или на темени их, или в высоких долинах их, – великая тайна для меня.

С дороги ясно виден был монастырь Св. Макария на противоположной, мало приподнятой окраине эн-Насра, как большой двор, огороженный с четырех сторон весьма высокими каменными стенами без башен. Из-за стен его не видать было ни келий, ни церквей, ни пальм. Смотря на него и на окрестную безжизненную пустыню, я хорошо понял, что такое пустынный. Это самоотверженный ратоборец с духами злобы и с страстями в самом отдаленном от мирских селений месте, где нет и тени

чего-нибудь живого. В той каменной расселине, где стоит лавра Саввы Освященного, еще гнездятся голуби, летают скворцы, живут шакалы, и порой шумно течет поток Кедронский. А в Нитрийской пустыне нет ничего, кроме камней, песку и мертвой воды. Здесь разлука пустытника с миром – гробовая, самоотвержение его – неизмеримое, долготерпение его – сверхъестественное!... Здесь он – нуль, но с райскими единицами, под которыми я понимаю дары и утешение благодати. Здесь отшельничество доказывает, что человек есть дух, предназначенный жить вечно в сонме духов бесплотных.

Чем ближе я подходил к цели путешествия моего, тем более сокрушался, сравнивая самоотвержение свое с совершенным самоотречением нитрийских отцов и погружением их в Бога. Внутренний голос говорил мне: они не двоились между Богом и миром, *за то и Бог не растешет их полма* (т. е. по полам); а ты? а тебя? На эти два вопроса отвечали две слезы мои.

Ровно в шесть часов поезд мой остановился не у ворот, а у малого отверстия в нижней части высокой стены монастырской. Я перекрестился и возблагодарил Бога, безопасно приведшего меня на место духовных подвигов Св. Макария и преподобных собратий его. Погонщики тотчас развьючили верблюдов, поджали им колени, и в этом положении потянули за повод каждого из них в узкое и низкое отверстие стены. Эти животные охотно ползли туда на коленях, нагнувши свои головы. Я, смотря на эту невидаль, вспомнил слова Христовы: *удобнее вельбуду проити сквозе иглины уши, неже богату в царствие Божие внити*,²⁴⁴ и согласился с теми толковниками, которые под этими ушами разумели маленькую дверь в ограде. Толкование их верно! А в сказанном сравнении Иисуса Христа нет никакого преувеличения; ибо Он заимствовал его из опыта; но нет и безотрадного понятия о невозможности вечного спасения людей богатых.

Пока арабы делали свое дело, пока я переодевался в шерстяную черную рясу, которую купил в Иерусалиме, монахи, чрез то же отверстие вышли и приветствовали меня с благополучным приездом. Старшему из них я вручил письмо коптского патриарха Петра и, высказав цель своего

путешествия, просил у него приюта на несколько дней. Монастырь ваш, сказал он по обычной на востоке учтивости. То же повторили и прочие монахи и повели меня за собою. Я, согнувшись в дугу, прошел сквозь отверстие в толстой ограде и последовал за ними. Они попарно шли в главную церковь, и как только приблизились к ней, запели какой-то священный стих. А на соседней колокольне раздался благовест. Монахи несколько минут простояли безмолвно у самого входа в церковь, настраивая себя к молитве, и вошли туда. Начался обряд принятия поклонников. Мне дали в руки крест и возженный трисвещник (трикирий), оба медные, и повели меня в алтарь, а оттуда, после троекратного обхождения святой трапезы с целованием углов ее, провели подле стен всей церкви и посадили на кресло против иконостаса, немного левее царских врат. Я сижу тут благоговейно. Предо мною полукругом выстроились двенадцать монахов, в сандалиях на босу ногу, в черных рясах и тюрбанах на голове, наискось ребристо обвитых тонкими складками черного платка, а направо от них стали певцы, держа в руках медные тарелки, колокольчик и стальной треугольник. Началось пение под нестройные звуки этих металлических вещиц. Я сижу благоговейно и слушаю певцов. Спустя несколько минут первый из двенадцати монахов подошел ко мне с ладанницею и кадилом, попросил меня вложить в него фимиам, поцеловал мою руку и покадил меня девять раз. После него тоже делали второй, третий и все прочие монахи. А я сижу благоговейно и то посматриваю на постные и желтые лица отшельников, то прислушиваюсь к пению их, то припоминаю наши и греческие напевы и думаю о влиянии местностей на строй их и о выражении христианских понятий и чувствований звуками. Греческое пение иногда напоминает быстрое течение горного потока, дробимого малыми камнями в русле и инде катящегося с подскоком; таково пение псалма: *Благослови, душе моя, Господа*²⁴⁵ и славословия великого. Иногда оно выражает постепенное возвышение гор, заоблачные вершины их и крутизны с стремнинами; таково пение херувимских и причастнов; тут нижние плавные тоны соответствуют равнинам, средние и верхние – уступам гор, а

высочайшие и вдруг обрывающиеся вниз – горным вершинам и пропастям. Таким пением выражается всемогущество Бога, создавшего Олимп, Парнас, Афон, Пинд, Тавр, Ливан и текущие с них реки. Наше хоровое пение, с урчащею октавою и протяжением одного голоса в конце песнопений, напоминает шум наших лесов, гул наших громов, необъятное пространство родимой земли, и выражает беспредельность Божества, милостиво подающего нам всякий хлеб и все прочие блага. У греков весь хор старцев и детей тянет один *ключевой тон*, а тенор поет кудряво, возвышая и понижая голос полутонами, третями и даже четвертками тонов. По умозрению их, ключ, то есть главный нижний тон знаменует одно неизменное естество лиц Святой Троицы, а кудрявые звуки тенора выражают разные действия благодати сих лиц, наипаче в душах. У нас то же самое знаменует общая тема напева, и то же выражает гармония разных голосов. – Что касается до коптского пения, то оно, почти однотонное или похожее на ломанную линию и унылое, напоминает тихое течение извивистого Нила и однообразие окрестных пустынь и выражает покаяние грешника и милосердие Спасителя.

По окончании обряда я перешел в малую церковь Св. Харона, и в западной части ее, отделенной от середины стенкою, в которой устроена дверь, поставил свою походную кровать, стол и стул, оба складные, и прочие вещи. Добрые пустыnnики сами указали мне это место, как удобное для спокойного пребывания в монастыре их на короткое время. Этим не нарушалась пристойность. Ибо звание и сан мой давали мне доступ в самый алтарь, где совершаются божественные тайны.

Достиг я цели путешествия своего. Благодарение Богу!

* * *

ИЮНЬ 20, Среда. Величаю Господа, возвращающего меня из Египта в нерушимом здравии.

Пред отъездом моим наставник патриаршего училища, – грек, упросил меня написать ему что-нибудь на память; и я написал в его книжке: Христианские дети – жемчужные маргариты, а учитель их – неоцененный алмаз.

Потом я, как путник, помолился в благолепном храме патриархии и, простившись с архимандритом Иерофеем и с прочим духовенством, выехал из Каира в Булак, где и сел на пароход.

ИЮНЬ 21, Четверток. Плыву по Нилу. Берега этой реки от Каира до канала Махмудиэ не как в Фиваиде, не украшены пальмами и не обставлены горами. Скучно было смотреть на эти плоскости. А еще скучнее было плыть по названному каналу, который прорезан в местности пустой, безлюдной и дикой. Воды в нем было мало; и нас, при безветрии, арабы тянули бичевою; но дотащили таки до Александрии в три часа пополудни. Здесь я остановился в благоустроенной гостинице Кулона и вкусил всю сладость спокойного отдыха и праздного покоя, *dolce far niente*.

ИЮНЬ 22, Пятница. Здесь христиане верят, что все мумии, от Пасхи до Вознесеньева дня, выходят из своих подземных усыпальниц и блуждают по песчаной пустыне около пирамид. Странное суеверие!

А вот печальное происшествие, недавно случившееся в принильском городе Дамиатте. Тамошний копт прибил слугу своего, – магометанина. Избитый пожаловался на него кадию; и этот судья велел отсчитать копту тысячу палочных ударов. Отсчитали ему в первый раз пять сот и спустя несколько дней еще пять сот. Копт вытерпел. Но мусульманская чернь не удовольствовалась этим наказанием, и что же сделали? Буйные вожаки ее посадили копта на осла и по обе стороны его привязав к нему поросят, водили его по улицам города и нещадно били по спине до смерти, ругаясь в то же время над христианскою верою. Узнали об этом европейские консулы и просили пашу наказать виновных. Мегмета-Али паша губернатора дамиаттского сменил, а жестокого кадия сделал простым прислужником мечети в каком-то другом месте. Консулы не вполне довольны таким распоряжением его, потому что чернь оставлена без наказания.

ИЮНЬ 24, Воскресение. Я был у нашего генерального консула г. Фока. Он поведал мне, что в Сирии православное селение Хасбея ограблено и разорено друзами и что тамошних

женщин и девиц эти варвары продают в неволю. Я пожалел этих несчастливиц и кстати объявил консулу, что коптские архиереи и монахи, которых я видел в Фиваиде и в Нитрии, напрашиваются на покровительство России. Его погрешимая дипломатичность ответила мне: не худо бы принять их под нашу защиту. Такой холодный ответ показался мне ледяною сосулькой.

ИЮНЬ 26, Понедельник. Прощай Египет. Прощай Нил, не забыть мне вас!

У меня новость: я зыблюсь на море.

ИЮНЬ 26 и 27, Вторник и Среда. Еду по рыбьей дороге. Не ровна она. Не гладка она. Так и качает тебя с боку на бок.

ИЮНЬ 28, Четверток. Пароход на час остановился в пристани острова Пароса. На конусной горе его виден четырёхугольный монастырь, посвященный Св. пророку Илии. Там, по словам лоцмана-грека, есть монахи. Спаси их Господи!

Пароход отчалил от Пароса и поплыл к острову Сир, где мне надлежало выдержать карантин. Я долго стоял на палубе и любовался островами Архипелага. В левой стороне от парохода виден был остров Сифно, как облачко. Там родился приятель мой, архимандрит Иерофей, которого египетские христиане прочили на патриаршую кафедру в Каире, по смерти престарелого иерарха Иерофея.

В Сире посадили меня в карантин на 14 дней потому только, что я приехал из Египта, где, однако уже давно нет ни чумы и никакой повальной болезни. Видно, что люди везде боятся зла воображаемого гораздо более, чем страшно им зло действительное. Наше воображение порядочное пугало!

От 28 ИЮНЯ до 11 ИЮЛЯ. Новенький карантин на Сире построен хорошо. В нем опрятно и чисто. На обширном дворе его позволяли всем заключенным прогуливаться сколько угодно. Но я редко пользовался этою милостью. Мне хорошо было и в той горнице, которую дали мне. Из окон ее видны были оживленная пристань островского города Ермуполя, часть сего города в отдаленный остров Тинос, на котором добывается красивый мрамор, тонкозернистый, плотный, дымчатого цвета.

Из карантина дали знать градоначальнику, что я везу с собою мумию. Так как она была раскрыта для проветривания, то

его превосходительство пришел посмотреть на нее, но не один, а с секретарем своим, с двумя малолетними детьми и с нянею при них. Пока они рассматривали мумию и говорили, что если русские приобрели такую диковину, то им, еллинам, наипаче надобно иметь ее и пока уговаривались добыть ее чрез посредство еллинского консула, служащего в Египте, я смотрел на живую мумию, пришедшую с ними, т. е. на старую няню, дивясь головному убору ее, который был намотан так толсто и высоко, что казался раструбистою подушкою. По уходе их один грек объяснил мне, что няня-гречанка, старуха, по обычаю родины своей, ежелетно навязывала на прошлогодний платок на голове своей платок новый, пока была замужем, и что она это делала несколько лет, вероятно, не менее 30, до смерти супруга своего, и потому на голове ее образовалась целая башня. Такой вычурный наряд ее подал мне повод перелистовать путешествие нашего Барского и выписать все, что он говорил о нарядах греков, гречанок и арабов, какие видел во время странствия своего.²⁴⁶

Итак, везде мужчины и женщины одеваются различно. Почему? Разгадайте это и напишите философскую историю покройного и швейного искусства человеческого, начиная с Адама и Евы, которых понудила стыдливость сшить препоясание из древесных листьев, а случившееся обледенение всей земли (до ныне неразгаданное) заставило одеться в ризы кожаные. А у меня не достает и не достанет времени заняться начертанием такой истории, хотя я и собирал сведения о допотопной швее Ноэме, об иголке Семирамиды, о тканях финикийских, об узорчатых коврах супружниц Троянских героев, даже о церковном вышиванье наших, давно покойных царевен и их сенных девушек, включительно с плащаницею, которая отлично хорошо шелком вышита была для московского митрополита Платона госпожою Шатиловою, впоследствии игуменьею Ростовского девичьего монастыря.

От 12 до 20 ИЮЛЯ. В карантине меня занимали женские наряды, а по выходе из него в город Ермупол, в котором пришлось мне уединенно прожить восемь дней в частном доме,

в ожидании парохода, я и сам не знаю почему разохотился философствовать; и вот моя философия.

Я не мертвец между живыми; ибо я мыслю и действую по своим мыслям. Во мне есть какое-то таинственное существо, которое сознает себя, познает все живущее вне его и чувствует, что оно сегодня, как и вчера, да и всегда одно и то же, при всем приливе к нему разных внешних явлений и образов и при всей в нем самом смене разных ощущений, понятий, желаний. Неизменное тождество его, выражаемое односложным звуком – Я, и простым суждением, – Я, ведь, Я, а не иной кто и не иное что, сие тождество доказывает, что это Я в сущности своей едино и нераздельно, просто и не разложно на части. Оно – единица, точка, сила,

Что ж это за существо во мне? Мясистый мозг? Текущая кровь? Кружевная сеть жил и нервов? Ток эфира, электричества, магнетизма? Нет. Эти вопросы возбуждают во мне смех. Значит нервы, кровь, мозга и оный ток действуют во мне непрестанно. Но их действие всегда совершается в настоящее время. А я помню многое прошедшее и узнаю нечто будущее. Стало быть, во мне, кроме названных работников, есть иной деятель, отличный от них. Иначе я знал бы лишь одно настоящая явление, а прошедшего не помнил бы и будущности не угадывал бы.

Нервы мои слабы, а воля крепка. В песчаных пустынях Фиваиды и Нитрии я изнемогал от зноя, жажды и усталости, но куда шел, так туда дошел, потому что хотел быть там. Значит слабою сеткою нервов моих одет кто-то другой, могучий. Кровь обращается во мне сверху вниз и снизу вверх, в восемь минут. Но пока она так медленно и однообразно тащится, я вычисляю расстояние планет и взвешиваю их тяжесть, припоминаю северное сияние в Петербурге и молнию на Ливана, слышу благовест в Венеции и звон в Одессе, вижу серну на Синае и сестру в родительском доме, лобызаю Ясли и Гроб Спаса, люблюсь священными картинами в Венском бельведере, вижу свою датскую азбуку и греческую Псалтирь Кассии монахини, сполна уписанную на 7 страничках, стою у Дуная и переносусь на берега Оронта, всматриваюсь в глубь неба и в дно моря.

Такой мгновенной быстроты и такого мгновенного вездеприсутствия невозможно объяснить медленным течением крови в одних и тех же жилах. Стало быть, во мне есть кто-то бескровный.

Ужели мои мысли и желания суть отделения, испарения, трепетание мозга? Не верю и никогда не поверю этому. Объем мозга малы а я представляю все необъятное, неизмеримое, беспредельное, бесконечное. Как же малое вещество производить такие несоразмерный с ним представления? Капелька краски даст свою цветность чистой воде в малом ведре, но не окрасить целого моря. Величайшая растительность не дана частице вещества. А я сейчас провожу радужную линию до полярной звезды и от нее в бездны вселенной, а оттуда к голове моей. Возможна ли такая удлиненность такого малого вещества, каков мозг?

Если бы дано было ему такое свойство, то он не сомневался бы в принадлежности его ему, не обращал бы его в вопрос. Кто же во мне не хочет верить в самую возможность бесконечно-ломанного движения мозга? Кто-то другой, больший его! Слои мозга можно пересчитать. Их немного. А в голове моей, где и мозг, так много чисел, линий, нот (я был певчий), слов, понятий, суждений, законов, правил, идей, воспоминаний, цветностей, разнообразных лиц, так много, что ни я, никто не перечтет их, и сколько еще прибудет их? Между тем ни мозг, ни голова моя не увеличивается. Как же в малом вмещается многое? Во мне должен быть иной всеобъемлющий державец, которому мозг служить престолом. Мозг находится в теплом месте. А я вот теперь вижу маиндвые кусты в юдолях Синая, сосны на горах Штирии, садовые вишни на родине, изумруды и бриллианты Феодоровской Божией Матери и фосфорические живчики в Каттарском заливе, в Далмации. Как же мозг впотьмах рисует мне такие ярко освещенные предметы, если во мне нет иного светозарного живописца? Мозг воспринимает одни сродные ему вещественные впечатления. А во мне есть понятие о предметах неведественных, например о причинах явлений, о законах мышления, о начальных принципах православия. Как же вещественное представляет все духовное, которого не видит, не

слышит, не осязает? Откуда сила отвлечения понятий в мозгу, который, по естеству своему, имеет только одну силу впечатлительности и как бы притяжения? Почему мозг не понимает, не растолкует мне этого? Он ни больше, ни меньше во мне, как орудие какого-то другого существа, которое мозговые и нервные впечатления превращает в образы, в понятия, или в себе самом отыскивает и находит образы и понятия, соответственные этим впечатлениям по природной ему гармонии умопредставлений с вещественными предметами, и кроме этой работы имеет другие занятия благороднейшие, высшие, лучшие, например разгадание законов, причин и последствий явлений, познание себя самого.

Что же это за существо? Эфир? Электричество? Магнитная сила? Тогда этому поверю, когда естествоиспытатели выучат сии токи изобрести эфирную ткань и написать на ней, ну хоть плюс и минус – и равнобедренный треугольник. Тогда этому поверю, когда будет замечено, что сии токи, находящиеся в животных, растениях и камнях произведут улыбку на клюве орленка, заставят говорить розовый куст, а котика петь не мурлы-мурлы, а *Хвалите Господа вси звери*, алмазу же велеть плакать под гранящим его резцом. А я и говорю, и улыбаюсь, и плачу, и обращаю вещи в числа и линии. Чем более оскудевает во мне сила электричества и магнетизма, тем умнее делаюсь я, да и чище, стало быть во мне есть что-то отличное от этой силы. Что же такое?

Душа

Все люди твердо верят в существование отличной от тела души. С ними верю и я. Общее убеждение – закон мне и в нем я почерпаю свое самоуважение и свое спокойствие.

Сущность души – тайна. Душа – потемки. Но ее действия явны. Ими она обнаруживает свою жизнь, свои свойства, свое достоинство, свою вечность.

Основа, родник, начало всех действий ее есть сознание бытия своего и вместе ощущений иного бытия, на лоне которого она видит себя, как искру света на океане. Воображает ли, припоминает ли она что-либо, думает ли о чем-нибудь, желает ли чего, – в минуты таких действий своих всегда чувствует, что сама она, а не кто другой за нее желает, судить, помнить, воображает. Все такие действия ее непрестанно переменяются, видоизменяются, разнообразятся, а ее сознание в ней самой неизменно, единично, просто. Если бы она перестала мыслить и желать, то и тогда сознавала бы себя. Значит, основная сущность ее неделима, проста, единична.

Мыслей и желаний души не взвесить, не вымерить и не расчесть. Никто не может сказать и не скажет: сколько пудов или золотников в моем помышлении о Страшном суде Христовом, или сколько вершков в моем желании быть чадом света, или каким молотом или щелчком можно разбить в дребезги мои понятия о пространстве и времени. Если же мысли и желания души не имеют ни известной тяжести, ни определенной длины и ширины, и не разложимы на дроби, значит и сама душа ни легка, ни тяжела, ни длинна, ни широка, не разложима на части. Ибо каковы свойства или проявления ее, такова и сущность ее. Она не вещественна.

Я полагаю, что она духовнее невидимого эфира или магнетизма, находится поверх мозга и нервной сети и тот и эту проникает своею теплотою, которая из средоточия ее струится в тело, как вода льется из малой чаши струйкою в большую, или как жар входит в железо, не превращаясь в него, не заимствуя от него ни окисления, ни тяжеловесности, ничего. Она дивный

глазок, – смотрит, видящий себя и свои действия. Она щупальце, ощущающее вне себя живое бытие и познающее это бытие, сколько может познавать его.

Душа думает и передумывает, верить и сомневается, хочет и не хочет, увлекается страстями и противится им, скорбит и преодолевает свои скорби, страдает при мучениях тела и претерпевает их так, что обнаруживает изумительную твердость и даже радость, когда за веру или правду жгут руку, строгают кожу, отрезают сосцы и т. п. Такие действия ее доказывают, что она сама в себе свободна, самовластна и могущественна.

Самые высшие проявления ее внутренней свободы, самообладания и могущества суть сомнения ради познания истины, самоотвержение и самопожертвование ради общего блага, безусловная отдача своей воли в волю подобного ей существа, всякого рода творчество, выбор чистейших побуждений к деятельности²⁴⁷.

Примечания

- ¹ - Из рукописной книжки IA2V или 1-я Ред.
- ² - Это слово в рукописи стоит над словом благочестие. Ред.
- ³ - Бытие 35:19–20. Ред.
- ⁴ - Бытие 35:20. Ред.
- ⁵ - 31:15. Ред.
- ⁶ - Книга бытия моего. I, 619–622.
- ⁷ - По последним 3-м строкам рукописи записано карандашом рукою еп. Порфирия: «Неправда!». Ред.
- ⁸ - Ис. Навина XV, 58. Ред.
- ⁹ - Прав. Пах. сборн. вып. 37, стр. 37, 191.
- ¹⁰ - VIII, 26. Ред.
- ¹¹ - В рукописи следуют 2½ строки, прикрытые неразобранными латинскими словами. Ред.
- ¹² - Ср. Сирах. 7:2; 42:4. Ред.
- ¹³ - Мф. 17:20. Ред.
- ¹⁴ - Пс. 118:29. Ред.
- ¹⁵ - 1Цар. 23, 14; 26:2. Ред.
- ¹⁶ - 15:55.
- ¹⁷ - 1Цар. 23:14–26.
- ¹⁸ - 15:55.
- ¹⁹ - 1Цар. 25:2–43. Ред.
- ²⁰ - Ewald Joh., Biblische Erzählungen des alten und neuen Testaments. Freyburg, 1816–1818. Ред.
- ²¹ - 1:39. Ред.
- ²² - 25:55. Ред.
- ²³ - Из рукописной книги V A б или № 148. Ред.
- ²⁴ - Следуют 17 строк, поверх которых написаны латинские слова, взятые из разных латинских авторов. Ред.
- ²⁵ - Быт. 13:18 Ред.
- ²⁶ - Быт. 35:8 Ред.
- ²⁷ - 2Цар. 4:12.

- ²⁸ - См. выше. Ред.
- ²⁹ - Быт.17:2. Ред.
- ³⁰ - 2Цар.3:26–27. Ред.
- ³¹ - 3:9. Ред.
- ³² - В рукописи это место частью покрыто латинскими словами, частью же не включает связных предложений. Ред.
- ³³ - 'Εκάβη, стр. 69–70: «Почему в ночное время я так просыпаюсь от страшных видений». Ред.
- ³⁴ - I,27. Ред.
- ³⁵ - Одно слово покрыто латинскими буквами. Ред.
- ³⁶ - В рукописи это место частью покрыто латинскими словами, частью же не включает связных предложений. Ред.
- ³⁷ - Мф. 19:30; 20:16; Лук.1330. Ред.
- ³⁸ - Преосвящ. Порфирий составил жите Св. Порфирия Газского, судя по сведениям, сохранившимся в его бумагах (см. у Сырку Описание бумаг еп. Порфирия, стр. 324), по девяти пергаментным рукописям X, XIII и XIV вв., и напечатал его в Душеполезном Чтении 1863, ч.1-я, стр. 222–246 и 321–349. Ред.
- ³⁹ - Суд.XVI, 31. Ред.
- ⁴⁰ - Иерем.47:6–7.Ред.
- ⁴¹ - Στράβωνος Γεωγραφικόν, изд. Коран. 'Εν Παρίσ. 1817, II, 274, гл.3-я, § 23. «Разрешить все намеки с точностью дело не легкое; но если навлечь на свет множество басен, которые частью согласны между собою, частью противоречат одна другой, тогда легче добыл бы из них кто-нибудь истину». Перевод проф. Мищенко. М. 1879, стр. 485. Ред.
- ⁴² - В рукописи около 5-ти строк покрыты латинскими словами. Ред.
- ⁴³ - В рукописи два листа вырезаны. Впрочем путь к Саввинсой лавре описан подробно ниже, под 7 июнем. Ред.
- ⁴⁴ - Житие преподобного Саввы Освященного. Киев, 1830.
- ⁴⁵ - После этого в рукописи вырезано больше десяти листков. Ред.
- ⁴⁶ - Мф. 19:24. Ред.

⁴⁷ - В рукописи после этого отмечено: «Смотри надписи в конце книги»; но надписей в конце книги нет. Ред.

⁴⁸ - В рукописи следует только заглавие: «История Лавры Освященного Саввы», а выноске: «Напишем ее по возвращении в Россию». Ред.

⁴⁹ - Из рукописной книжки IA4β или 11. Ред.

⁵⁰ - 2Цар.2:13; Иерем. 41:12. Ред.

⁵¹ - В рукописи, под последними словами, отмечено: 1849, февр. 28, назвали его Фахура, что потом слегка зачеркнуто. Ред.

⁵² - В выноске отмечено карандашом: В соседний пруд.

⁵³ - В рукописи, под этим словом, стоит: нивами. Ред.

⁵⁴ - Смотри записки 1849 года.

⁵⁵ - Иисус Нав. X, 12–13. Ред.

⁵⁶ - Τὰ εὐρίσκόμενα, edit. Didot. Paris. 1847; I; Antiquit. Judaic. 1. VII, cap. XI, § 7.

⁵⁷ - Там же, II; De bello Judaeo, 1. II, cap. XIX, § 1.

⁵⁸ - Иисус Нав. X, 10.

⁵⁹ - Иерем. XLI, 12.

⁶⁰ - Иисус Нав. X, 12. Ред.

⁶¹ - В рукописи, на поле листа, против предыдущих 2-х строк написано карандашом: «ошибка», что потом зачеркнуто. Ред.

⁶² - 1Цар.25:1; 28:3. Ред.

⁶³ - Под этим словом в рукописи карандашом написано: «большая.1849» года. Ред.

⁶⁴ - Вышеприведенные четыре заметки в скобках сделаны преосвященным после вторичного посещения им описываемых мест в 1849 году. Ред.

⁶⁵ - Смотри записки 1849 года.

⁶⁶ - Пс.142:5. Ред.

⁶⁷ - 1Цар.9:11–14.

⁶⁸ - В рукописи под последними 3-мя строками позднее написано: «под полом ничего нет». Ред.

⁶⁹ - В рукописи чрез всю эту фразу написано карандашом: «вздор». Ред.

⁷⁰ - Не еврейская, а или крестоносцев, или римлян, ибо не здесь Рамафаим-Цофим Самуила.

⁷¹ - На обратном пути из Иерусалима в Яффу я смотрю Макквейскую усыпальницу с большим вниманием. Для сравнения надобно осмотреть гроб Рахиль.

⁷² - 2Цар. 21:14. Ред.

⁷³ - 1Цар.19:18, 22,23; 20:1. Ред.

⁷⁴ - 2Парал., XVI, 6. Ред.

⁷⁵ - 1Цар.19:22. Ред.

⁷⁶ - Книга бытия моего, I, 470–471. Ред.

⁷⁷ - Книга бытия моего, I, 470–471. Ред.

⁷⁸ - Книга бытия моего, I, 471. Ред.

⁷⁹ - II, 42–46. Ред.

⁸⁰ - Иис. Нав.XVIII,24.

⁸¹ - Луки XVI, 19–31. Ред.

⁸² - Книга бытия моего, I, 471. Ред.

⁸³ - Ср. Пс.142:5; 74:6.Ред.

⁸⁴ - Быт. 35:1, 6, 7.

⁸⁵ - Книга бытия моего, I, 468–470. Ред.

⁸⁶ - О пределах апостольского патриаршего иерусалимского престола и подвластных ему епархиях. Составлено по повелению блаж. Патриарха Афанасия, письмоводителем его монахом Анфимом, а Иерусалиме 1838 года, – помещено в приложении к Путешествию ко Святым местам в 1830 году Муравьева. 4-е изд., т. II. Спб. 1840, стр. 367. Ред.

⁸⁷ - День (время) научит. Ред.

⁸⁸ - Ср. Пс. 103:25,26. Ред.

⁸⁹ - Ин. 11:54–55. Ред.

⁹⁰ - Суд. 8:32.

⁹¹ - Суд. 19:22–29; 20:4, 29–47. Ред.

⁹² - Суд. 9:1–5. Ред.

⁹³ - И. Нав. 8:1–29. Ред.

⁹⁴ - Быт. 12:8; И. Нав. 7:2; 8:12. Ред.

⁹⁵ - Ср, Псал. 142:5. Ред.

- ⁹⁶ - XII, 31. Ред.
- ⁹⁷ - 1Цар. 14:4–5; ср. 13:6; 14:11. Ред.
- ⁹⁸ - Пс. 6:1–2. Ред.
- ⁹⁹ - Ср. Пс. 37:2. Ред.
- ¹⁰⁰ - Пс. CII, 5. Ред.
- ¹⁰¹ - Бытие, XII, 3; Нав. 7:2, 5; 12:9; 8:1. Ред.
- ¹⁰² - 1Цар. 13:2, 6, 10; 14:4–5; Неем. 7:31, 11:31. Ред.
- ¹⁰³ - 2Цар. V, 25. Ред.
- ¹⁰⁴ - Ис. 10:26–32. Ред.
- ¹⁰⁵ - Ел-Исавие есть древний Лаис, упоминаемый в X главе (ст. 30) книги пророка Исаии. Доказательство из языка арабского. Ел-Азари=Лазари, ел-Аришь = Ларисса, ел-Исавие = Лаис, – Лис.
- ¹⁰⁶ - Иер. 1:1.
- ¹⁰⁷ - Иер. 1:10.
- ¹⁰⁸ - Иер. 11: 20, 21.
- ¹⁰⁹ - Ср. Мф. 13:57; Мк. 6:4; Лук. 4, Ин. 4:44. Ред.
- ¹¹⁰ - X, 28–29.
- ¹¹¹ - И в Махмаса положить сосуды своя. И минет дебрь. Ср. 1Цар. 13:23 Ред.
- ¹¹² - XIII, 16–18; XIV, 4–5. Ред.
- ¹¹³ - Посреде же перехода, идеже хотяше Иоанафав прейти в стан моплеменнич, бысть камень острый отсюду и камень острый отонуду: имя единому Васес, и другому Сенна. Камень един стояше от севера противу Махмаса: и камень второй от юга противу Гавай. Ред.
- ¹¹⁴ - И видеша соглядатае Сауловы в Гавая Вениамини и се полк смятеса семо и онамо. 1Цар. 14:16. Ред.
- ¹¹⁵ - Прибавить здесь замечание о словах стиха 14-го: «nello spazio d'intorno alla meta d'una bi. folca di campo», – и стиха 15-го: «E vi fu spavento nell'oste, e nella campagna», – и стиха 16-го: «la moltitudine era in rotta, t fuggiva a calca»: ст. 14... копийцами и каменомвержением и кремением полевым; ст. 15. И бысть ужас в полце и на селе; ст. 16... и се полк смятеса семо и онамо. Ред.

¹¹⁶ - И взыде Иоанафан (ползущ) на руках и на ногах своих. Ред. Перевод итальянский употребляю за неимением славянского, который отослан в Царьград.

¹¹⁷ - 1Цар.14:23.

¹¹⁸ - См. выше. Ред.

¹¹⁹ - См. выше. Ред.

¹²⁰ - Стр. выше. Ред.

¹²¹ - И вси люди воинстии с ним взыдоша, и идущее приидоша сопровит града от востоков: и подсады града от моря. И ополшася от севера Гаиа, и (бысть) дебрь между ими и между Гаием. Ис. Нав. VIII, 11–12. Ред.

¹²² - И поиде Иисус в вошь ону посреде дебри. Ис. Нав. VIII, 13. Ред.

¹²³ - И посла Иисус мужи от Иерихона в Гай, иже есть противу Вифавн, на восток Вефиля, и рече им, глаголя: шедшее соглядайте землю. Ис. Нав. VII, 2. Ред.

¹²⁴ - Ис. Нав. 8:3.

¹²⁵ - Ис. Нав. 8:9.

¹²⁶ - Ис. Нав. 8:11.

¹²⁷ - В рукописи следует: «Марш ассирийского войска к Иерусалиму. Изложение сего предмета отлагаю до другого времени»; после этого идут 8 зачеркнутых строк. Следующее за этим около 20 слишком листков в рукописи вырезаны. Ред.

¹²⁸ - 11:1. Ред.

¹²⁹ - 1Кор. 15:36–38.

¹³⁰ - Книга бытия моего. I, 358. Ред.

¹³¹ - Здесь в рукописи пропуск на одно слово. Несомненно, тут оставлено было место для вписания названия, которое осталось не вписанным. Ред.

¹³² - Лук. X, 30. Ред.

¹³³ - Деян. 1:11. Ред.

¹³⁴ - Мф. 28:16–18.

¹³⁵ - Там же, ст. 16. Ред.

¹³⁶ - 34:50–51.

¹³⁷ - Деян. 1:10–12.

- 138 - Книга бытия моего. I, 408–414. Ред.
- 139 - Добрый вечер. Ред.
- 140 - Книга бытия моего. I, 626–627. Ред.
- 141 - Ныне рукопись находится в Императорской Публ. Библ. Ред.
- 142 - Этим оканчиваются дневники в книжке IA4β или 11; далее следует цельный рассказ: «спасенная невеста, – происшествие в Иерусалиме», который здесь приводится. Ред.
- 143 - Книга бытия моего. I, 435. Ред.
- 144 - Рух мин хон, – пошел вон. Ред.
- 145 - Следующие заметки, не относящиеся к рассказу, начиная с этого число по 15 июля включительно, помещены в виде черновых набросков на переплотах книжки IA4β или 11. Ред.
- 146 - Самовластные. Ред.
- 147 - Ср. Книгу бытия моего. I, 671. Ред.
- 148 - Из рукописной книжки IA4у или 11. Ред.
- 149 - Книга бытия моего. I, 417–418. Ред.
- 150 - Книга бытия моего. I, 444. Ред.
- 151 - Ис. 65:25. Ред.
- 152 - О Боже, О Боже! Ред.
- 153 - Ежедневная процессия, совершаемая в церкви Предтечи Господня Иоанна Крестителя, что в горах Иудеи, меньшими братьями св. отца нашего Франциска. Желод. 1835. Ред.
- 154 - Благочестивый и достоверный рассказ почтеннейшего отца францисканца Фомы из Навары о древнейшем храме божественного Иоанна Крестителя, построенном в горах Иудеи. Ред.
- 155 - См. выше, 3 мая. Ред.
- 156 - I, 39–40. Ред.
- 157 - Стихи 21, 33, 48.
- 158 - I, 39. Ред.
- 159 - Стих 59. Ред.

- ¹⁶⁰ - См. выше, 3 мая. Ред.
- ¹⁶¹ - Царица Евдокия, проживавшая в Иерусалиме, была супругою Феодосия II, а другая Евдокия, посетившая святыя места, внучка первой и дочь Валентиниана III, западного императора, не была царицею. О ней говорится у Сократа и у Феофана. Примеч. В.Г. Васильевского.
- ¹⁶² - 1Цар, 9:5, 11, 12.
- ¹⁶³ - Ин. 15:5. Ред.
- ¹⁶⁴ - В рукописи отмечено: «(Смотри в начале сей книжки)», откуда вырезано восемь листов. Ред.
- ¹⁶⁵ - Максима Монаха Объяснительные ответы на вопросы о Священном Писании. Ред.
- ¹⁶⁶ - Священное писание. Ред.
- ¹⁶⁷ - Разные постановления. Ред.
- ¹⁶⁸ - Иже во святых отца нашего великого Афансия беседа на Никейском соборе против Ария. Ред.
- ¹⁶⁹ - Изборник различных эпиграмм. Ред.
- ¹⁷⁰ - Евангелие Луки по-гречески и по-арабски. Писано рукою Евфимия (sic), последнего клирика и чтеца, месяца июня в четвертый день, в лето от сотворения мира 6551-е. Ред. – Из сей рукописи вырезан один лист со знаком моим ; такой же знак оставлен и в рукописи на предыдущем листе. II. – Этот лист ныне находится в Импер. Публ. Библ. Отчет за 1883, стр. 124, № 32. Ред.
- ¹⁷¹ - Псалтырь с толкованием. Ред.
- ¹⁷² - Сборник толкований на бытие, т.е. на книгу Бытия. Ред.
- ¹⁷³ - На книгу Иова сборник толкований. Ред.
- ¹⁷⁴ - В рукописи записано: Membran.
- ¹⁷⁵ - Иак.5:11. Ред.
- ¹⁷⁶ - Слова Григория Богослова, архиепископа константинопольского. Ред.
- ¹⁷⁷ - В рукописи автора Записок: Μερβραϊνον.
- ¹⁷⁸ - Толкование великого канона Триоди, еще самые необходимые замечания и Отечник. Ред.

179 - Летопись Никифора (патриарха) Константинопольского вкратце. Собрание постановлений и канонов апостольских и соборных, и Юстиниана царя, и Святого Епифания против ересей. Ред.

180 - В рукописи еп. Порфирия вместо этого слова стоять: Χειρόυρ., которое, очевидно, принадлежит о. Порфирию. Ред.

181 - Толкование на каноны Иоанна Дамаскина.

182 - Преподобного отца нашего аввы Исаия повеления ученикам, яже с ним. Ред.

183 - Лавсаик отечный.

184 - Богословие Георгия Коресн. Ред.

185 - Досифея патриарха на синайцев. Ред.

186 - Записки Сильвестра Сиропула о событиях на происходившем во Флоренции соборе при Иоанне Палеологе. Ред.

187 - Дионисия Ареапагита. Ред.

188 - Книга бытия моего. I, стр. 227 и следующ. Ред.

189 - Сей священный монастырь Одигитрия (Богоматери) возобновлен и гроб Святой Мелании в храме обращен и освящен при всесвятейшем святопетрском (митрополите) Мисаиле в 1834 г., марта 3-го. Ред.

190 - Этот монастырь возобновлен иждивением архонта (князя) Георгия Абашидзе имеретинского. В лето 1700-е. Ред.

191 - Ин.20:19, 26. Ред.

192 - Деян. 12:7–17. Ред.

193 - Верхний пруд, нижний пруд. Страстной путь. Ред.

194 - Расписан и возобновлен божественный и все святой храм честного и животворящего креста иждивением и помощью святейшего государя Леонтатиана при содействии и старания преподобнейшего во иеромонасах и архимандрита, господина Никифора. В лето от Христа 1646, месяца января 11-го. Ред.

195 - Книга бытия моего. I, стр. 471. Ред.

196 - Вернее: глашатай. Ред.

197 - Ср. Псал. I, 3. Ред.

¹⁹⁸ - Это известие сообщено было слово в слово преосвященному митрополиту Антонию. В конце письма я изъявил желание, чтобы во всех кафедральных церквях в России отпета была панихида о упокоении усопшего патриарха для выражения молитвенного единения церкви Российской и Палестинской.

¹⁹⁹ - Отрывки из этого неизданного сочинения патриарха Досифея напечатаны в книге: «Τὸ κανονικὸν δίκαιον τοῦ πατριαρχικοῦ θρόνου τῶν Ἱεροσολύμων ἐπὶ τῆς ἀρχιεπισκοπύλει Σινᾶ, ἐπιμαρτυρούμενον ὑπὸ ἐπισήμων ἐκκλησιαστικῶν ἐγγράφων. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1868», откуда некоторые из этих отрывков приведены у Воронова: Синайское дело в Трудах Киевс. Духовн. Ак. 1871 – 1872 гг. и отдельно. Киев. 1872. Ред.

²⁰⁰ - Избрание патриарха иерусалимского, который должен заместить блаженнейшего Афанасия, совершится по установленным правилам, как скоро получается некоторые документы, которые ожидаются из Иерусалима. Ред.

²⁰¹ - Из рукописи книги I A4Y или 1x. Ред.

²⁰² - На нижнем поле листа сделана еще и эта отметка:

²⁰³ - Дело маленькое (в смысле: не важная вещь). Ред.

²⁰⁴ - Перед этим записано: 1700 душ. Ред.

²⁰⁵ - 1781. Декабря 6-го. Получил раб Божий, смиренный архиерей Мисаил, держащий апостольский престол Ливии. Ред.

²⁰⁶ - Генриха Госли кости, прошу, пребывайте покойными в безопасной урне и да будет земля твоему праху не тяжка. Ред.

²⁰⁷ - Здесь лежит Моисей критянин, святого Саввы служитель. 1831 г. Ред.

²⁰⁸ - В Александрии начальник 2-х школ и одной больницы Михаил Тосизза, консул Греции (не сменяется). Ред.

²⁰⁹ - Два епитропа школ, Николай Китрилакис, Иаков Тангадис сменяются ежегодно. Ред.

²¹⁰ - Епитропы больницы и они сменяются. Ред.

²¹¹ - Учитель Эммануил Сомарина. Ред.

²¹² - Иоанн Анастасис, консул Швеция. Ред.

213 - В рукописи отмечено после этого: «Смотри план ее выше». Ред.

214 - Т.е. кукурузной. Ред.

215 - Надеюсь, пока дышу, т.е. не перестану надеяться, пока жив. Ред.

216 - Святая Дулаги. Ред.

217 - Блажен. Ред.

218 - Святой Мина. Ред.

219 - Точнее – коптскими. Ред.

220 - Мисаил поп, авва Виктор поп. Ред.

221 - Авва Стефан, авва Павел пресвитер. Ред.

222 - Иисус Христос Господь. Ред.

223 - См. нижний план выше. Ред.

224 - В рукописи нет числа. Ред.

225 - Далее в рукописи ничего нет. Ред.

226 - Великое гонение воздвигнуто в Валахии против монастырей и игуменов. Ред.

227 - Из рукописной книжки IА4β или I4 Ред.

228 - Дневники с 19 Апреля по 29 Мая составляют: Первое путешествие в Синайский монастырь. Сибург. 1856, 16, 8 и. и. 351. Ред.

229 - Взято из Трудов Киевской Духовной Академии 1868 и 1869 гг. и отдельного из них оттиска: Восток христианский. Нитрийские монастыри в Ливии. Путешествие архимандрита Порфирия Успенского в итрийские монастыри, в Ливии, в 1845 году. Киев. 1869г., где приведенное здесь составляет первое отделение статьи, напечатано здесь в виду малодоступности и журнала и отдельной книжки. Ред.

230 - Herodot 11, 142. – Ἐν τούτῳ τῷ χρόνῳ τετράκις ἔλεγον ἐξ ἡθῶν ἥλιον ἀνατεῖλαι ἑνθα τε νῦν καταδύεται, ἐνθεῦται, δις ἐπανατεῖλαι, καὶ ἑνθεν νῦν ἀνατέλει ἑνθαῦτα δις καταδύναι. – Сличи Herodot.1,15. ἡθῆ=местопребывание.

231 - Pompon. Mela. 1.9: Mandatum litteris servant, dum Aegyptii sunt, quarter cursus suos vertisse sidera. – Жаль, что

Помпонию не сказал, во сколько тысяч лет звезды переменяют течение свое.

²³² - Кроме двадцати астрономических, отвлеченных циклов, в течении которых, по мнению их, царствовало одно солнце.

²³³ - Приспособительно к выражениям египетских жрецов можно говорить, что в 139 году по Рождестве Христовом солнце в третий раз вошло на западе, а в 1600 году в третий раз закатилось на востоке. Мы живем в начале 27 цикла, который кончится в 3061 году. Тогда солнце в четвертый раз взойдет на западе.

²³⁴ - Ин.4:24. Ред.

²³⁵ - Она, по смерти своего мужа, объявила войну римлянам в царствование Валента, и продолжала ее с таким успехом, что римские полководцы принуждены были просить у нее мира (373 года). Она согласилась на то, но с тем условием, чтобы уважаемый ее пустынник Моисей, родом сарацин, был посвящен в епископа в Александрии. Воля ее была исполнена. *Vies des pères des deserts d'Orient. Tome IV, pag. 389. Paris 1824; Socrat. Hist. eccl. Lib. IV, c.36.*

²³⁶ - Ин.6:50, 51,58. Ред.

²³⁷ - Гал.5:22. Ред.

²³⁸ - *Vies des pères des deserts d'Orient. Par. Marin. Paris. 1821.*

²³⁹ - Лук. 21:18; Деян.27:34. Ред.

²⁴⁰ - Быт. 1:26. Ред.

²⁴¹ - *Sulpic. Severi Opera. Dialogi. Lugduni Batavor. 1647 an.*

²⁴² - Мф.11:29. Ред.

²⁴³ - Пс.38:1. Ред.

²⁴⁴ - Мф.19:24; Марк.10:25; Лук.18:25. Ред.

²⁴⁵ - Пс.102. Ред.

²⁴⁶ - В рукописи за этим следуют два листа, на которых приводятся заметки Барского об одежде жителей островов Самоса, Коса Лероса, Аморгоса, Родоса и Книра, затем Яффы, Иерусалима и Вифлеема, по изданию Императорского

Православного палестинского Общества, I, стр. 211, 270, 278, 299, 364; II, стр.170, 174, 178, 192, 333. Ред.

²⁴⁷ - Дневник с 30 июля 1845 г. по 23 июля 1846 г.
напечатаны в: Первое путешествие в Афонские монастыри и
скиты Архимандрита, ныне Епископа Порфирия Успенского.
Киев 1877. Части I и II.Ред.